

ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

1

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — 1937

Henker

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1937

НАШИ ЗАДАЧИ

А. С. Сванидзе

История до сих пор еще весьма несовершенная научная дисциплина. Буржуазная история вовсе не заслуживает названия науки в полном смысле этого слова. Всякая наука непременно устанавливает известную закономерность явлений, которой буржуазная историография пока еще похвастать не может. Современная буржуазная историография, как правило, не знает не только закономерности социальных явлений, но даже предмета своих изысканий. Она не совсем еще отказалась от устарелого приема древних хронистов, которые историю целых эпох заполняли последовательным описанием жизни и деятельности отдельных правителей. Подобная историография полностью игнорирует подлинное содержание всякой истории, борьбу классов и, в связи с нею, — смену государственных и общественных форм.

Она в большей или меньшей степени заражена также расизмом, который в последнее время силится найти даже теоретическую базу. Согласно взглядам явных и скрытых расистов, история человечества, в конце концов, сводится, за малыми исключениями, к истории только белой расы и даже маленькой ее части. Греко-римская цивилизация и базирующаяся на ней цивилизация современных европейских народов — вот $\frac{9}{10}$ содержания так называемой всеобщей истории. Подобная историография наивно игнорирует тот факт, что историю греко-римской цивилизации мы не в состоянии проследить дальше VII—VIII вв. до нашей эры, между тем, как история других народов прослеживается вглубь веков значительно дальше. Буржуазная историография наивно игнорирует также преемственность между догреческой и греческой цивилизацией. А, ведь, так называемая крипто-микенская культура обнаруживает следы огромного влияния египетской, вавилонской и хеттской культур. В основном это культура догреческая и не греческая. Точно так же и культуру древних италиков нужно считать доримской и не римской.

Наряду с расизмом мы должны отметить еще один чрезвычайно вредный уклон современной историографии, тесно связанный с расизмом. Заключается он в упорном и невежественном игнорировании общечеловеческого и интернационального в истории. Заключается он в склонности видеть в изучаемых явлениях проявление гения или бездарности той или другой нации, того или другого народа. Сторонники этой ереси игнорируют тот факт, что не существует ни чистой расы, ни чистой нации, ни чистой национальной культуры, ни даже чистого языка; что цивилизация и культура человечества—это причудливое переплетение и смешение интернационального с национальным. Без такого смешения рас, народов, наций и их культур не было бы прогресса. Народы, проявлявшие большую антипатию к таким смешениям и большие симпатии к автаркизму,—обычно разлагались и уничтожались раньше других.

Сторонники этой теории забывают также, что в обладании человечества имеются величайшие культурные ценности, как огонь, земледелие, металлургия, письменность, наука, которые не могут быть приписаны ни одной расе и ни одной нации. Без этих благ последующие культурные достижения отдельных наций были бы невысказанными.

Одним из крупнейших органических пороков существующей буржуазной историографии является также ее буржуазно-классовый характер. Судьбы истории, как научной дисциплины, с начала веков до наших дней находились в руках представителей господствующих классов и сословий. Такие историки писали исследования, разумеется, не в защиту интересов широких масс. Ни одна научная дисциплина не подвергалась в такой степени тлетворному влиянию фальши, лжи, вымысла и фантазии, как буржуазная историография.

Шиллер писал по этому поводу:

«Среди ограниченного количества сохранившихся памятников историографии большая часть обезображена до неузнаваемости придрчивостью, невежеством и пристрастием людей».

Один немецкий философ говорил:

«Муза истории Клио так же заражена фальшью и ложью, как уличная проститутка болезнями».

Энгельс в связи с этим сословно-классовым характером буржуазной историографии писал:

«Всю историю надо начать изучать сызнова».

Такое изучение необходимо не только потому, что история насыщена классово-фальшью и ложью, но и потому, что она не имела научного метода для объяснения прошлого. Этот метод был дан истории только Марксом в виде исторического материализма.

Относительно этого единственно научного метода для познания истории Энгельс в свое время писал:

«Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории». Он показал, что «конечные причины общественных переворотов и изменений нужно искать не в головах людей, как это делают г. г. идеологи, а в развитии средств производства и обмена». Только

исторический материализм дал возможность установления закономерности социальных явлений. Однако исторический материализм— это метод научного объяснения истории, но отнюдь не само объяснение. Для объяснения и понимания истории требуется правильное применение этого метода к истории. А это дело далеко не легкое. Однако в стране победившего пролетариата историческая наука должна была быть поднята на уровень достижений социализма. Поэтому партия и правительство и лично товарищ Сталин не только обратились с призывом укреплять исторический фронт, но и указали новый путь для его укрепления.

Появление «Вестника древней истории»—один из многочисленных возможных ответов на призыв партии об укреплении исторического фронта. Наш журнал ставит своей целью изучение проблем древней истории. Мы интересуемся проблемами древней истории всех стран и народов Востока, Запада, Севера и Юга.

Весьма существенной частью всеобщей истории являлась и всегда будет являться история народов, населяющих территорию СССР. Поэтому понятно, что мы будем считать своим долгом изучение проблем древней истории в первую очередь с точки зрения родиныведения. Наша необъятная родина населяется многочисленными народами. Многие из этих народов до Октябрьской революции не полагалось интересоваться собственной историей. Теперь о подобных преградах не может быть и речи. Теперь эти народы организованы в самостоятельные национальные республики. История развития этих республик за советский период является поразительной страницей всеобщей истории и должна двинуть вперед историческую науку. Народы всего мира очень много выиграют, если зорко будут следить за историей развития бывших угнетенных народов нашего Союза.

«Вестник древней истории» ставит своей целью систематическое освещение вопросов, связанных с историей бывших угнетенных народов СССР.

Необъятные пространства, занимаемые Союзом Советских Социалистических Республик, с древнейших времен населялись многочисленными и разнообразными народами. История этих народов по удельному весу составляет очень важную часть всеобщей истории. Однако с большим сожалением приходится констатировать, что всеобщая история уделяла прошлому стран и народов, входящих в состав Союза ССР, очень мало внимания. Дальнейшие строки этой статьи покажут, что подобное отношение всеобщей истории к прошлому стран и народов СССР является грубейшей ошибкой.

Нынешняя Великая Советская равнина на протяжении тысячелетий выступала в качестве колоссальной исторической лаборатории, в которой зарождались и созревали события, потрясавшие до основания древний рабовладельческий и средневековый крепостнический мир и приводившие к грандиозным, всемирно-историческим сдвигам.

У древних культурных народов Передней Азии обитатели нынешней Великой Советской равнины носили собирательное название скифов. Это название прилагается к сакам, сколотам, массагетам и другим народам. К сожалению, эти обозначения отдельных скифских наро-

дов никакого этнографического смысла не имеют. Под этими названиями скрываются самые разнообразные этнографические группы, населявшие в ту эпоху нынешнюю территорию СССР. Если Передняя Азия плюс Южная Европа в течение длинного ряда веков испытывали вторжения скифов, то древнейшая культурная страна Дальнего Востока—Китай—испытывала еще более сильное и более систематическое давление со стороны кочевников Великой Сибирской равнины, именующихся у китайцев вместо скифов хун-ну (гунны).

В свое время (в 422 г. н. э.) две великие державы мира (сасанидская Персия и Византия) объединенными усилиями старались укреплять так называемые *porta Caspiae*, т. е. Дербентские ворота, и *porta Caucasiae*, т. е. Дарьяльские ворота, чтобы избавиться от этих вторжений. Постройка сохранившихся до наших дней дербентских укреплений приписывается Хосрою Первому. Стена, построенная Хосроем у Дербента, имела длину в семь парсагов и глубоко вдавалась в горы. Через каждый парсаг в стене имелись железные ворота, охраняемые специальным гарнизоном. Обычно вторжения в Переднюю Азию скифов и позднейших номадов, кочевавших в Южноирусских степях, происходили через эти ворота. Вот почему им обоим придавалось в древности большое стратегическое значение. Известный церковный писатель Иероним так описывает одно из этих вторжений:

«Ecce tibi anno praeterito ex ultimis Caucasi rupibus immissi in nos non jam Arabiae, sed septentrionis lupi tantas brevi provincias percurrerunt. Quot monasteria capta! Quantae fluviorum aquae humano cruore mutatae sunt! Obsessa Antiochia et urbes reliquae quas Halys, Cydnus, Orontes, Euphratesque praeterfluunt. Tracti greges captivorum. Arabia, Phoenice, Palestina, Aegyptus timore captae». («Вот в прошлом году напустившиеся на нас с далеких гор Кавказа волки, уже не арабские, а северные, прошли столько провинций в короткое время. Сколько захвачено монастырей! Сколько рек переменяли свою воду на кровь! Осаждена Антиохия и остальные города, по которым протекают Галис, Кидн, Оронт и Евфрат. Тащат толпы пленников. Аравия, Финикия, Палестина, Египет объята страхом».)

Еще более продолжительную и жестокую войну вел Китай со своими скифами, т. е. гуннами, населявшими Великую Сибирскую низменность. Нужны были многовековые усилия мощной людскими и материальными ресурсами страны, каковой всегда являлся Китай, чтобы создать такое чудо строительства, как Великая китайская стена, протяжением в 2450 километров, вышиной 16,5 метра и средней толщиной в 7 метров. Это грандиознейшее строительство на земном шаре должно было охранять Китайскую империю от вторжения номадов, населявших, как указывалось, Великую Сибирскую равнину и называвшихся в старину гуннами.

По Геродоту (IV, 5), скифы происходят от некоего Таргитая, а сам Таргитай происходил от Зевса и дочери реки Борисфена, т. е. Днепра.

Древнейшие легендарные сведения скифов о своей стране относятся, по Геродоту, к началу XV в. до н. э. К концу XIV и началу

XIII в. относит Геродот первое столкновение скифов с цивилизованными народами Передней Азии и Египта (поход Сесостриса против скифов). Полагают (см. Fr. Hornumel—Geogr. und Ethnogr., S. 29), что этими скифами являлись иранцы, вторгшиеся в середине второго тысячелетия до н. э. из Каспийских степей через юг нынешнего СССР в Малую Азию и Фракию. Нельзя не отметить, что такие авторитеты в вопросах древней истории, как Гоммель, Эдуард Мейер и другие полагали, что первоначальной родиной всех индоевропейцев, включая сюда иранцев и индусов, являлась «Южная Россия и северная часть Балкан». «Отсюда соединенные ирано-индусы вторглись сначала в Мидию, Парфию, Бактрию» (Гоммель, 27).

В более осязательной форме выступает роль скифов перед нами в конце VII века до н. э., когда под их напором огромные полчища киммерийцев, от которых до сих пор сохранил свое имя Крым, — обрушились на культурные государства Передней Азии. Согласно греческим авторам, киммерийцы занимали северные берега Черного моря. На западе они, как видно, граничили с фракийцами, а на востоке — со скифами. Под давлением последних они вынуждены были покинуть Южнорусские степи и через Кавказ и, вероятно, Фракию вторгнуться в Малую Азию. Что они пользовались Кавказскими воротами, видно из того, что их удары в первую очередь обрушиваются на государство халдов (с центром у Ванского озера). Халдам они наносят настолько жестокие удары, что их царь Руза кончает жизнь самоубийством. Затем они опустошают Пафлагонию, Вифлинию, Понию, Киликию, Лидию. Цветущие и сильные царства фригийцев, мушков и табалов они разрушают и уничтожают навсегда. Царь Фригии Мидас, по преданию, также кончает жизнь самоубийством. За киммерийцами по пятам двигались скифы. Молодое государство мидян пробовало противопоставить им свои силы, но было разбито, после чего скифы, как уверяет Геродот, сделались хозяевами Азии. Отсюда они двинулись в Египет, однако египетский царь Псамметих задобрив их подарками и убедил их вернуться обратно.

«Господство скифов над Азией продолжалось 28 лет», — сообщает нам Геродот (I, 104). «Они (за это время) разрушили и опустошили все насильем и гордостью», — продолжает наш автор. Через 28 лет мидийскому правителю Киаксару удается свергнуть их иго.

Самый памятный и самый резкий исторический сдвиг, вызванный кимадами, обитавшими в безбрежных степях нынешнего СССР, имел место в первых веках н. э. Южнорусская степь после киммерийцев была занята сарматами. Полагают, что аланы последующих времен или идентичны с сарматами, или являются одним из крупнейших сарматских племен. Осколками аланов являются теперешние осетины.

Изгнанные из пределов Китая и преследуемые китайцами гунны напали на аланов, разбили их и подчинили себе. Не желавшая подчиниться гуннам часть аланов двинулась дальше на запад, прошла Германию и достигла Рейна. Часть бежавших аланов осела в области Майнца и Кельна, другая же часть перешла Рейн, опустошила Галлию, потом вторглась в Испанию и в значительной своей части осела в теперешней Каталонии. Затем гунны разрушили обширную импе-

рию готов, достигавшую Дона и Балтийского моря. Подобно аланам часть готов и других германских племен, обитавших в это время в значительной части в телерешских границах СССР, — подчинилась гуннам, другая же часть ушла на запад и, в конце концов, достигла телерешской Испании и даже перешла в Африку. Наивысшего могущества государство гуннов достигло при Атилле, которому подчинились аланы, готы, гепиды, свевы, вандалы, герулы. Границы государства гуннов простирались от берегов Каспийского моря до Рейна.

Следующее крупное передвижение народов было вызвано аварами. Согнанные аварами племена сабиров, оногуров, сарагуров, хионитов, в свою очередь, вторглись в пределы Восточной Европы и Передней Азии. В конце VI в. мы их встречаем в бассейнах рек Дона и Дуная. Отсюда они овладевают Дакцией и Паннонией и вторгаются в Германию и Италию. В 626 г. они осаждают Константинополь.

Упомянутые выше сабиры, подвергшиеся нападению со стороны аваров, в свою очередь вторглись в земли волжских болгар и вынудили последних покинуть их. Болгары обосновались на берегах Черного и Азовского морей и отсюда предпринимали набеги на Византийскую империю. К концу VI в. нашей эры они были подчинены аварами. Крупное передвижение народов, вызванное нашествием аваров, столкнуло с населявших мест и хазар. В V в. они занимали бассейн Нижней Волги. Под напором новых волн кочевников они передвинулись на восток. В первой половине VII в., после значительного ослабления мощи аварского царства, — хазары овладели обширными пространствами, вплоть до Днепра и Оки.

«Хазары скоро стали покидать кочевой быт с его хищничеством и обращаться к мирным промыслам. У них были города, куда они на зиму перебирались с летних степных кочевий. В VIII в. среди них водворились из Закавказья промышленные евреи и арабы. Еврейское влияние здесь было так сильно, что династия хазарских каганов со своим двором, т. е. высшим классом хазарского общества — приняла иудейство. Раскинувшись на привольных степях по берегам Волги и Дона, — хазары основали средоточие своего государства в низовьях Волги. Здесь столица их Итиль скоро стала огромным разноязычным торжищем, где рядом жили магометане, евреи, христиане и язычники» (К л ю ч е в с к и й, I, 146).

Сравнительно высокая культура хазар, вероятно, связана с влиянием на государство хазар халифата. Могущественная монархия хазар просуществовала около 200 лет. Как известно, хазары оказали неоценимые услуги Византийской империи в ее длительной борьбе с Персией.

С начала IX в. в тылу у хазар появляются печенеги, которые постепенно обессиливают их царство. В половине IX в. великий торговый путь по Днепру «из варяг в греки» из-за печенегов почти перестает существовать. Ко второй половине IX в. печенеги настолько продвинулись к Киеву, что, согласно летописцам, Аскольду и Дюру приходилось вести с ними войну. После поражения, нанесенного в 1036 г. Ярославом печенегам, Русская стена на некоторое время

стиглась, но вслед за смертью Ярослава (1061 г.) начались непрерывные нападения на Русь новых степных ее соседней—половцев. Они оказались страшными и непреодолимыми врагами Киевской Руси, основанной славянами. В известной степени под влиянием их набегов Киевская Русь стала пустеть и клониться к упадку.

Половцев, в качестве завоевателей, сменили монголы, которые после гуннов произвели наиболее сильные потрясения в мировой истории.

Не будем описывать ни войны Чингиза, ни изумительных походов его генералов. Укажем только, что империя Чингиза была самая обширная империя, какую когда-либо видела мировая история. Следует обратить внимание на то, что как Чингиз, так и его преемники черпали живые силы для создания самой мощной империи в мире из того же комплекса стран и народов, о которых речь шла выше. Таким образом, начиная с первого тысячелетия до н. э. и кончая первым тысячелетием н. э.—народы, населявшие нынешнюю Великую Советскую равнину,—играли совершенно исключительную роль в жизни народов Передней Азии и Южной Европы.

Мы приводили уже мнение Гоммеля и Мейера. Мы указывали, что большинство населения нынешней Европы и даже родоначальники индо-европейских племен, вероятно, обитали в древности на нынешней территории СССР и отсюда расселились по Азии и Европе. Таким образом, нынешняя Великая Советская равнина в течение тысячелетий определяла судьбы и даже состав населения Европы и отчасти Азии. Как показал опыт походов Кира и Дария,—всякая попытка вооруженного вторжения в пределы нынешней Великой Советской равнины кончалась крахом.

Было бы величайшей ошибкой видеть в этих бесчисленных волнах воинственных племен (главным образом, кочевников), обрушившихся на старые рабовладельческие центры Средиземья, Индии, Китая,—только разрушительную силу.

Эти мировые потрясения были ступенями исторического прогресса. Молодые народы бесконечных равнин нынешнего Союза ССР разрушали ветхие окопы зашедших в тупик старых рабовладельческих цивилизаций и открывали новый этап в развитии человечества. Все эти факты ставят ряд интересных проблем для исторического исследования. Решение этих проблем может определить многое для выяснения ряда вопросов древней истории Запада и Востока.

Образование Московского государства, основанного славянами, навело порядок в этих величайших людских резервуарах и в этом заключается его всемирно-историческое значение. Оно вынудило кочевников, в течение тысячелетий потрясавших гражданскую культуру европейских и азиатских государств, осесть на землю и тем самым гарантировало мир и покой западным странам. На протяжении ряда веков Московская Русь ведет со степью, с ее кочевыми обитателями смертельную борьбу. Она упорно и систематически отвоевывает у степи и ее обитателей новые и новые пространства путем постройки укрепленных линий, заселяемых оседлыми земледельцами.

Создавшийся таким образом своеобразный *рах рутена*, без сомнения, являлся фактом мирового исторического значения. Однако

Московское государство, положившее конец бесконечным войнам многочисленных племен, населявших обширные равнины нынешнего СССР, и их постоянным набегам на культурные страны Азии и Европы,—с течением времени само превратилось в тюрьму народов. В конце концов, оно являлось орудием господства кучки крепостников над десятками миллионов бесправных крепостных разных национальностей.

Подлинным носителем мира среди народов является советский строй. Он создает новый мир—*рах sovietica*, который противостоит старым *рах гомана* и *рах рутена*. Последние были созданы мечом, направленным на порабощение чужих народов и своего собственного народа. *Рах sovietica* родился в борьбе против всякого порабощения, и под его эгидой многочисленные народы нашей великой родины получили возможность неограниченного развития своих, социалистических по содержанию, богатых национальных культур. Но эгида *рах sovietica* простирается далеко за пределы советских границ. В наше время, когда на обоих концах нашего полушария—на Дальнем Востоке и на Западе—уже грохочут пушки, *рах sovietica*—мирная политика советской власти—является мощным международным фактором, гарантирующим возможность жить и развиваться всему прогрессивному человечеству. Не нужно забывать, что СССР не просто страна и не просто государство, а $\frac{1}{6}$ часть суши. В СССР в настоящее время насчитывается до 170 миллионов населения. Ежегодный прирост населения составляет, примерно, от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ миллионов человек, т. е. равняется населению маленького государства. За десять лет этот прирост составит население большого государства, претендующего на известную роль в мировой политике.

К 20-летию Великой социалистической революции наша Советская страна достигла грандиозных успехов. Индустриализация Англии продолжалась 150 лет, индустриализация Германии—свыше 90 лет; советская же власть в корне переродила страну в два десятка лет не только без помощи извне, но и при активном противодействии крупнейших западных держав.

В 1913 г. сельскохозяйственная продукция по удельному весу составляла 57,9%, а промышленность—42,1%. К 20-летию советской власти промышленная продукция составляет 77,4%, а сельское хозяйство—22,6%. К 20-летию советской власти страна увеличила в абсолютных цифрах промышленную продукцию с 11 миллиардов рублей до 80,9 миллиардов рублей, т. е. в 7,3 раз.

С особой гордостью отмечает страна к 20-летию индустриализацию национальных республик. За годы советской власти промышленность выросла: в УССР в 6,9 раз; в БССР—в 15,9 раз; в Азербайджанской ССР—5,4; в Грузинской ССР—в 18,6 раз; в Армянской ССР—в 12 раз; в Туркменской ССР—в 7,1 раз; в Узбекской ССР—в 4,4 раз; в Таджикской ССР—в 116 раз; в Казахской ССР—в 11,8 раз; в Киргизской ССР—в 95 раз.

С гордостью отмечает страна к 20-летию существования со-

ветской власти и то, что валовая продукция нашей промышленности занимает первое место в Европе.

Первое место занимаем мы также по машиностроению, по производству сахара, по добыче железа, руды и пр.

Железные дороги грузили в 1913 г. в среднем в сутки 27 400 вагонов, наши железные дороги к 20-летию советской власти будут грузить 100 тыс. вагонов в сутки.

Объем сельскохозяйственной продукции составлял в 1913 г. 12,6 миллиардов рублей; в 1937 г. он составляет 23 миллиарда рублей. В 1913 г. страна насчитывала 7,8 млн. сох и косуль и 2,2 млн. деревянных плугов. К 20-летию советской власти мы имеем в стране 365 тыс. тракторов и 100 тыс. комбайнов.

Гигантскими шагами движется вперед рост культуры. Разовый тираж газет составлял в 1936 г. 37,9 млн. экз. Общий тираж книг достиг в 1936 г. 571,1 млн. экз. Количество учащихся составляет к 20-летию советской власти 38,8 млн. человек. В высших учебных заведениях обучается 542 тыс. человек, из коих около 30% составляют женщины.

Таким образом, с точки зрения прошлого и с точки зрения будущего история СССР представляет огромный интерес.

Под эгидой *paх sovietica* расцветает в небывалых масштабах культурное творчество бывших угнетенных народов. Среди этих народов мы встречаем потомков древнейшего вымершего или ассимилированного населения Европы и Азии. Мы имеем в СССР подлинные остатки аланов, гунов, аваров и, вероятно, хуритов, халдов, ассирийцев.

Никто не в состоянии сказать, какие именно ценные сокровища скрыты от нас в виде письменных документов, археологических памятников или живых еще преданий и сказаний в многочисленных краях и областях нашей необъятной родины. Никогда эти культурные ценности не имели столь благоприятных условий для того, чтобы сделаться достоянием человечества, как теперь. Работая над историей нашей советской родины и ее народов, мы вносим свою лепту в общечеловеческую историю. Однако, как указывалось выше, нам дороги также проблемы всеобщей истории, не имеющие непосредственного касательства к прошлому СССР. Всем известно, что мировым и общечеловеческим проблемам нигде в мире не уделяется столько государственного, общественного и индивидуального внимания, сколько в СССР.

Будем надеяться, что кадры советских историков, верные зову партии и правительства, включатся в почетную работу исторического исследования богатого прошлого истории нашей родины, а также исторических проблем всеобщей истории.

В П Я Т И советских республиках

Проф. Фридрих Грозный*

(Прага)

Для меня было неожиданностью, когда весной 1936 г. торговый представитель СССР в Праге начал со мной переговоры о том, чтобы сделать ряд докладов в Советском Союзе.

Затем последовало официальное приглашение народного комиссариата просвещения РСФСР сделать серию докладов в университетах и академиях в Москве, Ленинграде, Тбилиси и т. д.

Я с радостью принял это приглашение, так как представился редкий случай ознакомить советскую общественность с новыми открытиями новой науки—хеттологии, которая коренным образом изменила взгляды на историю древнего Востока. Кроме того, представлялась возможность ознакомиться с жизнью в Советском Союзе.

Уже во время моего пребывания в Советском Союзе я получил приглашение прочесть доклады в университетах и академиях в Баку—столице Азербайджанской республики, в Ереване—столице Армянской республики—и, наконец, в Киеве—столице Украинской республики.

Таким образом, я имел случай посетить в период между 7 ноября и 21 декабря 1936 г. пять советских республик и ознакомиться с их культурной жизнью.

В последующих строках я попытаюсь собрать в одно целое свои впечатления о Советском Союзе—впечатления путешественника-историка, политически непредубежденного и желающего нарисовать по мере возможности объективную картину сегодняшней жизни Советского Союза.

* Проф. Фридрих Грозный (*Friedrich Hrozny—Praha*)—один из крупнейших ученых современности, расшифровавший хеттские письмены и создавший науку хеттологии.

Недавно проф. Фридрих Грозный посетил СССР, где прочел ряд лекций в научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку, Еревана.

Я посетил пять советских республик из одиннадцати. Это дало мне возможность сравнивать условия в местностях, разделенных расстоянием до 4 тысяч км, что, полагаю, уменьшает возможность больших ошибок. Посещение пяти советских республик различного культурного уровня, расположенных в двух частях света, дает возможность лучше понять задачи, которые советское правительство поставило перед собой, нежели посещение только Москвы, Ленинграда и Киева. С полным удовлетворением должен отметить, что все, что я желал видеть, было мне охотно показано.

С научной точки зрения я вполне удовлетворен результатами своей поездки. В Советском Союзе я прочитал в общем 12 лекций в шести городах. Я читал две лекции на следующие темы: 1) хеттские народности и их язык и 2) хеттские иероглифы. Чтение этих лекций сопровождалось многочисленными диапозитивами. Речь шла о расшифровке хеттских надписей, а также о шести неизвестных до сих пор языках.

Первая моя лекция состоялась в Москве 17 ноября в конференц-зале Академии наук Советского Союза. Лекция была организована Наркомпросом РСФСР, Академией наук и Московским университетом. Вторая лекция состоялась 22 ноября. На мои две лекции в Москве были приглашены прежде всего профессора Московского университета, члены советской Академии наук, а также студенты.

При осмотре Московского института востоковедения 20 ноября мне было предложено директором прочесть экспромтом лекцию о достижениях хеттологии. Лекции профессоров были тотчас же приостановлены, после чего я попытался перед 400 слушателей и профессоров этого института кратко изложить главные открытия этой науки. Затем часть моих лекций на русском языке была записана на грампластинки.

Следует заметить, что во время своего научного путешествия по Советскому Союзу я сумел освоить русский язык в такой степени, что мог читать лекции на русском языке.

В Ленинграде лекции были организованы Академией наук Советского Союза и Ленинградским университетом. На первой лекции 21 ноября присутствовало около 700 слушателей. На второй лекции, состоявшейся в большом актовом зале университета, присутствовало 2 000 слушателей. Около 200 человек, ввиду переполненности зала, не смогли попасть на лекцию. Подчеркиваю это умышленно, чтобы было очевидно, с каким интересом встретила эту лекцию советская общественность. Не буду перечислять тех оваций, которые были устроены слушателями по адресу нашей новой науки—хеттологии. Следует также упомянуть о тех аплодисментах, которые вызывались упоминанием в речах ректора или профессора о дружественной демократической Чехословацкой республике. И в других случаях я имел возможность убедиться, что наша республика—со времени посещения СССР быв. министром иностранных дел д-ром Эд. Бенешом и со времени заключения союза с СССР—очень популярна.

30 ноября я прочел лекции в Баку, а 2 и 4 декабря—в актовом зале Тбилисского университета, где присутствовало до 900 слушателей.

7 и 8 декабря я читал лекции в актовом зале Ереванского университета в Советской Армении. 14 декабря я читал в лекторском зале Украинской Академии наук, 15 декабря—в актовом зале Киевского университета, где присутствовало около 1 000 слушателей.

Много внимания уделила моим лекциям советская печать, представители которой всюду на вокзалах встречали меня. Ими же я был интервьюирован во всех возможных случаях, как, например, в антрактах при посещении ленинградской оперы. Мои статьи и интервью были опубликованы официальными газетами: «Правдой»—центральным органом коммунистической партии СССР, «Известиями»—центральным органом ЦИК СССР, издаваемыми в миллионах экземпляров. Таким образом, о содержании моих лекций и достижениях хеттологии были информированы широкие слои Советского Союза, притом лучше, чем где-либо в мире. Я получил также просьбы от Академии и университетов издать свои лекции на русском, украинском, грузинском и армянском языках. Должен сказать, что профессора Грузинского университета в Тбилиси обнаружили прямо патристический интерес к моим лекциям. Два вновь открытых хеттских языка—хаттийский и хуррийский, очевидно, родственны современным кавказским языкам, к которым принадлежит также и грузинский. К сожалению, моя собственная специальность—хеттология—представлена в Советском Союзе минимально. Центром филологических дисциплин до сегодняшнего дня является скорее Ленинград, чем Москва, в которой исторический факультет лишь недавно открылся, а филологический факультет только организуется. Очень хорошо оборудован Московский институт востоковедения, имеющий 25 профессоров и около 400 студентов. Там, между прочим, преподают современные восточные языки. При двукратном посещении Москвы мне были показаны некоторые очень интересные восточные фильмы этого института: звуковой японский фильм, сванетский фильм, иеменский фильм, заснятый режиссером Шнайдером в 1928 г., из жизни иеменских евреев.

Еще лучше оборудован Институт востоковедения Академии наук в Ленинграде. Этот институт может похвастать многими крупными именами.

Там работает много молодых научных сил, как, например, около 40 иранистов, 40 туркологов, 25 синологов, 20 японоведов, 20 монголистов, 20 специалистов по среднеазиатским языкам, 10 арабистов и т. д.

Институт этот публикует «Труды» и «Записки», по которым можно изучать живую азиатскую речь.

Научно-исследовательская работа в Советском Союзе сосредоточена больше в подобных институтах, чем в университетах; Академия наук насчитывает до 60 институтов.

Кроме перечисленных институтов, я посетил в Москве и Ленинграде, поскольку мне позволяло очень ограниченное время, еще целый ряд научных институтов, музеев, учреждений.

Как бывший библиотекарь университетской библиотеки в Вене, я с большим интересом осмотрел советские библиотечки. Крупнейшей

из них является Публичная библиотека им. Ленина, вмещающая около 7 900 тыс. томов, затем Ленинградская публичная библиотека, вмещающая около 7 млн. томов. Обе они получают в двух экземплярах все публикации Советского Союза. Прекрасно здесь представлена старая и новая русская литература.

Очень поучительным для меня было посещение Ленинградского отделения Центрального исторического архива. В складах этого архива содержится около 12 млн. документов.

Навсегда останется в памяти моей посещение Ленинградского музея—Эрмитажа, и осмотр его прекрасных коллекций. Говоря об этом единственном в своем роде музее с его неисчерпаемыми богатствами, я хотел бы отметить гроб грузинского князя, найденный Козловым, и его редкий драгоценный ковер.

Осмотр Ленинградского музея антропологии и этнографии Академии наук ознакомил меня со многими народностями Азиатской части Советского Союза и с их бытом.

В Ленинградском университете, с его знаменитым бесконечным коридором, мне был показан рабочий кабинет знаменитого химика Менделеева. На его письменном столе до сегодняшнего дня стоит фотография Менделеева.

Развитие русской живописи от древнейших икон до образцов творчества советских художников представлено в знаменитой Третьяковской галерее в Москве и в Русском музее в Ленинграде.

Очень интересной оказалась поездка на автомашине из Ленинграда в Детское село (быв. Царское село). Здесь в бывшем царском дворце находится теперь детский санаторий и другие подобные учреждения.

Другой великолепный царский дворец превращен советской властью в Дом ученых им. Горького.

26 ноября, поздно вечером, когда я находился на ленинградском вокзале с сопровождавшими меня профессорами и студентами ленинградских университетов, чтобы ехать в Тбилиси, в последний момент академиком Мещаниновым мне была вручена телеграмма филиала Академии наук в Баку, приглашавшая меня в Баку для докладов.

Так как город Баку лежит на пути, ведущем из Ленинграда в Тбилиси, у меня не было затруднений принять это приглашение.

Целых два дня и две ночи ехали мы белоснежно бесконечную Русью с севера на юг и только ближе к Кавказу снег стал исчезать. На третий день, по приезде в Баку, столицу Советской Азербайджанской республики, нас приветствовала солнечная весенняя погода. С террасы новой великолепной гостиницы «Интурист» мы могли наблюдать с одной стороны прекрасный вид на Каспийское море, с другой—город Баку.

Город Баку в настоящее время быстро растет, имея около 850 тыс. жителей. Большинство населения—турки, армяне и русские.

Кроме университета, я посетил в Баку также Педагогический институт. Этот институт имеет сейчас около 1 760 слушателей, среди которых 90 турков, 570 армян и 240 русских.

В указанном институте я присутствовал на занятиях в некоторых турецких и армянских классах.

Согласно сообщению ректора, 93% студентов этого института получают государственную ежемесячную стипендию в размере от 90 до 180 рублей, назначаемую в зависимости от их успеваемости. Около 1 000 слушателей живут в бесплатном интернате.

Посетил я в Баку также Физиотерапевтический институт им. Кирова, открытый год назад, имеющий прекрасное современнейшее медицинское оборудование. Как пациента, болеющего ревматизмом, меня заинтересовало, что эту болезнь там, наряду с другими средствами, лечат еще и так называемым нефтеланом, одним из 32 продуктов бакинской нефти.

Из Баку поезд вез нас в течение 15 часов вдоль реки Куры в Тбилиси, столицу Советской Грузинской республики. Грузия имеет около 3 млн. жителей, среди которых грузин насчитывается до 2 млн. 200 тыс.

Грузины—это русское название георгиевцев, одного из многочисленных народов Кавказа. Их столица—Тбилиси—очень живописно раскинулась на берегах реки Куры.

Из Тбилиси очень хорошо видна вечно покрытая снегом гора Казбек высотой 5 046 м. На ней год назад красноармейцы в снегу и во льду водрузили бюст Сталина.

Тбилиси имеет сейчас около 400 тыс. жителей, в большинстве грузин. Тут живут также русские, армяне, турки, евреи, персы и т. д.

Моя лекция состоялась в переполненном актовом зале Тбилисского университета.

Большой интерес вызвало предложение языковедов и историков об организации в университете кафедры хеттологии. Это утвердило бы еще более связи между хаттйским и хуррийским языками, с одной стороны, и современными кавказскими языками—с другой стороны. После второй моей лекции Тбилисский университет устроил концерт оперных артистов с показом грузинских народных танцев.

Очень интересным было наше пребывание в Ереване—столице Советской Армении, куда мы прибыли из Тбилиси скорым поездом после 15 часов езды. В пути на станции Ленинакан мы приблизились к турецким границам, примерно, на 2 км. Наш поезд оставляет вправо от себя, примерно в 50 км на юго-запад от Еревана, великолепный Арарат, называемый по-армянски Массис. В Ереване Арарат виден почти с каждого уголка и балкона. Удивительной является игра красок на этом могучем и красивом вулкане, расцветка которого меняется.

И в Ереване был проявлен большой интерес к моей лекции, прочитанной мною на русском языке в актовом зале университета. Не сочту за нескромность, если отмечу, что здесь я ощущал какое-то особое удовлетворение, так как после того, как я неоднократно читал о хеттских народах в европейских странах, сейчас мог читать на эту тему под вечно снежным Араратом в местах, где не только родственная хеттам речь, но и родственная с ними так наз. арменоидная раса с большим носом и скошенной головой сохранилась до сегодняшнего дня.

Ереван имеет теперь 7 высших учебных заведений. Рядом с университетом, например, находятся Индустриальный и Ветеринарный институты. В университете имеется около 1200 слушателей. Исторический и филологический факультеты насчитывают приблизительно по 120 студентов.

В Ереванском этнографическо-историческом музее приковали мое внимание, кроме археологических предметов, найденных акад. Марром при раскопках в Ани, особенно обломки большого деревянного воза, очевидно, скифского происхождения, найденного вместе со скелетами 14 лошадей.

На главной площади Еревана стоит монументальный памятник армянскому большевистскому руководителю Шаумяну, который был расстрелян англичанами и меньшевиками в 1918 г. вместе с 25 бакнинскими комиссарами.

В Ереване мы находились на самой южной точке своего пути в Советском Союзе. Только в нескольких километрах отсюда находятся турецкая и иранская границы, образуемые реками Арасом и старым Араксом. Дальнейшим пунктом моей программы были две лекции в Киеве.

Из Киева я увез наилучшие воспоминания. Там я прочел одну и ту же лекцию сначала перед Украинской Академией наук, а затем перед студентами и профессорами Киевского университета при переполненной аудитории. Это была 48-я лекция, прочитанная мною в границей. Моим самоотверженным проводником по Киеву был председатель Киевского отделения ВОКСа. Мы посетили Украинскую Академию наук, которая сконцентрировала 27 научных институтов в 27 отдельных зданиях. Мы осмотрели также библиотеку Академии, самую большую в Киеве.

Из Киева мы отправились 16 декабря снова в Москву, откуда уже 19 декабря уехали в Прагу.

* * *

Теперь позволю себе поделиться общими впечатлениями о Советском Союзе. Прежде всего скажу о культурной жизни страны, насколько я имел возможность с нею ознакомиться. В первую очередь хотелось бы процитировать речь Сталина, произнесенную им 25 ноября прошлого года на VIII съезде Советов, абзац, в котором он заявляет, что в Советском Союзе осуществлена первая низшая фаза коммунизма, т. е. социализм, принцип которого можно выразить формулой: «от каждого по его способности, каждому по его труду». Осуществление высшей фазы коммунизма, основой которого будет «каждый по своим способностям, каждому по потребностям»,—является задачей будущего.

Мы посетили колхоз деревни Михайловка, находящийся в 39 км на северо-восток от Москвы. Это была очень интересная поездка автомобилем по широкой снежной дороге, идущей между деревенскими домиками с вырезными наличниками на окнах. В конце своего пути мы должны были съехать с шоссе на поле и ехать по нему

около 12 минут в глубоком снегу. В здании местного совета нас принял 20-летний молодой человек—председатель совета. Молодой председатель называл нам цифровые данные о работе своего колхоза. Не буду утруждать здесь этими цифрами, которые интересовали бы скорее земледельца, ограничусь констатацией, что весь труд очень точно организован. В общественной собственности имеются: поле, скот, конюшни, грузовые автомобили, сельскохозяйственные машины, тракторы и т. д. Пахотная земля обобществлена. В частной собственности или в пользовании колхозники имеют свои дома, землю по 1/4 гектара, в основном под садом, корову, свиней, много овец, кур и т. д. После своего сообщения председатель совета повез нас на лошади,пряженной в простой деревенский воз, выложенный сеном, для осмотра деревни—конюшен, бани, детского сада. Все это было построено в последние годы.

Только большевистская революция дала русскому крестьянину землю. Только она научила отсталого, применявшего примитивную соху крестьянина пользоваться современными сельскохозяйственными машинами. Это в еще большей степени относится к сельскому хозяйству Азиатской части СССР, где еще частично имеется кочевое население.

Современная советская система, насколько представляется возможным, выдвигает молодежь на ведущие посты. 20—30-летние руководители предприятий, университетов, колхозов и т. д. там обычное явление. Какой бы вы ни открыли журнал, со всех его страниц глядят на вас молодые, радостные, свежие, бойкие лица комсомольцев, комсомолок, стахановцев и стахановок, Героев Советского Союза, молодых механиков, инженеров, летчиков, летчиц, парашютистов и т. д. Сегодняшний Советский Союз принадлежит прежде всего советской молодежи.

Вновь учрежденные советские школы оборудованы таким же способом, как и наши новые школы, например новая школа в Праге. Я видел так наз. среднюю школу-десятилетку № 518 в Москве (для детей от 8 до 17 лет), которая роскошно обставлена. Мне сообщили, что в 1935 г. в Москве было построено 72 аналогичных школы, в 1936 г.—150, а в 1937 г. их будет там открыто 325. Несмотря на это, наличия московских школ недостаточно, поэтому в существующих школах часто учатся в две смены. В школе мы видели специальное помещение для игр, далее—читальню с детскими журналами и книгами, а также светлую столовую, кухню, врачебный кабинет, мастерскую со станками для ручного труда, физкультурный зал с роялем и т. д. Еще лучше оборудован, например, московский Дом пионеров, в котором мы находим прекрасно оборудованные лекторский, театральный, музыкальный залы, далее—кабинет литературной самостоятельности и др.

Как мне сообщили, в Советском Союзе почти нет уже неграмотных. Было очень интересно наблюдать в Московском музее пародоведения, так же, как и в других советских этнографических музеях, материалы о тех народностях, о которых заботится Советский Союз и прежде всего его национальные республики.

Много забот уделяется культурному развитию мелких народностей, населяющих Советский Союз, главным образом его Азиатскую часть. Сталин в своей ноябрьской речи говорил о 60 народах, объединенных в Советском Союзе; в некоторых статистических данных говорится о 102 известных народностях, в других—о 180 народностях Советского Союза.

Разноречие в этих цифрах объясняется прежде всего тем, что часть из них рассматриваются, как самостоятельные народы, а другие—только как составная часть определенных народов.

Назову некоторые из них. Кавказские: лезгинцы, чеченцы, абхазцы, черкесы, грузины, мингрелы, лазы, сваны, хевсуры.

Далее, из народов иранских—курды, осетины и таджики.

Из народов урало-алтайских—лопари, черемсы, мордвины, остяки, вогулы, зыряне, пермяки, самоды, тюрки, татары, якуты, узбеки, чувашы, буряты, калмыки и т. д.

Для этих народов теперь строятся школы, вводится латинский алфавит, пишутся словари, хрестоматии, учебники, создастся литература и пишется их история.

С большим интересом филолога я просмотрел в советском Этнографическом музее возникшую или, по крайней мере, вновь созданную литературу народов, которые нам часто известны только по названиям.

Не может быть сомнения, что сейчас для этих народов настал период культурного и национального возрождения. Это национальное возрождение советских народов, которые во всех своих школах добровольно изучают также русский язык, своим возникновением, естественно, связано с советским режимом, пользующимся полной их симпатией.

Из московских музеев мы осмотрели еще и Музей революции, в котором сосредоточены воспоминания о всех русских восстаниях и революциях, начиная от Разина в XVII столетии и Пугачева в XVIII столетии, кончая большевистской революцией, возглавляемой Лениным и Сталиным.

Интересно было также посещение музея Ленина.

Документы и картины, выставленные там, очень наглядно иллюстрируют теоретическую последовательность и железную волю этого врожденного революционера, которому удалась величайшая революция в мире.

В музее мы видели аттестат об окончании Лениным средней школы; по всем предметам проставлены прекрасные отметки.

В университете он изучал право и во время студенческих беспорядков был из него исключен. Его старший брат—биолог—был казнен за покушение на царя. Другой его брат, который жив и сейчас,—врач.

В музее также выставлено множество статуй Ленина.

Мы также посетили мраморный мавзолей Ленина на Красной площади, где под землей установлены его останки в освещенном гробу. Ежедневно от 5 до 7 часов вечера тысячи человек из всех слоев населения стоят в очереди, чтобы его увидеть.

* * *

Выдающимся явлением культурной жизни Советского Союза является театр. Русский театр, русская опера, русский балет славились еще перед войной. И Советы сознательно поддерживали эти традиции во всем Советском Союзе.

Во всем Советском Союзе имеется сейчас около 740 больших театров, в том числе 25 оперных. Все эти театры являются государственными и целиком содержатся государством. Театральные костюмы артистов и актрис также приобретаются за счет государства. При этом деньги не экономятся ни на персонале, ни на постановках.

Мы посетили театры шести городов, в которых я читал лекции. В Москве и Ленинграде мы были в театрах даже по 4 раза. Лучшими театрами, разумеется, являются ленинградские и московские, но и другие, в которых мы побывали, тоже очень хороши, как, например, театры Киева и Тбилиси, находящиеся на очень высоком уровне. Ереванский театр является наиболее простым по своим постановкам.

В Киеве в директорской ложе национальной украинской оперы мы смотрели «Наталку-Полтавку» по Лысенко и «Иоршу», богатую народными танцами. Этот спектакль давался специально для комсомольцев одного из украинских колхозов. В Баку мы видели оперу «Тихий Дон» Дзержинского, в Тбилиси — национальную грузинскую оперу «Абессалом и Этери» Паллашвили, в Ереване — национальную армянскую оперу «Ануп» по Тиграняну и «Мадам Бутерфляй» Пуччини.

Всюду театры были заполнены до последнего места, хотя цены на билеты там в среднем достаточно высоки. Отдельные заводы посылают целыми группами своих рабочих, закупая для них билеты.

Большая тяга советского населения к культуре видна в посещениях не только театров и кино, но и музеев и выставок, залы которых переполнены, особенно в выходные дни. В эти дни учреждения и школы закрыты, но магазины открыты, чтобы публика имела возможность покупать. Большие группы школьников, рабочих, красноармейцев проходят, в сопровождении специальных лекторов, в залы музеев и картинных галерей.

Ту же самую тягу к культуре наблюдаем мы на книжном рынке. На память о Советском Союзе я хотел приобрести сочинения какого-нибудь русского классика: Пушкина, Толстого или других. Напрасно все-таки я обегал целый ряд магазинов в Ленинграде, Москве и Киеве. Нигде я не нашел ни одного экземпляра хотя бы какого-нибудь русского классика, несмотря на то, что эти сочинения были в последние годы изданы в миллионах экземпляров. 100-тысячный и миллионный тираж, как правило, распродается в 2—3 недели после издания, так что единственная возможность приобрести указанные книги — по подписке.

После долгого военного и восстановительного периода начался под руководством Сталина период двух пятилеток, характеризующийся целеустремленностью в планомерном хозяйственном и культурном строительстве. С точки зрения хозяйственной, основной характер

этого строительства—коллективизация сельского хозяйства и мощная индустриализация аграрной до тех пор России. С точки зрения культуры, была начата энергичная цивилизаторская и просветительная работа среди всех 60 народов и народностей Советского Союза, задачей которой было поднять народы, стоявшие на низком культурном уровне, до уровня мировой культуры.

Ежегодно в Советском Союзе имеется прирост примерно в 2½ млн. жителей. За последнее десятилетие прирост Советского Союза составляет 25 млн. жителей. Через 10—11 лет Советский Союз будет иметь около 200 млн. жителей.

Посудите сами, какая огромная мощь возникает на востоке Европы и в Азии, каким ценным союзником является Советский Союз сегодня и каким еще ценнейшим он будет в дальнейшем.

Часто в западноевропейских кругах высказывается взгляд, что Советский Союз подготавливает военное нападение на Западную Европу. Думаю, что такое утверждение представляет собой грубейшую ошибку.

Моя поездка по пяти советским республикам ознакомила меня ближе с почти лихорадочным культурным и хозяйственным строительством Советского Союза, с техникой развернутых стропильств, с проектами реконструкции Москвы, с планами системы соединения между собой морей Европейской части СССР, с орошением азиатских степей и пустынь и т. д.

У меня не вызывает ни малейшего сомнения то, что Советский Союз считает своей первоочередной задачей культурный и хозяйственный расцвет своей страны.

О «ХЕТТСКИХ» ИЕРОГЛИФАХ на стелах Тель-Амара

Проф. Фридрих Грозный
(Прага)

Обе тель-амарские стелы с «хеттскими» иероглифами относятся к самым крупным и наиболее важным памятникам так называемых иероглифических «хеттов», т. е. тех «хеттов», которые для передачи своего языка пользовались хеттскими иероглифами. В течение последних недель я ближе ознакомился с «хеттскими» иероглифическими надписями на этих стелах, которые я намерен перевести в III части моего труда «Inscriptions hittites hiéroglyphiques». Поэтому в данной статье я позволю себе сообщить наиболее важные сведения об их содержании.

Прежде всего я хотел бы отметить, что современный район Тель-Амара, который расположен на левом берегу Евфрата к юго-западу от Джераблус-Кархемши, представляет собой старый Тил-Барсиб, с которым вел борьбу ассирийский царь Салманассар III (858—824 гг. до н. э.) и который он покорил в 856 г. Через год после этого, в 855 г., Салманассаром III был взят в плен и Ахуни—властитель арамейского царства Бит-Адини, столицей которого был тот же Тил-Барсиб. Между прочим, уже предшественник Салманассара III, ассирийский царь Ассурнасир-апал II (883—859 гг. до н. э.) принудил Ахуни платить дань. Царство Бит-Адини отделяло Ассирию от Сирии и, таким образом, ассирийцам было весьма важно держать эту область под своим неограниченным влиянием.

На значение Тель-Амара для древневосточной археологии уже указывал английский археолог Д. Дж. Х о г а р т, который посетил этот район в 1908 г. В журнале «The Liverpool Annals of Archaeology and Anthropology» (т. II, 1909, стр. 177 сл.) он сообщает о своем путешествии в Тель-Амар, во время которого ему удалось найти целый ряд весьма важных памятников. Например, он там нашел больших каменных львов с ассирийскими надписями, которые, как это теперь выяснилось (см. F. T u r e a u - D a n g i n e t M. D u n a n d—Til-Barsib, Textes 141 сл.), были сделаны во времена

ассирийского полководца по имени Шамши-илу—современника ассирийских царей Салманассара IV (781—772 гг. до н. э.), Ассур-дана III (771—754 гг. до н. э.), Ассур-нирари VI (753—746 гг. до н. э.). Далее, вы там также нашли большую «хеттскую» стелу с «хеттско-иероглифической» надписью. Хогарт также первым опубликовал автографию этой большой надписи (ук. соч., табл. XXXVIII). Эта стела находится теперь во вновь основанном музее в Алеппо.

Когда я в 1925 г. производил раскопки в Сирии, в Тель-Ерфадде, я также думал о возможности организации раскопок в Тель-Амаре и для этого весной того же года посетил этот район. Я использую данный журнал, чтобы опубликовать три из моих фотографий, которые были мною там сделаны.

На первой фотографии (рис. 1) хорошо видно расположение старого Тил-Барсиба, представляющего в настоящее время холм Тель-Амар, который по свое время, как и несколько тысячелетий назад, господствует над имеющим важное значение путем из Месопотамии в Сирию.

На второй фотографии (рис. 2) показан этот холм с примыкающей курдской деревушкой, заснятый вблизи.

Наконец, на третьей фотографии (рис. 3) показано допотопное судно, которое в настоящее время служит для переправы с одного берега Евфрата на другой. На этом судне, стоя среди стада овец, я пересек Евфрат, чтобы подвергнуть основательному обследованию холм и его окрестности.

Последнее дало весьма благоприятные результаты. Древности, как, например, упомянутые выше львы, находились здесь уже на поверхности, и тот факт, что Тель-Амар является самой восточной местностью, где были обнаружены «хеттские» иероглифические надписи и где, с другой стороны, уже начиналась сфера клинописной культуры, должен был пробудить тайные надежды в специалисте по иероглифам и клинописи. Тем временем, полученное вскоре турецкое разрешение на раскопки в Кюльтепе у Кайсери в Малой Азии окончательно привело меня к решению выбрать Кюльтепе.

В 1927 и 1929—1931 гг. французский ассириолог Фр. Тюр-Данжен произвел успешные раскопки в Тель-Амаре, во время которых ему удалось найти там вторую большую стелу с «хеттскими» иероглифами, которая теперь находится в Лувре. (Смотри по этому поводу статью Тюр-Данжена в журнале «Syria» (X, стр. 185 сл.) и недавно вышедшую совместную работу Тюр-Данжени и М. Дюна—Til-Barsib, Paris, 1936. Там имеются также прекрасные фотографии обеих стел.)

До настоящего времени на «хеттские» иероглифические надписи на обеих стелах, вследствие их непонятности, в нашей науке не обращали внимания. Правда, П. Мерджив в «Revue hittite et asiatique» (№ 5, вып. 18, 1935, стр. 45 и сл.) опубликовал пробный перевод этих надписей; все же эта попытка, проделанная с недостаточной тщательностью, не может считаться удачной. Я сам, во время моей поездки на Восток, предпринятой в 1934 г. для фотографирования еще неизвестных или плохо воспроизведенных «хеттско-иероглифических» надписей, посетил Алеппо, чтобы сделать новую копию нахо-

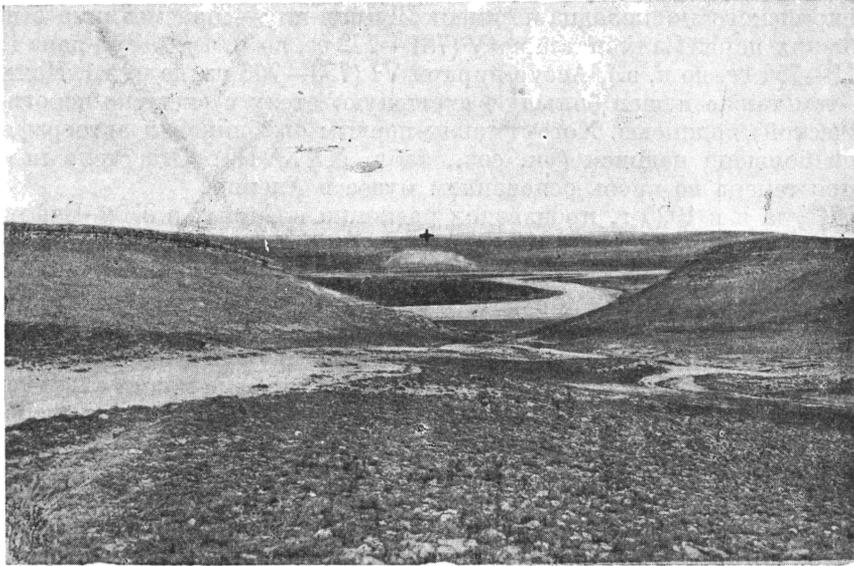

Рис. 1. Тель-Амар. Вид с запада

дящейся там тель-амарской стелы, которую я с этого момента буду называть стелой А.

Эта автография, которая во многом исправляет автографию Хогарта и в которой учтены дополнительно найденные фрагменты, также будет опубликована в III томе моего труда—«Inscriptions hittites hiéroglyphiques».

Для чтения надписей на стеле, находящейся в Лувре, которую я буду называть стелой В, кроме фотографий, опубликованных Тюро-Данженом, я смог воспользоваться еще и эстампажем.

Только частично сохранившаяся надпись на стеле А в моем переводе гласит следующее:

«[Я есмь Х. У.] царь
 страны правнук Хепаталаса (Хапата-
 л а с а?), первородный сын князя Эахунаса (Эасанаса?).
 Бог водоема Сантайас (?) царь богов, богиня (?) Кумалас,
 бог Муталас, бог Муталупаси бог мес-
 города Таману (?) [бог] большого сосуда, который был принесен
 матерью (божество?) на место для возлияний, богиня Купас,
 и Илумасас (?) и Илумутасас (?) (и) Илу-
 с а с а с (?) через меня сделали стелу по обычаю первородного сына.
 И мне они дали владения моих предков. Если кто-нибудь приносил
 на стол жертву (?), я клал его жертву (туда) и (эту стелу?) я принес
 (туда) как хранительницу стола. Теперь, когда бог
 Сантайас (?), что касается этой
 (жертвы?), то алтарь Упататас был ее (т. е. жертвы) господи-
 ном: таким образом, я принимал (ее?) через божество Апамас (и)

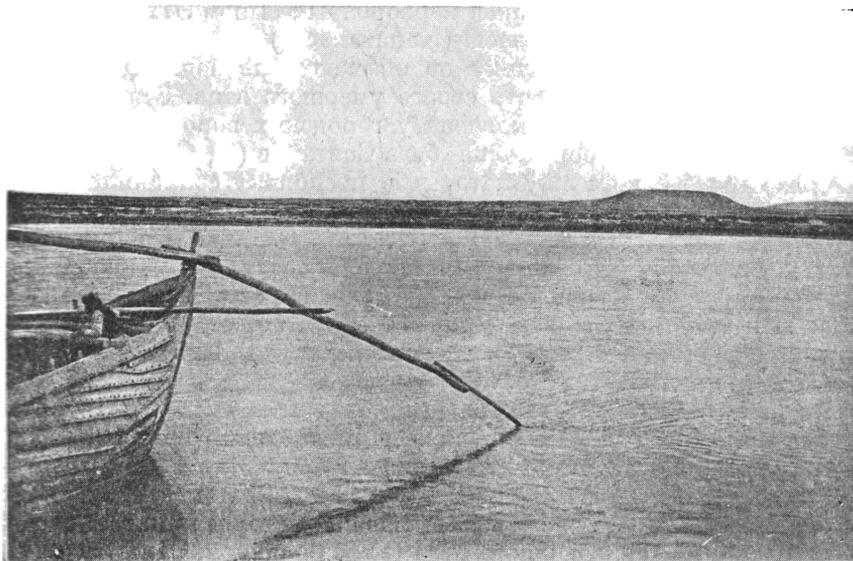

Рис. 2. Тель-Амар. Вид с восточного берега Евфрата

через бога М е л (а) с а т а м а с. И если (злодей) завладеет жертвой
 властителя страны и [ограбит] моего отца, (бог этой стелы С а н
 т а й а с [?]) нападет (?) на сына этого отца, лишит его царствования
 и возьмет стены (его могилы?), жертвы (?) и (мой) первородный сын
 Х а м е а т а с (У м е а т а с?) учинит насилие над его младшими
 братьями (?). И я повелел принимать (жертву) через моего деда:
 в город Т а м а н у (?). вошел он (?), он тогда
 сделал меня повелителем дворца (?) и он дал мне своих младших
 братьев (?) для балдахина (=защиты?) и он мне принес в подарок
 (святого?) оленя. И если (злодей) овладеет напитком [возлиянием],
 его первородный сын будет мной насильственно (?) пойман и змеи (?)
 моего алтаря У п а т а т а с проникнут в его большой сосуд (со съест-
 ными припасами). Потом кто мне этого бога водоема С а н т а й а с (?)
 и ему яму (?)
 С а н т а й а с (?) И кто посадил
 сыновей. Я сделал напиток для воз-
 злияний, жертвенное платье (?), роскошное облачение (?), чтобы этот
 бог водоема С а н т а й а с (?) (его) принял. И когда у меня насиль-
 ственно возьмут напиток для возлияний и (если) это будет власть
 именуемый, его [первородный] сын, тогда его жерт-
 венное платье (?) кто будет
 вводить».

Для лучшего понимания этих трудных надписей необходимо
 несколько вольно изложить их содержание, добавив при этом неко-
 торые пояснения:

«Хеттский» царь времен иероглифов, имя которого, к сожалению,

на стеле обломано, являющийся первородным сыном Эахунаса (Эасанаса?), правнуком Хепаталаса (Хапаталаса?) и отцом Хамсатаса (Умеатаса?), воздвиг эту стелу по обычаю первородного сына, вероятно, чтобы почтить память своего умершего отца. Эта стела, которая, вероятно, была установлена у городских ворот и на рельефе которой находится изображение бога Сантайас (?), была сооружена царем во имя богов, между которыми, поскольку сохранился текст, встречаются: царь богов, бог водоема Сантайас (?), богиня (?) Кумалас (?), боги Муталас и Муталупас (?), бог . . . мес города Таману (?), божество большого жертвенного сосуда на площади для возлияний, богиня Купапас и низшие божества Илумасас (?), Илумутасас (?) и Илусасас, имена которых, вероятно, составлены с вавилонским словом *ilu*, т. е. «бог». Стела была установлена по поводу восшествия царя на престол.

Стела, прежде всего, должна была быть хранилищем жертвоприношений, которые приносились в вестибюль городских ворот. Жертва, которая предназначалась для алтаря Упататас бога Сантайас (?) принималась божествами Анамас и Мел(а)сатамас. Если злодей насильственно захватит жертвоприношение, которое принесет властитель страны для тени усопшего отца автора надписи, Сантайас (?), бог этой стелы, отомстит сыну этого злодея, возьмет у него власть, его могилу и жертву, принесенную тенью его усопших. Первородный сын царя Хамеатас (Умеатас?) учинит насилье над его младшими братьями (?).

Царь приносит также жертву тени своего усопшего деда, который в свое время сделал его властителем дворца, повелел охранять (?) его своим младшим братьям (?) и подарил ему оленя. Если злодей насильственно овладеет напитком для возлияний, предназначенным для тени усопшего деда, то царь насильственно (?) возьмет у него его первородного сына, и змеи (?), которые изображены (?) на алтаре Упататас, проникнут в большой сосуд со съестными припасами, приготовленный для теней его усопших. И тот, кто сам согрешит против бога водоема Сантайас (?), например против собравших для него в одной яме жертвоприношений, будет также наказан. Если кто-либо власть имущий возьмет напиток для возлияний и платье, пожертвованное царем богу Сантайас (?), то (будет наказан) его сын и (будут взяты) платья, пожертвованные тенью его усопших . . .

Надпись на стеле В также, к сожалению, не полная. В моем переводе она гласит:

«Я есмь Х а м е а т а с (У м е а т а с?) [правнук] царя М а л у в а й а с (?). (первородный сын) (?). царя, потомок бога С а н т а й а с (?). [По обычаю первородного сына бог (водоема) С а н т а й а] с (?), царь богов, богиня (?) К у м а й а с (?)¹, бог М у т а л а с, бог мес города Т а м а н у (?), бог [большого сосуда], который был принесен на площадь возлияний матерью (божеством?) и богиня К у п а п а с (и) И л у [м а с а с (?), И л у м у

¹ На стеле А значится К у м а л а с.

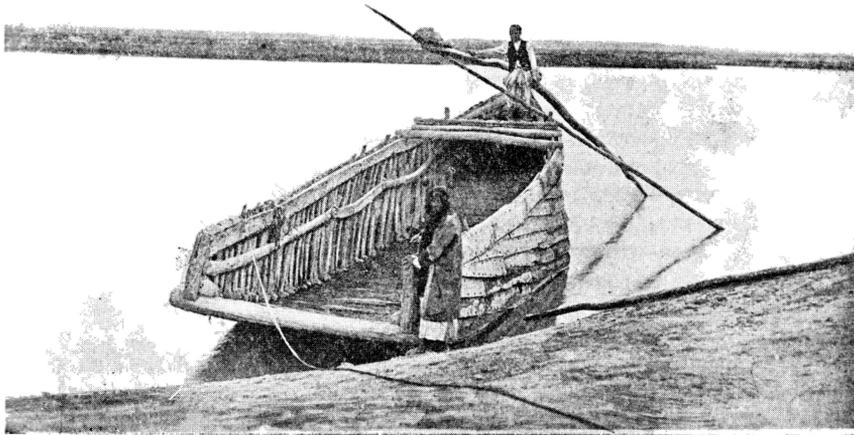

Рис. 3. Судно на Евфрате у Тель-Амара

т а с а с (?).
 (и) И л у с а с а с (?) через меня сделали стелу]. И мне они дали владения моих предков. И поставил на площадь возлияний. Потом я повелел поставить там бога площади возлияний Д а д у в а с (?), я его поставил к богам, я (его) поставил в городские ворота. И один человек в воротах (?). разбил и божественные птицы определили (?) мне место (?) и я его поставил (туда). [Каждый, который] войдет (?) в ворота (?), далее, кто разобьет мою стелу, далее, кто насильственно (?) проникнет в мой большой сосуд (со съестными припасами), далее, моему отцу(?) (и) сыну, далее, далее, мое обычное (?) платье, мое парадное одеяние (?), далее, будь то мой младший брат или сын младшего брата: пусть бог С а н т а й а с (?) выгонит его проклятием из водоема. И одному благородному страны, проживающему в городе М а й а т а н а (?), одному благородному (?) он уничтожит(?). Этому богу водоема С а н т а й а с (?). [кто] возьмет, пусть его личности (?) платья сыновей в вестибюле!».

И здесь также приходится дать несколько более вольное и понятное истолкование содержания этой надписи.

Царь Хамеатас (или Умеатас?), потомок Малувайаса, вероятно, для того, чтобы почтить память своего отца, повелел установить стелу грозовому богу водоема Сантайас (?). Это происходит по приказанию тех же божеств, которые упомянуты и на стеле А, за тем исключением, что здесь отсутствует имя бога Муталупас (?) и что

богиня Кумалас здесь называется именем Кумайас (?). Царь установил эту стелу по случаю своего восшествия на трон, вероятно, в городских воротах, у места возлияний. Туда он сам поставил статую бога площади возлияний Дадуvas (?). Это все было проделано для защиты площади возлияний и, может быть, еще и потому, что какой-то человек там что-то разбил и, кроме того, очевидно, что и божественные птицы определили это место своим полетом. Затем следуют обычные проклятья на голову того, кто силой войдет в ворота, затем разобьет стелу, далее на того, кто ограбит большой сосуд с жертвоприношениями и возьмет жертвенные платя. и, даже и в том случае, если это будет совершено младшим братом царя или сыном этого младшего брата—да выгонит бог Сантайас этого злодея проклятием из своего святого водоема! И благородный человек из страны Майатана (?), которая, вероятно, идентична с ближайшей страной Митанни, расположенной на реке Хабур, или благородный человек из другой страны, который совершит такой же поступок, будет так же наказан. И всякий, кто провинится перед этой стелой бога водоема Сантайас (?), у того (будут отобраны) платя, пожертвованные в вестибюль его манам его сыновьями.

Весьма важен вопрос, какую связь имеют между собой стелы в отношении времени. П. Мериджи в журнале «Revue hittite et asiatique» (№ 5, вып. 18, стр. 46) утверждает, что шрифт на стеле В (Лувр) гораздо более древнего происхождения, чем шрифт стелы А (Алеппо). Вследствие этого ему приходится делать различие между обоими Хамеатасами (Умеатасами?), упомянутыми на стеле А и на стеле В. Он устанавливает поэтому следующее генеалогическое древо «хеттских» властителей Тил-Барсиба, существовавших во времена иероглифов¹:

Малува та
 Хабадалас
 Хамнатас I, автор стелы В
 аснус
 автор стелы А
 Хамнатас II

Туро-Данжен в книге «Til-Barsib», Texte 136 также разделяет мнение Мериджи, что стела В более древнего происхождения, чем стела А.

Все же, если тщательно рассмотреть шрифт обеих стел, то видно, что отдельные знаки на стеле А имеют более старую форму, чем соответствующие знаки на стеле В. Это, прежде всего, следует из начертания гласной *a* и из начертания слога *ma*. Кроме того, рельеф стелы А кажется более древним, чем рельеф стелы В. К этому нужно добавить, что если признать стелу А древнее стелы В, то весьма вероятно, что сын царя Хамеатас (Умеатас?), упоминаемый в надписях стелы А, был бы идентичен с Хамеатасом (Умеатасом?), автором стелы В.

¹ Я сохраняю здесь его транскрипцию имен этих царей.

Таким образом, мы получили бы следующую генеалогию «хеттско-иероглифических» властителей Тил-Барсиба:

Хепаталас (Хапаталас?)
 Малувайас, царь (?)
 Еахунас (Пасанас?), князь
 царь, автор стелы А
 Хамеатас (Умеатас?), царь, автор стелы В.

Вопрос датирования наших стел весьма затруднителен. Фр. Тюроданжен склонен отнести их (ук. соч., 134) к XI или XII столетию до н. э. Но этому противоречит тот факт, что в этих стелах применяется знак разделения ¶C, который, например, еще не употребляется в надписях Хамата. Нужно еще добавить, что один из авторов надписей Хамата, царь Ирхулени или Урхулени, был современником ассирийского царя Салманассара III (858—824 гг. до н. э.) и Ахуни, царя Бит-Адини и Тил-Барсиба. В 856 до н. э. Салманассар III покорил город Тил-Барсиб, а в 855 г. взял в плен самого Ахуни.

Палеографические основания как будто бы говорят за отнесение обеих стел к периоду времени, следующему непосредственно за временем Ирхулени и Ахуни, т. е., вероятно, ко второй половине IX столетия до н. э. Однако это предположение связано еще и с другими большими затруднениями.

В свое время Тил-Барсиб, чье название было переделано царем Салманассаром III в Кар-Шулман-ашаред, представлял собой часть ассирийской территории. Можно ли на основании этого предполагать, что в это же время в Тил-Барсибе или Кар-Шулман-ашареде существовала туземная «хеттская» династия, упоминаемая в иероглифах? И можно ли предполагать, что князь Еахунас (?)¹, упоминаемый в нашей стеле А, является не кем иным, как Ахуни, царем Бит-Адини, о котором в ассирийских надписях говорится, что он был союзником «хеттов» Кархемиша, Хаттина и т. д.? Возможно, что имя Ахуни является сокращенной формой первоначального имени Еахунас (?). Все же, до окончательного решения этого вопроса, лучше подождать дальнейших материалов.

R É S U M É

Les deux grandes stèles «hittites»-hiéroglyphiques de Tell Ahmar dont l'auteur offre ici la première traduction complète ont été dressées par deux rois de T i l - B a r s i b (à présent Tell Ahmar). La stèle A (aujourd'hui au Musée d'Alep) a été dressée par un roi dont le nom n'est pas lisible mais qui était le fils de E â c h u n a s (?Eâsanas?) arrière petit-fils de C h e p a t a l a s (C h a p a t a l a s?) et père de

¹ Может быть, надо читать Э а с а н а с ?

C h a m e â t a s (U m e â t a s?) et la stèle B (aujourd'hui au Louvre)—par C h a m e â t a s (U m e â t a s?) arrière petit-fils (?) de M a l u v a j a s. Ces deux stèles ont été placées probablement dans une porte de la ville, à la place des libations, peut-être pour rendre hommage à la mémoire des pères des auteurs de ces stèles, mais il est aussi probable qu'on les a regardées comme gardiennes des offrandes offertes à cette place des libations.

La stèle A semble être un peu plus ancienne que la stèle B. C h a m e â t a s (U m e â t a s?), l'auteur de la stèle B, est peut-être identique à C h a m e â t a s (U m e â t a s?) père de l'auteur de la stèle A. Ces deux stèles sont peut-être à dater du IX-ème siècle avant notre ère. Il est douteux qu'on puisse identifier E â c h u n a s (?) avec le roi A c h û n i des inscriptions assyriennes, contemporain du roi Salmanassar III (858—824 avant notre ère).

ПАРАГРАФЫ 34 и 36 хеттского судебногоника

Акад. В. В. Струве

В литературе, посвященной хеттскому обществу, слишком мало до сих пор уделяется внимания рабству, которое играло, судя по дошедшим до нас источникам, столь решающую роль в хозяйстве царя, знати и рядовых членов этого общества. А. Г ö t z e приходит в своем весьма ценном труде «Kleinasien»¹ даже к определенному выводу, что «хеттская держава является феодальным государством»².

Я считаю неуместным развернуть здесь, на страницах данного журнала, во всем объеме вопрос об удельном весе рабства у хеттов³. Я хочу остановиться на интерпретации трех параграфов хеттского судебногоника, которые дают, по моему мнению, определенную возможность исследователю установить стадию развития рабовладения в известный период истории хеттского государства.

Из указанных трех параграфов § 34 и 36 не приведены, кажется, в фрагменте № 2 издания⁴ текстов судебногоника⁵. Поэтому можно предположить, что они являются более поздними дополнениями⁶. Перевод и интерпретация этих двух статей, а также и статьи 35, вызывает,

¹ В серии «Handbuch der Altertumswissenschaft», сектор «Kulturgeschichte des Alten Orients», III раздел, I вып., Мюнхен, 1933.

² У. с., стр. 100. См. также прим. 4 к данной странице.

³ См. пока мою статью «Хеттское общество, как тип посного рабовладельческого общества» в «Очерках социально-экономической истории древнего Востока». Огиз, 1934, стр. 45 и сл.

⁴ F. H o z n y — Keilschrifttexte aus Boghazköi, 6 вып. (1921).

⁵ См. J. F r i e d r i c h, H. Z i m m e r n — Hethitische Gesetze (Alte Orient, XXIII, 2), стр. 10, пр. 10.

⁶ Очевидно, фрагмент № 2 сохранил более раннюю редакцию текста судебногоника. Его текст резко расходится с текстом фрагмента № 4, который содержит наиболее позднюю редакцию судебногоника. см. G ö t z e, у. с., стр. 103. Фрагмент № 2 надо датировать более ранним временем, нежели фрагмент № 3. Дело в том, что разделение на параграфы в фрагменте № 3 не совпадает с разделением в фрагменте № 2. Иной раз разделение № 3 совпадает с разделением № 4; см. F r i e d r i c h, Z i m m e r n, у. с., стр. 13, прим. 7.

к сожалению, еще до сих пор у специалистов разногласия в самых существенных пунктах.

Содержанием § 34 и 36 является регулирование вопроса о браке между рабом и свободной женщиной, свободным юношей¹. § 35 посвящен до известной степени другому вопросу. Он трактует об уводе свободной женщины «составителем мази»² или пастухом и о вытекающих из этого для женщины последствиях.

В первую очередь я попытаюсь дать перевод и интерпретацию статей 34 и 36, так как они в особенности интересны для определения характера хеттского общества.

Транскрипцию статьи 34, а также и двух других я даю по последней известной мне хрестоматии хеттских текстов³.

§ 34 «tāk-ku ERUM-iš A-NA SAL-TIM ku-ú-ša-la be-da-a-iz-[z]i na-a[n-z]a A-NA DAM-ŠU da-a-i ra-ra-a Ú-UL ku-iš-ki tar-na-i».

Как я уже указывал, исследователи не пришли в понимании данной статьи к единому бесспорному мнению. Мы имеем сейчас, поскольку я знаю литературу, два конкурирующих перевода⁴. Первый из переводов был предложен Ф. Грозным и принят рядом ученых: «Если раб дает женщине цену (жены) и хочет взять ее своей женой, то никто не должен предоставлять ее ему»⁵.

При подобном переводе необходимо, очевидно, интерпретировать статью в том смысле, что женщину, т. е. свободную женщину, за которую раб уже уплатил цену жены, можно было и не передавать ему в жены. Не соглашаясь, по видимому, с данной интерпретацией, некоторые исследователи, в том числе и уже вышеупомянутый А. Götzе, выступили с другим переводом: «Если раб дает женщине цену (жены) и берет ее своей женой, то никто не должен ее сделать (рабыней)»⁶.

Данный перевод придает разбираемой статье тот смысл, что она, подобно статье 35⁷, определяет положение, в котором попала свободная женщина в результате купли рабом или увода социально-неполноценным человеком. Согласно переводу Götzе, женщина, выходя

¹ О возможности в хеттском обществе брака между мужчиной и юношей я буду говорить ниже.

² Об этом термине см. также ниже.

³ E. H. Sturtevant, G. Borchert — A hittite chrestomathy, Филадельфия, 1935, стр. 218.

⁴ Friedrich — Zimmern предложили в своем первом переводе судьбуна следующее понимание статьи: «Если раб дает женщине цену (жены), то он ее может взять своей женой; никто не имеет права ему (в этом) препятствовать» (у. с. ст. 10). Но оба автора отказались вскоре от данного понимания.

⁵ См. F. Grozny — Code hittite provenant de l'Asie mineure, I-re partie. Париж, 1922, соответствующий параграф; J. Friedrich — Nachträge zu Zimmern—Friedrich—Hethitische Gesetze aus dem Staatsarchiv von Boghazköi. примечание к данному параграфу; E. Helöf'ay Gressman — Altorient. Texte und Bilder zum Alten Testament, 2-е изд., 1926, стр. 423; Sturtevant в Sturtevant—Borchert, у. с., стр. 219.

⁶ См. M. Witzel — Hethitische Keilschrifturkunden (вып. V серии «Keilschriftliche Studien»), Fulda 1924, стр. 147; A. Götzе — Neue Bruchstücke zum Grossen Text des Hattusiliš u. den Paralleltexen (Mitt. d. Vorderas.-Äg. Ges. XXXIV, 2), Лейпциг, 1930, стр. 73 и сл. Ср. также его же «Kleinasiens», стр. 98.

⁷ См. ниже.

и муж за раба, оставалась свободной, ибо «никто не должен ее сделать рабыней».

К переводу А. Götze по существу примыкает и перевод G. В e c h t e l 'я: «Если раб даст женщине цену (жены) и берет ее своей женой, то никто не может освободить ее (от этого брака)»¹. Действительно, выводом из того и другого положения является положение, что женщина, за которую раб уплатил цену жены, становилась женой раба. Разница между переводами сводилась лишь к тому, что при понимании Bechtel'я подчеркивалась неизбежность брака для женщины, а при понимании Götze — сохранение за ней свободного состояния. Я полагаю, что ни перевод Götze, ни перевод Bechtel'я не являются правильными, а поэтому и вытекающий отсюда вывод не соответствует истине. В основу интерпретации статьи 34 должен быть положен перевод основоположника хеттологии Ф. Грозного. Правда, даже один из последователей перевода Грозного высказал сомнение в полной его адекватности², но подобный скепсис вряд ли будет уместным. Подлинное словоупотребление, поскольку оно может быть установлено, говорит решительно в пользу перевода Грозного. Действительно, термин «para» (resp. pra)³... tar-na, от которого зависит правильное понимание всей статьи, не может быть переведен, как «делать» (W i t z e l, G ö t z e) или «освободить» (B e c h t e l).

«Para... tar-na»⁴, resp. «para tar-na» обозначает действие «предоставления» или «передавания». В особенности показательные примеры подобного значения «para... tar-na» мы имеем в тексте, известном под названием «апология царя Хаттусиля»⁵. В строках 40—41 первого столбца своей надписи Хаттусиль заявляет, что богиня Иштарь «меня ни злomu богу, ни злomu суду—pa-ra-a Ú-UL ku-wa-pi-ik-ki tar-na-aš—никогда не передавала»⁶. В строке 7 след. V столбца Хаттусиль рассказывал о том, что Иштарь явилась жене его во сне и заявила ей между прочим: «его (т. е. Хаттусиля) ни злomu суду, ни злomu богу—Ú-UL pa-ra-a Ú-UL ku-wa-pi-ik-ki tar-na-aš—я никогда не передавала». Такое же значение имеет глагол «tar-na» со сходным с «pra» префиксом «para»⁷. В той же надписи (I, 52—53) Хаттусиль утверждает о богине Иштарь: «A-NA LU KUR-mi pi-ra-an kat-ta Ú-UL ku-wa-pi-ik-ki tar-na-aš—«моему врагу меня она никогда не передавала».

Я думаю, что этих примеров достаточно для того, чтобы считать

¹ См. Sturtevant—Bechtel, у. с., стр. 226.

² Sturtevant in Sturtevant—Bechtel, у. с., стр. 226.

³ См. E. H. Sturtevant—A comparative grammar of the hittite language, Филадельфия, 1933, стр. 62.

⁴ В хеттских сложных глаголах префикс может быть отделен от глагола другими словами; см. Sturtevant, у. с., стр. 212.

⁵ См. M. Witzel, у. с., стр. 1 и сл.; A. Götze—Hattusilis, der Bericht über seine Thronbesteigung nebst den Paralleltexen (Mit. d. Vorderas.-Äg. Ges., 20/3), Лейпциг, 1925; ср. же, у. с. (прим. 4, к стр. 2); Sturtevant—Bechtel, у. с., стр. 42 и сл. Текст я цитирую в моем исследовании по последнему изданию.

⁶ Строки 12—13 четвертого столбца надписи.

⁷ См. Sturtevant, у. с., стр. 212.

доказанным за сложным глаголом «para tarna» значение «передать», «предоставлять»¹. Поэтому я перевожу без колебания статью 34 следующим образом: «Если раб для (свободной) женщины цену жены принесет, и ее в качестве своей жены (хочет) взять, то ее никто не (должен) передать (ему)».

Включая подобную статью в судебник, законодатель имел, очевидно, намерение сделать первый шаг на пути защиты свободной женщины от брака с рабом. Ведь зажиточный раб, желавший иметь женою свободную женщину, рисковал на основании данной статьи потерять сумму, переданную отцу девушки в качестве «цены жены». До известной степени статья 34 судебного хеттских царей напоминает статью 37 судебного вавилонского царя Хаммурапи. Царь Вавилонии, желая защитить владения рядового воина от алчности ростовщика, постановляет: «Если кто-либо² купит поле, сад или дом воина, то его документ должно разбить и он теряет свои деньги, а поле, сад и дом возвращаются их прежнему хозяину». И в хеттском и в вавилонском законах содержится угроза потери покупателем покупной суммы, но вместе с тем имеется налицо определенное отличие. Согласно вавилонскому закону, имущество воина ни в коем случае не могло сделаться предметом купли и продажи. Оно являлось собственностью царя. Что же касается купли рабом свободной женщины в качестве жены, о чем трактовала статья 34 хеттского судебного, то здесь дело обстояло несколько иначе. Закон не запрещал прямо рабу брать себе в жены свободную женщину. Даже в более древнее время в хеттском обществе, как и в Вавилонии³ и согласно Гортинскому праву на Крите⁴, подобный брак был вполне естественным. Но впоследствии, в связи с развитием рабовладельческих отношений, в хеттском обществе становится предосудительным брак между рабом и свободной женщиной. Поэтому государство и пожелало охранить свободную женщину от связи с рабом. Родственники женщины получили теперь право не предоставлять ее рабу, даже в случае выплаты им «цены жены». Вместе с тем, конечно, они имели право предоставить ее рабу, если им это было выгодно. Ведь иной раб находился экономически в более благоприятных условиях, нежели какой-нибудь свободный бедняк⁵. Но право родителей, даже при выплате «цены жены», не отдавать своей дочери, несомненно, должно было отпугнуть раба от подобной сделки. Ведь не всякий зажиточный раб хотел подвергаться опасности потерять свое имущество.

¹ См. также то, что говорит об этом сложном глаголе F. Sommer — Die Ahhi-
jawa-Urkunden (Abhandl. d. Bayr. Ak. Wis. phil.-hist. kl.) 1932, стр. 125, 279, 427.

² Я продолжаю переводить «awilu» так, а не «полноправным гражданином», как предложил Eilers в своем последнем переводе судебного Хаммурапи. Мы ведь имеем и в хеттском судебнике в качестве действующего лица в большинстве статей «ku-is-ki» — «кто-либо».

³ Статья 175 судебного Хаммурапи.

⁴ См. J. Köhler, E. Ziebarth — Das Stadtrecht von Gortyn. Göttingen, 1912, стр. 59, 96. Здесь же приводятся и известные слова Платона, указывающие на существование в Греции в Карфагене подлинного брака между рабами.

⁵ См. A. Götz — Kleinasien, стр. 99.

Мы можем, таким образом, со всей определенностью утверждать, что статья 34 хеттского судебногоника имела своей целью охранить свободную женщину от брака с рабом. Статьей же 36 государство пыталось охранить свободного юношу от половой связи с несвободным мужчиной.

Статья 36¹ очень близка по своему построению и содержанию статье 34: «*ták-ku ERUM-iš A-NA DUMU. NITA EL-LIM ku-ú-ša-ta le-d[a-a-iz]-zi na-an LÚ an-ti-ya-an-ta-an o-ip-zi na-an-kán pa-ra-a [Ú]-UL ku-[i]š-ki tar-na-i*». Используя то, что мы установили выше, переводя статью 34, мы можем следующим образом перевести статью 36: «Если раб для свободного юноши цену жены прине [се]т и его любовником (хочет) брать, то его никто не (должен) передать (ему)».

Правда, некоторые исследователи не согласны видеть в данной статье указание на существование в хеттском обществе гомосексуализма. Они полагают, что раб внес «цену жены» не для юноши, а юноше за свою дочь, ибо хочет передать ее юноше в качестве жены². Но подобная интерпретация не учитывает того факта, что «*kušata*», «цена жены», выплачивалась тестю его будущим зятем, а не зятю тестем³. Кроме того, мы имеем упоминания о гомосексуализме и в других статьях судебногоника, и в мифах⁴. Поэтому я предполагаю, что интерпретация статьи 36, предложенная мной, является беспорной. Хеттское государство, действительно, пыталось защитить и своих молодых воинов от половой связи с рабами. При подобном поимании статья 36 хеттского судебногоника становится для историка особенно интересной. Она, в таком случае, имеет свою любопытную параллель в законодательстве Ассирии. Согласно Плутарху, Солоон издал закон, запрещающий рабам принимать участие в гимнастических занятиях на палестре, а также любить юношей⁵. Статья 36, как и 34, свидетельствует о том, что и в хеттском рабовладельческом обществе на более позднем этапе его развития расширялась пропасть между свободными и несвободными.

Если статья 36 может быть сближена с законодательством Солона, то статья 35 может быть сопоставлена с одним из параграфов судебногоника Хаммурапи. Мы имеем теперь новое чтение статьи 35: «*ták-ku ŠAL-an EL-LUM LÚ AGRIG na-aš-ma LÚ SIPAD pit[t]e-n[u-z]i ku-úš-ta-aš-ši Ú-UL be-da-a-iz-zi na-aš Y-[N]A [M]U 3[KAM GIM]-ša-ni-eš-zi*⁶. Перевод ее гласит следующее: «если свободную женщину приготовитель мазей (?)⁷ или пастух захватит⁸, цену жены не принесет, то она на 3 года становится рабыней». Указание статьи

¹ Я цитирую транскрипцию по Sturtevant-Bechtel, у. с., стр. 218.

² Sturtevant-Bechtel, у. с., стр. 227.

³ A. Götz — Kleinasien, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 105, пр. 6 и стр. 131.

⁵ См. Bethel—Dorische Knabenliebe, Rhein. Museum für Philologie, N. F. 22 (1907), стр. 458 и сл.

⁶ См. Sturtevant-Bechtel, у. с., стр. 218. Здесь полуразрушенное слово «*pit(t)e-n(u-z)i*» восстановлено по «*pit-te-nu-uz-zi*» статьи 37 в близком контексте.

⁷ Я следую в переводе этого термина A. Götz — Kleinasien, стр. 100.

⁸ Я первоначально, принимая во внимание аналогичную статью 175.

на то, что женщина «на 3 года становится рабыней»¹, заставляет невольно вспомнить известную статью 117 судебника Хаммурапи. Там вавилонский царь постановляет, чтобы члены семьи неоплатного должника работали в доме своего заимодавца лишь 3 года. Поэтому я предлагаю следующую интерпретацию статьи 35. Не входившие в состав общин припротопители мазей и пастухи могли себе брать жен из числа свободных женщин лишь в семьях своих должников. За неоплатный долг они захватывали дочь своего должника и заставляли ее, без уплаты «цены жены», войти в свой дом. Очевидно, эти женщины были не столько женами, сколько рабынями. Согласно жестоким нормам древнего долгового права, они оставались рабынями пожизненно. Впоследствии рабовладельческое государство в своей заботе о классе свободных людей ограничило их срок пребывания в долговой кабале 2, 3 или 4 годами².

И пришел к концу моего небольшого исследования, посвященного интерпретации трех статей хеттского судебника. Интерпретация их доказывает, что хеттское рабовладельческое общество стремилось защитить свободных бедняков и от вечной долговой кабалы, и от брака и половой связи с рабами. Это доказывает, что хеттское общество начало на позднейших этапах своего исторического процесса приближаться к более развитым рабовладельческим обществам. Подобный результат моего исследования не является слишком неожиданным; ведь уже давно был установлен один весьма существенный пункт сближения между хеттским и афинским государствами. И здесь и там телесные наказания налагались на одних лишь рабов. Свободный хетт, как и афинский гражданин, не мог быть подвергнут унижению телесного наказания³.

¹ В статье 175 женщина становится рабыней на 2 или 4 года.

² Поскольку статья 35 имеется только в фрагменте № 2 (см. Witzel, у. с., стр. 147, и. 9), то мы должны предположить, что она была в судебнике до статей 34 и 36 (см. выше, стр. 31).

³ Если в ассирийском праве подобные наказания налагались и на свободных ассирийцев, то причиной этого не является, как наивно полагает A. Götzе («Kleinasien», стр. 109), меньшая оценка семитами человеческой жизни и достоинств, но более низкая стадия развития ассирийского рабовладельческого общества. В последнем, как более примитивном, еще не создалась качественная дифференциация между свободным человеком и рабом.

УСПЕХИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ за последние пятьдесят лет

Проф. К. Ф. Леманн-Гаупт *

Сделанное мне редакцией вновь выходящего «Вестника древней истории» предложение—дать отчет об успехах, достигнутых в изучении древней истории за последние 50 лет,—я охотно принимаю.

Я был еще учеником Теодора Моммзена, за последние же две трети истекшего полувека я внимательнейшим образом следил за успехами, достигнутыми изучением древней истории, издавая основанный мною в 1900 г. и находившийся под моим руководством до 1936 г. интернациональный журнал: «Клио. Материалы по древней истории» («Klio. Beiträge zur alten Geschichte»).

В конечном итоге величайшим успехом в этой области за последние 50 лет явилось открытие крито-минойской культуры и установление связи между нею и микенской культурой, ставшей нам известной благодаря раскопкам Шлимана. Поэтому новый журнал, посвященный проблемам древней истории, не может не вспомнить открывшего эту культуру 84-летнего неутомимо-деятельного маститого ученого А р т у р а Э в а н с а, почтив вместе с тем также и память его ровесника, великого исследователя Малой Азии, сэра В и л ь я м а Р а м с е я.

Вслед за открытием крито-микенской культуры последовало не уступающее ему по значению, хотя и находящееся еще в значительной мере в стадии развития, открытие истории и культуры хеттского государства в различные периоды его развития.

По вопросам, относящимся к этой чрезвычайно важной и широко разветвленной области древней истории, слово будет предоставлено в журнале в первую очередь Ф. Г р о з н о м у, как компетентному знатоку этой проблемы.

* Проф. К. Ф. Леманн-Гаупт (С. F. Lehmann-Haupt, Innsbruck), один из крупнейших ориенталистов, имеющий за собой пятидесятилетнюю научную деятельность. Особенно ценны его заслуги в области халдоведения. Он является наиболее заслуженным собирателем, толкователем и издателем халдской эпиграфики. В течение ряда десятилетий являлся редактором известного исторического журнала «Клио». В 1936 г. прочел курс лекций по халдоведению в г. Тбилиси.

Крито(элладо)-микенская культура вершинами своего развития, как правило, предвосхищает периоды расцвета хеттского государства, причем нет недостатка и в связующих эти культуры нитях; отсюда и в этой связи возникает необходимость при изучении крито-микенского периода не упускать из виду и проблемы, относящиеся к истории хеттов.

Вообще говоря, диктуемое существом дела предварительное изложение основ крито(элладо)-микенской культуры представляет серьезные преимущества с точки зрения методической и по соображениям ясности изложения еще и потому, что, с одной стороны, разработка этой темы вызывает необходимость изложения весьма важных для всего изучения древней истории методологических точек зрения, с другой же стороны—оно поповоле и без всякого наиряжения приводит к изучению других, более или менее смежных, областей культуры и проблем, которые мы в некоторой части можем и должны включить в наше изложение.

Таким образом, в частности при изложении крито(элладо)-микенской культуры, в поле нашего зрения, естественно, начиная с Эгеп, оказываются и древний Египет, и Вавилон, и проблема этрусков, и истоки халдейской истории, причем все они в значительной степени могут быть подвергнуты рассмотрению в этой связи.

Вообще говоря, для сводного труда, каким является настоящая работа, простой хронологически-деловой последовательности изложения следует предпочесть группировку материала вокруг естественным образом возникающего центра, и к такому именно методу изложения будем все время в дальнейшем стремиться и мы.

К крито-микенской культуре я издавна и постоянно испытывал особый интерес.

Я был, пожалуй, одним из первых, если не первым, изложившим в Германии проблемы этой культуры в особых лекциях; это имело место впервые в течение зимнего семестра 1905/06 г. в цикле докладов, включенных в научные чтения в моем родном городе Гамбурге, организация которых на целый ряд лет предшествовала основанию Гамбургского университета. Лекция же, прочитанная мною в Берлинском университете в зимнем семестре 1906/07 г. на тему: «Крито-микенская культура и эпос Гомера», когда в числе моих слушателей находился Д и т р и х Ф и м м е н, бывший тогда молодым студентом, явилась не только первой лекцией, прочитанной на эту тему в Берлинском университете.—она была также первой лекцией по истории в этом университете, сопровождавшейся демонстрировавшим диапозитивов.

Точно так же впоследствии я имел счастье вступить в тесные научные и личные отношения с А. Эвансом; эти отношения окажутся полезными и в настоящей работе.

В 1894 г. Артур Эванс установил в результате изучения каменных печатей, происходивших, главным образом, с острова Крита, существование догреческого пиктографического (рисуночного) письма¹;

¹ Prehellenic Script, «Journal of Hellenic Studies», XIV (1894), XVII (1897), сейчас сведенные в один труд и упоминаемые в *Minoan I*, Oxford 1902.

на основании этого, а также и иного материала он произвел чрезвычайно богатое по своим результатам исследование вопроса о микенском культе деревьев и колонн и взаимоотношениях между этими культурами в Средиземноморье. Это исследование было им опубликовано в 1901 г.¹, после того, как, уже начиная с 1899 г., он приступил к работе заступом в Кносе, городе Мипоса (неподалеку от Кандии, примерно посредине северного побережья острова Крита, несколько дальше вглубь острова), начав здесь раскапывать те великолепные находки, которые должны были ознакомить нас с крито-микенской культурой. Эти раскопки продолжались с 1899—1900 гг. почти непрерывно до 1931 г.², увенчавшись в том году изумительным открытием храма-гробницы жреческого дая в Кносе³. Из Кноса английскими и американскими археологами были произведены успешные раскопки и шурфовки в целом ряде других развалин, расположенных в северо-восточном и восточном районах Крита.

Приблизительно в это же время итальянцы под руководством Гамльбхерра и Савиньоли приступили на юге острова к чрезвычайно успешным раскопкам в Фесте, по прямой линии к югу от Кноса и, примерно, в таком же расположении к южному побережью острова, в каком Кнос находится по отношению к северному; одновременно велись работы в соседней Агпа Триаде⁴.

Эти критские открытия дали возможность установить, что металлургические и керамические изделия «микенской» культуры находились во многих отношениях и, в частности, в смысле языка форм⁵, в отчетливых взаимоотношениях с изделиями критской культуры, так что в некоторых отношениях их можно было рассматривать, как единое целое, причем, однако, преимущество в смысле происхождения и оригинальности оказывалось на стороне Крита. Таким образом создавалось понятие «крито-микенской» культуры, которого стали придерживаться, и притом с полным правом, также и после того, как более точные исследования показали, что на греческом материке

¹ On Mycenaean Tree and Pillar Cult and its Mediterranean relations. «Journ. Hell. Stud.», XXI (1901), 22 и след.

² Текущие отчеты об английских раскопках на Крите, в первую очередь в Кносе и его районе, а затем и в районах других развалин на севере и востоке острова (Палаикастро, Загро, Василики, Агпа Фотиа и т. д.): «Annuals (of the British School at Athens), Nr. VI (Session 1899—1900 и сл.). Вместо них, дополняя и углубляя эти материалы выступает А. J. Evans — (The Palace (of Minos) London 1921, ff. vol. I, II/1, II/2, III, IV/1, IV/2, V.

³ L e h m a n n - H a u p t — (Das) Tempelgrab (des Priesterkönigs zu Knossos), «Klio», XXV (1932), 169—196 и сл.

⁴ Текущие отчеты об итальянских раскопках в Фесте, Агпа Триаде, а также в прочих местах на юге Крита: «Monumenti ant(ichi)», XI (1901).

⁵ С точки зрения связи, определяемой языком форм, исключительно характерным оказался сразу же тот именно орнамент, который в основном состоит из овала, принимающего по направлению к краям раковинно- или веерообразные формы и разделяемого широкой полосой на две части. Ряд подобных овалов, выложенных по краям и вдоль полосы синей глазури, был обнаружен в виде фриза во дворце в Тиринфе, соответствующего минаосскому фризу (ἄριος Κούριος) в Фаякском дворце (Од. VII, 86). Этот орнамент, однако, и его повторение в виде

имелись отчасти налицо значительно большее своеобразие и самостоятельность, нежели это первоначально предполагалось¹.

Тем временем и на греческом материке, а именно в Фессалии и в Орхомене, были произведены открытия, результаты которых нельзя было вообще — или без оговорок — включить в сферу «крито-микенской» культуры и ее местных предвестников. Вскоре затем, в первую очередь неподалеку от Коринфа в нынешнем Кораку² (возможно на месте нахождения древнего Эфира), англичанами была, впервые на греческом материке, открыта непрерывная и достигавшая древнейших поселений последовательность наслоенных, причем в самых древних из этих слоев было установлено наличие очень своеобразной керамики, в преобладающей своей части отличной как от критской, так и от микенской. Авторы этих открытий А. И. Уэйс³ и В. Блэнджес и выдвинули принятое вскоре всеми предложение назвать эту греческую материковую культуру в различные периоды ее развития единым термином «элладской культуры». Несмотря на многие отличия, особенно для древнейшего периода, все же обнаружены и для древних периодов и для нового периода синхронизмы и совпадения с микенской и даже крито-микенской культурой. Поэтому доисторический период истории Греции стали обозначать, как «крито-элладо-микенскую» культуру.

В рамках элладской культуры вскоре удалось при продолжении Германским археологическим институтом раскопок в Трипифе⁴ безоспительно установить издавна разыскиваемый учеными момент переселения сюда индо-германских эллинов: греки вторглись в свою

«фриза из полуколонн и триглицев» были применены также очень рано, как рельеф, на фризобразно использованных порфировых блоках во дворце в Кносе («Palace», II, 2, 591), а также в Микенах (Шлиман — Микены, рис. 151); ср. сейчас Ноппанд, «American Journal of Archaeology» 1917, 126 и W. Lamb, «Annual», XXV (раскопки 1921—1923 гг.), на табличке из слоистой кости в Микенах, на стеклянной пасте в Моиди и на фресках в Орхомене. Он встречается также в строгих культового назначения в том виде, в каком их воспроизводит кованые золотые таблички из Микен и фреска в тропном зале в Кносе («J. Hell. St.» XXI (1901), pl. IV, H. Vossert — Aitkreta, 2, 55), причем здесь в той модификации, что изображены лишь две половины разукрашенного овала, обращенные спиной друг к другу. Небольшое святилище этого рода с таким орнаментом было затем обнаружено во дворце в самом Кносе (A. J. Evans — Restored shrine on Central Court of the Palace at Knossos, «Journ. of Royal Inst. of British Architects» 1914, 289—295. Прочие документы, а также попытку объяснить возникновение орнамента см. Evans — Palace, I, рис. 223 и рис. 226, II, 2, 605 (Th. Fyfe) 607 и IV, 210; Lehmann — Haupt — Tempelgrab (o. S.) 187, прим. 4).

¹ Большая независимость микенской культуры, несмотря на отчетливое критское влияние: G. Karo — Minoische Rhyta, «Archäol. Jahrbuch», XXVI (1911), 249—270, табл. 7—9 и «Die Schachtgräber von Mykenai» появились в 1927 г. в «Athenische Mitteilungen», XL (1915), 113—230. Kurt Müller — Frühmykenische Reliefs, «Archäol. Jahrbuch», XXX (1915), 242—336, табл. 9—12.

² W. Blegen — Korakou (1921).

³ Новые раскопки в Микенах под руководством А. И. Уэйса в 1920—1921 гг. «Annual», XXIV, 185—209, 1921—1923: «Annual», XXV, 2—434.

⁴ Kurt Müller — Tiryns, III, 1930. Сюда же: Fr. Schachermeyer — «Klio», XXIX, 2 (1931), 372—375.

будущую родину к концу «древне-элладского» периода, примерно, совпадающего во времени с «древне-минойским» периодом на Крите.

Изучение относящихся к «крито-элладо-микенской» культуре хронологических вопросов дает методологически важные для всей древней истории результаты.

Существенно важно разграничение истории и доисторической эпохи.

Предпосылкой всякой истории являются письменные документы. Эпоха, к которой нигде на известной нам поверхности земли не относятся никакие письменные документы, входит полностью в состав доисторической эпохи, и притом—абсолютно. В настоящее время древнейшие из известных нам письменных свидетельств обнаружены в Египте и Вавилоне. Эти документы или содержащиеся в них исторические данные относятся, по видимому, к эпохе, идущей вглубь истории вплоть до второй половины 5-го тысячелетия до нашей эры. Следовательно, по меньшей мере к этому времени отодвигается эпоха абсолютно доисторическая. В то время, когда в Передней Азии, в Египте, Индии, а вскоре и в Китае, бассейне Южного моря и в древней Америке наблюдается расцвет культуры и письменности, большие области, жившие впоследствии исторической жизнью, лишены еще письменных памятников; это, однако, отнюдь не означает обязательного отсутствия здесь культуры, либо самостоятельной, либо складывающейся под влиянием перечисленных выше «исторических» областей, причем раньше или позже и эти ставшие области сами постигают, в свою очередь, искусство письма. До этого момента они находятся—по сравнению с названными ранее более развитыми областями, а также с последующим периодом своего собственного исторического развития, также в относительно доисторической стадии развития. Момент, с которого начинается письменность, зависит от случайностей исторического развития: поэтому доисторический период развития Греции, Рима, Германии имеет различную длительность. Однако при ознакомлении с доисторическим периодом развития любой культуры можно наблюдать известную закономерность. Главным признаком является применение металлов для технических целей. До этого повсюду существует каменный век, который делится в применении ко всему древнему миру на громадной длительности отрезок времени, охватывающий ледниковые периоды и промежутки между ними,—это более древний, «палеолитический» период, ступень, когда человек являлся ловцом диких животных и охотником,—и на более поздний, «неолитический» период, знавший уже скотоводство и земледелие. Между этими двумя периодами, в качестве промежуточной ступени, существовал «мезолитический» период.

В переднеазиатско-европейском культурном цикле из металлов, употребляемых в обиходе, медь и бронза идут впереди железа (медно-каменный век, древний и новый бронзовые века, железный век), выступающего лишь к концу микенского периода. Более высокие стадии развития, обуславливающие создание письменности, нигде—насколько можно наблюдать—не идут вглубь времени дальше медно-

каменного века. Таким образом, до возникновения древнейших документов в Египте и Вавилоне повсюду существует каменный век; его окончание в прочих областях приходится на совершенно различные даты. Но доисторический период той или иной области можно осветить на основании сопоставления с историческими документами соседних областей. Границы между относительно доисторическим периодом и периодом историческим стираются. Завоевание для истории таким именно путем относительно-доисторических периодов является важной задачей древней истории, задачей, которую она как раз в работах по крито-микенской культуре отчетливо сознавала. До тех пор, пока критское письмо, прослеженное в различных стадиях развития, не будет расшифровано, древнейшая история Греции будет лишена какого-либо собственного, современного этому периоду документального обоснования. Ни одно из имен повелителей того времени не может быть названо с уверенностью, и все же «греческий доисторический период» по праву считается областью исторического исследования. Сведения, идущие из соседних «исторических» областей, создают возможность расположить правильно во времени и подвергнуть исследованию с точки зрения исторического развития все то, что вскрыто в районе Эгейского моря заступом Шлимана и его последователей.

Раньше, нежели обратиться к хронологии крито-микенской культуры, неизбежно приводящей нас к изучению египетской и вавилонской хронологии и истории, необходимо дать себе отчет в том, какое участие принимали народы древнего Востока в развитии человеческой культуры.

Слова Гете:

Und viele Geschlechter
Reihen sich dauernd
An ihres Daseins
Unendliche Kette

(«И ряд поколений постоянно чередуются в бесконечной цепи своего существования») относятся не только к человеческим поколениям и к богам, отличающимся от людей—в античном понимании—лишь степенью своего совершенства, но также и к творениям человеческого гения. Мысль, когда-либо высказанная, изобретение, когда-либо ставшее известным, сохраняют свое содержание в течение веков и тысячелетий, и даже те из них, которые погибают или подвергаются уничтожению, редко,—а, пожалуй, и никогда,—исчезают бесследно. Что прежде всего привлекает наше внимание к древней истории, в особенности же—к истории древнего Востока, это культурные достижения, которые—с большей или меньшей степенью отчетливости—сохранили еще свое влияние на процесс складывания нашей современной культуры или же—нашей некультурности. Чрезвычайно перепутаны и разнообразны нити, связывающие нас с этой древнейшей эпохой, и очень различны каналы, через которые до нас доходят культурные блага древности.

Не входя пока в подробное изложение всех в отдельности линий,

связывающих нас с этим прошлым, следует наперед указать на некоторые группы явлений культурного развития, где воздействие древнего Востока оказалось особенно значительным.

Из Вавилона происходят, вместе с основами астрономии, и главнейшие черты нашего исчисления времени. Каждый циферблат наших часов с имеющимся на нем подразделением часового диска на 60 минут является наглядным доказательством влияния, оказанного на нас вавилонской культурой. Вавилон, служивший некогда важнейшим посредником в торговле между Востоком и Западом в направлении из Индии в Средиземное море, имел решающее и осязаемое до нашего времени влияние на развитие как внешних форм торговых сношений, так и внутренних условий, которыми регулируются эти сношения, как, например, юридические обычаи, формы договоров и законы.

Также и та категория представлений, — менее благотворных, а зачастую прямо роковых, — которые влияют на судьбы мира вплоть до наших дней, как, например, мысль о мировом господстве, — имеет свои древнейшие, но поддающиеся точному установлению, корни в Двуречье, — в Вавилоне. И как раз в этом отношении ассирийцы являются лишь слишком способными учениками своих южных соседей, связанных с ними узами племенного родства.

В жестокой борьбе между Вавилоном и Ассирией за господство была впервые создана — в качестве некоторого компромисса — государственно-правовая форма личной унии между двумя государственными образованиями, во всех остальных отношениях вполне самостоятельными; созданы были взаимоотношения, особенности и трудности которых давали себя чувствовать вплоть до последних событий, разыгравшихся уже в наши дни. Это, правда, один из тех многочисленных случаев, относительно которого нельзя с уверенностью сказать, что явление, имевшее место в древности, непосредственно породило факты, наблюдаемые нами в новые времена: одинаковые предположения могут привести к одинаковым результатам и без сознательного позаимствования опыта древности.

Искусство резьбы на камне и техника эмали, т. е. искусство покрывать обожженную глину, преимущественно — кирпич, блестящим слоем цветного сплава, получило свое первоначальное развитие в Вавилоне; то же самое можно сказать об одной, по крайней мере, отрасли ткачества, а именно — об изготовлении цветных лент при помощи дощечек или карточек, без применения ткацкого станка; этот метод производства я застал еще сорок лет назад в Тбилиси (как и в Мосуле), как еще действующий; в настоящее время на Советском Кавказе его можно найти лишь в деревне.

Что касается, однако, искусства в целом, и прежде всего — архитектуры и ваяния, то родиной, давшей им своеобразнейшее развитие и ставшей центром длительного влияния на позднейшее искусство, следует назвать страну Нила.

На создание алфавита, одного из важнейших достижений нашей культуры, по всем признакам решающее влияние имели также принципы, положенные в основу египетских письмен.

Наша бумага в целом ряде языков до сих пор еще носит название растения, из сердцевины которого египтяне добывали замечательную растительную ткань для писания; эта ткань в сухой почве Египта прекрасно сохранилась и в наши дни вместе с покрывающими ее письменах празднует свое изумительное и полное значения воскресение.

В Египте получили наиболее древнее и очень основательное развитие финансовое управление и налоговая техника, а понятие «божьей милостью» современных династий имеет свои сильнейшие корни в стране фараонов.

Посредническая роль хеттов между странами Передней Азии и востоком Эгейского моря является, несомненно, фактом большого значения, хотя в отдельных своих подробностях эта роль подлежит еще выяснению. Исключительно важное значение имеет то обстоятельство, что среди народов, населявших великую хеттскую державу, были представлены также индо-германцы и индусы. Хетты оказали влияние на характер государств Малой Азии, введя политическую форму «стран божества», жреческих государств, которые, по-видимому, уже в самые ранние времена посвящались хеттским царем-завоевателем богу соответствующего города и области, где затем управляли верховные жрецы на одинаковых началах с прочими царьками и под верховным суверенитетом хеттского царя.

Необычной для древнего Востока является высокая оценка личности у хеттов, черта, совершенно чуждая вавилонянам и египтянам. Царь никогда не приписывает себе подвигов, совершенных кем-либо из его генералов, и обо всех поступках, как положительных, так и отрицательных, касающихся царя и его подданных, сообщает без всякого приукрашивания. Во всех произведениях хеттской письменности, где это возможно, приводятся имена составителей: вместе с их произведениями сохраняются в течение веков и имена авторов, причем это относится отнюдь не только к тем, кто обязан своим признанием близостью к двору. Наоборот, писатели и писательницы—их тоже имеется значительное количество—живут в самых различных областях хеттского государства; от некоторых из них остался целый ряд произведений, так что можно рассчитывать, что с течением времени удастся изучить их личности и свойственный им стиль.

С точки зрения развития человеческой культуры в целом особое значение имела хеттская железная монополия и ее отмена. В состав хеттской державы в наиболее широком смысле этого слова входила богатая железом область Кизвадна, расположенная, по всей вероятности, на Понтийском побережье. Цари хеттов препятствовали вывозу железа, оказывая этим содействие хеттской военной промышленности. Они снабжали свои войска по мере надобности вооружением, изготовленным из железа, в особенности, пови-

димому, короткими мечами, в то время как их противники были лишены возможности ответить им тем же¹.

В результате эгейского переселения² (подробности см. ниже) произошло падение хеттской державы, вследствие чего отпало и отмеченное выше запрещение вывоза малоазийского железа.

Впоследствии в деле развития добычи и обработки железа выдающееся участие принял до недавнего времени почти совершенно потерянный из виду народ Востока, а именно—проживавшие некогда в теперешней Армении, в стране Арарат, х а л д ы, или у р а р т и й ц ы³. Обладавшие вообще исключительной опытностью в деле обработки металлов, они являются также изобретателями принятого еще в настоящее время в СССР метода обработки серебра, называемого «тульской» техникой.

Строительством с применением разноцветного камня, область искусства, достигшая своего высочайшего развития в джоттовской кампанилле во Флоренции, ведет свое происхождение от халдов. Им принадлежит значительная доля участия в создании познической колонны, как сложной архитектурной формы, представляющей соединение чрезвычайно различных элементов разнообразного происхождения. Что касается их гидравлических сооружений, их каналов и водонапорных озер, то они до сегодняшнего дня орошают и оплодотворяют равнины Армении⁴.

¹ Schachermeyer—Materiälen zur Geschichte der ägäischen Wanderung, Mitteilung. d. Deutschen Archäol. Instituts, Athenische Abteilung 1916, XLI (опубликовано в 1928 г.), S. 409. H. R. Hall—Anatolian studies presented to W. M. Ramsay, p. 130. Lehmann-Haupt—Armenien einst und jetzt, II, 2, 891.

² Lehmann-Haupt—Aus und um Kreta, «Klio», 1904, I, S. 294.

³ Урарту—более древнее Ур[у]арту—является названием местности, принятым за много столетий до прибытия сюда халдов. Государственное устройство халдов представляло собою теократическую организацию, в которой отдельные подданные назывались—по имени главного бога Халда—х а л д и и ы. Ассирийцы, евреи, персы, которые не могли признавать этого враждебного их собственным главным божествам бога Халда, избегали связанного с его именем названия этого народа, предпочитая географические наименования, построенные на названии местности: урартийцы, Арарат, *Альродиа*. Греки, которым подобные соображения были чужды, называли их действительным именем этого народа, как *χάλδοι* (часто неправильно *χάλδοις*). Подробности см. ниже, а также в моей работе—«Наименования, первобытная родина, странствования халдов и их взаимоотношения с другими малоазийскими народами, в частности с картвельцами», которая составлена мною по предложению руководящих грузинских кругов и должна появиться в «Известиях Института языка, истории и материальной культуры им. академика Марра» Тбилисского отделения Академии наук СССР.

⁴ В этом месте необходимо указать в особенности на мой труд—«Armenien einst und jetzt», Berlin (Bd. I, 1910, Bd. II/1, 1926) и, в частности на пятую книгу—«Культура, происхождение и местонахождение халдов» («Армения», том II/2, 1931, стр. 454—833) и на «Заключение» всего труда (там же, стр. 834—1058). На это мое изложение основ данной проблемы, существенным образом выходящее за пределы прежнего моего исследования, в новейшей литературе зачастую не обращается внимания. Теодор Виганд в составленной им для «Археологического справочника» на 1937 г. статье: «Памятники, их разрушение, восстановление и сохранение», приводит на стр. 90: «Германская экспедиция в Армению под руководством Леманн-Гауна и Бельке».

Халды почти что идентичны с халибами, которых греки во главе с Гекатеем представляют себе главными производителями железа и изобретателями стали¹.

В развитии музыки главная роль приписывается л и д и й ц а м. Известно также, что финикийцам в их торговых экспедициях принадлежит заслуга распространения культурных достижений прочих восточных народов в Греции и далее в западных областях Средиземноморского бассейна в течение целого ряда столетий.

Влияние же этрусков, народа, прибывшего в Италию из Малой Азии, на культуру Италии и в первую очередь—римлян должно оцениваться, как это обнаруживается со все возрастающей отчетливостью, исключительно высоко. Ведь и сам Рим своим происхождением обязан этрускам, которые основали этот город!

Между различными народами Переднего Востока существовали многообразные взаимоотношения, построенные на торговом обмене. Поэтому не всегда можно с уверенностью сказать, что только какой-нибудь один народ—и именно данный—является творцом какого-либо культурного достижения: в результате вопрос о том, где следует искать первых корней того или иного навыка или изобретения, на берегу ли Нила или в Двуречье, зачастую остается нерешенным.

То обстоятельство, что обе основные формы многообразной культуры древнего Востока получили свое развитие в у с т ь я х б о л ь ш и х р е к—с одной стороны, Евфрата и Тигра, с другой—Нила, является отнюдь не простой случайностью. Дело не только в том, что области, расположенные в устьях рек, создают особо благоприятные условия для обеспечения существования человека. Главную роль при этом играет тот факт, что необходимость регулирования течения

Виганд, которому—совместно с Т. Нельдеке и В. Дерпфельдом—посвящен том II «Армении», и который еще живо интересовался составлением появившегося в 1937 г. «Общего указателя» к этому труду по Армении, был, конечно, очень хорошо знаком с изложенными здесь данными по археологии, в особенности в томе II/2. Однако в «Указателе сокращений» для упомянутого справочника, являющегося одновременно и указателем литературы, приведены (на стр. 12) лишь мои «Материалы».

Для автора указателя, приподмого, например, даже в «Ванской экспедиции Марр—Орбели», Ленинград, 1922 г. (на русском языке), «Армения» и относящиеся к данному вопросу т. II/1 (1926 г.) и в особенности т. II/2 (1931 г.) остались неизвестными.

Точно так же Фридрих Мац в своем труде «Altitalische und vorderasiatische Riefelschalen» («Klio», 1937, XXX, 110—117) приводит лишь выпуск геттингенских «Трудов», содержащих мои «Материалы», где опубликованы впервые данные о рифленной чаше из Топракале. То, однако, обстоятельство, что в «Армении» (т. II/2, 1931, стр. 506) воспроизведена не только эта чаша, но вместе с тем, в развитие работы Каро, исчерпывающе изложена проблема рифления сосудов и их появление, начиная с древнейшего Вавилона (Ур) и до этрусков,—осталось совершенно неизвестным этому автору, полагающему, что он впервые ставит и обсуждает данный вопрос (см. появившийся в 1936 г. «Общий указатель» к «Армении», стр. 93, под: «Рифление, как орнамент на сосудах»; к приведенным там стр. 897, 974, 978 следует прибавить еще 867 и 899; стр. 866 является опечаткой, должно быть 506).

¹ Lehmann-Haupt — Armenien, II/2, S. 793—809.

реки для целей орошения и осушки представляет собою исключительно важную движущую силу на пути развития государства и культуры. Каждому индивиду в отдельности было в этом отношении совершенно не под силу создать что-либо полезное; с другой стороны, ему приходилось все время думать о том, чтобы не сделать чего-либо такого, что ему полезно, но для ближайшего его соседа, живущего выше или вниз по течению, может оказаться вредным. Отсюда даже наперед создается необходимость объединиться для общего совета и совместного труда. Таким путем создавались первые ростки, приведшие затем к образованию общины, к организации государства.

Вся эта работа осталась бы, однако, бесполезной до тех пор, пока не было бы установлено наблюдение за всеми особенностями течения рек, за их подъемом и спадом в связи с таянием снегов в горах, откуда они вытекают.

Таким образом, люди, заселяющие берега больших рек, оказываются в гораздо большей зависимости от изучения времен года, а следовательно, и звездного неба, нежели жители открытых равнин. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что Двуречье стало родиной научного исследования звездного неба (астрономия) и во все времена близко с ним связанного, полного суеверий искусства звездочетов (астрология), и что в этом отношении должна Нила лишь мало отставала от Двуречья.

Мы ограничиваем наше изложение Ближним Востоком, Египтом и Передней Азией, а также средиземноморскими странами. Не следует, однако, забывать, что это ограничение, как и всякая попытка устанавливать при изучении истории пограничные столбы, ограничивающие изложение во времени или пространстве, является мерой, диктуемой лишь несовершенством человеческих знаний. Поскольку Вавилон был посредником в торговле, шедшей в Индию и из Индии и поскольку с торговыми отношениями обычно неразрывно связан также и обмен духовными благами, совершенно ясно, что Древняя Индия по праву должна быть включена в сферу нашего изучения. Поэтому наш отказ от более подробного изложения этого вопроса может быть оправдан исключительно лишь недостаточностью сведений об Индии, которыми мы располагаем для нашего периода изучаемой нами эпохи.

Точно так же многообразными должны были представиться взаимоотношения, существовавшие у Ближнего Востока с Дальним Востоком, главным образом, с К и т а е м; отчасти это может быть установлено, отчасти же об этих взаимоотношениях можно лишь догадываться. У нас тем больше оснований обратить наши взоры в эту именно сторону, что Китай является единственной страной, в которой древнейшее прошлое самым живым образом связано с настоящим непрерывной цепью преданий. В силу этого обстановка и условия тех времен, которые мы пытаемся искусственно и с большим трудом восстановить на основании изучения памятников древности, оставшихся на берегу Нила и в Двуречье,—эта обстановка и эти условия в Китае во многих отношениях существуют еще и поныне. Поэтому тот факт, что древняя история ограничивается изучением средиземно-

морских стран в широком смысле этого слова, нельзя приветствовать, как нечто, предлагаемое без оговорок и ограничений.

Насколько мы в состоянии усмотреть, первые зачатки высших форм человеческой культуры нигде, ни в Двуречье, ни в Египте, ни на Крите, ни в Трое и ни в Китае даже, — не уходят сколько-нибудь заметно за пределы 6-го тысячелетия до нашей эры. Уместным является вопрос, не определялся и не стимулировался ли подобный ход развития состоянием земной поверхности в этих районах. Как известно, большие пространства земного шара оказывались неоднократно под ледяным покровом, и, например, возможно установить наличие в прошлом к северу от Альп и Пиренеев и к югу от Скандинавских гор многочисленных ледников с полярными животными и полярными растениями, между которыми в ранний период каменного века («палеолитический») лишь относительно узкая полоса свободной от льда земли предоставляла условия, подходящие для развития человеческой жизни. После того как льды отступали, пространства, необходимые для устройства человеческих поселений, существенно увеличивались, и в соответствии с этим климатические условия, а наряду с ними и животный и растительный мир испытывали радикальные изменения. Отсюда и возникли понятия ледниковых и промежуточных между ними периодов. Вопрос о том, не имело ли место около 6 000 или 5 500 лет до нашей эры такое преодоление последствий заключительного ледникового периода в бассейне Средиземного моря, которое создало возможность для развития новой и особенно устойчивой человеческой породы и обеспечило ее активность, — такой вопрос должен считаться вполне оправданным и плодотворным, хотя пределы наших современных знаний и не дают нам возможности на него ответить. Наоборот, было бы совершенно неверно связывать этот процесс развития культуры с фактом первого появления человека, как такового, хотя такие предположения и делались некоторыми историками¹. Ибо наличие человеческой культуры, сопровождавшейся высокой степенью развития искусства, может быть установлено в период, который — как доказано — предшествовал 6-му тысячелетию до нашей эры больше, нежели на десять тысяч лет; этот период так называемой мадленской культуры в свою очередь отделен десятками и сотнями тысячелетий от других эпох, относящихся к ранним ледниковым периодам и к промежуткам между ними и показывающих также памятники бесспорной человеческой деятельности, сопровождаемой развитием, хотя и примитивных, но все же заслуживающих внимания технических навыков и соответствующим подъемом культуры.

Как ни велик интерес истории к тому, чтобы установить время первого появления на земле человека и человеческой культуры, она не в состоянии ответить на этот вопрос: эта задача падает, главным образом, на долю естественных наук, в частности, с одной стороны, на геологию, и с другой — на биологию и антропологию.

¹ Eduard Meyer — Geschichte des Altertums, I/3, § 595, § 598. Возражения см.: C. F. Lehmann-Haupt — «Literar. Zentralbl.», 1915, Nr. 23, Sp. 352, ср. «Klio», 1936, XXIX, S. 298.

Если, таким образом, в этом вопросе история вынуждена уступить бесспорное первенство другим отраслям науки, то все же имеются и такие области науки, которые с историей взаимно дополняют друг друга, причем каждая из них попеременно выступает в роли вспомогательной отрасли знаний.

Сказанное относится даже и к некоторым отраслям естественных наук. Наблюдение небесного свода лежит не только в основе исчисления времени—в широчайшем смысле этого слова—и применения данного исчисления в области хронологии, без которой никакое историческое исследование, вообще, немыслимо; отдельные события древнейших времен, если доказано их совпадение с солнечным или лунным затмением, могут тоже быть установлены при помощи астрономии и вычислены с точностью до одного дня. С другой стороны, наблюдения за движением луны, имевшие место в древнем Востоке, дали возможность значительно обогатить современные астрономические исследования в области изучения движения спутников земли.

Взаимоотношения между мерами длины, емкости и веса в настоящее время регулируются физикой, и таково же было положение и в древнейшие времена. Поэтому в метрологии, т. е. науке, изучающей меры и веса и их развитие, история и физика оказываются в теснейшей связи между собой.

Другие смежные области знаний, с которыми история естественно приходит в еще более тесное соприкосновение, это археология, языковедение, наука о религии и мифология.

Археология, науке о древности в узком смысле слова, история в первую очередь обязана открытием того матерпала, который археологи при помощи заступа добывали из глубины земли.

Сказанное в особенности относится к истории древнего Востока и в области криpto-элладо-микенской культуры. В то время как в Египте благодаря долговечности строительных материалов и благоприятным климатическим условиям сохранились на поверхности земли и существуют и поныне многочисленные свидетели глубокой древности—пирамиды, обелиски, развалины храмов со стройными колоннами, каменные гробницы,—историю культуры Двуречья, Крита и не в меньшей степени историю хеттов удалось восстановить лишь при помощи обширных раскопок в местонахождениях развалин, покрытых землей и песками пустынь. Однако даже в Египте раскопки, предпринятые в течение последних десятилетий, существенно обогатили историческую науку и серьезнейшим образом видоизменили и углубили картину, созданную ранее исследованиями, проведенными на основе изучения памятников строительства и письменности, сохранившихся на поверхности земли.

Археология не ограничивается, однако, одним лишь добыванием материалов. Она разрабатывает проблемы развития искусства и техники в области зодчества, скульптуры, живописи и прикладного искусства, прежде всего—гончарного дела, а также взаимодействия, существовавшего между всеми этими произведениями искусства и общественной и домашней жизнью создавшего их народа.

Если, поэтому, толкование вновь найденных надписей является делом исследователя-историка, то, тем не менее, оказалось существенно важным, чтобы при этом все время имелось в виду и местонахождение археологической находки. Ибо очень часто местонахождение надписи оказывается решающим для раскрытия ее содержания.

Если, далее, в поле нашего зрения вступает неизвестный до сих пор язык, то само собою понятно, что при решении вопроса о его строгости и лексике, принадлежности его к той или иной известной нам семье языков и раскрытии его смысла—первое слово принадлежит языкознанию. Однако, даже когда эта главная часть работы уже проделана, история все же продолжает находиться в зависимости от помощи, которую может оказать ей эта близкая отрасль знания—в особенности при решении весьма важных и зачастую очень запутанных вопросов, касающихся происхождения, а также странствований и позаимствований культурных ценностей как материального, так и отвлеченного характера. Ибо вместе с изобретением или новым представлением страивуют зачастую и их названия. Названия местностей и племен могут дать очень ценные для исторической науки объяснения и из расщепления диалектов можно установить совершенно неожиданные исторические события.

Сравнительное изучение религий, находящееся еще в начальной стадии развития, содействует пониманию религиозных представлений, которые возникали у того или иного народа, а также процесса их развития. В тесной связи с религиозными находятся и мифологические представления, сказания и легенды, хотя отнюдь и не во всех областях религия и мифология совпадают.

Установление границы между сказанием и историей является в одинаковой степени важной и трудной задачей исторического исследования. Воспоминания человеческого коллектива, относящиеся к давно миновавшим временам, сохраняются обычно в форме легенд, в которых вымысел доминирует над преданием. В таких случаях необходимо поком критической обработки умело удалить скорлупу легенды, чтобы добраться до ее исторического ядра. При этом, однако, имеется склонность, широко встречающаяся в действительности, откидывать в качестве легендарных и такие элементы предания, которые исторически вполне мыслимы и правдоподобны. В таких случаях приходится сталкиваться с недооценкой той исключительной силы памяти, которую мы наблюдаем у молодых народов, не имеющих еще письменности; это свойство дает возможность сохранять в устной передаче от отца к сыну в неискаженном виде существенные черты отдаленнейших событий.

Археологические исследования создали перелом и в этой области. Раскопки Шлимана и Эванса доказали, что сказания о Трое, Микенах и Крите были правдой. Казавшаяся лишь легендарной царица Семирамида предстала перед нами в полном свете исторической правды.

После этого обзора, содержащего данные относительно вклада отдельных народов древнего Востока в дело общего развития чело-

веческой культуры и частью уже отраженного достигнутые успехи в изучении древней истории за последние полстолетия, частью же служащего исходной точкой для изложения этих успехов,—мы переходим сейчас к рассмотрению выясненной лишь в течение истекших 50 лет хронологии крито-микенско-эоладской культуры, неразрывно связанной с хронологией и историей древнего Египта и Вавилона.

Дело в том, что в хронологии древнейших времен—наподобие доисторического периода, хотя и не совсем аналогично с ним—следует проводить различие между относительной и абсолютной хронологией. При отсутствии прежде всего собственных письменных свидетельств относительную хронологию можно было установить в первую очередь на основании последовательности наслоений, в особенности в Трое, и других подобных соображений в Микенах. Таким путем, мы устанавливаем, что 6-й слой в Трое существовал в одно время с микенским, или, точнее—с позднемикенским периодом.

Однако этим еще ничего не было выиграно для включения всемирной истории в общую хронологию, в особенности же специально интересующего нас в данном случае древнего мира, т. е. для абсолютной хронологии. Это удалось установить лишь путем определения взаимоотношений между этими периодами и некоторыми, поддающимися абсолютному уточнению, периодами в древневосточной, в особенности же—египетской, истории. Таким образом, еще до того как подоспели открытия на Крите, выяснилось в отношении Микен, что шахтные гробницы относятся к тому же времени, что и период гиксосов в Египте, камерные же и купольные гробницы—к последовавшему за временами гиксосов периоду восемнадцатой династии, с которой начинается Новое Царство.

На Крите, как и в других областях Греции, нижние, древнейшие наслоения восходят к эпохе неолита со специфической культурой, свойственной каменному веку. Оставляя в стороне этот нижний слой, А. Эванс¹ провел в Кносе, в первую очередь, деление на три главных отрезка поздней культуры бронзового века и минойской культуры: Early Minoan (EM)—Frühminoisch (FM), т. е. древнеминойский, Middle Minoan—Mittelminoisch (MM), т. е. среднеминойский и Late Minoan (LM)—Spätminoisch (SM), т. е. новоминойский периоды. Каждый из этих трех основных отрезков он разделил на три подразделения (I, II, III), и таким образом получилось, например, FM II, MM I, SM III; в результате применения этого несколько механического и фантастического способа он добился установления связи с девятью годами Миноса, упоминаемыми у Гомера (Од., XIX, 178). Несмотря на то, что это деление уже в самом Кносе натолкнулось на большие трудности, так что проведение его в жизнь в части, касающейся подразделений, подлежит серьезным сомнениям, оно представляет и на сегодняшний день основу и костяк всей хроноло-

¹ A. J. Evans—Essai de classification de la civilisation Minoenne, London 1906, см. в «Palace», Korakou, стр. 121.

гии доисторического периода Греции. В частности, с англо-американской стороны элладские периоды были приведены в соответствие с минойскими таким образом, что каждому из трех основных минойских отрезков времени соответствовал один элладский период (древне-, средне- и позднеэлладский периоды). При этом, правда, первоначально, с одной стороны, среднеэлладский период был разбит лишь на два подразделения, с другой же стороны—период древнеэлладский III пришлось отнести далеко вглубь среднеминойского периода II. Соответственно этому островная культура была разделена на три главных периода: древне-, средне- и позднекикладские периоды с тремя подразделениями в каждом.

Важные опорные пункты для хронологии критской культуры составляют строительство и перестройка дворцов в Кносе и Фесте, развитие керамики, зачастую покрытой блестящим слоем краски (неправильно называемой лаком), а также изменение стилей в росписи стен. Здесь возникают принципиальные трудности и расхождения во мнениях. Тот факт, что на Крите имело место повторявшееся заселение острова новыми пришельцами—бесспорно:

...ἐν δ' ἄνθρωποι
πολλοὶ ἀπειρέσιον καὶ ἐννήκοντα πόλεις
ἄλλη δ' ἄλλων γλώσσα μεμιγμένη ἐν μὲν Ἀχαιοί,
' ἐν δ' Ἐτεόκρητες μεγάλητορες ἐν δὲ Κύδωνες
Δωριέες τε τριῶνες, οἳ τε Πελάσγοι (Od. XIX, 172 ff.).

Из приведенных здесь названий этеокритяне и кидонцы относятся во всяком случае к поселениям, обнаруженным в древнейших наслоенных, точно так же и целиком являются не греческим и догреческим народом. Находки антропологического и краниологического характера также подтверждают факт смешения народов и рас. Таким образом, напрашивается связь между далеко идущими поворотами в процессе развития строительства и материальной культуры и вторжениями неприятеля и связанным с ними притоком чуждых народностей. Все же Эванс («Palace», I, 30) не признает предположения о чужеземных завоеваниях, относит эти перемены исключительно за счет землетрясений. Он в состоянии сослаться при этом на тот факт, что Кнос был центром землетрясений («Palace», II, 1, § 45 и сл., 48). Было ли это, однако, вызвано землетрясением или разрушением какого-либо иного происхождения, очень трудно с точностью установить—за некоторыми исключениями—даже на месте; тем более это, конечно, неразрешимо для человека, не принимавшего непосредственного участия в раскопках. В результате этого—возражения, выдвигаемые против Эванса с его опирающимися на слишком механическое подразделение периодов взглядами относительно перехода как древнеминойского периода в среднеминойский, так и этого последнего в позднеминойский,—еще более усиливаются и осложняются. Серьезное и надежное основание для деления на периоды представляют

обую, в первую очередь, развитие керамики, техника д е с т и л ь д е к о р а т и в н ы х к о м п о з и ц и й н а в а з а х¹.

Вершину развития критской керамики представляют собою сосуды стиля Камарес, название позаимствовано от современного наименования пещеры Теуса на Иде; это нанесенные матовыми красками, пестрые, прямо- и криволинейные, а также построенные на растительных мотивах декоративные композиции, писанные на матовое стекло, покрывающем весь сосуд. При этом художник стремился не к воздействию на зрителя натуралистическими приемами, а к достижению наиболее привлекательного сочетания черной, белой, красной и оранжевой красок. Прекраснейшим достижением техники Камарес являются тонкие, как личная скорлупа, сосуды, в которых явно чувствуются проблески металлического прообраза. Стиль Камарес относится ко второму среднеминойскому периоду (ММ II). От ММ I он в свою очередь отделяется отчетливо ощущаемым как в стилистическом, так и в историческом отношении поворотом. Начиная с этой высшей точки, можно уже проследить процесс о б р а т н о г о р а з в и т и я керамики и использовать его для установления относительной хронологии крито-минойской культуры. В качестве ступени, предшествовавшей технике Камарес как в техническом, так и в стилистическом отношениях, мы встречаем окрашивание сосудов в белый цвет при помощи плотной известковой краски, легко трескающейся; к этой белой краске присоединяются во все возрастающем количестве красные и желтые полосы, причем орнамент переходит в богатые мотивы, построенные на кривых линиях и витых узорах. Эта предшествующая ступень относится, таким образом, к среднеминойскому периоду I. Такое деление подтверждается еще одним, недостаточно оцениваемым, признаком исторического порядка. Значительное количество поселений Восточного Крита (острова Мохл и Пеира, далее Василики, Агна Фотна) и Мессары, к которым присоединяется еще первый слой Тиллисса, прекращают свое существование как раз в тот момент, когда техника окрашивания в белый цвет с оранжево-желтой и красной сопровождающими красками, развившаяся уже до уровня богатых мотивов из кривых линий и витых узоров, достигла описанной выше вершины своего развития в форме стиля Камарес². К этой предшествующей ступени ММ I относится бесспорно и первый большой дворец в Кносе; возможно, что и дворец в Фесте был построен в период ММ I. При таком положении правильное всего было бы предположить, что к концу ММ I на Крит вторглись новые элементы населения («идонцы?»), которые разрушили некоторое количество древнекритских («этеокритских») поселений, оставив, однако, в неприкосновенности резиденции повелителей в Кносе (а возможно, и в Фесте); затем они подчинились влиянию более высокой культуры, которую они застали на Крите, и приспособились к этой культуре³.

¹ Ernst Reisinger — Kretische Vasenmalerei, Berlin 1912, 4. D. F i m m o n — Die Kretisch-mykenische Kultur, 2 Aufl. Leipzig u. Berlin 1924.

² F i m m e n, 131.

³ L e h m a n n - H a u p t, «Klio», 183, прим. 1.

Переходим к вопросу о разграничении древнеминойского и среднеминойского периодов, или точнее—о проведении границы между FM III и MM I, т. е. к вопросу, в котором Эванс полностью ошибается.

Из трех главных групп керамики, встречающейся в древнейшем Крите, наиболее важной является третья, по Ф и м е н у: раскрашивавшие белой жидкой краской по фону, покрытому тонким слоем лака.

Отсюда прямая линия развития ведет к зрелым, построенным на кривых линиях, мотивам, нанесенным на сосуды при помощи плотной известковой краски. Этот переход не мог, конечно, иметь место, как утверждает Эванс, в середине древнеминойского периода III, к древнеминойскому же периоду III относятся нанесенные жидкой краской прямолинейные декоративные композиции; что касается мотивов из кривых линий, нанесенных плотной краской, к которым примыкает полихромия, то, как мы видели, они относятся к MM I. Подтверждением правильности установления этой грани может считаться то обстоятельство, что она совпадает с прекращением существования особой группы (II) древнейшей керамики, так называемой *mottled ware*: сосуды с пятнистой или струнстой отделкой, красноватый слой краски на которых, очевидно, в результате особой техники обжига, представляется покрытым пятнами.

Трудности, вытекающие из слишком схематического понимания Эвансом последовательности наслоений, усложняются при переходе от среднеминойского к позднеминойскому периоду.

Оказывается решительно невозможным провести черту между MM III и SM I. Даже сам Эванс соединяет иногда MM III и SM I в одну *transitional epoch* (переходную эпоху). Решающим оказывается, как мы это еще увидим из дальнейшего, новый натуралистический стиль как в керамике, так и в росписи стен, находящийся в резком противоречии со стилем Камарес и его ответвлениями¹. Он характерен для позднеминойского периода и относится к тому же времени, что и строительство второго дворца в Кносе, а также Фестского дворца (подробнее см. ниже).

Важнейшую основу для абсолютной хронологии доисторического периода Греции представляют собою взаимоотношения и синхронизмы с Египтом.

Древнейшие случаи полностью обеспеченного с обеих сторон совпадения во времени подтверждаются обнаружением керамики в стиле Камарес в египетских сооружениях двенадцатой династии, а именно—хорошо сохранившегося красивого сосуда Камарес, который был найден в гробнице в Абидосе, содержащей вазы и украшения одной лишь только двенадцатой династии и печати фараонов Сенвосрета (Сесостриса) III и Аменемхета III, принадлежавших к этой династии.

Древнее египетское царство закончилось, как мы увидим, с ше-

¹ Ed. Meyer, I³, § 504, A. II³, 1, 165 A. I и 169 A. I; Fr. Matz—Die frühkretischen Siegel, Berl.—Leipz. 1928, и Fr. Schachermeyer, «Klio», XXIV, 372; Lehmann-Haupt, «Klio», XXV, 184.

и династией. К концу царствования этой династии растущая мощь и независимость окружных князей (номархов) и чиновной аристократии привели к ослаблению царской власти. Округа (номы) — вешней в них наследственной аристократией стали почти независимыми. Неудивительно, что номархи не захотели больше повиноваться царю или даже сами стали стремиться к царской власти, в результате чего вспыхнула борьба за престол и внутренние волнения. Таким образом, между концом шестой династии и началом одиннадцатой последовал период бессилия и внутренней раздробленности, охватывающий, примерно, половину тысячелетия (около 2220—2220 гг. до н. э.).

В Верхнем Египте сложился к тому времени воинственный род ливанских номархов, расширивших свои владения первоначально по направлению к югу. Постепенно активные повелители Фив стали приобретать растущее влияние, которое, в конце концов, при некоем Ментухотепе привело к завоеванию ими Севера.

Таким образом, Египет оказался снова объединенным под властью одиннадцатой династии (около 2040—2000 гг. до н. э.), с которой и начинается Среднее Царство.

Вершину развития Среднего Царства определяет собою двенадцатая династия, сменившая около 2000 г. до н. э. одиннадцатую. Как и ее предшественница, эта династия происходила из города Фив в Среднем Египте, приобретшего к тому времени в результате работ фараонов все более растущее значение в стране. Однако резиденции повелителей этой династии, носивших почти сплошь имена Аменхет или Сенвосрет (Сесострис), и построенные ими «города мертвых» находились не в Фивах, а частью в районе теперешних местностей Ишт и Дашур к югу от Мемфиса, частью в Фаюме.

Ближайшее знакомство с египетским календарем и использование его особенностей для абсолютной хронологии является, в основном, достижением последних 50 лет.

Египетский календарь был введен, как мы можем в точности рассчитать, 19 июля 4236 г. до н. э. по Юлианскому летосчислению. Тогда восход созвездия Пса, имеющий решающее значение для нильского наводнения, приходился на первый день египетского года. Период времени между двумя восходами созвездия Пса почти в точности соответствует продолжительности солнечного года, равному по приблизительному подсчету Юлианского календаря $365 \frac{1}{4}$ дням. Египтяне, однако, вели счет времени, исходя из года, делившегося на три времени года, а именно: время разлива, посева и жатвы, каждое по четыре месяца в 30 дней, из которых первый месяц назывался именем тот. К этим 360 дням прибавлялись еще пять добавочных дней, находившиеся вне месяцев (греческие «эпагомены»). Это значит, что египетский год был на четверть дня короче Юлианского солнечного года. Следствием этого явилось, что восход созвездия Пса, совпавший в этот первый год с 1 тот, продолжал совпадать с ним еще и в течение следующих трех лет. После этого, однако, отставание египетского календаря по сравнению с Юлианским на четверть дня стало сказываться в том, что с пятого по восьмой годы

восход Сириуса («Сотис») приходился уже на второй день египетского года и т. д.

Рассказ о Синухе дает нам очень интересный материал для ознакомления с культурной и политической обстановкой, существовавшей в период Среднего Царства. После смерти фараона Аменемхета I Синухе по политическим причинам бежал в Палестину и далее в Вифлигу в Финикии, женился там на дочери вождя одного из туземных племен и наделенный большой семьей жил в богатой плодами и дичью области этой страны, пока, наконец, на старости лет фараон Сесострис I не даровал ему прощение и право вернуться в Египет¹.

Цари двенадцатой династии усиленно строили, воздвигая, кроме своих гробниц, также и большие храмы. В Фивах и Дендере, в Танисе и Бубастисе, а также во многих других местах были найдены остатки этих храмов. Однако многие из сооружений Среднего Царства пали жертвой перестроек, произведенных повелителями Нового Царства.

Наряду с ростом внутреннего благосостояния шло также проявление государственной мощи во вне. Нубия (Эфиопия) была включена в состав египетского государства. Правда, малоплодородная узкая речная долина этой страны сама по себе не представляла ничего особенно привлекательного, тем большую зато ценность составляли золотые рудники ее пустынь. Для того, чтобы обеспечить себе возможность беспрепятственной их эксплуатации, сохраняя вместе с тем открытым доступ в расположенные далее к югу области Судана, повелители двенадцатой династии, продолжая традиции шестой династии, неоднократно воевали в Нубии. По этому пути шел как Аменемхет I, так и Сесострис I, пока, наконец, Сесострис III не смог соорудить в самом сердце страны, у Семне, свои пограничные крепости, рассчитанные на то, чтобы держать в повиновении негров и препятствовать им совершать набеги на египетские владения, расположенные вниз по течению реки. Сесострис III (ок. 1887—1849 гг. до н. э.) считался поэтому фактическим завоевателем Нубии, и впоследствии Тутмос III, продолжавший 500 лет спустя его дело, воздвиг храм в его честь.

Для двенадцатой династии, представляющей собою вершину развития Среднего Царства, начавшегося с одиннадцатой династии, имеется точно установленное при помощи «даты Сотиса» начало царствования (приходящееся почти точно на 2000 г. до н. э.), продолжительность же ее равняется 212 годам. Ранний восход созвездия Пса («Сотис» Сириуса) имел место 16-го числа восьмого месяца седьмого года царствования Сенвосрета III². В соответствии с этим 1 тот относится к неподвижным годам («Сотис») четырехлетия 1876—1873 гг.; отсюда же, используя имеющиеся сведения о продолжительности царствований предшественников Сенвосрета III, можно установить

¹ Lehmann-Haupt — Israel, seine Entwicklung im Rahmen der Weltgeschichte (1911) S. 12, 39, 290. Ed. Meyer — Gesch. d. Altertums. I/3, S. 261.

² L. Borchardt — Aeg. Ztschr. 37 (1899), 99 и сл.; J. Brix, там же, 101 и. 41 (1904), 27.

в качестве начального года царствования двенадцатой династии 1935—1993/2 гг¹.

Сведения обо всех находках, обнаруженных в гробнице в Абидосе, опубликованы открывшим ее Джоном Гарстином (Литерпуль) в «Annals», 1913, 102 и сл., табл. 13 и 14. Они сохраняются в Ashmolean Museum в Оксфорде, где имеется возможность сравнить вазу Камарес из Абидоса с другими подобными вазами, найденными при раскопках на Крите. Ваза Камарес из Абидоса сопоставлена с Фиммена (стр. 157, рис. 155) с вазой соответствующей формы из Феста.

Что речь идет здесь не об отдельной случайности или же о подарке, происходящем от прежних времен; что, наоборот, критяне периода Камарес (ММ II) действительно общались с египтянами времен двенадцатой династии и что, таким образом, ММ II должен считаться периодом, современным двенадцатой династии, и его следует отнести ко времени, примерно, между 2000 г. до ± 1800 г., доказываемая фактом обнаружения черепков от сосудов Камарес в Кахуне, местонахождении города, заложенного фараоном Сенвосретом II при сооружении своей пирамиды и вскоре затем пришедшего в запустение².

Установление хронологической одновременности времен Камарес, представляющих собою вершину развития среднеминойского периода (ММ II), с начавшейся около 2000 г. двенадцатой египетской династией вполне правильно. Это подтверждается фактом обнаружения цилиндрической печати Хаммурапи, великого основателя вавилонско-аккадской единой державы³. Эта печать представляет собою изолированную находку в районе между Кандией и Халмиросом, однако впоследствии по соседству с этими местами были найдены вазы среднеминойского периода⁴.

Двенадцать месяцев вавилонского года, существующие и поныне в еврейском календаре, начинаются весной с месяца писана. Таким образом, каждый вавилонский год лишь на три четверти совпадает календарным годом нашего исчисления времени, последняя же его четверть соответствует уже первой четверти следующего года по Григорианскому календарю. Вавилоняне «шостдатпруют», т. е. они в государственно-правовом и ритуальном, а следовательно, и в хронологическом отношении устанавливают в качестве момента вступления на престол своего повелителя более позднюю дату, нежели это

¹ E. d. Meyer — Aeg. Chron., 51 и сл.; Lehmann-Haupt — Alt. 17, 66 и сл.

² Flinders Petrie — Kahun, Gurob and Hawara (1890), 21 и сл. Mahun, Kahun and Gurob (1891), 5 и сл.

³ То обстоятельство, что действительным названием вавилонян и Вавилона является «аккаду» и что, таким образом, и вавилонский язык следует называть «аккадским», и впервые отметил в своей книге «Samasumukin, König von Babylonien, Inschriftliches Material für den Beginn seiner Regierung», 1892, применив определение «аккадский» вместо «вавилонский»; это не только не было принято во внимание, но даже было осмеяно. После 25 лет все это заново открыто, определения «аккаду» и «аккадский» признаны единственно действительными, без упоминания, однако, о моих трудах в этой области.

⁴ V e l o c h — Griechische Geschichte, II, 2, S. 123.

в действительности имело место. «Первый год» царя начинается с 1 нисана, первого полного календарного года его царствования, ибо только к новогоднему празднеству могло произойти вступление на престол путем церемонии приложения к рукам бога (в Вавилоне не позднее, нежели со времен Хаммурапи, этим богом был Мардук). Фактически относящиеся уже к его царствованию месяцы предыдущего года считаются «началом царствования» или как «год 0».

Поэтому, эра Селевкидов—*κατὰ γαλβαίους*—начинается не по тому принципу, как Македонская, т. е. не с осени 312 г. до н. э., соответственно времени возвращения Селевка в Вавилон (где, как раньше—Александра Великого, его приветствовали в качестве царя), а с весны (1 нисан) 311 г. до н. э.¹

Хаммурапи принадлежал к аморитской, так называемой первой династии Вавилона (22-й в общей последовательности вавилонских династий, неоднократно перекрывающих одна другую)². Эта династия просуществовала ровно 300 лет и была свергнута в результате вторжения хеттов. 43-летнее царствование Хаммурапи охватывает период времени со 103 по 145 г. существования этой династии. Он является шестым повелителем этой династии; десятого звали Аммицадуга и он царствовал 21 год. Нам известны наименования, которые давались каждому году царствования повелителей этой династии. В копиях более позднего происхождения до нас дошли наблюдения, относящиеся к восходу и заходу планеты Венеры и падающие на 8-й год царствования Аммицадуга. Эти астрономические наблюдения относятся, таким образом, ко времени царствования указанного повелителя. Поскольку на основании других хронологических данных (вавилонские списки царей, так называемые *Βαβυλωνιακά*), жившего в ранний эллинистический период вавилонского жреца Беросса—*Bel-re'-uššu*) нам известно, что «первая династия Вавилона» не могла прийти сколько-нибудь значительно позднее, нежели на грань 3-го и 2-го тысячелетий до нашей эры,—оставалось лишь астрономически установить, к какому отрезку этого периода относятся данные о восходах и заходах Венеры.

Из четырех получающихся в результате этих астрономических исследований возможностей фиксации 8-го года царствования Аммицадуга, Ф. К. К у г л е р, автор этих вычислений, высказался в пользу второго (1801/0 г.) и четвертого (1977/6 г.); затем он из этих двух возможностей отдал окончательно предпочтение второй, которая ниже первой на 176 лет. Таким образом, для определения длительности существования всей династии получаются годы: 2049—1750 (2225—1925), для Хаммурапи же: 1947—1905 (2123—2081). В соответствии с этим Л е м а н н - Г а у п т³ принял во внимание оба варианта исчисления, поместив их рядом друг с другом. В даль-

¹ L e h m a n n - H a u p t, «Berliner Philologische Wochenschrift», 1906, № 49; «Кlio», V (1905), 128 и сл.

² L e h m a n n - H a u p t — Geschichte des Alten Orients, «Zeittafel»; «Кlio» XIX (1925), S. 484, прим. 1.

³ L e h m a n n - H a u p t — Geschichte des Alten Orients, S. 76 и хронол. табл.

ишем, однако, Фозерингэм¹, учитывая данные о сборе фиников, пришел к выводу о необходимости отнести 8-й год царствования Аммицадуга, а следовательно и всю хронологию первой династии Вавилона, на годы, которые на 56 лет ниже, нежели высший из двух вариантов исчисления Куглера. К этому выводу присоединились также К. Шох² и П. Шнабель³, которые первоначально обратив также во внимание данные об урожае фиников, пришли к такому заключению. Леманн-Гаупт поддерживает уже сейчас метод определения, предложенный Фозерингэмом. В тексте и в таблице его «Истории древнего Востока» следует повсюду зачеркнуть более высокие даты, более высокие же (которые не нужно уже брать в скобки) — прибавить на 56 лет. Таким образом, получается: аморитская династия Вавилона—2169—1870 гг., Хаммурапи—2067—2025 гг. Эд. Мэйер («Aelt. Chronologie», 24 и сл.), в противоположность этому, имея возможности опровергнуть основания для исчисления этой хронологии по методу Фозерингэма, Шох и Шнабель, все же полагают, что по «историческим» соображениям (в действительности, совершенно неправильным и ведущим к необходимости полностью исключить следовавшую за династией Хаммурапи Приморскую династию⁴ следует отдать предпочтение более низкому из обоих куглеровских вариантов. Таким образом, он—аналогично приему Леманн-Гаупта—называет две различные даты для «первой аморитской династии Вавилона» рядом друг с другом, а именно: более низкую из дат Куглера и дату Фозерингэма; поэтому у него получается, например, что 43 года царствования Хаммурапи продолжались с 1947 по 1990 г. (по Фозерингэму 2067—2025 гг.). Правильны исключительно лишь последние даты.

Поскольку, таким образом, время царствования Хаммурапи следует отнести на 2067—2025 гг. до н. э.; поскольку, далее, взаимоотношения Вавилона к Средиземноморскому побережью и к бассейну Средиземного моря по меньшей мере вплоть до Кипра относятся к значительно более ранним временам и поскольку, наконец, при доказанном вавилонском влиянии на минойскую культуру в области искусства резьбы на камне, материалов для письма и весовых норм представляется вполне возможным, что цилиндрическая печать Хаммурапи попала на среднеминойский Крит во время его царствования, — то обнаружение этой печати подтверждает правильность отнесения начала среднеминойского периода на время около 2000 г. до н. э., причем возможно отодвинуть этот срок на полстолетия.

В то время как относительно личности Хаммурапи, как основа-

¹ Cambr. Anc. Hist., II (1924) 696, Ann.

² «Ammitzadugga», Selbstverlag, Berlin—Steglitz, Kuhlighshof; «Die erste Dynastie von Babylon», «Klio», XX (1925), 167 и сл.

³ К астрономическому определению древневавилонской хронологии с помощью таблиц планеты Венеры времен Аммицадуга см. «Z. Ass.», XXXVI (1928), 179 и сл. Приморскую династию необходимо частично отнести к Вавилону.

⁴ Lehmann-Haupt, «Klio», VIII (1908), 239 и сл. К этому вопросу см. по поводу Беросса: Lehmann-Haupt, «Klio», XXII, 1/2 (1928), 111—60; Reallex. d. Assyr., III и сл.

теля единой вавилонской державы, существовала уже известная ясность и в прежнее время, обнаружение и изучение свода законов Хаммурапи следует считать исключительно важным достижением истекшего столетия. Однако и то и другое находится в тесной связи между собою. Ибо именно для созданного им единого государства Хаммурапи издал свой великий свод законов. Стела, на которой записан текст этих законов, была найдена при раскопках в Сузах, куда она была в последующее время занесена из Вавилона вместе с другими ценными памятниками одним из эламитских завоевателей.

Царствование Хаммурапи было периодом расцвета древнего Вавилона. Царь заботился о безопасности страны, воздвигая с этой целью крепости; путем сооружения каналов он поддерживал культурное состояние почвы; им была создана точно регламентированная система управления, причем тщательным наблюдением за деятельностью чиновников царь старался предотвратить угнетение ими населения и всякого рода несправедливости.

С этой деятельностью Хаммурапи мы можем ознакомиться из целого ряда его писем или—правильнее сказать—распоряжений, обращенных к высокопоставленному чиновнику, служившему в Южном Вавилоне. В этих документах перед нами особенно отчетливо выступает своеобразие Хаммурапи, его просвещенный абсолютизм: исключительное внимание, уделяемое им маловажным, на первый взгляд, мелочам, лаконичность и острота его решений напоминают Фридриха Великого; с другой стороны, для Хаммурапи, как завоевателя и основателя государства, создавшего вместе с тем обширный и имевший большое влияние свод законов, вполне уместно сравнение с Наполеоном I. В создании этого свода законов Хаммурапи, очевидно, принимал значительное личное участие, и у нас имеется также возможность проиллюстрировать процесс творчества законодателя. Ибо, если это собрание составлено и не по признаку чисто-правовых категорий, если в нем нет определенного порядка изложения по категориям разнообразных юридических сделок и проступков, все же в нем чувствуется определенное духовное единство: порядок изложения частью определялся правовыми по существу соображениями, частью же переход от одних групп вопросов к другим вызывался случайными сопоставлениями и сходством представлений и фактических обстоятельств рассматриваемых вопросов.

Соображения как внешнего, так и внутреннего порядка дают нам, вместе с тем, возможность установить, что собранием Хаммурапи восприняты и более ранние узаконения и притом частью в их первоначально установленном порядке. Наиболее отчетливо это сказывается в имеющих характер формул оборотов, когда отмечается прекращение действия определенных правовых отношений в том виде, в каком они известны нам из «сумерийских семейных законов»; это выдержки из более древних законов, приводимые в двоякой редакции, а именно: на сумерийском и на аккадско-семитическом языках. В подобных случаях у Хаммурапи, почти как правило, одновременно приводится угроза применения какого-нибудь варварского наказания, как пережитка прежних форм правосудия. Это имеет

часто, например, в конце всего свода, когда господину, которому раба, как это было доказано, сказал: «Ты больше не господин мой», — предоставлено право отрезать у раба ухо. Таким же образом, например, тот, кто производит кражу из горящего дома, должен быть брошен в тот же огонь». Нередко даже удается еще вскрыть прежнюю степень юридических воззрений, уже преодоленную Хаммурапи; в некоторых редких случаях прежние узаконения приводятся текстовально, давая возможность прямого сравнения. Так, например, в шумерийских семейных законах¹ сказано: «Если муж говорит жене своей: ты больше не жена моя, то он должен уплатить пол-мины серебра». «Если жена говорит мужу своему: ты больше не муж мой, — бросает в реку». У Хаммурапи обязанность мужа произвести уплату осталась: он должен уплатить свободно рожденной минну серебра. Жена же, если она обвиняет мужа в пренебрежении и докажет это, имеет право вернуться в дом своего отца, получая обратно свое приданое. Известное нам еще из постановлений Урукagina старое наказание, полагавшееся за супружескую неверность, остается в силе для того случая, когда будет доказано, что жалоба жены лишена оснований и что, в действительности, она именно пренебрегает домашним хозяйством и нарушает супружескую верность. Тогда ее, как совершившую прелюбодеяние и оклеветавшую своего мужа, «бросают в реку».

Наряду с подобными, несколько более отсталыми узаконениями имеются, с другой стороны, и очень передовые. Так, усыновление, произведенное против воли фактических родителей, считается недействительным. Кто путем клеветы расстроил обручение, не имеет права жениться на прежней обрученной. В том случае, когда во время войны муж попадает в плен, и жена покидает его дом, т. е. выходит замуж за другого, проводится строгое и справедливое различие между двумя причинами ухода: если в доме имелись достаточные средства к существованию, то жена, как нарушившая супружескую верность, должна быть брошена в реку; если же средств не было, и она действовала из нужды, то она признается невиновной. В последнем случае, если муж возвращается из плена, жена должна вновь вернуться к своему первому супругу; дети, однако, от обоих браков остаются у своих отцов.

На основании всех имеющихся данных можно предположить, что свод законов возник, примерно, следующим образом¹: в качестве основания Хаммурапи принял старые, в преобладающей части шумерийские, законы и притом—по нашим понятиям—главным образом, уголовные и, вероятно, сведенные уже в какую-то форму собрания уголовных законов; использовав этот материал, он создал заново все уголовное и гражданское право.

Создавая правовые нормы и устанавливая порядок изложения их в своем своде, Хаммурапи руководствовался, главным образом, хозяйственными соображениями, имея в виду, прежде всего, потребности сельского хозяйства и торговли. Созданный таким образом сборник

¹ Lehmann-Haupt—Babyloniens Kulturmission einst und jetzt, 1903, S. 45—57; «Geschichte des Alten Orients», S. 101.

законов весьма далек от полного совершенства, как мы его понимаем, в особенности также из-за преобладания казуистики. Так, например, в частности, в своде нигде нет общего решения вопроса о возмещении за убитого раба; этот вопрос упоминается в одном месте в связи со смертью, вызванной разрушением небрежно построенного дома. В другом—с убийством раба бодливым быком. Тем не менее, это законодательство, построенное на шумерийской основе, является замечательным творением, свидетельством высокого культурного прогресса человечества; именно поэтому оно оказало устойчивое влияние как на законодательное и правовое творчество, так и на самое законодательство народов Востока, а косвенно и Запада, вплоть до римского права. Наиболее отчетливо это влияние сказывается в ассирийском и хеттском законодательствах. В самом Вавилоне мы можем проследить воздействие и влияние законов Хаммурапи на примере многочисленных деловых документов, дающих нам представление о самых разнообразных юридических сделках, в первую очередь—купли-продажи и аренды. Таких документов имелось уже множество и в древнесумерийские времена. Для письменного изложения юридических сделок уже в шумерийские времена получила права гражданства терминология, менявшаяся несколько в зависимости от времени ее применения, но в целом сохранявшая силу. Эти деловые документы несут на себе также совершенно очевидный отпечаток творческого шумерийского гения. Шумерийцы были основателями юридического языка, влиянию которого не могли противостоять и семитические вавилоняне.

Таким образом, на грани 3-го тысячелетия до нашей эры перед нами выступает период высокой культуры в Среднем Царстве Египта, в царствование Хаммурапи в Вавилоне и во времена Камарес на Крите. Во всех этих трех культурных центрах вскоре наступили потрясения, в которых существенную роль сыграло вторжение гиксосов в Египет и основание ими мировой державы.

Подтверждением результатов наших исследований и, вместе с тем, связующим звеном, ведущим нас ко временам гиксосов, является соответствующий нашим данным об одновременности существования двенадцатой династии и периода Камарес факт о б н а р у ж е н и я н и ж н е й п о л о в и н ы египетской мужской сидящей фигуры из диорита в одном из наслоений дворца в Кносе, заполненном черепками сосудов Камарес¹. Эта фигура носит грубо нацарапанную египетскую надпись с именем Ибнеб и по стилю и материалу относится к двенадцатой династии, или, во всяком случае, не позднее времени начала царствования тринадцатой династии. Царствование этой последней династии началось около 1788—1785 гг. до н. э., в последние же ее годы (около 1680—1670 гг.) последовало вторжение гиксосов².

(Продолжение следует)

¹ E y a n s —Annual, VI, 26 и сл., Palace, I, 288.

² E d. M e y e r—Nachträge zur ägyptischen Chronologie, 34 и сл.

R E S U M E

Die größten Errungenschaften der letzten 50 Jahre die Entdeckung der kretisch-minoischen und der hettitischen Kultur. Die erstere weiter ausgebaut, die letztere zudem von anderer Seite zu behandeln. Unser Ausgangspunkt die kretisch-helladisch-mykenische Kultur, zwangsläufig zur Betrachtung der ägyptischen, der babylonischen, der hettitischen Geschichte und Kultur führt.

Abgrenzung zwischen Prähistorie und Geschichte.

Überblick über den Anteil der altorientalischen Völker an der Entwicklung der menschlichen Kultur.

Relative Chronologie der kretisch-minoischen Kultur: Evans' Stufenfolge in Knossos und Bedenken dagegen.

Die Keramik mit dünnflüssigen weissen linearen Mustern gehört der Frühminoischen Zeit (FM) an. Die mit dickflüssiger Weissmalerei und Blumenmustern und Hinzutreten der Polychromie—der Mittelminoischen Zeit (MM).

Den Höhepunkt von MM bilden die in MM II gehörigen an Technik und polychromer Dekoration hervorragenden Kamares-Gefässe.

In MM I—mit der beschriebener Vorstufe der polychromen Dekoration—gehört die Gründung des Palastes in Knossos und vielleicht auch Phaistos.

Für die absolute Chronologie der kretisch-minoischen Zeit bietet die grundlegende Anhaltspunkt die Gleichzeitigkeit von MM II mit der ägyptischen 12. Dynastie, die den Höhepunkt des Mittleren Reiches darstellt. Bedeutung und hauptsächlich neuerkannte Errungenschaften der 12. Dynastie.

Die Gleichzeitigkeit erwiesen durch Kamares-Vase (MM II) in ägyptischem Grabe der 12. Dynastie zu Abydos und durch Funde von Kamares-Scherben in Kahun, der Ruinenstätte eines Dorfes, das nur unter Sen-Wosret während des Baues seiner Pyramide besiedelt war: MM II somit—ca 2000 bis ±1800.

Dies weiter bestätigt durch Fund eines babylonischen Siegelzylinders des Chammurapis (2067—2025 v. Chr.), des Begründers des babylonischen akkadischen Einheitsreiches, des 8. Herrschers der amoritischen «ersten Dynastie von Babylon». Deren chronologische Bestimmung nach den Venusbeobachtungen aus dem 8. Jahre Ammizaduggas des 10. Königs dieser Dynastie.

Bedeutung Chammurapis und seines großen in der Berichtsperiode verfaßten Gesetzbuches.

Gleichzeitige Blüte des ägyptischen Mittleren Reiches der Chammurapizeit in Babylonien und der Kamares-Zeit (MM II) auf Kreta.

Erschütterung dieser Blüte in allen drei Gebieten namentlich durch den Hyksos-Einfall in Aegypten und die Errichtung des Weltreiches der Hyksos.

Darüber zu Beginn der Fortsetzung.

ВОСТОЧНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ времен халдских завоеваний

Акад. И. И. Мещанинов

При колоссальном подъеме работ на историческом участке обществоведческих дисциплин становится во весь рост проблема генезиса исторически прослеживаемых племенных и государственных образований.

Исследователю, приближающемуся к разрешению подобного рода проблематики, нередко приходится спускаться вглубь истории, не достигаемой письменными свидетельствами. Здесь внимание его обращается преимущественно к археологическому материалу, как к историческому источнику, подлинному свидетелю жизни и деятельности современного ему человеческого общества. Но археологический материал в своих отдельных представителях слабо поддается абсолютной датировке календарными годами минувших веков. Именно в таком состоянии и находятся археологические памятники дописменной истории Закавказья.

Многообразный в своем племенном составе далекого прошлого, Кавказ представлял смешанную картину хронологически сосуществующих, но культурно совершенно различных общественных единиц, продвинувшихся вперед и отсталых при различии социального строя их же носителей. Образовавшиеся в Закавказье феодальные государства в былые эпохи даже средневековья сталкивались с племенами Северного Кавказа примерно так же, как и само Закавказье предшествующих периодов еще последних этапов родового строя соприкасалось в своих границах и в политико-экономических взаимоотношениях с уже сложившимися государствами феодального строя древнего Вавилонии и Ассирии.

При таких условиях естественно, что отдельно взятые археологические памятники в значительной степени остаются еще сырым материалом, требующим более углубленного исследовательского подхода с учетом всей сложности исторического прошлого. Есте-

важным оказывается также стремление самих археологов точнее фиксировать хотя бы один определенный исторический участок. Обняемый данными, более ясными в своем социальном определении, хотя бы и извлекаемыми от соседа, легче поддающегося изучению благодаря наличию письменности. Таковым для известного периода истории Закавказья оказывается связанный с ним древний Вэн (халды, урарты), оставивший письменные свидетельства также и на территории междуречья Аракса и Куры.

Кадры азербайджанских археологов в течение ряда последних лет собрали богатый материал для освещения темных еще сторон древнейшей истории изучаемого ими края. Материал уходит, по всем данным, в доклассовое общество, в последние периоды родового строя, и тем самым мы постепенно приближаемся к разрешению сложнейших вопросов об образовании племен, племенных союзов и о последовавшем за ними образовании народностей Восточного Закавказья, переходившего на государственный строй.

Из числа интересующих нас памятников сюда относятся погребения в курганах и каменных ящиках с их инвентарем, городища и так называемые «циклопические крепости» (калача). Из них пока лучше обследованы погребения, хотя все же значительное количество могил, раскопанных еще археологами дооктябрьского периода, недостаточно систематизировано и далеко не поддается в точности даже относительной хронологии. Датировка их остается до сих пор условною. Приурочение же их определенному социальному посетелю оказывается еще более гадательным. При таких условиях, естественно, что молодые силы местных работников, выросших за последние 10—15 лет, обратили свое внимание на более достоверный и показательный источник, на городища и крепости, учитывая погребальный инвентарь в общем с ними комплекс.

Работа в этом направлении начата, но, конечно, далеко еще не доведена до степени обогащения данными, достаточными для более конкретных выводов. Для них требуется детальное обследование еще не затронутых раскопками старых сооружений городищ и «циклопических крепостей». Требуется, кроме того, установление хронологической связи с ними прилегающих могильников, одновременность которых вовсе не обуславливается одною только географическою близостью. Могильники могли существовать и до построения жилищ мест уже осевшего населения, присоединившего в свою очередь свои погребения. Могли они и продолжаться на местах уже исторически мертвых памятников, обслуживая последующие смены населения. Таких примеров много. Достаточно сослаться хотя бы на развалины крепости Нор-Баязет халдского времени, в границах которой расположено ныне действующее армянское кладбище, немилосердно использующее для своих могильных плит все уменьшающиеся остатки старого строительства.

Опыт археолога-раскопщика и знание им материала служат известною гарантией от поспешных и неправильных научных выводов, ясно указывая путь в сторону комплексного изучения минувших судеб края с исходным пунктом от круга исторически известных памятников.

Взятый Азербайджанским филиалом Академии наук, в частности— азербайджанскими археологами А. Алекперовым и И. Джафар-заде, упор на изучение «циклопических крепостей» имеет в этом отношении свое безусловное оправдание¹. Эти памятники, в известной своей части, легче поддаются хронологическому определению, так как некоторые из них, несомненно, датируются в своем существовании древнейшими в Закавказье письменными свидетельствами халдского (урартского) периода. «Циклопические крепости» с халдскими надписями найдены в ССР Армении. Тексты халдских завоевателей, подучившие в последнее время значительные уточнения в своем чтении, дают полное основание видеть в фиксируемых ими каменных крепостях сооружения местного населения, составившие в свое время некоторую препопу к более быстрому движению халдов на север. В этих надписях, обычно, повествуется о покорении «городов» и «цитаделей-крепостей», то-есть о военном захвате именно тех защищенных мест, от которых по настоящее время уцелели «циклопические» остатки². Подобного же рода сооружения (но без халдских в них надписей) в значительном количестве прослежены и на территории Азербайджана.

Сложенные из громадных каменных глыб, размером иногда до 2 м, массивные стены далеко не всегда окружали крепости в буквальном смысле этого слова. Скорее всего можно предполагать, что за ними оборонялся не военный гарнизон, а сами жители, спасавшиеся от вражеских набегов. По всем данным, они строились не в расчете на защиту от действий более регулярного войска ванского правителя. Они, судя по только что упомянутым текстам, застигнуты халдскими завоевателями здесь на месте и, конечно, не могли быть воздвигнуты в поспешных заданиях обороны от уже наступавшего грозного врага. Сама техника сложного массивного сооружения говорит за неизбежную длительность постройки, что не согласуется с условиями защиты от неприятеля, приход которого ожидался со дня на день. Все это указывает на то, что циклопические стены служили убежищем от нападения других, таких же численно небольших племен, имевших в тех же целях свои «циклопические сооружения».

Халдские тексты ясно говорят о том, что население современного им Закавказья, и во всяком случае горного района Севанского озера, разбивалось на отдельные самостоятельные племена (по халдской передаче—«страны») со своими вождями (по-халдски—«царями») и со своими «городами» и «цитаделями». Многочисленность их на небольшой сравнительно территории устанавливается рядом надписей. Достаточно сослаться на Козагранскую, разбор текста которой

¹ Краткая сводная по этому вопросу работа И. Джафар-заде—Циклопические сооружения Азербайджана—подготовлена к печати.

² См. М. В. Никольский—Материалы по археологии Кавказа (V), надписи: Гулиджанская (VII), Ганлиджинская (V), Эблярская (VI), Ордаклинская (VIII), Атамханская (XVI); ср. также Нор-Баизетскую в «Изв. Акад. наук» за 1932 г.

лит основной темой настоящей моей статьи. Разбитое на отдельные племена, население Закавказья защищалось «крепостями» друг от друга или, как предполагает И. Джафар-заде¹, от полукочевников с юга, подымавшихся в горы Малого Кавказа на летние месяцы и в выработанной ими системе эйлажного скотоводства.

Такие «крепости», несмотря на мощность циклопической кладки, не выдерживали длительной осады и, отрезанные от воды, должны были быстро сдаваться на жестокую милость халдского царя. Мне кажется, что для взятия такой «крепости» не требовалось даже прихода. Население их само шло на покорность, лишённое питьевого источника, лежащего вне огражденного пространства и могущего удовлетворить потребности скученного населения. При регулярной осаде его не спасали и спускающиеся вниз к реке подземные ходы (Хаджи-Баиязет), узкие и ограниченные в числе².

Успех халдского продвижения в значительной степени может объясняться именно тем, что, при существовавшей племенной раздробленности, завоеватель легко покорял одну «страну» за другою — в результате одного похода разрушал «циклопические крепости» десятками. Такие утверждения как: «20 цитаделей... в добычу я завёл. 120 городов сразу (в один день) я взял» (Сард. летописец, стр. 24—25) являются, если и несколько преувеличенною, все же прекрасною иллюстрациею ко всему сказанному. Успешные действия завоевателя несомненны, но, с другой стороны, систематическое продвижение халдов на север,³ в Закавказье, должно было вести к успешному процессу укрупнения племенных союзов, сопротивлявшихся воздействию, и к ускорению разложения их родовых устоев.

Наброшенная мною историческая перспектива требует подтверждения проверенными фактами. Собираанием их, в части Восточного Закавказья, и заняты в настоящее время археологические силы азербайджанского научного центра.

Циклопические сооружения Азербайджана, так же как и других мест Закавказья, далеко не одновременны. Застигнутые на месте халдскими завоевателями, они, как возникшие не в связи с войною с главным соседом, могли иметь датировку, значительно предшествующую концу IX и началу VIII в. до н. э., когда войска древнего Вана, судя по письменным источникам, впервые перешли воды Аракса. С другой стороны, техника построек, вовсе не связанная с халдскою культурою, сохранилась и после падения самого халдского государства (ср., например, развалины у Хаджи-Баирама в Армении)⁴. Это же время не приходится отрицать возможности видеть в некоторых крепостях постройки самих халдов, что с достаточною катего-

¹ См. в упомянутой выше следной статье о циклопических сооружениях Азербайджана.

² См. Т. А в д а л б е г я н — Вновь открытая Нор-баиязетская клинописная археологическая находка. «Изв. Института наук и искусств в Армении», 1932 г., № 2 (на армянском языке); И. М е щ а п и н о в — Циклопические сооружения Закавказья, 1932.

³ См. И. П. М е щ а п и н о в — Циклопические сооружения Закавказья, 1932 г., стр. 17 и др.

ричностью вытекает из слов таких текстов, как «эту цитадель я соорудил»¹.

Приходится, при таких условиях, признать, что одно наличие циклопических построек само по себе еще вовсе не говорит за точную их датировку веками существовавшего халдского государства (IX—VI вв. до н. э.). К тому же они могли служить разным целям, что равным образом отражалось на внешнем их виде и во всяком случае на плане сооружаемого памятника.

К таким выводам уже приходили исследователи, знакомившиеся с памятниками на местах². Так, составитель первого сводного, хотя и предварительного, описания циклопических сооружений Азербайджана, И. Джафар-заде, устанавливает, что многие из них расположены вдоль древних горных вьючных дорог. Отсюда им делается вывод, что некоторые из «крепостей», носящих у местных жителей название «калача», могли обслуживать движение караванов, давая им убежище и собирая с них дань. Некоторые из них определяются им, по архитектурным особенностям, как культовые³.

Такая возможная многофункциональность «циклопических крепостей» осложняет работу ученого, но в то же время делает ее еще более интересной в поисках разрешения стоящих перед нами общих исторических заданий, требующих определения как датировки памятника, так и социального назначения каждого отдельно взятого объекта изучения и его социальной принадлежности.

Значительную помощь в историческом определении археологических памятников Закавказья оказывает, вне сомнения, халдская эпиграфика. Ряд крепостей циклопической кладки в ССР Армении, как уже отмечалось выше, датируется древними письменами халдов-урартов. На территории Армении, таким образом, в значительной степени облегчается задача приурочения циклопических сооружений к халдскому периоду, то-есть получается возможность выделить те из них, о которых упоминается в надписях, как о покоренных или построенных халдами. Здесь имеется тот опорный пункт, который пока еще отсутствует для прилегающего Азербайджанского района. В Азербайджане, до сих пор, халдских письменных памятников не обнаружено⁴. Отсюда, естественным образом, становится вопрос: проникло ли халдское завоевание на восток от Севанского озера (Гокча) или нет? А в связи с этим возникает и другой вопрос: могут ли некоторые из наличных в горах Азербайджана циклопических соору-

¹ См. надписи из Пор-Баязета (стр. 5), Комаграна (стр. 17), Гаплитана (стр. 3—4), Армавира и целый ряд других.

² См. также и в моей работе «Циклопические сооружения Закавказья».

³ В упомянутой выше подготовленной к изданию работе И. Джафар-заде.

⁴ Весьма возможно, что необнаружение их в значительной степени связано с тем, что систематические поиски их в Азербайджане не проводились. Во всяком случае такой выдающийся знаток материала и самого халдского языка, как недавно посетивший СССР проф. Л е м а н н - Г а у п т, в частной со мной переписке указывал на вполне реальную возможность обнаружения тех же надписей на восток от Севанского озера и в Нахичеванской автономной республике, еще с этой стороны не обследованных.

можно получить ту же датировку, какую получают «циклопические крепости» Армении, зафиксированные в своей хронологии наличными в них надписями царей древнего Вана?

Для дальнейших судеб археологии в Азербайджане разрешение этих вопросов получает существенное значение, выдвигая археологический материал на арену истории с более точным определением его в исторических хронологических рамках. И, нужно признаться, что собранный пока материал не дает еще исчерпывающего точного ответа, недостаточно собранный и недостаточно изученный. Все же работы бакинского научного центра в значительной степени продвинулись по пути к разрешению этих вопросов, и сама проблематика, именно в указанном направлении, уже поставлена. Так, один из местных археологов, А. Алекперов, убежденный в халдской экспансии также в границы Азербайджана, прослеживает по топонимическим названиям пути движения халдов через прилегающие к Севанскому озеру горы в сторону Кедабекса и далее с выходом в сторону Кировабада (Гянджа)¹. Другой исследователь, И. Джафарзаде, в результате итога десятилетних работ (начиная с 1927 г.), приходит к выводу, что районом распространения циклопических сооружений в Азербайджане является нагорье Малого Кавказа, где им уже прослежено 59 таких «крепостей-калача», и что в низменности подобного рода памятники не спускаются².

Уже по одним этим сведениям мы можем прийти к одному решающему для нас выводу, а именно, что горы Малого Кавказа, включая Севанское окружение с его западным предгорьем, представляют собою общий район распространения «циклопических крепостей», сооруженных обитавшими тут племенами. При таких условиях, учитывая принадлежность циклопических сооружений местному населению, можно поставить себе задание выделить археологические памятники, одновременные по их археологическому определению и получающие в одном каком-либо месте хронологическую датировку по халдским письменам. В то же время может уточниться и вопрос о самой халдской экспансии на восток. Дело в том, что если в западной части данного района имеются надписи халдских завоевателей, то граница их восточного продвижения может определяться не только местом нахождения надписи, но и текстом ее, повествующим о военных походах и о захвате целого ряда «стран» в отмеченных нами горных местностях. Задача облегчается тем, что некоторые надписи подытоживают результаты всего похода, являются своего рода летописями, и, следовательно, говорят не об одном только месте, где составлена письменная реляция. К числу таких надписей относится Комагранская.

В часть указанного нами района Севанского окружения и гор Малого Кавказа, несомненно, проникало халдское завоевание. Судя по сохранившимся надписям, походы халдов начались с северо-западного берега Севанского озера (Гокчи) со стороны сел. Еле-

¹ Работа находится еще в рукописи.

² Об этой работе И. Джафарзаде упоминалось выше.

новки, то-есть завоевание шло по течению Занги и дальше на юг вдоль западного берега озера.

Оставив на берегах Занги эллинообразные надписи у Ганлитата и Эйляр¹, Аргишти (778—750 гг.) завоевывает северный пункт на берегу Севанского озера, недалеко от сел. Еленовки, близ селения Ордаклю² (страна Кнехуни). Далее, спускаясь на юг вдоль берега того же озера, сын Аргишти Сардур (750—733 гг.) завоевывает страну Уеликухи (у Нор-Баязета)³, город Тулиху царя Циналиби Луехухи (у сел. Атамхан)⁴, страну Адахуни⁵, страну Аркукиши⁶ (у селения Захалу, на южном берегу Севанского озера) и страну Луеруни⁷.

Таким образом, эти цари, дед и отец Русы I, уже прошли весь западный и южный берега озера. Руса I (733—714 гг.) вновь посещает страну Уеликухи (Нор-Баязет) и строит здесь цитадель (E. GAL baduse šidištubi)⁸. Царь-завоеватель воздвигает тут сооружение, детерминированное знаком «большой дом» и характеризованное словом baduse. Это слово, как строительный термин, встречается неоднократно и получило различный перевод. Обычно ему придается значение «разрушенный» (S a u s e, L e h m a n n-H a u p t, а за ними и другие, в том числе и я). На условность этого перевода еще ряд лет тому назад указал в одном из своих докладов Б. П и о т р о в с к и й. В последнее время высказал сомнения в правильности такого значения и А. G ö l z e. По мнению последнего, загадочное слово baduse может скорее всего означать «резиденцию»⁹. Хотя это новое понимание данного термина и не является еще общепризнанным, но все же приемлемость его подтверждается, мне кажется, соответствующими контекстами. В таком случае легко можно в слове baduse усмотреть одно из халдских чтений идеограммы E. GAL, то-есть «дворец-цитадель-резиденция». К такому пониманию данного слова хорошо подходит и весь текст Нор-баязетской надписи, в которой повествуется о покорении Русою царя страны Уеликухи, о положении всей его страны, о наименовании покоренного «города» Халдоградом и о назначении халдского наместника в эту присоединенную к ванскому царству страну. Вновь назначенному наместнику строится цитадель-резиденция, то-есть, хотя бы и реставрированное, но уже халдское сооружение, предназначенное для пребывания представителя халдской власти и его гарнизона (E. GAL baduse).

¹ Никольский II, VI, XXII.

² Никольский II, VIII.

³ Сардуровская летопись, V; стела Сурб Ногос, «Изв. Акад. наук» 1932.

⁴ Никольский II, XVI; стела Сурб Ногос.

⁵ Сардуровская летопись, V.

⁶ Никольский II, XV; Сардуровская летопись, III, V.

⁷ Сардуровская летопись, III.

⁸ Надпись из Нор-Баязета: Калантар—«Орагир», № 3, 1927; Мещанинов, Докл. Акад. наук, 1928; Капанцян, 1930; S a u s e, IRAS, 1932; J. F r i e d r i c h.

⁹ A. G ö l z e — «Revue hittite et asiatique», fas. 22—23, p. 183 (16).

Весь текст Нор-базветской надписи говорит не о простом походе и погоне за временною добычею скотом и людьми (рабами), последствием чего было сожжение и разрушение местных поселений¹, а о завоевании края со включением покоренной страны в число халдских провинций. Примерно о том же повествуется и в другой надписи — о походе царя Русы, в Колагранах, на разборе которой я и останавливаюсь в настоящей моей статье.

Надпись из Колагран (Кёланы—Кирланы) давно обратила на себя внимание ряда исследователей. Она опубликована Сумбатянцем, М. Никольским, Лемани-Гауптом, Сэйсом, А. Калантаром, Гр. Каренцианом и мною². Вновь к ее разбору только что вернулся J. Fried-
 1933.

Текст надписи с внесенным в него вновь предлагаемым коррективом придает особое значение в разрешении затронутого выше вопроса об археологических памятниках Азербайджана. Текст надписи говорит о покорении Русою двух серий стран. В начале выделяются четыре страны, а именно: Адахуни, Уеликухи, Луерухи и Аркукини. Но эти четыре страны, как мы видели выше, были завоеваны еще царем Русы, Сардуром, который в своих летописях (III и V) упоминает: Адахуни, Уеликухи, Аргукини и Луеруни. Различия в написании Луерухи и Луеруни не может затруднять в отождествлении этих стран, так как конечные суффиксы *хи* и *ни* иногда заменяются в одном и том же наименовании страны. Такое чередование находим, например, в Уеликухи и Уеликуни (Сардуровские летописи, V, 17, 20). Еще меньше должно смущать такое различие, как Аркукини (II и K o л ь с к и й, XV) и Аргукини (Сардур. летопись, V).

Различие в отмеченном суффиксальном окончании может получить вполне правдоподобное истолкование. В основе его лежит то, что наименования племен и населяемой ими территории («страны») нередко совпадали, что в точности свидетельствуется свободою перемещения перед ними детерминативов то страны, то лица, в данном случае в значении племенного показателя. Прекрасным примером этого служит написание племенного названия Эрпах (Эрах). В одном случае имеем «поборил царя племени Эрпахи» (Сардур. летопись, II, 29), в другом — «завоевал страну Эрпах» (там же, 26). Или «поборил Капурини, царя страны Игани» (Сардур. летопись, V, 7) и «поборил Диуцини из племени Игании» (Iganiehî, Сардур. летопись, II, 51—52). Отсюда можно предположить, что и в Атамханской надписи (H и K o л ь с к и й, XVI) упоминается не отчество царя Циналиби: Циналиби Луехухи, а указывается его племенная принадлежность, то-есть отмечается, что он происходит из племени-рода Луеху (Luehuhîni, Luehuhî по надписи Сурб Погос, 6). В этих именах, поскольку они идут по линии племенной или родовой терминологии.

¹ Так и описывает свой поход в ту же страну Уеликухи предшественник Русы, царь Сардур, см. его летопись, V.

² Публикации этой надписи подробно указаны в моем издании Колагранской надписи, «Изв. Ак. наук», 1932, стр. 79.

³ «Die urartäische Inschrift von Kolagran». Mélanges linguistiques offerts à H. Pedersen, 1937, pp. 518—536.

имеем суффикс *hi* (правильнее *he* из усеченного *hini* [*hene*]) в значении «сын» (сын племени, происходящий из племени). Суффикс же *ni* служит обычным окончанием имен стран. Отсюда легко получается замена одного суффикса другим при тождестве самого наименования племени и страны. Следовательно, тождество Луерухи и Луорунн стоит вне сомнения.

Если к тому же допустить тождество двух вариантов в передаче местного, халдского названия, как-то—имени Луехухи и Луерухи, то можно было бы и эту страну приурочить к определенному месту, именно—к селению Атамхан на берегу того же Севанского озера, где покорен упомянутый выше царь Циналиби, происходящий из племени (=страны) Луеху (*Luēhihi*). Как бы то ни было, если даже отбросить последнее отождествление, настаивать на котором я считаю преждевременным, то все же оказывается, что в Колагранской надписи Руса выделяет в первую очередь те страны, которые уже были и до него объектом военных действий халдов и упоминаются, как таковые, в летописях Сардура. Отец Русы жег города и разрушал цитадели (Сардур. летопись, V, 17, 18, 25), Руса же воздвигает здесь цитадели для халдского гарнизона, дает халдские имена покоренным городам: Халдоград, Теишбаград и причисляет их к городам своей родины, к великой Биайне (надписи из Нор-Баязета и Колагран). Эти страны точно локализируются западным и южным берегом Севанского озера, а именно—районами Нор-Баязета (Уеликухи) и сел. Захалу (Аркукини), где и найдены соответствующие надписи, упоминающие имена указанных стран.

Географическое положение всех четырех стран уточняется в Колагранской надписи словами: *irani aptini šuinia (ni)* (стк. 5). Следующие, выделенные во вторую очередь 19 стран хуже определяются в своем местоположении, но равным образом уточняются, как *išani aptini šuiniani KUR babania kurune* (стк. 12—13). Слово *šui* имеет точный перевод «озеро». Не возбуждает сомнения и локативная от него форма *šuinia* в значении «страна озера», «приозерье». Это слово встречалось еще в Ордаклинской надписи, тоже на берегу Севанского озера (Никольский, VIII, 5). В словах *irani* и *išani* я первоначально усматривал местное наименование правителей («царей» по халдской передаче идеографическим письмом), то-есть ишанов и ишанов. От такого перевода мне приходится сейчас отказаться. *išani aptini* встречается вовсе не впервые. В разных текстах имеется несколько сходных вариантов: *dani aptini* (Corpus 19, vs. 6), *aštani aptini* (Corpus 19, vs. 7), *KUR šana aptini* (Никольский, VIII, 5, надпись из Ордакля), *irani aptini* (Колагран, 5), *išani aptini* (Колагран, 12, ср. Corpus 19, obs. 9). Кроме того, *išani* встречается также в Сардуровской летописи (V, 13), где по контексту: *išani bididi uštadi*, первое слово не может иметь предположенного мною раньше значения. Н. Я. Марр также не переводил его, как местное название правителя¹. Текст скорее всего может иметь

¹ «Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван» (1922 г.), стр. 54. перевод текста, стк. 13.

«дальше вновь направившись». В сходном значении скорее всего можно понять *iṣāni* и в Колагранской надписи. В последней упоминаются: *irāni artīni ṣūinīa (ni)*, к которым относятся четыре страны, лежащие на западном и южном берегах Севанского озера, и *iṣāni artīni ṣūinīani*, включающие остальные девятнадцать стран. J. Friedrich, в последней своей работе, предлагает более приемлемое толкование данных мест, а именно: «по эту сторону озера» (*irāni artīni ṣūinīani*) и «по ту сторону озера» (*iṣāni artīni ṣūinīani*).

Если сопоставить тексты Сардуровской летописи и Колагранской надписи, то возможно и еще большее уточнение спорного места: *irāni bīdiadi uštadi*—«дальше вновь направившись» (Сардур. летопись, V, 13), *iṣāni artīni ṣūinīani*—«дальше в сторону приозерья» (Колагран., 12).

При таком понимании текста, следуя переводу J. Friedrich'a, получается еще большая ясность в им же предлагаемой интерпретации непосредственно далее следующих слов: KUR babania kirune. В слове *babania* J. Friedrich предлагает, не без основания, видеть раскрытие предшествующей идеограммы KUR. Эта идеограмма имеет значение страны и горы. Чтение «страна» в халдских текстах точно останавливается за словом *ebāni*, каковое нередко и следует за самою идеограммой, как ее фонетический халдский эквивалент. Таким же эквивалентом в значении «горы» могло быть слово *babania*, что и аргументирует J. Friedrich достаточно убедительно. Между прочим, он указывает и на то, что слово *babania*, хотя перед ним и стоит идеограмма страны, может быть лишь уточнением самого идеографического знака, а не собственным именем покоренного края, так как в надписи дается итог—23 страны—в точном соответствии с суммой 19 первых стран и 19 вторых. При таких условиях страна Бабания, если бы таковым было ее чтение, оказалась бы 24-й.

Последнее слово *kirune* не возбуждает сомнения. Оно часто встречается в царской титулатуре в значении «великий», «высокий». В том же значении оно использовано и в Колагранской надписи, где *kirune*, судя по контексту, связывается со словами KUR babania, как их определитель. Отсюда получается перевод «горы высокие», «горы великие» или «горы мощные», на котором и останавливается J. Friedrich, хотя и со знаком вопроса. С таким чтением приходится согласиться.

В итоге разбора текста получается значительное его уточнение, к тому же перевод приобретает новый, весьма интересный оттенок. Показывается, таким образом, что 19 стран, упоминаемые во вторую очередь, вслед за четырьмя странами западного и южного берегов Севанского озера, характеризуются, как лежащие «дальше в сторону приозерья в горах высоких» (*iṣāni artīni ṣūinīani KUR babania kirune*).

Если учесть движение похода с севера на юг по западному и южному берегам Севанского озера¹ с упоминанием Уеликухи (Нор-Баязет) и Аркукини (Захалу) и если принять во внимание текст,

¹ О чем подробнее говорилось в начале настоящей статьи.

говорящий о движении «далее по приозерью в сторону высоких гор», то упомянутые 19 стран окажутся на востоке от Севанского озера, то-есть в тех самых горах Малого Кавказа, где прослеживается халдское движение А. Алекперовым и где И. Джафар-заде устанавливается наличие целого ряда циклопических сооружений¹.

В связи с этим увеличивается интерес к Колагранской надписи, ярко выступающей вперед в своем новом историческом освещении. Опираясь на новое чтение текста придется прийти к выводу, что проникновение халдов в Азербайджан имело место, но походы их сюда последовали после укрепления халдской позиции в Армении.

Царство Русы I, которому принадлежит Колагранская надпись, было в 714 г. разгромлено ассирийским царем Саргоном. После этого идет уже период упадка прежней мощи, и сама страна Биайна (древнее название Вана) становится данником Ассирии. Едва ли ослабевшая Биайна могла после Русы I столь же интенсивно продвигаться на север.

Вчитываясь в текст Колагранской надписи, можно высказать еще и другое предположение, основанное на самом факте нахождения ее у Колагран, то-есть на южном берегу Севанского озера. Постановка здесь летописного свода, куда попал и поход на восток от этого озера в горы Малого Кавказа (KUR babania kurune), не случайна. У Колагран воздвигался халдский завоевательный центр, тут помещался резиденция халдского наместника, такая же, как в Нор-Баязете. Наличие двух резиденций (baduse) в двух городах, переименованных на халдский манер с приурочением их к двум главным богам халдского пантеона, указывает на укрепление здесь халдской власти и на административное деление покоренного края.

Такие военно-административные центры воздвигались и раньше, свидетельствуя постепенность проникновения халдов в Закавказье. Мы видим, как после одиночных военных набегов с огнем и мечом («цитадели разруши, поселения сжег») идет процесс закрепления за собою покоренных территорий, учреждение в этих целях опорных пунктов одного за другим по мере продвижения в северные страны. Один из таких центров был у Ташбуруна, где царь Менуа (810—778 гг. до н. э.) выстроил цитадель (baduse), названную Менуахинли². Затем следует Армавирский холм и Сардарабад, где Аршишти (778—750 гг.) равным образом воздвигает цитадель-резиденцию (baduse) с именем Аршиштихинли³. К этому господствующему в Айраратской долине пункту, через который направляются набеги в еще не покоренные страны, присоединяются Русою I (733—714 гг.) две новые резиденции (baduse) в Севанском районе у Нор-Баязета и Колагран. Первая из них находилась в границах покоренных стран на западном берегу озера, последняя же стояла на южном. Тут и был поставлен летописный свод, упоминающий о движении на восток в сторону Азербайджана. Халдский царь, закончив поход на восток,

¹ См. в начале настоящей статьи.

² Никольский, III, 4—7.

³ Никольский, IX, 3—5 (Сардарабадская надпись).

вернулся в свой опорный пункт, каковой был здесь, в покоренном городе, ставшем провинцией древнего Вана. Таким образом, можно считать к заключению, что страны Севанского озера, посещенные царем Аргишти и Сардуром, обратились в халдскую провинцию только при Русе. Царь-завоеватель, укрепившись в крае, извлекает от влады уже годовичную дань (*ragubi mešini šali*¹).

В целях научного использования текста Комагранской надписи, представляющей исключительный интерес для древнейших периодов истории и Азербайджана, повторяю его в русском, уже уточненном, переводе. Используя все имевшиеся попытки чтения и интерпретации текста, начертанного на отвесной скале над водами самого озера в крайне дефектного по своей сохранности, можно в настоящее время предложить его в следующем проверенном виде².

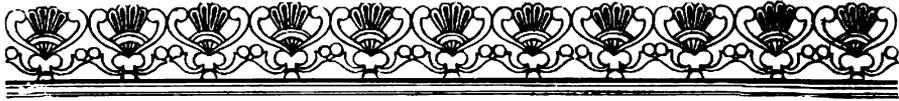
- (1) богу Халду могущественному, владыке мира (?), Руса
- (2) сын Сардура (говорит): я эти страны
- (3) единым походом (?) ишироверг, в покорность привел:
- (4) страну Адахуни, страну Уеликухи, страну Луерухи³,
- (5) страну Аркуниш; четырех царей по эту сторону приозерья.
- (6) Страну Гуркумели (Ебимели), страну Шанатувини, страну Тернуишапни,
- (7) страну Ришуаниш (Рушуаниш), страну Зуаниш(...Зуаниш), страну Ахуаниш, страну Замани (Амани),
- (8) страну Иркиматарни (Иркиматарни), страну Елапни (Алапни), страну Ерпелтуаниш (или Ерелтуаниш),
- (9) страну Аидамашуни, страну Гурнианиш, страну Алзирани,
- (10) страну Пируаниш (Гуруаниш), страну Шплатниш (Мелатниш), страну Уидуаниш (Ушедуаниш),
- (11) страну Атезаниш, страну Ерпаниш (Ериа...ниш), страну Азамеруниш;
- (12) девятнадцать царей дальше в сторону приозерья в горах
- (13) высоких. Всего двадцать три царя в один год многих я захватил.
- (14) Мужчин и женщин в страну Биайну я увел данью за год.
- (15) Придя, я воздвиг эти цитадели
- (16) ...страну...
- (17) ...цитадель-резиденцию я воздвиг и дал имя
- (18) бога Тейшебы город страны Биайны могущественной (?).
- (19) Руса говорит: Кто эту надпись уничтожит
- (20) бог Арди... имя его... (постребит).

Последние слова заключительной фразы не уцелели, что ничуть не влияет на чтение и понимание предыдущего текста, поскольку заклинательная формула вообще стереотипна.

¹ Комагранская надпись, стк. 14.

² В скобках помещаются неясные места, допускающие варианты чтения.

³ В подлиннике стоит Луерухе, то-есть имя страны с уточнением суффикса *-hi* *he* из *hi*ni || *he*ne, о чем см. выше).

РАС-ШАМРА или вновь найденная финикийская литература

Проф. Ш. Виролло *

Имя Рас-Шамры в настоящее время знаменито в мире археологов и хорошо известно образованным людям, но в публике не знают толком, что собственно представляет собою Рас-Шамра, в чем суть и значение находок, сделанных в указанном месте, расположенном на Сирпийском побережье, напротив острова Кипра, в пятидесяти километрах к югу от устья Оронта.

Первоначальным открытием мы обязаны случаю, как это, впрочем, часто бывает в области археологии. В апреле 1928 г. проходивший здесь крестьянин нашел на берегу несколько глиняных черепков, которые он принес домой. В течение двух дней об этом стало известно по всей округе, а на третий день известие это было передано в Бейрут губернатором ближайшего города, каковым является Латтакэ, главный город алауитов. Отдел древностей немедленно произвел расследование. Оказалось, что эти фрагменты сосудов являются остатками инвентаря небольшой, но очень хорошо сооруженной могилы, тип которой совершенно неизвестен в Сирии, но дает полную аналогию с некоторыми гробницами, найденными когда-то на побережье Кипра и относящимися к XII столетию до н.э.

Академия надписей и литературы решила немедленно произвести раскопки вокруг этой гробницы.

Начиная с марта 1928 г. приступила к работе экспедиция под руководством г. Клода Шэфера; с тех пор были проведены восемь кампаний, и девятая проводится в настоящее время.

Из этих раскопок мы узнали, что здесь были между XX и XI сто-

* Проф. Ш. Виролло (Ch. Virolleaud, Paris)—член французской Académie d'inscriptions et des belles lettres—виднейший ориенталист. Открытием, рисунками и изданием текстов Рас-Шамры наука в значительной степени обязана ему.

летиями большой город, под названием Угарит, который имел деловые связи со всеми странами восточной части Средиземного моря. Приблизительно в 1400 г. город этот был навсегда разрушен завоевателями, пришедшими с запада и с севера с Эгейских островов и из Малой Азии.

Большое количество всякого рода предметов было найдено в развалинах Угарита, и многие из них представляют значительный интерес для истории древних цивилизаций Передней Азии. Но рядом с изобразительными памятниками здесь оказались остатки библиотеки, которая состояла, как и библиотеки Вавилона и Пинневи, из глиняных табличек, покрытых с обеих сторон знаками, которые принято называть клинообразными. Однако в то время как письмо в Месопотамии состоят из нескольких сот знаков, каждый из которых представляет собой одно слово или один слог, письмо Рас-Шамры имело только тридцать знаков; таким образом, сразу же, еще до того, как было расшифровано хотя бы одно слово, можно было с уверенностью сказать, что здесь мы имеем дело с настоящим алфавитом. Расшифровка представляла много трудностей, так как не имелось хотя бы самого короткого текста двух- или трехязычного. Но здесь не место излагать, каким образом эта задача была решена, так как наша цель—дать просто короткое обозрение этих документов, которые странным образом почти все относятся к мифологии, а именно—к мифологии финикийцев.

* * *

Конечно, и до 1930 г. были хорошо известны боги Финикии, в частности, имя Ваала и производные от него, как Велзевул и Баал-Пегор. Но история этих богов, легенда о них, их природа, их личность—все это было нам почти совершенно неизвестно.

Теперь дело существенно изменилось, так как таблички Рас-Шамры представляют собой, в итоге, приблизительно 3 000 строк письма. Само собой понятно, что речь не идет о сплошном тексте; мы имеем лишь разрозненные отрывки, и в этих фрагментах, даже в тех, которые сохранились лучше других, затруднения в интерпретации часто весьма велики, хотя язык Рас-Шамры находится в весьма близком родстве с еврейским в отношении грамматики и еще больше—в отношении лексики.

Однако с этими оговорками, которых не следует упускать из виду, можно сказать, что открытие Рас-Шамры и его мифологических табличек является самым значительным открытием, которое когда-либо было сделано в области финикийских исследований, а также, в известном отношении, в области библейских исследований.

* * *

Во главе финикийского пантеона находится бог Эл, имя которого означает именно «бог». Эл является действительно богом *par excellence*; он является отцом всех других богов, а также и отцом

людей; его называют также творцом мира; но тексты, которые до нас дошли, не содержат никакого намека, кроме этих кратких эпитетов, на сотворение мира или на сотворение человека. Они не восходят так далеко; мало того, они не восходят даже до потопа!

Фрагменты, которыми мы располагаем, ставят нас перед вселенной, уже вполне организованной, и к тому же довольно плохо организованной, как будто. И действительно, все эти боги и богини, а их имеется 70, находятся в постоянной борьбе друг с другом; они ссорятся беспрестанно, и эти ссоры заканчиваются обычно бойнями и убийствами.

Из всех детей Эла двое играют выдающуюся роль и являются главными действующими лицами, а именно: бог Ваал и богиня Анат. История или миф о Ваале и Анат представляется нам в настоящее время, как наиболее древняя форма другой истории, которая была весьма известна в течение долгих столетий: истории Адониса и Астарты.

Таким образом, имена героев этой драмы изменились, вернее, не остались точно теми же: если в а л означает хозяин, то а д о и, из которого греки сделали Адонис, означает господин; мы имеем здесь, следовательно, однозначные термины. Впрочем, существованию различия между мифом о Ваале и мифом об Адонисе удивляться не следует, так как, по крайней мере, 10 столетий протекло от эпохи, когда таблички Рас-Шамры были составлены, до того времени, к которому восходят наиболее древние классические документы, касающиеся Адониса. Но если детали разнятся, то сущность та же: именно это я хотел бы доказать или, по меньшей мере, показать.

* * *

Адонис был молодым охотником, которого богиня Астарта встретила в лесу Ливана в сезоне анемон, т. е. весной. Через несколько месяцев после этого, во время охоты, Адонис был убит диким зверем, по мнению одних—кабаном, по мнению других—медведем. Астарта, оставшись одинокой и безутешной, решила сойти в землю, в подземный мир, для того, чтобы отобрать Адониса у смерти. Ей удалось, действительно, вернуть молодого бога к свету дня. Тогда она омыла ему раны, помазала его редчайшими благовониями и добилась, к своей великой радости, возвращения ему жизни.

Вот, в двух словах, сюжет этой трагической идиллии, которую рассказывали не только в Финикии, но и в Александрии, в Афинах и почти повсюду на берегах Средиземного моря. То не была просто легенда, каких много, то было также в поэтической форме религиозное учение, причем одно из наиболее популярных; его популярность, без сомнения, обуславливалась и его поэтической формой. Это учение имело еще приверженцев в конце IV столетия нашей эры, так как св. Иероним передает, что при его жизни женщины собирались вблизи Вифлеема в определенные дни года, чтобы сообщно оплакивать смерть Адониса.

Если мы вернемся теперь к Рас-Шамре и проанализируем легенду о Ваале и Анат в том виде, в каком она изложена на наших глиняных табличках, мы получаем следующую общую картину.

Анат является, по существу, богиней жизни. Благодаря Анат, только благодаря ей, дыхание передается от рода к роду для того, чтобы расширять грудь живущих.

Что же касается Ваала, то он представляет собой не вечную жизнь, а жизнь перемежающуюся, жизнь, которая рождается или возрождается каждой весной, которая распускается в течение лета, чтобы зачухнуть и, наконец, исчезнуть осенью. Ваал в сущности — это жизнь растений, тех растений, от которых зависит существование животных и существование людей, а также и богов, поскольку они могут существовать лишь при условии, что люди будут заботиться об их питании. А чем другим люди могли бы питать богов, если не мясом животных? Чем могли бы они их напоить, если не вельями виноградики, как говорят по-финикийски?

Почему прекрасные дни так скоро прошли? Почему растительность живет лишь несколько месяцев? Почему земля не производит в течение всего года того, что необходимо для жизни созданий? На этот вопрос отвечали: это потому, что Эл, отец богов, не захотел, чтобы это так было, а бог Мот — имя которого означает смерть, тоже не захотел. И так они решили, Эл и Мот, по взаимному согласию с начала времен и навеки, что Ваал, хотя он и сын бога и сам бог, не будет бессмертным.

Необходимо было, следовательно, чтобы так или иначе Ваал имел защитника или защитницу. Именно эта роль и предоставлена богине Анат. Вся деятельность Анат устремлена к этой единственной цели: поддерживать авторитет Ваала, и, если с ним случится какое-либо несчастье, иначе говоря, если он умрет, то вернуть его к жизни.

С самого начала поэмы, в том виде, в котором она перед нами, Анат тоном, не допускающим возражений, приказывает различным людям, плохо определенным, вследствие пробелов в тексте, служить Ваалу и почитать его и прежде всего давать ему есть и пить. Мужчины и женщины, которым она дала распоряжение, начали служить Ваалу и почитать его по мере своих сил. Но со временем, или, может быть, через короткое время, — причем нельзя выяснить причину этого — гневные поклонников остыло, культ Ваала оказался вскоре в пренебрежении, а возможно, и был заброшен полностью.

Тогда Анат, охваченная самым яростным гневом, бьет сплеча: она истребляет, во-первых, людей города; имеется просто город — нельзя определить, где происходит действие. Затем она уничтожает население берега моря, очевидно Средиземного моря. Наконец, она убивает человечество Востока, людей, живущих на восходе солнца. Так это значится в тексте. Насытившись убийствами, богиня с величайшим удовольствием взирает на возвышающуюся у ее ног кучу голов, которые она отрубила, в то время, как в воздухе над ней тучей саранчи летают руки, которые она также отрубила. Тогда она берет эти руки и головы и привязывает или вешает их в виде трофеев на холм, где построен ее храм; затем она радуется от всей

души, или, повторим сильное выражение поэта, печень ее наполняется смехом, а сердце радостью.

Вот какова была Анат, когда дело шло о том, чтобы отомстить за честь Ваала. Между тем, честь Ваала находилась постоянно под угрозой, и не только честь, но и жизнь. Для того, чтобы Ваал жил, необходимо было, чтобы он имел свой собственный дом. Анат хочет, чтобы этот дом был построен на Цафоне, горе Севера. Не теряя времени, богиня посылает партии дровосеков в лес Ливана или Сприона, который называется также Хермоном; и дровосеки рубят кедров. множество кедров, и самых красивых, из которых сделают бревна для двери и всю мебель дворца Ваала.

А так как стены этого дворца или храма должны быть из кирпича, то Анат решает, что эти стены будут покрыты золотом и серебром. главным образом, золотом: золота будет в 10 раз больше, чем серебра. А потом надо иметь золото также и для того, чтобы изготовить сосуды, которые будут служить для приношений и жертвенных возлияний: будут, следовательно, тысячи серебряных сосудов и миллиарды золотых сосудов.

Сама Анат становится во главе экспедиции. Она заявляет об этом с гордостью: «Я пойду,—говорит она,—и я заново золото»—золото, которое на финикийском языке называется харус; греки впоследствии переделают его в хризос.

Однако клад, к которому стремилась она, хорошо охранялся, как все клады во всех мифологиях. И действительно, свирепые чудовища бодрствовали возле него и защищали подступы к нему, и в особенности двое из них, имена которых пишутся так: Тин и Лти.

По Тин—это Танини, дракон Ветхого завета, а Лти—это Лотан, Ливнатан Ветхого завета, которого мы называем Левиафаном.

Лотан, говорят, имел несколько голов, именно 7, и это был змей извивающийся и неуловимый.

Мы уже знаем, через пророка Исайю, что Левиафан был змеем называющимся и неуловимым, а также, что он имел несколько голов. И оказывается, что не только представление о Левиафане, но и слова, которыми он описывается, точно совпадают в тексте Рас-Шамры и у Исаяи, хотя между эпохами этих текстов имеется промежуток в восемь столетий.

Анат удается сломить все препоны; она не доходит, однако, до того, чтобы убить Танини или Левиафана; она удовлетворяется тем, что заставляет их молчать, и для этого она их связывает и надевает на них намордники.

Теперь, когда Анат обладает всем тем золотом, в котором она нуждается, богиня, как будто, получила возможность без дальнейшего промедления построить, согласно своему пламенному желанию, храм, в котором Ваал найдет, наконец, убежище.

Все же кой-чего еще нехватало. Нехватало, если можно так сказать, даже самого существенного, а именно—разрешения отца богов. Анат следовало, как будто, подумать об этом раньше; она этого не сделала, и тогда только она чувствует границы своей власти. Итак, безусловно необходимо, чтобы она отправилась к богу Элу и умолила

снять запрет, который он наложил когда-то на своего сына Эваля.

Перед тем как сделать этот решительный шаг, Анат, хотя она храбра и так предприимчива, явно колеблется. Но в то время, когда Эвал в таком состоянии, один из богов, имя которого Алейян, подходит к ней и сообщает ей тайну. Он, Алейян, сумел узнать случайно, чем шепчутся между собой деревья в лесу, и даже то, о чем чуть слышно говорят камни на горе. Ему удалось, кроме того, уловить те признания, которые небеса делают ночью земле, а также понять смысл тех стонов, которые исходят неустанно из чрева океана и восходят к звездам.

Все эти шумы, смутные или чуть различимые, которые может уловить лишь ухо бога, Алейян передает богине Анат, он открывает ей их смысл и значение.

О чем шептали или чуть слышно говорили все эти голоса? О чем передавали они весть, как говорит поэт? Это ясно не сказано, но, принимая во внимание предшествующее и последующее, словом, принимаемая во внимание контекст, можно—и без сомнения—признать, что протяжную жалобу, которая в разных выражениях проходит через всю природу и потрясает ее как бы дрожью, можно выразить словами, которые постоянно повторяются в нашей поэме, как рефрэн, и которые, очевидно, представляют собой упрек по адресу бога Эла: Ваал не имеет дома, как другие боги.

При этом единодушном протесте всех стихий, в ответ на этот громкий голос, раздающийся из всех царств природы, и отзвук которого сообщил Алейян, Анат, воспрянувшая духом, решает пойти к богу Элу и заступиться за Ваала.

Итак, она идет, попирая землю ногой.

Она направляется в ту страну, где реки впадают в «оба океана».—очевидно, Средиземное и Красное моря,—там, на границах Аравии—в Южной Палестине, или Идумее, пребывает обычно, если не постоянно, бог Эл.

Как только бог замечает издали идущую к нему Анат, он начинает говорить и произносит великую клятву, смысл которой, впрочем, трудно уточнить. Потом он предлагает Анат изложить, в чем состоит ее ходатайство. Но Анат на этот раз не решается говорить; она, очевидно, более способна действовать, чем говорить. И когда, наконец, она, в свою очередь, начинает говорить, то она это делает только для того, чтобы добиться благожелательного отношения высшего бога; чтобы успеть в этом, она дает ему обещание: она обязуется сделать его более молодым или, по крайней мере, вернуть седым или редеющим волосам и бороде бога их первоначальный цвет, который, как называется, был красным, или даже, как кровь, красным.

Бог Эл, вероятно, не остался нечувствительным к обещаниям богини Анат, но он бог весьма осторожный; он не берет на себя обязательство необдуманно, поэтому он отвечает лишь в двух словах: «Я знаю, о моя дочь, что ни одна из богинь не столь ловка, как ты. Но что желаешь ты точно, скажи мне».

И Анат, возобновляя речь, собирается сказать ему, чего она точно

желает. Однако сразу она этого не говорит. Она ограничивается тем, что выражает свое преклонение перед богом-отцом. И она это делает в самых общих выражениях:

Твое решение,—говорит она,—это сама мудрость.

Такая же правда, что ты обладаешь вечной жизнью.

Мудрость—твой удел,

И поэтому твоё решение—закон для нас.

Таким образом, Анат заранее подчиняется распоряжениям бога, полагается на него, во всяком случае она это говорит.

Наконец, она приступает к цели своего ходатайства; она напоминает,—впрочем, очень кратко,—что боги взволнованы тем особым положением, которое создано для Ваала, для Ваала, который не имеет собственного дома.

Хотелось бы знать, что ответил тогда бог Анат своей дочери. Но здесь у нас нет текста, и ничто в данное время не позволяет его дополнить. Между тем, нет сомнения, что ответ был благоприятный, так как, когда текст возобновляется, то видно, что архитекторы заняты собиранием материалов, необходимых для постройки дома Ваала, тогда как золотых дел мастера направляются к своей кузнице и берут в руки свои клещи.

Вскоре дом оказывается законченным, и происходит торжественное открытие его. Делаются обильные возлияния и приносятся бесчисленные жертвы, начиная с ширококрылых быков и кончая годовалыми ягнятами и телятами. Мы имеем здесь, с весьма малой разницей, такой же ритуал, как и тот, который ознаменует впоследствии открытие иерусалимского храма царем Соломоном.

Тогда Ваал садится на трон и дает распоряжения об управлении миром, хозяйном которого он стал в свою очередь.

Но суждено было богу Ваалу иметь лишь кратковременные успехи. И действительно, тем временем враги его сговорились. Ваалу удалось восторжествовать, главным образом, если не единственно, благодаря поддержке своей сестры Анат; но в этом доме, построенном с большим трудом и дорого стоящем, не долго придется ему жить.

Действительно, это было, говорит поэт, в сезон, когда поникает оливковое дерево—произведение земли; однажды, когда Ваал бродил по полям, он встретил вдруг на своем пути вместо ланей или газелей, которых он искал, свору свирепых созданий, которых зовут пожирателями; они имели рога, как быки; Мот—бог смерти—поставил их здесь нарочно.

И в этот день, так как бдительность Анат ослабла, Ваал, хотя он и боролся изо всех сил, вскоре пал. Он падает на землю, и тело его остается лежать на равнине.

Смерть эта причиняет Анат, естественно, сильнейшее огорчение. Она горько плачет и пьет свои собственные слезы, «как если бы это было вино», как если бы в ее горе таилась какая-то радость или какая-то большая надежда.

Затем с помощью богини Солица—для Солнца смерть Ваала тоже была великим горем—Анат уносит на своей спине бога; она уносит его на вершину горы Севера, где она его хоронит.

Потом Анат приносит на могилу Ваала шесть жертв, причем каждая из них состоит из 70 животных, 6 гекатомб, или около того: 70 волов, 70 буйволов, 70 овец, 70 баранов, 70 каменных баранов и 70 антилоп. И все это для того, чтобы дать возможность богу просуществовать, плохо ли, хорошо ли, в течение его отсутствия или, если можно так сказать, в течение его смерти.

Мы находимся, действительно, в стране и в эпоху, в которой, как это уже сказал Ренан, смерть не понималась, как жестокая и как окончательная; в ней видели нечто опасное, но привлекательное, ей отдают себя и в ней усыпают.

Анат во всяком случае хорошо знала, что смерть Ваала была именно такого рода. Ее поклонники тоже это знали, благодаря долгому опыту; ведь с незапамятных времен смерть эта наступала один раз в году, и каждый год, не позже, чем через 6 месяцев, Ваал воскресал.

Однако, несмотря на опыт или на привычку, каждый год поклонники Анат, а может быть и сама Анат, испытывали всегда в течение краткого времени беспокойство или томительную тоску, особенно, когда задерживались первые дожди или когда они выпадали в недостаточном количестве.

В общем каждый год возникал вопрос, не близится ли конец света. Если оказывалось, что можно избежать катастрофы или задержать ее, если конец света отдался, кого следовало благодарить, если не богиню Анат?

Действительно, воскресение Ваала не происходило, так сказать, автоматически, оно не было самопроизвольным! Недостаточно было окликнуть Ваала или даже приносить жертвы на его могиле, нужно было, кроме того и главным образом, разыскать и преследовать убийцу—убийцу Ваала, т. е. Мота.

И только, когда его нашли, настигли и наказали, когда его разрубали пополам и рассеяли по ветру его останки, тогда только Ваал мог показаться вновь; тогда земля покрывалась снова растительностью, которая не является только простым украшением и как бы символом жизни, но есть сама жизнь; без нее люди, а также и боги умерли бы все до последнего...

Но убежище, где прячется убийца Ваала, знает только Анат. Поэтому Анат преследует его, Анат спрашивает у него, что он сделал с Ваалом—своим братом. И Анат, наконец, низвергает убийцу ударом меча, подобно тому, как жнец срезает колос.

Главную роль, следовательно, играет Анат, которую, настанет день, назовут Астартой. Хотя смысл этого имени—Анат—нам неизвестен (так же, впрочем, как и имя Астарты), очевидно, что богиня Анат—Астарта, как называли ее египтяне—эта богиня с двойным именем действительно представляет собой жизнь. Она не является силой природы, наряду с другими; она сама мощь природы, иначе говоря—душа вселенной.

Чтобы добиться своей цели, богиня ни перед чем не останавливается. Она уничтожает, если надо, целые народы,—мы это видели. И это не жестокость с ее стороны или действие каприза: Анат просто

идет прямо к своей цели, которая состоит в том, чтобы обеспечить спасение мира.

Так финикийцы объясняли постоянный круговорот вещей и самую сущность вещей.

Мы это, правда, угадывали и раньше, поскольку нам была известна, и очень давно, легенда об Адонисе. Но легенда об Адонисе нам была передана писателями александрийской и римской эпох, когда мифологи сравнивали легенды Востока с легендами Греции и старались объяснить одни легенды другими, поэтому точно не было известно, что имелось восточного или оригинального в мифе о божественном охотнике и об Астарте—его любимой.

Теперь мы это видим лучше, потому что мы обладаем в настоящее время первоначальным текстом, и хотя этот текст и неполон, но он, по крайней мере, без интерполяций, без ошибок переписчиков, без каких бы то ни было ретушировок.

Поэмы Рас-Шамры являются, действительно, единственными подлинными документами финикийской литературы. Правда, древние говорили, что Финикия с очень далеких времен давала историков и поэтов. Но ученые не решались верить этим древним свидетельствам, к тому же не было решительных доказательств. Мы не знаем, имела ли Финикия действительно историков, но раскопки в Рас-Шамре доказали, что во всяком случае Финикия имела уже своих поэтов в середине второго тысячелетия до нашей эры.

И случилось так, что эта финикийская литература, которая считалась навеки потерянной, была открыта как бы чудом не в Тире или Сидоне—этих метрополиях Финикии, но в развалинах одного из городов Верхней Сирии, покинутого три тысячи лет назад.

* * *

Приблизительно полвека назад, сидя у камина, Анатолий Франс увидел, как возникла перед ним тень старого Кадма, того Кадма, который олицетворял в глазах греков Финикию и финикийцев.

Кадм явился в тот вечер А. Франсу и имел на голове синий колпак, сделанный в виде рыбьей головы и усеянный звездами. Он был одет в пурпурное платье, на котором вышиты были изображения животных, и держал в одной руке весло, а в другой—табличку.

Сон Анатолия Франса сегодня сбылся. Потомки старого Кадма действительно писали на табличках и, можно добавить, на глиняных табличках.

Что же они писали на этих табличках?

Легенды вроде тех, которые я рассказал на этих нескольких страницах.

НАЗВАНИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ БОГОВ в грузинских песнях

А. С. Сванидзе

Как известно, религия вавилонян являлась астральной религией. Она была основана на почитании семи светил: солнца, луны и пяти планет.

То же самое мы видим в языческой Грузии. В грузинской хронике, называемой Картлис Цхвореба, мы читаем: «Тогда (т. е. в языческие времена.—А. С.) грузины поклонялись солнцу, луне и пяти планетам. Превыше же всего они почитали гробницу Карт-лос-а (предначальник грузин.—А. С.), похороненного в городе Карт-ли».

Названия этих семи светил сохранились в старых мегрельских обозначениях дней недели:

1. <i>Бже-шха,</i>	что в переводе значит день солнца и соответствует воскресенью.
2. <i>Т'ут'а-шха,</i>	что в переводе значит день луны и соответствует понедельнику.
3. <i>Таха шха,</i>	соответствует вторнику.
4. <i>Джума-шха,</i>	соответствует среде.
5. <i>Ца-шха,</i>	что в переводе значит день неба и соответствует четвергу.
6. <i>Оби-шха</i>	соответствует пятнице.
7. <i>Сабатони</i>	суббота.

По понятиям древних семитов, в каждом человеческом сообществе (в сообществе племени и рода) живет божественная сила, отсюда имя, обозначающее божество, которому поклоняется известное племя, совпадает с именем самого племени (см. E. d. Meuser—E. d. Altertums, I, 371).

Согласно сообщению грузинской хроники, у древних грузин существовал культ Карт-лос-а. Их главный город назывался К'артли и, как известно, сами грузины до сих пор называют себя к'артами.

Влияние такой высокой и универсальной культуры и религии. В вавилонская, можно проследить гораздо дальше пределов совре-

мешной Грузии. Но не в этом дело. Мы хотим обратить внимание читателя на то, что в Грузии до сих пор поются песни, в которых упоминаются знакомые имена вавилонских, хеттских, хуритских и халдских богов. Пока что мы считаем твердо зафиксированными следующие имена: *Алалу, Аралу, Нана, Алату, Беллит, Да, Ирриа, Лилу* (Лил), *Аиа, Иа, Телен'и, Маг, Ма, Шимике*.

Кроме перечисленных названий, встречающихся в песнях, в качестве собственных имен, названий источников, гор и мифических героев мы встречаем: *Шамши, Иакинт, Арди, Копал, Квара*.

Должны отметить мимоходом, что, подобно хеттам, халдам и в известной степени семитам, у грузин солнце считается женским, а луна — мужским существом. Так, в народной песне говорится: «Сияющая луна сказала: я много раз лучше солнца и написала об этом письмо, которое было передано северным ветром солнцу. Солнце сильно разгневалось и сказала: я сестра, а он брат, почему мы не должны терпеть друг друга?».

Из песен, в которых упоминаются эти названия, некоторые поются при выполнении языческих религиозных обрядов, сохранившихся в народе вплоть до революции. Таковы, например, песня об *Аиа*, и песня об *Алат'а* и о *Цамуке*, другие же песни утратили первоначальное значение и превратились в застольные и даже плясовые песни. Имеющие до сих пор максимально широкое распространение. Интересующие нас имена чаще всего мы встречаем в припевах, поэтому в дальнейшем, в целях экономии места, будем цитировать из песен лишь припевы.

Начнем наш перечень с известной походной песни:

1) <i>Ара лали, ара лали,
Ара лале ара лале
ари алале</i>	<i>е</i> — окончание звательного падежа в грузин. языке.
2) <i>Арало т'ари арало
Арало т'ари арало</i>	<i>о</i> — окончание звательного падежа в грузин. языке.
3) <i>Алат'а-са, балат'а-са</i>	<i>са</i> — окончание дательного падежа в грузин. языке.
4) <i>Ари арале</i>	
5) <i>Ари ару нану</i>	<i>у</i> — окончание звательного падежа в грузин. языке.
6) <i>Нана дила</i>	
7) <i>Дили да лале</i>	<i>да</i> — по-грузински равно союзу <i>и</i> .
8) <i>Лале, лале т'ари
т'ура лале</i>	
9) <i>О лиле да ...</i>	
10) <i>Варад'о дели о дели
о дели за варад'о</i>	<i>о</i> — соответствует окончанию звательного падежа.
11) <i>Ирриа на уа</i>	
12) <i>Ширира орера</i>	
13) <i>Шар, шар, шарира ма</i>	
14) <i>Иври алале</i>	
15) <i>Рашо реро</i>	

Шари ш(у)ри шари

маг'о

17) *Аи'о*

о—соответствует окончанию звательного падежа.

18) *Сарви сакарве*

19) *Цамук*

20) *Иа варадо*

На всякий случай укажем обычную и доступную литературу упоминаемых в грузинских песнях древневосточных богов:

Алату (*алат'а* в грузин. песнях) (см. J e g e m i a s—Hölle u. Paradies, стр. 21); *Лил*, *Лилу* (*Лиле Лиле* в грузин. песнях) (там же, стр. 23); *Аралу аилу* (*арале-алале* в грузин. песнях) (там же стр. 24); *Аи'о*, как хеттском боге, см. G ö l t z e—Kleinasien (стр. 175); *Иана* в грузин. песнях также *Нана* (см. E. Meyer—G. d. A., I, стр. 420, 629); *Ир-риа* (*Иририа* в грузин. песнях) (см. N o t t e—Ethnologie, стр. 246, 462); *Иа* (в грузин. песнях *Иа*) (см. там же, стр. 178); *Шимике* (в грузин. песнях *Цамук*) (см. Ungnad—Sbarti, стр. 169); *Ма* (в грузин. песнях также *Ма* встречается в соединении с *Нана* в форме *Манана* в песне «Манана да Манана»)

Этот список можно расширить значительно больше, но для нашего дела ограничимся приведенными именами, тем более, что даже из приведенных имен не все нам удалось расшифровать окончательно.

Особого внимания заслуживают припевы: 1) *Эа варадо*, 2) *Шари мако*, 3) *Шарира ма*, 4) *Мелиа телен'иа* или *шен да чемо Телен'а-о*, 5) *Аи-о*, 6) *Цамук—Шимике*.

Композитор Поцхверашвили—крупный знаток грузинской народной песни—сообщил мне, что песня об *Аиа* поется при следующих обстоятельствах.

Во время праздников на 3-й день Пасхи хозяин и гости собираются на горе и ждут восхода солнца. При появлении первых лучей солнца начинается песня об *Аиа*, причем напоказ выставляются: девушки, обрученные девушки, только что вышедшие замуж женщины, беременные женщины и грудные дети.

Известно, что «семь злых духов» (см. H. W i n k l e r—Die babyl. Kultur, стр. 28) особенно опасны для беременных женщин и грудных детей. Известно также, что, по понятиям вавилонян, злые духи подвизаются, главным образом, ночью (см. J e g e m i a s—Hölle und Paradies, стр. 23). «Когда солнце появляется из-за восточной горы,—собирает один магический текст,—и все боги собираются перед богом солнца, тогда лучи солнца разгоняют их (злых духов) колдовство» (там же). *Аиа*—это супруга бога солнца—*Шамаша*—олицетворение солнечного света. В то же время она считается, подобно *Иштар-ана*, богиней любви и плодородия. С этим, вероятно, связана и вся церемония, сопровождаемая песнями и повторяющая зов *Аи'а* (в грузински звательный падеж *Аи'о*) (об *Аиа* см. «Reallexikon der Assyriologie»).

1) *Аиа*—с одной стороны—олицетворение света, а с другой—

богиня плодородия. В последнем качестве она является защитницей и покровительницей всего живого и сущего, а в качестве богини света она разгоняет злых духов и разрушает их колдовство. Характерно, что *Аиа* является хуритской богиней¹.

2) *Телен'и* восточногрузинских и западногрузинских песен соответствует, вероятно, хеттскому *Телени-нус*.

В этой форме (а не в форме *Телени-нус*) употребляется это название:

а) в древней малоазиатской географии и как раз в семи стадиях от древнехеттского города Патара (Fons Telephi) (см. T e x i e r—Asie mineur, стр. 678);

б) в современной грузинской географии село Телефи в Мегрелии;

в) в греческой мифологии (сын Геркулеса от Луге назывался Телеф) (см. W u n d t—Die Götterwelt der alten Völker, стр. 477).

Согласно проф. Джавახишвили, в Грузии существовал праздник, посвященный «Мелна Телефна», сопровождаемый хоромом и танцами. Хоровод пел песню об Адрекила (который, по Джавахишвили, соответствует Телефи-у) и, в частности, о том, как исчез Адрекила и как он снова вернулся. Проф. Джавахишвили не сомневается в том, что в празднике и в песне сохранилось древнехеттское предание об исчезновении бога *Телени-нуса* и вместе с ним рождаемости и плодородия на земле, о возвращении *Телени-нуса*—новом возрождении природы и общества.

Хеттское предание, по Джавахишвили, помещено в «Kl. Urkunden aus Boghazköi», XV—XVII.

3) Песня об *Алату* поется также в пасхальные праздники. Обычно группа людей обходит дворы с пенцем песни «Алат'а-са Бамат'а-са» и выпрашивает подаяния, обычно в виде яиц.

4) Песня с припевом *Цамук* пелась, как видно, в честь победы над врагом и сопровождалась пляской. Один из участников хоровода должен был изображать раненого.

5) *Шари, шари*², *шари мак-о*.

Шар, Шари соответствует, вероятно, царю, королю, повелителю. *Мак*—одно из божеств известной четверки: *Бау, Маг, Раман* и *Иштар*. По Гоммелю, он является олицетворением дня (Итти).

6) *Шар, шар, шарира ма*.

Припевы *Шар* и *Шарира* чередуются. Вероятно, мы имеем дело, с одной стороны, с тем же «Шар» (царь, король) и, возможно, с древнееврейским «Шарир», что, может быть, значит крепкий, нерушимый.

7) *Эа варад-о*.

Слово *варад* встречается в грузинских песнях в двойной форме:

а) в форме *Варад* и б) в форме *Арад*.

Примеры: 1) *Воса арад-о*, 2) *Иа варадо*.

Оно стоит то впереди соответствующего названия божества, то следует за ним. Примеры: а) *Варадо Дели о дели о дела. Иав Нана, варадо Нана...*; б) *Иа Варадо; Эа Варадо*. В общем мы можем

¹ В Мивгредии этой богине было, как видно, посвящено особое воскресенье, которое называлось «Аиа Бженха».

² Второе «Шари» в песне выговаривается, как «Шури».

сказать следующие соединения *Арад* или *Варад* с названиями богов: 1) *Эа Вара-д*, 2) *Иа Варад-о*, 3) *Воса Арад-о Варадо*, 4) *Восас Варадо*, 5) *Варадо дели о дели о дела*, 6) *Варадо Нана*.

В ассиро-вавилонском это слово тоже встречается и в форме *Арад* и в форме *Варад*. Примеры: 1) *Арад-Эа*, 2) *Арад Гула*, *Арад-Иабу*, 4) *Арад-Нана*, 5) *Арад Ниллил*. Примеры второго порядка: 1) *Варад-Иштар*, 2) *Варад Наннар*, 3) *Варад-син*, 4) *Варад-Шамаш* (слово «Арад» см. «Reallexikon der Assyriologie». Относительно «Варад» см. Р и ф т и н—Старо-вавилонские документы, стр. 169).

Что же значит *Арад* или что, например, значит соединение *Арад-Эа*? В этой форме это соединение встречаем мы в вавилонском эпосе о Гилгамеше¹. *Арад* в переводе значит раб. *Арад-Эа*, стало быть, значит раб Эа. *Арад* соответствует арабскому *Абд*. *Абд*, подобно *Арад*, встречается в сочетании с различнейшими именами (Абд'елла, Абд'ель-Мелик; Абд'ель-Керим...).

В грузинских песнях только в соединении с *Дел* и *Нана* мы встречаем слово *Арад* впереди соответствующего названия. Нужно предполагать, что в грузинских песнях *Эа Арад* тоже значит «раб Эа», *Иа Арад* значит «раб Иа» (название бога Иа мы встречаем в известном всем выражении «Аллилу-Иа» (см. Н о т т е 1—Ethnologie, стр. 178), что значит «хвалите бога»). *Оса* или *Воса Арад* значит раб *Оса*, и, наконец, *Арад-Дел* значит—«раб Дела».

Из упомянутых выше названий относительно *Орера* и *Оса* (Аса), мы, к сожалению, ничего не в состоянии сказать. Что же касается *Дел*, «Дил», «Дила», «Дела», «Делна», мы должны констатировать, что это—самое распространенное имя, упоминаемое в грузинских песнях. Обычно оно встречается в соединении с *Нана*, *Нанаиа*. Поиске мы наталкиваемся на мысль, что тут речь идет о *Бел-е*, тем более, что в тех же грузинских песнях встречаются переходные формы «Диел» («орида окрос Диел-о») и «Биел» («Аса Биел'а»).

Как мы убедились из приведенных примеров, к названиям древневосточных богов часто приставляются слова, совершенно неопытные для современного грузина. Например: 1) *Шар Ма*, 2) *Шарира Ма*, *Эа* (в) *Арад-о*, 4) *Иа* (в) *Арад-о*, 5) *Шари Маг*. Далее, с названиями *Амлу*, *Нана*, *Дил* мы встречаем слова *Ари*, *Ара*, *Ару* и *Иери*. Примеры: а) *Ара Лале*, б) *Ари Алале*, в) *Ару Нану*, г) *Иери Алале*. Далее, с названиями *Арале*, *Алале*, *Лале* часто встречается слово *Т'ари*. Примеры: *Т'ари Арале*, *Т'ари Алале*, *Т'ари Лале*. *Шар* и *Шари*, без сомнения, по-ассиро-вавилонски значат царь. *Шарир*, вероятно, значит нерушимый, крепкий. *Арад*, без сомнения, значит раб. *Эа Арад-о* по-грузински в полной форме, вероятно, звучит, как *Эа-с Арад-о* и представляет собой dat. possessivus и является точным переводом ассиро-вавилонского *Арад Эа*—раб Эа. Весьма возможно, что часто встречающиеся в грузинских песнях слова *Ари*, *Ара*, *Ару* связаны или с халдским *Ару*, что, по Фридриху, значит—дать, или с хуритским *Ар*, что, по Гетце, также значит—дать. *Иери Алале*, вероятно, значит господь Алале, ибо по-ассиро-вавилонски господь

¹ См. J e r e m i a s — Hölle und Paradies, стр. 39.

переводится, как Иври, а по-халдски, как Еври. Наконец, слово *Т'ари*, сохранившееся в сванском, значит главный. *Т'ари Алале*, стало быть, значит главный Алале. *Ари Алале*, *Ару Пану*, может быть, значит: дай, Алале! дай, Напа!

Боги, по понятиям древних семитов, обитали в скалах, источниках и деревьях. Те же воззрения мы встречаем у грузин. Ввиду этого в Грузии сохранились названия источников, гор, являющиеся древнейшими обозначениями переднеазиатских богов.

Тут прежде всего мы хотели бы назвать имя малоазнатской богини плодородия Кибелы, соответствующей той же *Ма Нана* и *Рее*. Лемаи (см. его «Армению», т. II, стр. 617) сообщает, что у фригийцев Кибела называлась Кубиле. Грузинской формой этого названия является *Кибула*. Это название носит знаменитый источник около Кутанса, питающий этот город в знойное лето ключевой водой.

Названия богов *Шамши*, *Арди*, *Иакинт* встречаются в Грузии в качестве собственных имен. *Копал* (ос), *Копале* встречается также в народных песнях и почитается, как бог: «Слава Копале могучему, как море, и высокому, как небо» (см. Д ж а н а ш в и л и В а х у ш т и—География, стр. пг).

Еще чаще встречается в Грузии имя халдского бога Квара (см. о Квара Лемаи—Армения, т. II, стр. 46). Оно встречается в качестве названия гор, крепостей, местностей и т. д. Известный грузинский географ XVIII столетия Вахушти пишет: «Горы, начиная от Горди до Кавказского хребта, называются Т'а Квара, что значит «Гора Квара». В бывш. Рачинском уезде также имеется горная цепь под названием Кверта (Кверат'а). Весьма возможно, что грузинское обозначение воскресенья—Квира-дге, что значит «День Квира», также содержит в себе название халдского бога Квара. В Рачинском же уезде мы встречаем географическое название «Квара Цихе», что значит крепость Квара.

Если грузины в течение нескольких тысяч лет сохранили не только имена вавилонских, хуритских и халдских богов в своих песнях, но и некоторые слова, сопровождающие эти имена, как *иври*—господь и *арад*—раб, это указывает, по крайней мере, на многовековое влияние вавилонской культуры на грузинские племена. Где и когда могла эта культура так длительно влиять на них,—об этом в дальнейшем.

R É S U M É

Les refrains de certains chants géorgiens qui sont chantés encore de nos jours, contiennent les noms de différents dieux babyloniens, hittites, hurites et chaldiques.

Certains de ces chants étaient exécutés dans les villages jusqu'à ces derniers temps pendant des cérémonies païennes, d'autres sont devenus des chansons chantées pendant des festins et des danses.

Étens les noms de ces anciens dieux orientaux et leurs formes géorgiennes:

1) Allatou—Alat'a	7) Irria—Iriria
2) Belit—Balat'a	8) Ia—Ia
3) Lil, Lilou—Lil-e, Lal-e	9) Schimik—Zamouk
4) Alalou—Alale	10) Ma—Ma
5) Aralou—Aral-e	11) Aia—Aia
6) Nana—Nana	12) Telepi-nus, Tele-ph'i, Telephisi

Entre ces dénominations on rencontre encore comme noms propres et comme désignation des montagnes et des endroits les noms suivants: Samsch-i, Ardi, Kopale, Iakintie, Kvara, Kibul-a.

Ces noms sont souvent accompagnés par des mots qui n'ont aucun sens pour le géorgien de nos jours: 1) Schar, 2) Schari, 3) Scharira, 4) Ivri, 5) Arad, Varad, 6) T'ari, 7) Ari, Ara, Arou. On rencontre par exemple dans les chansons des combinaisons suivantes: 1) Schar Ma, 2) Schari Mag, 3) Scharira Ma, 4) Ivri Alal-e, 5) T'ari Lal-e, 6) Ea Arad-o, 7) Vasa Arad-o, 8) Ari Aral-e, 9) Ara Lal-o, 10) Arou Nanou.

Si les noms des dieux qu'on vient de citer sont babyloniens il est probable que les mots qui les accompagnent sont aussi d'origine babylonienne. En effet, Schar, Schari signifient sûrement — roi, seigneur. Schari signifie seigneur, Arad—esclave. Peut-être que Scharira signifie — inaltérable. D'après Friedrich «Arou» signifie en langue chaldéenne—donner. D'après Ungnad «Ar» signifie en langue hurite—donner. Il est donc possible que Schari Mag signifie seigneur Mag; Ivri Alale—seigneur Alale, Ea Arad-o—esclave d'Ea. Scharira Ma—inaltérable Ma. Puisque «Ar» correspond au verbe «donner» et puisque les noms des dieux sont au vocatif il est possible que «Ari», «Ara» ou «Arou Nanou» signifient «donne, Nana».

Si les géorgiens ont gardé pendant des millénaires dans leurs chansons non seulement les noms de dieux babyloniens, mais aussi des mots qui les accompagnent et qui ont perdu depuis longtemps pour eux leur sens il est évident qu'ils ont été influencés pendant une longue période par cette culture.

La question se pose, où et à quelle époque cette culture a pu exercer une influence aussi durable sur les tribus géorgiennes.

БИБЛЕЙСКАЯ РЕЛИГИЯ в свете новейших археологических раскопок

Проф. Дитлеф Нильсен*

Начиная с середины прошлого столетия, в результате археологических раскопок в Ассирии и Вавилоне было обнаружено большое количество древнесемитических текстов, относящихся к последним тысячелетиям дохристианской эры.

Здесь были проведены успешные работы, имевшие целью проследить соприкосновение между древней культурой Двуречья и культурой западных стран, расположенных у Средиземного моря; эти работы дали основание признать Палестину, начиная со 2-го тысячелетия до нашей эры, сферой непосредственного подчинения вавилонской культуре.

Явное родство удалось установить и в отношении религии. Было выдвинуто утверждение о наличии прямой линии развития, ведущей от Вавилона к Библии. В начале текущего столетия при обсуждении так называемой проблемы «Вавилон-Библия» этот вопрос дискутировался с большой страстностью в многочисленных популярных трудах.

Однако, как уже тогда было подчеркнуто автором настоящей статьи, эта родственность была сильно преувеличена. «Вавилонизм» исходил из правильных наблюдений, однако давал им во многих случаях неправильное толкование. Точки соприкосновения имели свое основание не в позаимствовании одним народом у другого, а являлись результатом происхождения от общего, значительно более примитивного корня, нежели высокоразвитая религия Вавилона.

Кроме того, это соприкосновение носило лишь периферийный характер. Отдельные имена вавилонских богов, мифы или сказания, как, например, рассказ о великом «потопе», перешли в Палестину,

* Проф. Д. Нильсен (Ditlef Nielsen, Kopenhagen)—директор Копенгагенской библиотеки, видный ученый по вопросам семитических религий.

исходительно, из аллювиальных земель Вавилона; однако центральная вервь ветхозаветной религии ведет не к сложному религиозному культу Вавилона, а к примитивной древнеарабской религии, которая постепенно известной в результате обнаружения подлинных документов, что, правда, имело место лишь в течение последних пятилетий.

* *
*

Многочисленные вновь открытые древнеарабские надписи, относящиеся к первому тысячелетию до нашей эры (делу расшифровки предшествовал содействие также и русский ученый, акад. И г н а т и й Г р а б о в с к и й), свидетельствуют о наличии у арабов культуры и религии, которые должны рассматриваться, как первоначальная стадия всех прочих семитических культур и религий¹.

Однако при изучении древнеарабского культа небесных светил исследователи исходили из вавилонского прообраза, между тем (как это уже подчеркивал в своих прежних трудах автор настоящей статьи) древнеарабский культ носит совершенно иной характер.

Так как правильное понимание истории развития древнесемитической религии—относя сюда и схему развития библейской религии—состоит на признание этого факта, то представляется необходимым еще раз вкратце упомянуть здесь о наиболее важных расхождениях, существовавших между вавилонской и древнеарабской религиями.

В противоположность сложной вавилонской астральной религии ~~культ~~ тенденция определить более простую древнеарабскую религию как примитивный культ природы. Поскольку же в аравийских пустынях и степях главную роль среди объектов природы играли небесные светила,—поклонение природе носило характер культа небесных светил.

Из числа небесных светил здесь обожествлялось значительно большее количество, нежели в Вавилоне. Только луна, солнце и планета Венера являются здесь предметом религиозного культа в виде самостоятельных, индивидуализируемых образов отца, матери и сына. Как показывают новые тексты, обнаруженные в Рас-Шамра, остальные звезды, правда, также являются богами, elim, однако они образуют компактную, не индивидуализируемую массу культа. «собрание богов» (по-аккадски puhur ilani, по-еврейски ~~עֲבוֹדַת~~ sba'jśpš, «воинство солнца» (по-еврейски seba'ha-šamajim «божество неба») и, как низшие, безымянные божества подчиняются главной великой паре богов, луне и солнцу, в качестве их «сыно-

¹ См. в особенности, следующую литературу: Fr. H o m m e l — Ethnologie der Religionen des Alten Orients, München 1904, 1926 («Handbuch der Klassischen Altertumswissenschaft», 1-я часть, I том, 3-й раздел); Ditlef Nielsen — Der einheitige Gott in religionshist. Beleuchtung, I том, Kopenhagen 1922 г. (II и III т.т. в подготовке); Ditlef Nielsen — Der geschichtliche Jesus, München 1928 г. («Ras-Šamra Mythologie und biblische Theologie». Leipzig, 1936 («Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», XXI, 4).

вей». Хотя и они называются богами, однако имя (nomen proprium «бог», El (Il) носит только верховный лунный бог, точно так же, как и его супруга, солнечная богиня-мать, носит имя Elat (Pat).

Среди этих «сыновей бога», bn'l (по-еврейски bene'elim или bene (ha-) 'elohim) особым культом пользовалась только ярко сияющая звезда Венера, как «первородный» (bkr) или «возлюбленный» (idd. mad) сын бога. Только это светило имеет особую божественную функцию в этой религии. Только ему одному среди многочисленных сыновей бога воздавали почитание, как сыну божьему, особенно близкому к отцу. И только этот сын носил особые имена. В качестве бога природы его называли 'Attar ('Aštar), «звезда Венера» с каким-либо эпитетом. Однако в семейной мифологии богов его почетное имя было обычно—просто «сын божий».

Точно так же, как среди многочисленных богов только один носит и м я «бог», так и среди многочисленных сыновей божьих только один называется и м е н е м «сын божий».

В древнесарабской религии этот сын божий вместе со своим отцом и матерью образуют древнейшую святую троицу—отец-сын-мать. сохранившуюся во всех производных формах древнесемитических религий, включая и религию израильтян, позднее же проявляющуюся в христианстве, как отец-сын-святой дух.

* *
* *

Эта простая триада богов весьма далека от пространного вавилонского пантеона с его толпой богов и богинь, однако основное различие все же лежит не в этом, а в определенной линии развития, которая, к сожалению, еще не в достаточной степени оценена учеными.

Семитические пришельцы в Двуречье, которые довели до полного расцвета вавилонскую культуру и религию, принесли с собою в качестве религиозного наследия своих отцов упомянутую выше примитивную астральную триаду богов; вместе с тем, однако, они переняли и иное религиозное наследие, позаимствованное от более ранних несемитических сумерийских жителей Южного Вавилона.

Природные условия этой страны резко отличались от условий, характерных для природы Аравии.

Недостача воды и неплодородие почвы как в те времена, так и сейчас являются характерной чертой обширных аравийских пустынь и степей, тяготеющей над всей жизнью арабов. Между тем, в Южном Вавилоне вода имеется в избытке. Евфрат и Тигр с их многочисленными каналами не только обеспечивали исключительное плодородие почвы и создавали изумительную и роскошную растительность, но путем отложения ила способствовали образованию всего Южного Вавилона¹.

Отсюда понятно, что богом-творцом, создавшим в начале все в мире, здесь первоначально явилось олицетворение пресной воды:

¹ Уже в исторические времена в устьях обеих рек образовалась площадь новой наносной земли, превышающая всю Данию.

земной матерью-богиней, оплодотворяемой этим богом, здесь была четырехвенная земля, сыном же их—бог произрастания, Таммуз. В противоположность древнеарабской небесной триаде богов здесь, таким образом, сложилась первоначально триада богов земного происхождения. В соответствии с этим первоначальной родиной людей служил не небесный рай, как это имело место у древних семитов, а (согласно второй версии библейского сказания о сотворении мира, —Быт., II—III) земной сад, который делал плодотворным земные реки. Сам человек—не небесного происхождения, а, подобно ему почти утвари шумерийцев, сотворен богами из земли (глины) (см. Быт., II). Поэтому уже с самого начала у него не было ни вечной жизни, ни надежды обрести ее после смерти. Как существо, рожденное из земли, он после смерти возвращается в землю¹.

С этой земной исходной точки у вавилонских семитов начинается процесс развития, в результате которого, как это было правильно подчеркнуто оксфордским профессором С. Лангдоном, местонахождение богов, в соответствии с воззрениями семитов, оказалось перенесенным на небо, и все более и более стал подчеркиваться их астральный характер, пока, наконец, вся религия не вылилась в наблюдение за звездами и учение о звездах, т. е. в астрономию и астрологию.

Наряду с луной, солнцем и Венерой в огромный астральный пантеон включаются и другие планеты и неподвижные звезды и даже кометы и метеоры. Простой первоначально культ природы превращается в чрезвычайно сложную астральную теологию, и спекулятивная философия пытается объединить в единообразную систему около 5 000 имен разнообразных богов, относящихся к различным стадиям развития религии².

Хотя таким путем процесс развития происходил в направлении от земли к небу, это развитие все же не выходило за пределы культа природы, причем в результате длительной богословской спекуляции, продолжавшейся многие тысячелетия, этот культ природы привел к беспредельному политеизму (многобожию).

Многочисленные попытки внести в религию этический элемент и монотеистическое понимание божества, встречающиеся в гимнах и молитвах, оказались поэтому не в состоянии вывести религию за пределы этих границ.

Как и повсюду в древности, луна, солнце и звезды рассматривались в Вавилоне, как одушевленные и человекоподобные существа. В мифологии они наделяются человеческими свойствами, в искусе-

¹ См. S. Langdon—Sumerian epic of paradise, the flood and the fall of man, Philadelphia 1915 (Univ. of Pensylv. publications, vol. 10, Nr. 1).

² «Понятие о вечной жизни появилось в Вавилоне поздно. Подобное представление не могло считаться возможным у шумерийцев, все отношение которых к человеку определяло его как прах земли, в которую он должен неизбежно вернуться».

³ S. Langdon—Tammuz and Ishtar, Oxford. 1914, p. 49, 106 и сл. (особенно гл. V—«Tammuz and Innini as astraldeities», pp. 159—184). «The mythology of all races», vol. 5, «Semitic», Boston 1931 (особенно гл. II—«The Sumero-Babylonian Pantheon», pp. 88—165).

стве же изображаются, как люди; главное внимание, все же, сосредоточивается во все возрастающей мере вокруг астральной стороны их природы, которой они никогда не лишаются.

* * *

В религии древних арабов процесс развития мифологии происходит в противоположном направлении.

Этот процесс ведет от неба к земле, от видимого звездного бога к невидимому этическому богу, который заключает союз с земным общественным коллективом и, таким образом, как бессердечный, пристрастный бог представляет собою резкую противоположность вавилонскому богу вселенной. Рамки религии, построенной на поклонении природе, сломлены, но они сменались узкими границами, определяемыми жизнью арабского племени. Бог перестал быть звездным богом, или богом природы, став вместо этого богом племени и народа.

В древнеарабских надписях верховный бог, как бог народный, лишается своего лунарного и универсального характера и приобретает особое национальное имя, характеризующее его, как бога и отца данного народа. За ним следует богиня-мать, олицетворяющая собою мать народа, и первородный небесный сын божий, воплощением которого является личность царя, который таким путем превращается в земного, национального бога.

Связующим звеном между созвездием и общественной группировкой (племя, народ) является отмеченная выше примитивная астральная семейная мифология. Не только звезды, но и люди являются физически потомками небесной пары богов.

В примитивной религии племени или народа бог не является производителем и отцом всего человеческого рода; он—предок и отец данного общественного коллектива, благосостояние которого является, поэтому, его главной задачей.

На этом родстве строится затем вся религия, в то время как в Вавилоне родственная связь между богом и человеком нарушается тем обстоятельством, что бог «сотворил» человека, а не «произвел» его.

Бог почитался здесь не как «отец», а как «царь» и «господин».

* * *

Правильное понимание этого процесса развития, происходившего внутри древнеарабской и древнесемитической религий, сразу разрешает различные загадочные явления в истории религии древних семитов.

1. Это развитие объясняет, например, почему древнеарабская религия столь резко отличается от вавилонско-ассирийской религии хотя бы собственными именами богов.

В течение 50 лет исследование клинописной литературы сосредоточилось, в частности, на обработке особой группы собственных имен, в которых обычные астральные имена божества встречаются

как составная часть весьма редко, зато значительно чаще применяются обозначения степени родства, простое имя *ilu*, «бог», или другие равнозначные определения, приписывающие богу этические свойства.

Эти собственные имена ведут свое начало от семитических, а не вавилоно-ассирийских элементов населения, которым давались разнообразные названия, а именно: южноарабские, арабские, хананейские, ирамейские, западносемитические, восточнохананейские, протоарамейские, аморейские племена и т. д.¹

Неудачность в выборе названий для этих групп населения, которые, хотя и жили в различных местностях и в разные времена, но все же имели общие черты, указывает, насколько беспомощны в определении этих чужих племен были авторы данных названий, жившие в период — или на границе — господства клинописной литературы.

Где бы эти неаккадские собственные имена ни встречались, на севере или на юге, в древние или поздние времена, бесспорно одно: они возникли из древнеарабской религии и носят на себе ее отпечаток. Здесь ясно отражается линия развития, характерная для этой религии.

Общезвестно, что в древности арабы непрерывающимся потоком перекочевывали из сирийско-аравийских степей в плодородные, богатые водой культурные области, расположенные у северной границы Аравийского полуострова. Все северные семитические народности, происхождение которых может быть исторически установлено, перекочевали из Аравии.

Эти пришельцы из пустыни зачастую миролюбиво проживали рядом с северосемитическими культурными народами, являясь полубедуинами или торговцами, нередко организованными в самостоятельные торговые колонии; при случае, однако, если старые государственные образования оказывались в достаточной степени одряхлевшими, они завоевывали их силой оружия, основывая вместо старых новые государства, как, например, Израильское царство в Палестине, или создавая новые династии, вроде известной династии Хаммурапи в Вавилоне.

В обоих случаях они довольно быстро перенимали более высокую северосемитическую культуру, весьма медленно отказываясь, однако, от религии своих праотцев. Известно, что в истории культуры наиболее консервативным элементом является религия, в пределах же этой последней, в свою очередь, консервативным фактором, никогда не успевавшим за религиозным развитием, являются собственные имена богов.

Поэтому географическим носителям этих собственных имен можно давать различные названия. Но с точки зрения истории религии все эти названия относятся к сфере древнеарабской религии.

¹ Хороший, ориентирующий по этому вопросу обзор дает P. D h o r m e — Les Amorhéens, «Revue Biblique». Tome 37 (1928), pp. 63—79, 160—180. Tome 38 (1930), pp. 168—178, Tome 40 (1931), pp. 161—184 (особенно — том 37, стр. 65, 78, 160—165, том 40, стр. 183).

Носители этих имен или их предки перекочевали в свое время из Аравии.

* *

2. Эта линия развития объясняет и тот бросающийся в глаза и прежде непонятный в древнеарабской религии факт, что в позднеарабской, послехристианской, доисламской религии сохранились лишь незначительные остатки культа звезд, в то время как в дохристианский период она была, как видно из надписей, ярко выраженной астральной религией. Дело в том, что и здесь с течением времени звездные боги замещались племенными богами¹ и, как об этом свидетельствуют древнеарабские надписи, этот процесс развития происходил с достаточной интенсивностью еще в дохристианский период.

Правда, богиня-мать, Šams (солнце) и сын божий Allar (звезда Венера) обычно выступают здесь под астральными именами, однако верховный бог, как отец племени и народа, уже в древнейших памятниках сохранил свой астральный характер в столь незначительной степени, что его первоначальное лунарное происхождение было установлено исследователями только в течение последних лет.

* *

3. Наконец, эта же линия развития обеспечивает нам возможность установить отыскиваемую в течение продолжительного времени связь между израильской и древнесемитической, так называемой «языческой» религией.

Правда, церковная догматика отрицает эту связь, однако, подобно тому как роялисты обычно бывают «plus royaliste que le roi même» («больше роялисты, чем сам король»), и церковь по многим вопросам изменяет учение библии в духе церковных учений.

Если семитолог будет присутствовать в Европе на современном еврейском богослужении, то, независимо от еврейских традиций, он на основании научных исследований сможет высказать следующее суждение.

По языку и религии родину этих людей нужно искать не в Европе. Они в свое время должны были перекочевать из тех областей Передней Азии, где в древности имелись семитические поселения. Так как еврейский язык весьма близок к финикийскому, то родину евреев, по всей вероятности, следует искать недалеко от финикийских городов южной части Средиземноморского побережья Сирии.

Действительно, евреи сохранили о своей первоначальной родине определенную историческую традицию, которая, как известно, подтверждает эту точку зрения.

Если мы таким же образом поставим вопрос, откуда появились те финикийцы и израильтяне, которых мы застаем в древности на Средиземноморском побережье, то семитолог, знакомый с новей-

¹ По суждению большинства ученых, древнеарабский бог первоначально является племенным богом.

ими археологическими находками и исследованиями, подобным же образом констатирует, что родина обоих народов находилась где-то южнее, в пределах господства древнеарабской религии.

Об этом же свидетельствует и большое количество деталей в языке религии древних финикий и израильтян.

Историческая традиция, освещающая первоначальную религию и первоначальную родину израильско-иудейского народа и нашедшая свое отражение в Ветхом завете, дает на этот вопрос тот же ответ.

* * *

Прежде всего, Иисус Навин (XXIV, 2, 14—15 и др.) ясно подчеркивает, что древние израильтяне и их предки некогда поклонялись другим богам.

Каковы же были эти боги?

Это были—луна, солнце и звезды, «все вопиство небесное», как это достаточно часто упоминается в Ветхом завете (третья кн. Царств, 2, 21). Культ звезд, не являвшийся чем-то специфически израильским, а бывший уделом всех народов под небесным сводом» (Второз. IV, 19, XVII, 3 и др.), представлял собою, по видимому, то же примитивное поклонение звездам, которое было обрисовано нами выше и которое хватывало весь мир на известной ступени развития человеческой культуры.

Исследователи Библии не обращали достаточного внимания на эти отчетливые указания, поскольку в Библии сохранилось очень мало прямых следов астрального культа.

Тот факт, однако, что вся древнеизраильская религия совершенно так же, как и древнеарабская, *к о с в е н и о* возникла из культа звезд, в котором боги постепенно теряли свою астральную оболочку, продолжая существовать, как невидимые этические и индивидуализированные образы,—не был признан до настоящего времени.

Между тем, Библейская традиция утверждает единодушно по поводу, что еврейский народ, как об этом подробно сообщается в Пятикнижии, во 2-м тысячелетии до нашей эры перекочевал в Палестину из Аравии и принес с собою оттуда своего народного бога, причем Ягве имел первоначально свое местонахождение не в Палестине, а на святой горе *С и н а й* в Северной Аравии¹.

Уже то обстоятельство, что верховный бог древних израильтян, как народный бог, носит особое имя, в то время как в качестве универсального бога он называется, как и у древних арабов, просто «бог», *El* (*Elohim*), ясно указывает, что Ягве стоит в одном ряду с прочими древнеарабскими народными богами.

У древнеизраильского верховного бога имеется еще и то общее с древнеарабским верховным богом, что его первоначальное лунарное

¹ Cp. D i t t e f N i e l s e n—The site of the Biblical Mount Sinai, a claim for Petra, Copenhagen, 1928. The Mountain Sanctuaries in Petra and its Environs. Journ. of the Palestine Oriental Society», vol. XI, 1931, p. 237, vol. XIII, 1933, p. 185.

происхождение установлено учеными только за последнее время. так как о нем напоминает лишь небольшое количество рудиментарных остатков.

У древних израильтян этот верховный бог первоначально не был единым богом. Наряду с ним выступают, так же, как и в древнефиникийских надписях, другие боги, 'elim, которые тоже называются «сыны божьи», bene'elohim и в некоторых местах Ветхого завета еще отождествляются со звездами, с «небесным воинством», seba'ha-samaim. Однако они постепенно теряют свой астральный характер и появляются, как «ангелы», mala'kim, или «посланцы» бога.

Мать этих сынов божьих в официальной ветхозаветной религии исчезла, оставив, однако, многочисленные следы своего существования. Издавна, например, установлено, что олицетворенная божественная «мудрость», женственная Нома, упоминаемая в «Притчах» (гл. 1—9) является остатком культа первоначальной богини-матери.

Со стороны ученых встречаются попытки отождествлять эту первоначальную израильскую богиню-мать с вавилоно-ассирийской богиней-матерью Ištar-'Astarte¹, что, однако, неправильно.

Иштар есть и остается звезда Венера, никогда не теряющая астральной стороны своего существа. Богиня же, о которой идет речь, была первоначально идентична с той богиней, которая под именем Ашера многократно упоминается у древних израильтян в Ветхом завете в качестве «языческой» богини и под этим же именем встречается в древнеарабских и древнефиникийских надписях, как богиня солнца и невеста лунного верховного бога. Затем она постепенно, так же, как и ее супруг, теряет свой астральный характер, продолжая существовать, как невидимая индивидуализированная богиня-мать, рядом с богом-отцом.

Чтобы доказать это тождество, автор настоящей статьи собрал целый ряд данных, которые он предполагает опубликовать в другой связи. В данном месте необходимо лишь указать вкратце, что женское имя Нома (с окончанием женского рода) соответствует мужскому имени Никм, «мудрый», что в древнеарабских надписях является эпитетом верховного лунного бога².

* * *

Подобные остатки политеизма, остатки божеств, которые в качестве отца, матери и сына родственны человеку, часто встречаются как в Ветхом, так и в Новом завете. В отдельных случаях можно еще распознать их первоначальное астральное происхождение.

¹ См., например, Dietrich—Theol. Studien und Kritiken, 1908, S. 475—512 (особенно S. 476—481, 500—503, 507—512) и G. Bostrem—Proverbiaalstudien, Acta Universitatis Lundensis, Nova Series XXX, 1934, S. 1—181: Нома является у еврейства, в качестве невесты бога, первоначальной богиней... заменой «потерянной» Астарты (S. 14, 172—173).

² См. «Handbuch der altarab. Altertumskunde» I, Kopenhagen 1927, S. 215. Эти связанные друг с другом мужские и женские имена, как, например, «бог» и «богиня» (может быть, также Ašer и 'Ašerat), определяют оба верховных божества, как связанных друг с другом супругов.

Священное дерево с двумя керубами или ангелами, снимающими, по видимому, плоды. Обычный семитический мотив о небесном саде. Ассирийский алебастровый рельеф. Британский музей

Многие библейские мифы и сказания становятся понятными лишь в этом освещении. Обычно в основе их лежит древнеаравское религиозное мировоззрение. Если в том или в ином отдельном случае может быть констатировано наличие вавилонской окраски, то она имеет явно характер вторичного явления и последующего наслоения. Насколько существенным образом обнаруженные памятники меняют наше понимание библейской истории, будет показано в дальнейшем изложении на примерах библейских сказаний о сотворении мира и о рае.

* *
*

Первые страницы Ветхого завета принадлежат к произведениям народной литературы. Можно с уверенностью утверждать, что сказания о сотворении мира, о рае и грехопадении в гораздо большей степени возбуждали человеческую фантазию, нежели какой-либо другой рассказ Нового завета, тем более, что эти сказания рассматривались евреями и магометанами, как священные.

Они являются не только исходной точкой церковного мировоззрения и христианской теологии, но служат также зачастую мотивом для произведений поэзии и искусства. Поэтому каждый новый вклад в их понимание может наперед рассчитывать на живейший интерес.

В то время как в прежние времена сменявшие друг друга поколения вкладывали в библию свое собственное мировоззрение, в новейшие времена историческое исследование библии сделало попытку вернуться к ее первоначальному смыслу.

Анализ источников, при помощи которого Пятикнижие было разложено на ряд отличных друг от друга литературных произведений, вскоре установил, что сказание о сотворении мира, изложенное в гл. I Бытия, относится к так называемому Жреческому кодексу. В то время как второй вариант изложения того же события, со входя-

щим в его состав рассказом о рае, во 2-й и 3-й главах относится к источникам более древнего, в большей степени народного происхождения.

Крупный немецкий теолог Г е р м а н Г у н к е л ь стремился найти в литературных произведениях, составляющих библию, путь, ведущий к выделению отдельных рассказов, которые жили в народных преданиях своей самостоятельной жизнью, до тех пор пока они не оказались объединены в библию в более крупные литературные произведения. Он доказал на основании этих рассказов наличие в библии древнего, доеврейского мифологического элемента, сглаженного и затемненного впоследствии монотеистическим еврейством.

Так как до последнего времени единственным почти источником изучения доеврейской семитической мифологии являлись вавилонские и ассирийские надписи, то Гункель имел возможность рассматривать первые страницы библии с точки зрения доеврейской мифологии преимущественно с помощью этого именно материала. Он проделал эту работу сначала в составившем эпоху произведении «Сотворение и хаос» («Schöpfung und Chaos», 1895), а затем в своих больших комментариях к Книге бытия, вышедших в 1902 г. уже вторым изданием.

Истекшие 30 лет дали нам новый и весьма важный материал по этому вопросу. В первую очередь новые открытия в области культуры древних арабов ознакомили нас с примитивной культурой и религией, которые являлись первоначальной основой как высокоразвитой вавилоно-ассирийской цивилизации с ее сложной мифологией, так и позднейшей библейской религии. Здесь мы добрались до первоначального общесемитического пласта, объединяющего семитическую, а вместе с ней и библейскую мифологию с той разновидностью мифологии, связанной с культом природы, которую можно наблюдать еще и теперь в примитивных культурах.

* * *

В результате раскопок, предпринятых в течение последних восьми лет французскими археологами в Рас-Шамре, на северном побережье Сирии, вблизи древней Л а о д и к и е (Latakia), был обнаружен древний финикийский город У г а р и т с храмовыми архивами и мифологической литературой, относящейся ко 2-му тысячелетию до нашей эры, т. е. к периоду, на тысячу лет предшествовавшему библейской литературе; происхождение найденной литературы, так же точно, как и библейской, относилось, однако, ко временам значительно более ранним.

Отсюда следует, что финикийцы, подобно евреям и другим северо-семитическим народам, первоначально перекочевали в северные культурные области из Аравии. Из своей родины они принесли с собою древнеаравскую религию, известную нам в настоящее время из многих тысяч каменных памятников, относящихся к временам древней Аравии. В северных районах эта религия видоизменилась, превратившись в ту именно религию, которую мы называем сейчас финикийской, еврейской и аккадской (ассиро-вавилонской) религиями.

*Ангел с птичьей головой подносит священный плод.
Ассирийский алебастровый рельеф в Национальном
музее в Копенгагене*

Та стадия развития мифологии, которая подтверждается найденной в Угарите литературой, представляет собою мост между древнеаравской и библейской мифологиями, отсутствовавшее до настоящего времени звено (missing link), соединяющее эти обе формы религии.

В религиях, возникающих на более высоких ступенях культурного развития, человек, как и другие живые существа, а также небо и земля, «сотворен», т. е. создан, богом или богами из имевшегося вещества (сотворение из ничего, creatio ex nihilo, является более поздней догматической спекуляцией).

Стадией, предшествовавшей этому сотворению, является «рождение», встречающееся в большинстве религий, построенных на культе природы и, как пережиток, — наряду с представлением о сотворении, — также и в различных религиях, возникших на более высокой ступени культурного развития.

Первобытные народы знают только один источник жизни, а именно: рождение. Точно так же, как этим путем постоянно приходят на свет люди, была рождена богами и первая человеческая пара; таким же образом родились низшие боги от высших, верховная же пара богов является истоком всей жизни, ибо к общей семье богов относятся

также и звери, населяющие небо и землю. Достигнув этой высшей пары богов, размышления прекращаются. Это пара всегда существовала, как и небо и земля, являющиеся ареной жизни.

Подобное «учение о рождении» с парой верховных богов встречается как в древнеарабской, так и в древнефиникийской религиях времен У г а р и т а. Кроме того, здесь, как и в других примитивных религиях, построенных на поклонении природе, верховной парой богов первоначально считаются солнце и луна, от которых произошли все живые существа. Звезды, движущиеся вдоль небесного свода, вместе с луной и солнцем также принадлежат к этим живым существам и называются, как это мы часто встречаем в отдельных местах Ветхого завета, «сыновьями божьими».

Уже в этой форме религии, признающей «рождение» вместо сотворения, встречается тенденция к постепенному превращению небесных светил в индивидуализированные существа, пока они, в конце концов, совершенно не отрываются от своей первоначальной основы. Они, собственно говоря, являются не абстрактными, невещественными существами, а человекоподобными личностями, населяющими небо, как единая семья, в которой луна является отцом, солнце—матерью, многочисленные же звезды—божьими детьми, ангелами или низшими божественными существами, которых иногда, правда,—как и в Ветхом завете,—называют богами, но которые все же не носят, как бог-отец, имени «бог».

* *
*

Эти семитические астральные боги носят у римлян постоянное название aeternus, т. е. «вечный». Звезды не исчезают, не умирают, как люди, а следуют вечно по своему пути, в то время как поколения за поколениями вымирают на земле, сменяясь новыми. Если эти астральные боги воспринимаются, как индивидуализированные, человекоподобные существа, то естественно должен возникнуть вопрос: почему же эти небесные существа в состоянии вечно жить?

Миф, всегда дающий ответ на подобного рода вопросы, разъясняет причину этого явления.

У первобытных народов жизнь обуславливается постоянным приемом пищи. Если нет еды—умирают. На небе имеется чудесное дерево, «дерево жизни», приносящее плоды, вкушение которых постоянно обновляет жизнь. Под различными названиями в разных религиях этот небесный плод хорошо известен, как не теряющее своей силы средство омоложения богов. Недостаточно, однако, того, чтобы боги вкусили его однажды; нет, они должны пользоваться им постоянно. Поэтому именно германские боги, когда у них были отняты я б л о к и «И д х у н», состарились и стали близки к смерти; они ожили опять лишь после того, как Л о к и принес им эти яблоки обратно.

В семитических религиях приходится часто встречать как в изображениях, так и в текстах подобное «дерево жизни», относящееся к древнейшим временам, т. е. к периоду за тысячелетия до нашей эры. Как правило, оно охраняется херувимами или крылатыми ангелами и находится в небесном саду богов, о котором упоминается

Длиннобородый ангел ассирийского типа со священным плодом (плодом дерева познания?). Ассирийский алебастровый рельеф. Лувр

также и в более поздних текстах. Оно хорошо известно и Библии, где упоминания о «древе жизни» встречаются, начиная с первой и до последней страницы. Это дерево встречается уже в саду Эдем или в раю 2-й и 3-й глав кн. Бытия; по Иезекиилю (XXVIII, 13) и по Откровению Иоанна этот рай находится на небе и соответствует небесному саду богов, существующему в других религиях. Здесь растет чудесное «дерево жизни» (Апокал., 22, 2), это «дерево жизни, находящееся в раю божьем» (Апокал., 2, 7).

Конечно, в различных религиях разновидность плода меняется. Если это дерево не изображается у семитов в виде стилизованного фантастического растения, оно, как правило, имеет вид финиковой пальмы.

* * *

Не в одной только вечной жизни заключается разница между небесным и земным существом. Если постоянно наблюдать звездное небо, то можно вскоре заметить, что небесные существа, движущиеся

там наверху, не только продолжают жить, когда земные существа умирают, но, в отличие от детей земли, они не размножаются.

Семь светящихся существ, которые образуют семь светил созвездия, не превращаются с течением времени в четырнадцать или двадцать восемь; вечерняя или утренняя звезда, упоминаемая в преданиях предков, страстно постоянно в одиночестве и не размножается. Звезды не вступают в брак. Не вступают в брак и звездные боги и ангелы, поэтому, естественно, они и не имеют детей.

В угаритских текстах, так же, как и в библейских, звездные боги или ангелы всегда выступают, как «сыновья божьи», и иногда, как «дочери божьи». Поэтому возможность брака на небе исключается, и только лишь в одном месте Ветхого завета эти «сыновья божьи» женятся, да и то на «дочерях человеческих»; таким образом, повидимому, Ветхий завет исключает возможность существования женственных ангелов или брака на небе. В кн. Бытия VI, сказано: «И увидели сыновья божьи дочерей человеческих, что они прекрасны, и брали их себе в жены». Новый завет своим образным языком говорит (Марк, 12, 25), что на небе не существует брака. Поэтому и у Луки (20, 34—36) сказано: «Дети века сего женятся и выходят замуж. А сподобившиеся достигнуть того века и воскресения мертвых, ни женятся, ни замуж не выходят». Это обосновывается тем, что, как ангелы, или «сыновья божьи», они обладают вечной жизнью, а потому отпадает необходимость продолжения жизни путем размножения.

«И умереть уже не могут, ибо они равны ангелам и суть сыновья божьи».

* * *

Деторождение, соединенное с вечной жизнью, первоначально повидимому, составляло привилегию верховной пары богов, и брака которых, согласно текстам, найденным в Угарите, произошло на заре времени многочисленные звездные дети, населяющие в громадном количестве небо. В Библии ни разу не встречается упоминания о сотворении ангелов, сыновья же божьи, наоборот, существовали уже до сотворения мира (Иов, XXXVIII, 7).

Богиня-мать исчезла из официальной библейской религии и может быть обнаружена лишь в отдельных местах в завуалированной и редуцированной форме. Точно так же в Библии ничего не говорится о рождении ангелов. Однако из выражения «сыновья божьи», которым часто определяются ангелы, следует предположить, что они происходят из доеврейской религии, где эти божьи дети называются как сыновьями богини-матери, так и «сыновьями бога», и где их рождение точно описывается. Рождение такого бесконечного количества детей от одного брака, по понятиям человека, столь же чудесно, как и вечная жизнь. В первобытные времена у семитов, вероятно, постоянно возникал вопрос о причинах этого явления, ибо различные мифы дают ответ на этот вопрос.

Мифологический эпос, обнаруженный при раскопках в Рас-Шаму, объясняет огромную плодовитость богов определенным образом.

Два женских ангела у (стилизованного) небесного дерева. Ассирийский алебастровый рельеф. Бригганский музей. Лондон

Однако в древнеаравской религии должен существовать и другой вариант, объясняющий рождение верховной парой богов бесконечного множества детей вкушением плода, который обладает свойством способен стимулировать производительную силу. Такие плоды хорошо известны в семитических и библейских преданиях, и изображения небесного сада богов показывают, что здесь, кроме «дерева жизни», существовало еще дерево с такими любовными плодами, которые представляли жизненную необходимость для божественных отца и матери, но были «табу» для их детей, не предназначенных для вступления в брак или познания тайны половой любви.

В различных семитических языках как в настоящее время, так и в древности половые сношения определяются, как «познание» женщины, поэтому вполне естественно назвать такое дерево деревом «познания».

Читатель, не совсем еще забывший свои первые детские знания, примет уже из этого краткого изложения материалов новых текстов, что в настоящее время у нас имеются новые, до сих пор отсутствовавшие условия для суждения о библейском рассказе относительно райских дерева жизни и дерева познания, поэтому связанные с ними предположения предстают в совершенно новом свете.

Сообразно естественным условиям существования звездных богов и исходя из аналогичных явлений в других религиях, следует прийти к выводу, что подобных два дерева должны были расти в саду богов для того, чтобы можно было объяснить себе вечную жизнь звезд и огромную производительную способность верховной пары богов. Отношение людей к этим деревьям является остроумной попыткой

объяснить разницу, существующую между небесными и земными детьми божьими. Основным воззрением древнесемитической религии является следующее: человек произошел путем рождения от верховного бога, являющегося, таким образом, физически его отцом и родоначальником. Небо является первоначальной родиной людей: там родоначальник людей жил, как сын божий, среди других сыновей божьих до тех пор, пока он не поселился на земле.

На горизонте, где небо сходится с землею, имеется мост, соединяющий небо и землю. Здесь, где постоянно в поволунье встречаются месяц и солнце, происходит священное брачное соединение—*hierogamos*, играющее столь большую роль в религиях всего мира, ибо здесь—первоисточник жизни. Здесь рождаются все дети бога и здесь находится также сад богов со священными деревьями—библейский рай.

* * *

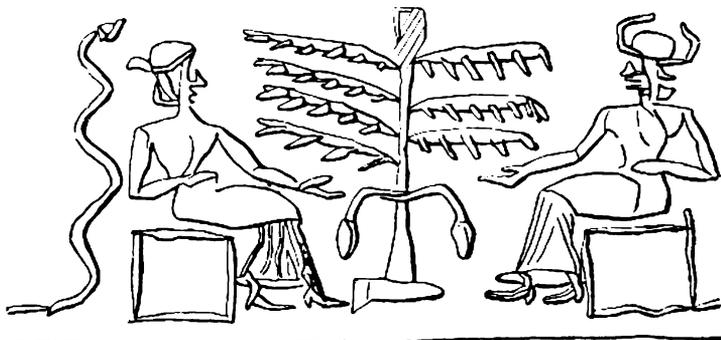
Если, таким образом, человек, как и другие божьи дети, является существом небесного происхождения и обладает божественной природой, то как случилось, что его судьба оказалась столь отличной от судьбы других детей божьих? Почему он не обладает вечной жизнью, как небесные дети божьи? Почему он имеет вместо этого особый дар—способность к размножению, которая на небе присуща только верховному богу? И почему его родиной является уже не небо, а земля?

Миф, переданный нам во 2-й и 3-й главах кн. Бытия, дает на эти вопросы остроумный ответ.

Правда, здесь речь идет о сотворении первобытного человека, а не о его божественном рождении, однако во многих местах Библии отражены еще основные древнесемитические воззрения, согласно которым человек первоначально был рожден богом, и в вариантах, посвященных его возникновению, как будто имеются еще намеки на его первоначальное рождение.

В книге Иова (XV, 7—8) указывается, что первый человек, подобно Адаму в кн. Бытия (гл. II и III), принадлежал к окружению бога и там «захватил познание»; однако, кроме этого и в противоположность библейскому рассказу о сотворении, в книге Моисея говорится, что он был не «сотворен», а «рожден» или «произведен» еще до того, как были созданы горы, т. е., что он существовал, подобно ангелам или божьим детям, ранее сотворения земли. По еврейским преданиям, в жилах Адама текла кровь вечного бога, ангелы являются небесной, «высшей» семьей бога, подобно тому, как люди являются его земной семьей. Подобное представление встречается также и в Новом завете (Посл. к ефес., 3, 15), где бог выступает в качестве отца как небесных, так и земных детей.

Многое в народном варианте рассказа о сотворении в кн. Бытия (гл. II) еще напоминает о первоначальном рождении, в частности, хотя бы то, что в нем, в отличие от более позднего варианта этого рассказа (в гл. I) и от других доеврейских семитических мифов

Вавилонская цилиндрическая печать, обычно толкуемая, как «рекопаденис». Дерево, очевидно, хвойное. Справа—мужская фигура, слева—женская, позади нее змея

о сотворении мира, речь идет о сотворении неба и земли. Арена человеческой жизни здесь предполагается та же, что и в мифе о рождении.—здесь сообщается только о возникновении человеческого существа.

Уже давно было установлено, что в данном случае мы имеем перед собою фрагмент чрезвычайно древней, но сильно поблекшей мифологии. Подобно тому, как первоначальное небесное происхождение, олицетворенное рождением от бога, превратилось здесь, в соответствии с сумеро-вавилонскими воззрениями, в сотворение из комка земли, в результате чего человек оказался происшедшим от земли (что противоречит основному библейскому представлению, признающему первоначальной родиной людей небо, куда оно и заставляет их вернуться обратно),—романтический сад богов на востоке у небесного горизонта, великолепие которого описано в других местах Библии такими яркими, фантастическими красками, превращается здесь в прозаический мешанский садик «на востоке». Небесные реки превращаются в земные потоки. Всемогущий творец изображается, как связанный с землей человек, который выходит погулять в сад, лишь когда наступает вечер, и ему перестает мешать солнечная жара. Он собственноручно изготовляет одежды из шкур для Адама и Евы, помогает им одеться и т. д. Однако, несмотря на это, суть рассказа показывает, что мы имеем здесь дело с большой мифологической драмой, которая должна объяснить существующее положение людей и дать ответ на упомянутые существенные вопросы.

Хотя в события включаются и земные дела, мы все же пребываем на небесах. Бог находится на небе и нет и речи о сошествии его на землю, как об этом часто говорится в дальнейшем. Адам и Ева находятся также на небе, и поселение их на земле, в земных условиях, относится лишь к тому времени, когда они были изгнаны из сада Эдема.

Как небесные дети бога, они имеют беспрепятственный доступ к «дереву жизни» с его постоянно обновляющими жизнь плодами,

но не к «дереву познания»¹, плоды которого имеют жизненное значение для верховной пары богов, но не дозволены божьим детям. Отсюда запрет: «не вкушать» плодов этого дерева. Нарушить это запрещение значит преступить закон, обязательный для обитателей неба, что влечет за собою изгнание.

Таким образом объясняется, почему человек потерял свою первоначальную родину и навсегда обречен жить на земле.

На основе этого «грехопадения» Павел строит впоследствии свое учение о первородном грехе, прощение которого не могло дать и распятие Христа и который навсегда отделил людей от бога.

Однако это учение нельзя найти ни здесь, ни в другом месте Ветхого завета; нет его и в трех первых евангелиях. Вкушение «запретного плода» является чисто рационалистическим объяснением того факта, что человек не живет больше на своей первоначальной небесной родине.

В продолжение тысячелетий ученые теологи и глубокомысленные философы напрягали всю свою проникательность и изощрялись для того, чтобы разгадать, что же это собственно было за «познание», которое здесь запрещалось. Только излагаемое ниже понимание смысла плода «познания» и его действия даст единственно правильное и простое объяснение, которого всегда придерживалась и еврейская теология, точно так же, как и позднейшее народное христианское понимание; вместе с тем оно соответствует также и тому представлению о грехопадении, которое мы наблюдаем в искусстве.

Познанием здесь является половое познание, эротическая страсть и производительная сила. Плод познания впервые пробудил эротические чувства у Адама и Евы. До вкушения плода они были наги, не зная, однако, чувства стыда; после же вкушения они стали стыдиться друг друга и сделали себе пояса из фиговых листьев. Только после вкушения плода Адам и Ева имели сношения, результатом которых явилось деторождение. Уже само выражение, определяющее эти сношения: Адам «познал» жену свою Еву (начало 4-й главы), показывает, что «познание» и «познавать» имеют одно и то же половое значение, свойственное этим словам вообще как в еврейском, так и в других семитических языках.

Праотец людей «захватил» на небе способность к деторождению, которая, по небесным законам, была предоставлена только верховному богу. Поэтому он был изгнан оттуда и потерял при этом навсегда доступ к «дереву жизни» с его даром омоложения.

Таким образом давалось простое и понятное для первобытного народа объяснение разницы между небесными и земными условиями существования.

Человек не имеет неограниченной личной жизни, какой обладает

¹ Дополнительные слова: «добра и зла» (tov wa ra) П р о к ш справедливо понимает, как пояснительное толкование, не относящееся к первоначальному тексту. Пов (15, 8) называет познание, о котором здесь говорится, одним словом «мудрость» — Нокма (а не знание добра и зла). Верховный бог, которому дозволено вкушение плода познания или мудрости, называется поэтому «мудрым» (Шукм).

дети божьи, или неограниченной производительности с безграничным количеством детей, рождаемых в одном поколении, какой обладает сам бог. Однако во время своего пребывания на небе, временно вкушив плоды обоих деревьев, он приобрел для себя личную жизнь ограниченной продолжительности и ограниченную силу производительности. Соединением этих двух ограниченных свойств человек достиг неограниченного, хотя и не личного, а родового бессмертия через детей, внуков и правнуков и так до бесконечности, что явилось заменой личного бессмертия, существующего только на небе.

Первоначальной предпосылкой этого мировоззрения является, в противоположность Библии, не один бог, являющийся первоисточником жизни, а пара богов, состоящая из мужчины и женщины. Древнеарабские надписи и новые тексты, обнаруженные в результате археологических раскопок в Рас-Шамре, пространно рассказывают о верховной паре богов (причем, как правило, первоначальный лунарный образ отца, как и в Библии, называется кратко «бог») и о первоначальной солнечной богине-матери, от которой можно иногда найти лишь рудиментарные остатки.

Если, например, бог говорит (Быт., III, 21): Адам обладает теперь познанием, как «один из нас»,—то здесь под словом «нас» подразумевается не одно лицо, а имеется в виду наличие божественной пары. В Бытии, I, 26, бог говорит: «Сделаем человека по нашему образу и подобию». О значении этой фразы было много споров. Следующий стих поясняет ее смысл: бог создал мужчину и женщину. Подобие богу выражается в том, что человек, который, согласно стиху 28, должен населять землю, так же точно, как верховная пара богов населяла небо, представляет собою мужчину и женщину, обладающих способностью к размножению.

Рассказ об Адаме и Еве, по которому они являлись первоначально ангелами и детьми божьими, также предполагает, что ангелы здесь являются женскими и мужскими существами, лишенными, однако, внутреннего полового влечения или производительной силы.

И для этого утверждения можно найти доеврейские, древнесеMITические параллели. На древнеарабских памятниках, где божество еще не приобрело определенного человекоподобного образа, ангелы изображаются, как крылатые, странные, фантастические существа («херувимы»), полулюди, полужвери и, повидимому, бесполое. Под влиянием северосеMITической религии, соответствующей более высокому культурному уровню, они стали изображаться как на вавилонских или ассирийских рельефах, так и позднее—в изображениях христианской религии, как правило,—в виде человеческих мужских или женских крылатых существ.

Основное представление о них остается, повидимому, то же, что и в Библии,—они не вступают в брак и не размножаются, в эротическом отношении они живут еще в состоянии детской невинности, как Адам и Ева до вкушения ими плода «дерева познания».

«АРИСТОТЕЛЕВА» «ЭКОНОМИКА»

Акад. С. А. Жебелев

В дошедших от древности перечнях сочинений, усвояемых Аристотелю, Дногена Лаертия и Гесихия (они помещены, между прочим, в начале издания В. Р о з е фрагментов Аристотели) значится трактат *Οἰκονομικός* (подраз. *λόγος*), в одной книге. Имелся ли в виду здесь тот трактат об экономике, I и II книги которого дошли в поздних (XIV и XV вв.) греческих рукописях, а третья—в латинском переводе 1295 г., мы не знаем: надо иметь в виду, что в упомянутые перечни могли попасть и, отчасти, действительно попали сочинения, лишь приписываемые Аристотелю. Но мы теперь твердо знаем, что дошедший до нас в упомянутых рукописях под именем Аристотеля небольшой трактат *Οἰκονομικός* (или *Οἰκονομικά*;) ему не принадлежит. На это указал впервые еще в 1506 г. ученый *Jakobus Faber Stapuliensis* (в издании трактата у Анри Этьенна в Париже), а доказал, в 1548 г., ученый *Pieronymus Comusaens* (в издании трактата, напечатанном в Базеле). Теперь к вопросу о том, что эта «Экономика» Аристотелю не принадлежит, возвращаться не стоит. Но что этот трактат все же имеет право на некоторую связь с именем Аристотеля, по крайней мере, его школы, будет видно из дальнейшего. Пока достаточно будет сказать, что хотя трактат Аристотелю и не принадлежит и с историко-литературной точки зрения представляет произведение более чем заурядное, тем не менее он, в особенности его вторая глава второй книги, является ценным историческим источником для уяснения экономической истории эллинистического мира в IV в. до н. э. Если теоретическая часть трактата не представляет для историка какого-либо особенного интереса, то фактический материал, заключающийся в нем, привлекался в научный обиход в подлежащих случаях. Впрочем, надо сказать, что вообще и заграничная литература, посвященная трактату, очень не велика. Что же касается нашей научной литературы, то мне неизвестно даже какой-либо мелкой заметки связанной с «аристотелевой» «Экономикой».

Трактат, как уже сказано, состоит из трех книг. Первая посвящена вопросам, связанным исключительно с домашней экономикой. В этом отношении первая книга напоминает по сюжету «Домострой» (*Oikonomia*) Ксенофонта, будучи, впрочем, значительно короче этого сочинения и далеко уступая ему в литературном отношении¹. Читая «Домострой» Ксенофонта, при сличении его с первой книгой «аристотелевой» «Экономики», легко убедиться в том, что ее автор был знаком с «Домостроем» и кое-что позаимствовал из него. Равным образом нетрудно было бы установить некоторую связь первой книги трактата и с некоторыми основными положениями, развиваемыми в первой книге «Политики» Аристотеля. Ученик эпикурейца Зенона, Филодем, живший в Риме во время Цицерона, в своем сочинении об «экономии» (*Peri oikonomias*), дошедшем до нас в одном из Геркуланских папирусов, приводит дословные цитаты из первой книги трактата, что должно свидетельствовать, до известной степени, о его популярности². Кто был автором первой книги «аристотелевой» «Экономики», установить не удалось³.

Вторая книга «аристотелевой» «Экономики» составлена, очевидно, не тем же автором, каким составлена первая книга. За это говорит и явное различие в стиле и в содержании. В свою очередь, и вторая книга состоит из двух совершенно различных частей. Глава первая второй книги—теоретическая. В качестве как бы вступления говорится, с чем нужно считаться человеку, собирающемуся *oikonomizein*, т. е. заниматься «хозяйством», а затем устанавливаются четыре вида «экономики» с характеризующими их общими чертами: экономия царства, точнее сказать, такая экономия, которая находится в ведении одного лица, безразлично, будет ли это царь или тиран; экономия аристократическая, которой распоряжается также одно лицо, но зависящее от монарха». На третьем месте стоит экономия полиса, на четвертом—частного человека. В заключение указываются те практические выводы, которые могут пригодиться на основании изложенной теории для того, кто будет призван управлять сатрапией или полисом, а в качестве могущих пригодиться примеров излагаются те финансовые мероприятия, которые были придуманы теми или иными лицами, когда они сами или подвластные им государства испытывали нужду в денежных средствах. Эти примеры занимают значительно большую часть второй книги по сравнению с ее теоретическим отделом; они сопоставлены с соблюдением, в общем, хронологической последовательности и относятся преимущественно к IV в. На V в. приходится два примера; они касаются афинян, проживавших во время Пелопоннес-

¹ Перевод «Домостроя» Ксенофонта, исполненный С. И. Соболевским для издательства «Academia», вышел в свет в 1935 г. (К с е н о ф о н т а ф и л о с о ф и я—Сократические сочинения).

² Места «Экономики», цитируемые Филодемом, отмечены издателем его трактата, Chr. Jensenom, Lipsiae, 1906.

³ W. K r a e g в гиссенской диссертации 1910 г. «De Aristotelis qui fertur oeconomicorum libro primo», основываясь на том, что в трактате Филодема дважды имеются ссылки на ученика Аристотеля, Теофраста, склонен усматривать в Филодеме первую книгу «Экономики». Для доказательства этого мы не располагаем, однако, конкретными данными.

ской войны в Потидее, и граждан Лампсака; на VI в. приходится три примера, относящихся к наксосскому тирану Лигдамису, Гишию афинскому и к гражданам Византия; к VII в. относится один пример, касающийся коринфского тирана Кирила. В конце сборника этих примеров, достигающих в общей сложности цифры 72, имеется небольшое дополнение—5 примеров, касающихся некоторых лиц, относящихся также к IV в. и уже упомянутых автором в предыдущем изложении.

Третья книга трактата известна только в латинском переводе, исполненном в 1295 г. неким Durand de Alvernia, недостаточно знавшим греческий язык и потому обратившимся за помощью к двум духовным лицам. Третья книга состоит из общей части, где говорится о доме и домочадцах, об отце семейства, о предметах домашнего хозяйства; в специальной части идет речь о хозяйке дома, о рабах и о прочих предметах домовладения. До известной степени содержание третьей книги сопрягается с содержанием первой, в особенности с ее третьей, четвертой и пятой главами. Кому греческий оригинал третьей книги принадлежит, когда она возникла, остается неизвестным¹.

В том виде, в каком «аристотелева» «Экономика» дошла до нас, она в полном смысле является *mixtum compositum*. Когда, кем, при каких обстоятельствах отдельные части этого *mixti compositi* были объединены в одно целое, мы гадать не беремся. Да это и не имеет существенного значения, поскольку весь трактат в его теперешнем виде Аристотелю, во всяком случае, принадлежать не может. Важнее уяснить себе, имел ли какое-либо основание аноним, сливший в одно целое отдельные части трактата, приписать авторство его Аристотелю?

До известной степени, повидимому, имел. И не только вследствие того, что в древности было неизвестно понятие литературной собственности², но и потому, что мы имеем свидетельство самого Аристотеля в его «Риторике» (I, 4, 1359 b 24), из которого видно, какое важное значение он придавал «политической» экономике. «Должно,—говорит Аристотель,—иметь сведения о доходных статьях государства, каковы они и сколько их, чтобы присоединить к ним те, какие упущены, а если какая-либо из доходных статей является слишком незначительной, чтобы ее увеличить. Нужно иметь также сведения и всех расходных статей государства, чтобы излишние из них изъять, а слишком крупные расходные статьи сократить. Ведь богатеют не только тогда, когда прибавляют что-либо к уже имеющемуся, но и тогда, когда сокращают расходы. Все это можно постигнуть не только

¹ V. Rose — *Aristotelis pseudepigraphus*, Lips. 1863, предполагал, что третья книга является тем, не дошедшим до нас, трактатом Аристотеля, который в одном из списков его сочинений называется *οὐδοι εὐδοκας καὶ τῶν κτλ*—правила поведения мужа и жены. Проверить это предположение мешает отсутствие греческого оригинала трактата и далеко не вразумительный, в некоторых случаях, латинский перевод его.

² Подробности в моей книжке «Введение в науку История», вып. 6. «Древняя Греция», ч. 1 (ч. 2—1920 г.), стр. 20.

на основании личного опыта, необходимо также прибегать здесь к совету и к ознакомлению с тем, что можно почерпнуть у всех других лиц, избравших (что-либо в этом направлении)». Из этого свидетельства ясно видно, что у Аристотеля была, по крайней мере, мысль написать специальное сочинение об экономике полиса, и притом дать с ним не только теорию, но и практику, в виде собрания примеров, почерпнутых из исторической действительности. Осуществил ли Аристотель свою мысль в том трактате *Οἰκονομικός*, который значится в списке его сочинений и который не дошел до нас, или же Аристотель не успел привести в исполнение задуманную мысль, мы сказать не беремся.

Узнер в своей замечательной статье об организации научной работы в древности¹, характеризуя работы самого Аристотеля и созданного им Ликей, говорит, что за решение какой бы проблемы Аристотель ни брался, он всегда стремился к возможно более прочному и точному установлению фактов и к их исчерпывающему собранию: факты были основой, на которой он строил свою теорию (стр. 91). Таковым был тот фактический материал, который содержался в 158 «политиях», т. е. конституциях 158 греческих полисов, и к которому, в виде дополнения, присоединялись 4 книги «Варварских законоположений» (*Νέμειν βαρβάρων*), содержавшие сведения о негреческих государствах. На основе этих материалов возникла, как известно, «Политика». Быть может, Аристотелем же было положено начало собранию соответствующих материалов и для «Экономики». Ближайший ученик Аристотеля и преемник его по руководству Ликеем, Теофраст, в 24 книгах своих «Законов» (сочинение утрачено) трактовал о всех областях законодательной деятельности таким образом, что в каждом отдельном случае сопоставлял законы и правовые обычаи всех греческих государств, пользуясь, преимущественно, материалом, находившимся в аристотелевых «Политиях». Тому же Теофрасту принадлежало пользовавшееся в древности большой популярностью, но до нас также не дошедшее сочинение, изобиловавшее всякого рода шикастными подробностями, *πολιτικά τὰ πρὸς χαίρους*, как переводит это Узнер (стр. 98). В этом сочинении, примыкавшем к указаниям, данным Аристотелем в V книге его «Политики» (о государственных переворотах), разбирались рассчитанные на случайные обстоятельства (*χαίροι*) мероприятия государственных деятелей, помогавшие им в трудные минуты их политической карьеры. Все это приводит к тому, чтобы показать, что в распоряжении Ликей мог быть, хотя бы отчасти, и тот фактический материал, те примеры, которые занимают такое значительное место в «аристотелевой» «Экономике» и которые, строго говоря, придают ей специфический интерес.

Последний издатель второй книги трактата голландский ученый Г р о н и н г е² стремится—на мой взгляд, напрасно—доказать во что бы то ни стало «единство» обеих глав II книги. Он опирается,

¹ Впервые напечатана в «Preussischer Jahrbücher», LIII, 1884, «Vorträge und Aufsätze», Lpzg. 1907, 69 и сл.

² Groninger—Aristote. Le second livre de l'Economie, Leyde, 1933.

главным образом, на внешнюю форму ее, хотя и соглашается с тем, что обе главы, по своему характеру, сильно различаются одна от другой. Имеется много примеров, говорит Гронинген, в сочинениях перипатетической школы соединения теории и практики, «рассуждения и истории»; он ссылается на сочинение неизвестного нам философа второй половины III в. до н. э., сохранившееся отчасти в X книге трактата упомянутого Филодема «О пороках», где говорится сначала о борьбе с гордостью, а далее дается описание различных «горделивых» характеров. Но в жалких остатках Геркуланского папируса, сохранивших X книгу «О пороках» Филодема¹, имеется, как ни странно, «рассуждение», тогда как к первой главе II книги «аристотелевой «Экономики» такая квалификация едва ли приложима. Это — не рассуждение, а своего рода программа или краткий конспект того «рассуждения», которое должно было бы предварять историческую часть. Последняя представляет собой ряд отдельных примеров, расположенных, как сказано, в относительно точном хронологическом порядке, но без всякой системы по их содержанию, если не считать некоторой систематизации в том, что примеры, связанные с той или иной личностью, приводятся не в рассыпную, а под одной рубрикой. Не берусь доказать, но решаюсь высказать предположение, что примеры эти были заимствованы из тех «схем», из того собрания материалов, которые имелись в архиве, правильнее сказать, библиотеке перипатетической школы и которые представляли собой выдержки из различного рода сочинений, делаемые по почину самого Аристотеля или его преемников по руководству Ликеем. Выдержки эти были до известной степени «стилизованы» тем лицом, которое занималось их выбором, но и эта работа была произведена им как-то наспех, небрежно. Получается такое впечатление, что составитель эскиза произвел свою работу лишь вчерне, не заботясь, во всяком случае, о придании ей более или менее литературной обработки. В этом отношении «стиль» первой главы II книги куда более выдержан, но она составлена ad hoc — служить как бы теоретическим введением ко второй главе, как это видно из заключительных строк первой главы, связывающих ее со второй: «Каких результатов достигли некоторые из ранее живших деятелей при добывании денежных средств и насколько удачно они в этом направлении действовали, — об этом мы сооставим в дальнейшем наиболее замечательные, по нашему мнению, примеры. Повествование об этом представляется нам небесполезным. Быть может, тот или иной из этих примеров пригодится, когда читателю придется столкнуться с вопросами, касающимися экономики вообще». Не исключена, конечно, возможность, что об главы II книги написаны с одним лицом; но в таком случае нужно предположить, что ранее им были подобраны примеры, и уже затем было составлено теоретическое к ним введение.

Что касается первой книги «Экономики», то ее приходится рассматривать, как совершенно самостоятельное произведение, по содержанию своему и по манере изложения вовсе не связанное или, в

¹ Она издана Jensen'ом, Lips., 1911.

в всяком случае, очень отдаленно связанное со второй книгой. Общий тон первой книги подходит к перипатетической школе, в недрах которой, надо полагать, она и возникла. Во всяком случае удельный вес первой и второй книги далеко не одинаков. Гораздо больше значение имеет бесспорно вторая книга, особенно ее вторая глава, содержащая сборник примеров. Поэтому и не удивительно, что ею по преимуществу и интересовались ученые исследователи.

Во главу угла здесь должно быть поставлено имя Н и б у р а¹. Недопустимо, писал он, чтобы были зафиксированы в письменной форме те «восточные» вымогательства и мошенничества, о которых рассказывается во второй главе II книги, в то время, когда ответственные за них лица были еще в живых. Так как, с другой стороны, книга имеет в виду, главным образом, сатрапов, и так как единственно в царстве Селевкидов сохранились сатрапии до 189 г., то, по заключению Нибура, автор второй главы II книги жил в Сирии и составил свой труд в половине III в. до н. э.

Мнение Нибура принято было, с некоторыми отклонениями, издателем «Экономики» Шнейдером, приурочивавшим, однако, появление трактата еще к IV в.², Гётлингом, по мнению которого обе главы второй книги не стоят между собой в каком-либо отношении³, Буземилем⁴. Мнение Нибура разделял также известный историк греческой философии Целлер, по словам которого, «основное содержание второй книги составляет собрание анекдотического характера примеров, служащих пояснением аристотелевского положения» (высказано в «Политике», I, ii, 1259 а 3: нужно собирать рассеянные спорадически примеры того, каким образом некоторым удалось обогатиться⁵).

Появившаяся в 1901 г. статья Вилькена принесла много нового для уяснения II книги⁶. Он первый установил, что содержащееся в ней собрание примеров расположено в хронологическом порядке, и что ни один из них не может быть отнесен ко времени после смерти Александра Македонского, т. е. после 323 г. Первая глава II книги возникла позднее, например около 250 г. История возникновения II книги может быть восстановлена, по мнению Вилькена, так: один из учеников Ликея, вдохновившись указанием Аристотеля в «Политике», см. выше), подобрал примеры, содержащиеся во второй главе; в течение III в. сборник этих примеров попал в руки одного из перипатетиков, который присоединил к нему первую главу.

¹ «Ueber das zweite Buch der Oeconomica unter der aristotelischen Schrift», 1813; Kleine Schriften, I, 1828, 412 и сл.

² A. I. G. S c h n e i d e r — Anonymi Oeconomica, Lips. 1825.

³ C a r. G o e t l i n g — Aristotelis Oeconomica, Jenae. 1830.

⁴ «Aristotelis Oeconomica», rec. Fr. Susemihl, Lips. 1887.

⁵ Z e l l e r — Philosophie der Griechen, II, 32, 934 и сл. Следует отметить правильное суждение Целлера о второй книге «Экономики»: она не имеет никакого отношения к первой книге и превосходит ее как в отношении (более раннего времени ее возникновения), так и более важного ее значения.

⁶ W i l c k e n — Zu der pseudoaristotelischen Oeconomica. Hermes, XXXVI, 187 и сл.

Отправляясь от точки зрения Вилькена, Ридлер¹ рассуждает так: первая глава II книги—отрывочна и неполна; она представляет собой извлечение из более обширного сочинения. Вторая глава II книги с самого начала была практическим сборником примеров, предназначенных для специалистов по финансовым вопросам; это смесь анекдотического с серьезным. Позднее из этого сборника кем-то было сделано резюме. Обе главы II книги с самого начала образовывали одно целое, и сокращенное изложение их принадлежит одному и тому же автору.

И. Шпейер², придавая важное значение тому, что «Экономика» была приписана Аристотелю, относительно первой главы II книги примыкает к мнению Ридлера, что она—резюме обширного сочинения, в котором представлено было состояние экономической науки во времена Аристотеля и его ближайших учеников. Вторая глава II книги—собрание примеров—возникла сама по себе; если в ней всякого рода пикантные подробности занимают иногда слишком большое место, то это пущо объяснять стремлением приукрасить и оживить рассказ. Вторая глава возникла около 300 г. и представляла собой простое собрание заметок, предназначенное к тому, чтобы впоследствии быть расширенным. Это намерение не было осуществлено автором. Его незаконченная работа позднее была кем-то найдена; к ней прибавлена была глава первая, и все сочинение было приписано Аристотелю.

Шлегель³ также согласен с тем, что вторая глава II книги—извлечение из большого собрания примеров, что она с самого начала составляла одно целое с первой главой, которая не должна была возникнуть обязательно в конце IV в. Подобно тому, как Полиен, писатель последней четверти II в. н. э., не спускается в своих «Стратегемах», заимствованных им из бывших у него в распоряжении источников, ниже 44 г. до н. э., так и автор II книги «Экономики», писавший, согласно мнению Нибура, до 188 г., пользовался таким источником, который останавливался на эпохе Александра Македонского.

В последние годы высказался по поводу II книги «Экономики» недавно скончавшийся автор «Истории эллинской политической экономики», греческий ученый Андрадис (его сочинение, в оригинале написанное по-гречески, писется теперь в немецком переводе 1931 г.). По мнению Андрадиса, никакой связи между первой и второй главами II книги не имеется: первая глава—научного, теоретического значения, вторая—имеет своей задачей лишь дать увлекательное чтение. Первая глава дошла в неполном виде: написана она в конце IV в. Вторая глава—сокращенное изложение «финансовой стратегии»—прибавлена к первой в том виде, в каком она существовала

¹ K. Rietzler—Ueber Finanzen und Monopolen im alten Griechenland, Berl. 1907.

² P. Schneider—Das zweite Buch der pseudoaristotelischen Oekonomie, Bamberg, 1907.

³ O. Schlegel—Beiträge zur Untersuchung über die Quellen und die Glaubwürdigkeit der Beispielsammlung in der pseudoaristotelischen Oekonomika, Dissertation, Berl. 1909.

в конце III в., вероятно, с единственной целью заполнить утраченную часть первой главы. Гронинген, давший недавно прекрасное издание II книги трактата, в результате внимательного изучения литературы, посвященной II книге, и всестороннего исследования последней в реальном и формальном отношении, приходит к таким общим выводам: II книга представляет собой скорее оригинальное произведение, нежели сокращенное изложение какого-то иного, более обширного труда: обе главы II книги, и теоретическая и историческая, возникли одновременно в последней четверти IV в. и принадлежат одному лицу. Это был последователь перипатетической школы, который, вдохновившись намерением ее основателя дать подобный трактат об экономике, где теория сочеталась бы с практикой, обратил к исследованию науки о финансах. Начал он с квалификации существующих «экономий» и дал их краткую характеристику. Считаясь с духом этой эпохи, когда он жил, эпохи, открывавшей широкое поприще для лиц, обладавших инициативой, автор присоединил к теоретической части ряд практических правил для разумного упорядочения вопросов, касавшихся государственного бюджета. Составленный им трактат, остающийся анонимным, вскоре же после его появления включен был, подобно многим другим произведениям, в число произведений Аристотеля.

Приведенный обзор взглядов, высказанных относительно «аристотелевой» «Экономики», заставляет лишний раз вспомнить изречение: сколько голов, столько умов. И это неудивительно: имея дело с таким произведением, каким является «аристотелева» «Экономика», для суждения о которой мы не располагаем сколько-нибудь объективными конкретными данными в виде хотя бы свидетельских показаний или иной информации, приходится невольно опираться на всегда зыбкую почву субъективного суждения. Даже такой, казалось бы, объективный признак, какой можно было бы извлечь из данных, доставляемых наблюдением над языком и стилем трактата, не помогает делу. В общем, словарь второй главы II книги—достаточно богатый и скорее индивидуальный, чем что зависит от разнообразия источников, бывших в распоряжении автора. Что касается стиля, то автор II книги не хотел привлечь внимание читателя стилем, выработанным с литературной точки зрения; единственно, о чем он заботился—это писать understandably; что интересовала не форма, а содержание.

Мне процесс возникновения «аристотелевой» «Экономики» на отдельных этапах его развития представляется в следующем виде. Одним из примеров, из которого она возникла, было то собрание примеров «финансовых стратегем», которое занимает теперь вторую главу II книги. Если эти примеры лишь эксерптом из более обширного сочинения или же они были выбраны ad hoc, сказать с уверенностью трудно. Но наш взгляд, последнее более вероятно, если присмотреться к содержанию самих примеров.

Но, вероятно, в том и в другом случае примеры были взяты из того богатого запаса фактического материала, который, в виде ли выпианных из опубликованных уже сочинений, или заметок, составленных на основании устной традиции, или, наконец, специально сделанных

справок на местах, находился в библиотеке Ликей и был к услугам перипатетиков, желавших им воспользоваться для своих научных занятий. В качестве введения к сборнику примеров лицом, составившим его, могла быть написана и первая глава; ее квалификация, как теоретического рассуждения, может быть принята с значительной долей ограничения. Время возникновения II книги в ее теперешнем виде — круглым счетом конец IV—III в. до н. э.; приурочивать обязательно II книгу к последней четверти IV в. — на мой взгляд — нет оснований: упадок научной деятельности перипатетической школы начался лишь в 20-х годах III в. до н. э. Что касается I книги «аристотелевой» «Экономики», то это — самостоятельное произведение, очень связанное со II книгой. Как указано выше, I книга была в ходу еще в I в. до н. э. Когда она возникла, сказать нельзя, может быть, одновременно или в близкое время ко II книге, но независимо от нее. Наконец, время возникновения III книги также не может быть определено. Она, как сказано, является дополнением к первой и не имеет никакой связи со второй. Из всех трех книг «аристотелевой» «Экономики» наиболее важное значение, по количеству и разнообразию собранного в ней фактического материала, имеет бесспорно II книга, особенно ее вторая глава, содержащая сборник примеров «финансовых стратегем».

Это, действительно, стратегемы, поскольку в них идет речь о «хитростях» экономического порядка. В этом отношении «финансовые стратегемы» в трактате, *mutatis mutandis*, очень напоминают «стратегемы» Полиена из области военного искусства, который составил свой сборник, посвященный им Марку Аврелию и Луцию Веру, как «подспорье» (*ἐξόβλια*) для военачальников различных рангов, чтобы они учились «доблести и искусству», проявленным древними военачальниками в их удачных предприятиях. Многие черты, свойственные Полиену, роднят его с автором сборника примеров «аристотелевой» «Экономики». Правда, четыре столетия их отделяют. И того риторического приквуса, который дает себя знать в «Стратегемах» Полиена, совершенно нет, да и не могло быть, у автора второй главы II книги. Но если Полиен не был ни историком-критиком, ни опытным военным человеком, то и наш автор не был ни историком, ни финансистом или экономистом. Первый сосчитал девять сотен «военных хитростей», второй ограничился всего 76 «финансовыми стратегемами». Полиен пишет, как и подобает ретору эпохи империи, вычурно; наш автор, прошедший как-никак чрез школу Ликей — свободен от этого недостатка. Но как Полиен, так и наш автор подает сообщаемые им примеры, не руководствуясь какой-либо системой, но более или менее случайно. Полиен предпочтительно приводит примеры из греческой истории, наш автор сосредоточивает свое внимание почти исключительно на IV в. У Полиена при составлении огромного собранного им материала нет никакого плана; правда, сначала он, повидимому, старался придерживаться хронологической последовательности, но затем совершенно оставил ее. К чести нашего автора нужно отнести то, что хронологическая канва им более или менее выдержана, хотя мы предпочли бы здесь хронологию

известную систематику в подборе материала. Но эта задача или была в допущении автору, или не осознавалась им. Наряду с более или менее резвыми финансовыми предприятиями немалое место уделено, действительно, тем «мошенничествам», о которых говорил Нибур, а также мероприятия,—их, впрочем, немного,—как те, что изложены в 14b, 14d, 33b, смахивают и на анекдоты¹. В общем же нужно сказать и об авторе второй главы II книги «аристотелевой» «Экономики» тоже, что сказал Нибур (Kl. Schr. I, 454) о Полине: собрание им трагедий заключают в себе сокровищницу важных известий, но последние всегда требуют при пользовании ими строгого разбора и проверки.

Последняя была бы существенно облегчена, если бы можно было назвать те источники, которыми пользовался автор II книги. Но вопрос об источниках здесь столь же безнадежен, как и вопрос об источниках Полины, с которым у автора нашего трактата в некоторых случаях имеются точки соприкосновения в сообщении тех или иных фактических данных. Гронинген, уделивший в своем комментарии большое внимание вопросу об источниках автора II книги, перебравший всевозможные решения, должен был прийти в результате к неоптимальному *ignoramus*: «Мы не знаем источников автора,—говорит он.—мы утверждаем, что, в общем, он следует хронологическому порядку; мы не можем предполагать, что последовательность порядка черпанных им авторов оказала свое влияние на расположение отдельных параграфов, нарушающих этот порядок. Но все это не может быть уточнено; гипотезы продолжают оставаться недоказанными» (стр. 53). Гронинген справедливо указывает на большую продуктивность исторической литературы IV в., росшей из года в год. Мы знаем лишь с очень незначительной ее частью, а в большинстве случаев знаем лишь имена писателей.

В IV в. Греция вступает в полосу экономического кризиса, что должно было вызвать интерес к вопросам, связанным с финансами, государственным бюджетом. Ксенофонт, с его практическим складом ума, отозвался на волновавшие государственных деятелей вопросы и составил трактат «Πόρις ἢ περὶ προόδων» строго практического характера на тему, как можно было бы упорядочить афинские финансы. Следов знакомства автора «аристотелевой» «Экономики» с этим произведением Ксенофонта установить нельзя. В своем «Домострое» Ксенофонт набросал свой идеал благоустроенного домашнего хозяйства. Аристотель, как указано выше, изложил свои экономические идеи в первой книге «Политики». Но в ней нет речи о том, что можно было бы назвать политической экономией. Для Аристотеля политика и экономика стоят в таком же соотношении, в каком находятся πόλις и οἶκος. На той же точке зрения стоит автор I книги «аристотелевой» «Экономики», проводящий различие между οἰκονομική и πολιτική. Не то мы видим в первой главе II книги. При всей конспективности ее содержания различие прежней установкой чувствуется осязательно. Автор стоит на

¹ Вторую книгу цитирую везде по изданию Гронингена.

той точке зрения, что политика и экономика не являются противоречивыми элементами. И монарх, будет ли это царь или сатрап, и полисы, и частные лица—все должны уметь управлять тем, что им принадлежит, должны урегулировать статьи дохода и расхода, должны соблюдать равновесие бюджета. Роль денег в экономической жизни не отодвигается на второй план, как то было раньше. Андреадис¹ увлекается, усматривая во второй главе I книги «аристотелевой» «Экономики» первый трактат, посвященный науке о финансах, где дается подразделение экономики в соответствии с формами государственного строя, разграничение статей дохода и расхода, уточнение различных возможностей эксплуатировать страну и население. Изложение автора, к сожалению, слишком кратко, чтобы можно было по достоинству оценить все же любопытный опыт набросать как бы схему экономической науки, как она сложилась после Аристотеля в недрах основанной им школы.

Исследователи второй главы II книги² обратили уже внимание на характер примеров, приводимых в ней. Автор уделил очень малое внимание V в.; он не приводит ни одного примера из деятельности таких афинских финансистов IV в., какими были Навспник, Евбул, Ликург. Место действия, к которому приурочиваются приводимые автором примеры, не собственно Греция, но по большей части Малая Азия и прилегающие к ней острова, Египет, Сицилия. На основании этого высказывают даже предположения о том месте, где трактат мог возникнуть. Но это несомненно уже по одному тому соображению, что автор черпал приводимые им примеры из бывших в его распоряжении источников, а достаточный запас их он мог найти в то время, когда он работал над своим сочинением, только в Афинах, точнее в Ликее. Затем нужно обратить внимание и на то, что приводимые автором примеры касаются тех мероприятий финансового характера, которые связаны с исключительными обстоятельствами, их вызвавшими. Автор говорит именно об отдельных фактах; он не касается больших исторических периодов, не говорит о полисах при нормальной их обстановке в ту пору, когда финансами их заведывали такие деятели-реформаторы, какими были, скажем, например, упомянутые Навспник, Евбул, Ликург в Афинах. Сборник подобранных автором примеров, при кажущейся их разбросанности, однако, очень характерен именно для истории Греции в IV в. Автор сосредоточивает свое внимание на тех местностях и городах, которые в тот или иной момент играют важную роль в истории IV в. Не менее характерно и то, что в подобранных автором примерах в 14 случаях действующими лицами являются полисы, а в 22 случаях—те или иные лица, стоявшие во главе порученных их управлению областей-сатрапий. Из числа полисов 4 примера уделено Византию; вряд ли это случайность, если вспомнить, какую роль играл Византий, как город, связывавший

¹ «La première apparition de la science de finances», Падуа 1930, мне знакомо по изложению у Гронингена.

² Rietzler, o. c. 29; Stern — Zur Wertung der Ps. Arist. zweiten Oekonomie. Hermes (1916), 425 и сл.

Черное море с Эгейским, город, через который шла оживленная торговля Причерноморья с Эгеидой. Из числа отдельных лиц предпочтительное внимание уделено мероприятиям Дионисия Младшего (4 примеров) и Клеомена египетского (7 примеров). И это также вряд ли случайно, если принять в расчет то значение в общей ситуации IV в. н. э. имели и Сицилия, и Египет. Наконец, разве не знаменательно то, что автор отметил финансовые мероприятия таких афинских полководцев-кондотьеры, как Хабрий (3 примера) и Тимофей (4 примера), и родосских кондотьеры Ментора и Мемнона (4 примера) и т. д.

Какой исторический урок можно извлечь из примеров, сопоставленных во второй главе II книги? На этот счет высказаны были два противоположных мнения. Ридлер (ук. соч., стр. 39) утверждает, что факты, сообщаемые в сборнике, должны служить основой для всякого суждения об экономике греческого полуса, и приходит к тому выводу, что она представляет собой сочетание ошибок, произвола и несправедливости. Штерн (ук. ст., 424) протестует против такого заключения, указывая основательно на то, что наибольшая часть собранных примеров не относится к полисам, что в приведенных примерах идет речь не о нормальном положении вещей, а об исключительном; что приведенные примеры характерны для небольшой части эллинского мира и притом в сравнительно ограниченный период времени, охватывающий круглым счетом даже не вполне IV в. На мой взгляд, однако, мы не должны искать на фоне примеров, сопоставленных во второй главе II книги, каких-либо «исторических уроков». Да на это претендовал ее автор. Его заслуга заключается в том, что он не будучи ни историком, ни экономистом, нашел небольшую группу интересную по собранным в ней фактам, пусть случайным и несистематизированным, из такой области греческой истории, которая мало привлекала к себе внимание корифеев греческой историографии. Эти факты наш автор изложил без всяких мудрствований, без вымысла, какими он нашел их в использованных им источниках, для нас утраченных. Последнее обстоятельство налагает на всякого исследователя, который этими фактами будет пользоваться для своих историко-экономических построений, сложную и ответственную задачу: не верить каждый раз достоверность сообщаемых фактов, сопоставлять их, где возможно это, с показаниями других источников, с традицией, наконец, с общей экономической ситуацией эллинского мира в преддверии окончательного перехода его в мир эллинистический.

Рассматриваемая под таким углом зрения «аристотелева» «Экономика» представляет для исследователя еще невозделанное поле.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИУДЕЕ в 66—73 гг.

А. Б. Ранович

Иудейская война 66 г. историками изображается только как национально-освободительное восстание евреев против Рима. Поэтому, хотя движение было окончательно разгромлено только в 73 г., кощом восстания обычно считают 70 год—год разрушения Иерусалима—и говорят о восстании 66—70 гг. По той же причине руководство восстанием приписывается фарисеям, и крайним крылом повстанцев считают эссетов. Эта трактовка иудейского восстания проникнута националистическим духом и обнаруживает влияние раввинской литературы, которая по вполне понятным причинам выставляет рвение к вероисповедной движущей причиной восстания.

Большинство буржуазных историков, в особенности же еврейские богословы и националисты, объявляют фарисеев друзьями народа, носителями его идеалов, защитниками его национальной самобытности и политической свободы. К этой богословской точке зрения примыкает и К. Каутский, называющий фарисеев «представителями народной массы»¹.

Сторонники этого взгляда ссылаются на слова Иосифа Флавия («Antiqu.», XVIII, 1,3) о влиянии, которым пользовались фарисеи в народе. Но еще Ю. Вельтгаузен правильно указал, что делать отсюда вывод о демократических убеждениях фарисеев—неправильно, что объявить средневековых монахов и кшир демократами—ведь и они были весьма популярны и пользовались громадным влиянием на массы². «Демократичность» фарисеев ясно сказывается в их поведении и учении.

Самый термин фарисей—евр. *perušim*, отдаленные, обособленные—свидетельствует о том, что они отгораживались от массы, считали д

¹ К. Каутский—Присхождение христианства. М. 1930, стр. 243.

² J. Weithausen—Die Pharisäer und die Sadducäer. Hannover 1881, S. 20.

несовместимым общении с ней. Другим названием для фарисеев *haber* (товарищ), и весьма правдоподобно предположение Ш ю-ва, что наименование *reḡūīm* дали им люди из престолярды, а именно эта их враждебность к спешным «ученым», «мудрецам» (*ḥamīm*), толкователям «закона» и его блюстителям. На почве враждебности хаберов строжайше соблюдать ритуальную чистоту устанавливается система запретов, свидетельствующая о глубочайшем презрении этих «представителей народной массы» к престолярды, «халерец».

Презрение к ам-гаарец—крестьянам, ремесленникам, торговцам и вообще к за людей не считалось, вполне отчетливо выражено в *Шуа Писуса Сираха* (XXXVIII, 25—33). Но хаберы, считавшие себя солью земли, пошли гораздо дальше Сираха. Ам-гаарец для них—нечто ритуально нечистое, от которого надо держаться подальше. Платье ам-гаарец—мидрас (источник осквернения) для фарисеев (*Демаи*, II, 7). «Кто берет на себя быть хабером, не должен продавать ам-гаарец ни влажного, ни сухого, не должен покупать у него ничего, не должен ходить к нему в гости, ни принимать его в свой дом, ни в его платье» (*Демаи*, II, 3). «Жена хабера может одождать ам-гаареца сито и решето, может помогать ей просеивать, может и встряхивать, но лишь только в муку влита вода¹, как вся мука помощью жене ам-гаарец прекращается, ибо не позволено продавать грешникам. Впрочем, и первое дозволено только для поддержания мира» (*Gitt.*, V, 9=*Sebiit*, V, 9). «Шесть вещей сказали фарисеи об ам-гаарец: им не дают свидетельства и не принимают их свидетельства, не открывают им тайны, не назначают их опекунами над детьми, не назначают их наблюдателями над кружкой благотворительности, не составляют с ними компании в дороге. А негодяи говорят такие, что об их потерях не делают объявления» (*Бавла*, 49 b). «Пусть всегда человек продаст все, что есть у него, не возьмет в жены дочь талмид-хахама; не нашел он дочери талмид-хахама, пусть возьмет дочь великих мира сего; не нашел дочери великих мира, пусть возьмет дочь главарей синагоги; не нашел дочери главарей синагоги, пусть возьмет дочь казначеев благотворительности; не нашел дочери казначеев благотворительности, пусть возьмет дочь учителей маленьких детей, но пусть не берет дочери ам-гаарец, ибо они—мерзость, их жены—гады, а об их дочерях сказано: проклят, кто ляжет со скотом» (*Второз.*, XXVII, 31). *Талмид* р. Элеазар: ам-гаарец разрешается убить даже в судный день, вышедший в субботу... Сказал р. Иоханан: ам-гаарец можно брать, как рыбу» (ib.).

Не удивительно, что при всем почтении, которое внушали фарисеи талмид-хахамы массам, находившимся во власти религиозного дурмана, ам-гаарец питали к этим ханжам жгучую ненависть. Об этом свидетельствуют сами фарисеи. «Р. Элеазар говорит: если бы мы им (ам-гаарец) не нужны были для деловых отношений, они бы нас

¹ Талмиды, по талмудистским воззрениям, «восприимчиво» к нечистоте больше, чем другие люди.

убили». «Велика ненависть ам-гаарец к талмид-хахамам—больше чем ненависть, которою язычки ненавидят израэльтян». «Р. Акба говорит: когда я был ам-гаарец¹, я говорил: если бы мне попал ученый (фарисей), я бы укусил его, как осел. Сказали ему ученые рабби, скажи: «как собака». Он сказал им: тот кусает и ломает при этом кость, а эта кусает, но не ломает кости» (Pesach., 49 b).

Как же фарисей вели себя во время восстания? Несомненно, религиозный фанатизм толкал и фарисейски настроенные элементы на путь восстания против римлян, и среди агитаторов, призывавших к оружию, попадались, надо полагать, и рядовые фарисеи. Но руководители фарисеев, забыв свой вековечный спор с саддукеями, объединились с ними для совместного подавления восстания, которое грозило превратиться в революцию. «Ввиду серьезного и опасного характера движения представители властей, первосвященники и знатнейшие фарисеи собрались вместе для совещания о положении дел. Решено было попытаться урезонить недовольных добрыми словами» (Jos. Fl.—Bell. iud., II, 13,3). Фарисей, столь ревностно оберегавший свою святость, поступил по этому случаю своими принципами и стали доказывать законность принесения жертвы за императора и приема храмом даров от язычников. А когда восстание все-таки началось, и повстанцы «заставили перейти на свою сторону находившихся еще в городе римских друзей», коалиция из саддукеев, фарисеев и римских ставленников умышленно назначила полководцами для ведения войны таких людей, которые способны были только провалить дело. В числе их оказался и Иосиф Флавий, который предал порученное ему дело и перешел на сторону римлян. Зато в полководцы вовсе не попал фактический вождь восстания Элеазар бен Симон, а один из инициаторов восстания Элеазар бен Анания был удален из Иерусалима под благовидным предлогом назначения его на пост военачальника незначительной провинции Идумеи («Bell. iud.», II, 20, 3).

Когда положением овладели фанатичные «ревнители»—зелоты и сикарии, занявшие укрепленную позицию в Иерусалиме, превратили восстание в гражданскую войну, все силы реакции, в том числе и фарисей, объединились. «Влиятельнейшие мужи» во главе с знатным фарисеем, одним из столпов талмуда Симоном бен Гамлилом, «бегали шаром в собраниях и в речах, обращенных к отдельным лицам и побуждали их наказать, наконец, губителей свободы и очищать святилище от кровопийц. И самые уважаемые из первосвященников Иосиф, сын Гамалы, и Анан, сын Анапа, открыто упрекали их за бездеятельности и подстрекали его против желотов» («Bell. iud.», II, 3,10). Иоханан бен Заккай, которого еврейские националисты и патриоты до сих пор превозносят, как величайший «светоч Израэля», сыграл, согласно талмудическим преданиям (Gitt. 56a. Arach. di R. Nathan, IV), роль шпиона и предателя и бежал тайком из осажденного города в лагерь Тита. Фарисеи вели себя так же, как их предшественники.

¹ А к и б а (приблиз. 50—130 гг.)—крупнейший таннай, был низкого происхождения и выбился в верхи фарисейства уже в зрелом возрасте.

— сепаратисты хасидей во время маккавейского восстания: почуяв, что гнет грозит превратиться в народную революцию, они без колебаний перешли на сторону язычников, «врагов Ягве и осквернителей храма». Когда дело дошло до классовых битв, деление в лагере восставших пошло не по религиозному принципу, и партии образовались по признаку классовому.

Первыми были богатые рабовладельцы и торговцы, ростовщики, первосвященники и с ними все жречество, фарисеи—руководители синедриона и главари синагог, все те «себялюбивые мерзавцы», которые так или иначе приспособились к римскому гнету и даже извлекали из него выгоду для себя,—все это объединилось в одну «партию мира». Им не было интереса рвать с римскими властями; тяжесть римского ига они перекладывали на плечи трудящихся, а римские гарнизоны служили для них защитой против недовольства масс.

Вторую партию, составлявшую ядро восстания, образовали zeloty. Это были разрозненным и искаженным данным, которые приводит личная хроника зелотов Иосиф Флавий, зелоты вербовались из среды мелких торговцев, ремесленников и крестьян, которые разорялись и собственными ростовщиками, и римскими грабителями, но особенно чувствительно всегда реагировали на ничем не завуалированное римское гнет. Эти разоренные элементы неспособны были к организованным действиям и не могли выработать себе ясную политическую программу. Их смутные политические настроения получали религиозно-идеологическое выражение. Зелоты смотрели на себя, как на ревнителей веры; они считали, что они умирали во имя бога, и только уже в процессе самого восстания они почувствовали, что им с первосвященниками, придворной свитой и богачами не по пути. Но их ослеплял религиозный фанатизм, и только возгоревшаяся во время осады Иерусалима гражданская война могла им осознать свои классовые цели и задачи.

Третьей была и третья партия, которую Иосиф не удостоивает названия «партии» или «партии», а презрительно называет поножовщиками, сикариями (от *sica*—книжал). Историки, следуя Иосифу, совершенно не отличаются с сикариями как политической группировкой, видя в них только кучку беспринципных террористов или даже просто уголовно-преступный элемент среди зелотов. Между тем, даже у Иосифа мы имеем достаточно данных, позволяющих видеть в сикариях революционеров, боровшихся не только против Рима, но и против классового гнета и «жесточайших» эксплуататоров. По описанию Иосифа, сикарии—просто революционеры, хотя свои жертвы они выбирали не случайно; «первым из них таким образом был заколот, был первосвященник¹ Ионатан» («Bell. iud.», II, 13, 3).

Несмотря на такую характеристику сикариев резко противоречит та оценка, которую сам же Иосиф дает им в другом месте. В речах, которые он приводит в уста вождя сикариев Элеазара («Bell. iud.», VII, 8, 6—7), Элеазар «тиран» и «злодей», как он его обычно называет, выступает в качестве великого героя, для которого интересы его дела, честь и до-

¹—ранее—бывший первосвященник (36—37 гг.).

блесть выше всего, выше жизни. Иосиф отдает себе отчет в том, что сикарии не просто разбойники; в одном месте он определенно говорит о «мятеже сикариев», как о самостоятельном движении («Bell. iud.», VII, 10, 1). Не укрылись от Иосифа и классовые противоречия внутри еврейского народа, на почве которых разгоралась гражданская война: «Все наперерыв старались перещеголять друг друга в нечестивых поступках перед богом и в несправедливостях против ближних. Сильные угнетали простой народ, а масса стремилась извести сильных; те жаждали власти, а эти—насилий и ограбления зажиточных» («Bell. iud.», VII, 8, 1).

Классовое лицо сикариев становится ясным из дел их. Ворвавшись в верхнюю часть города, они «сожгли дом первосвященника Анании¹, а также дворцы Агриппы и Вереники; вслед за тем они перенесли огонь в здание архива, для того, чтобы как можно скорее у и и ч т о ж и т ь д о л г о в ы е д о к у м е н т ы и сделать невозможным взыскание долгов. Этим они имели в виду привлечь массу должников на свою сторону и восстановить бедных против состоятельных» («Bell. iud.» V, 17, 6).

В то же время выступил некий Манаим (Менахем). Захватив со своим отрядом Иерусалим, Манаим и его сторонники сожгли дворец, вытащили бывшего первосвященника из водопровода царского дворца, где он скрывался, и убили его вместе с его братом Езекией (II, 17,8—9). «В Аграватском округе Симон бар Гпора набрал массу недовольных и производил разбойничьи набеги, в которых не только грабил дома богатых людей, но и совершал насилия над их личностью» (II, 22, 2). Впоследствии Симон, присоединившийся было к партизанам, занимавшим крепость Масаду, «расстался с ними, отправился в горы, через вестников обещая рабам свободу, а свободным вознаграждение, и таким образом собрал вокруг себя негодяев со всех сторон. Имея уже сильную шайку, он грабил деревни в горах, но когда, чем дальше—все больше стекалось к нему людей, он отважился спуститься в долину. Теперь он стал страшным и для городов. Многие из знатных, привлекаемые его могуществом и счастливыми успехами его предприятий, стекались к нему на свою гибель, так что в его войске, кроме рабов и разбойников, было также немало граждан...» (IV, 9, 3—4).

Повстанцы-сикарии, вербовавшиеся из среды рабов и закабаленной долгами бедноты, не довольствовались казнью особо ненавистных эксплуататоров и уничтожением долговых обязательств; они стремились к неспровержению существующего строя. «После того как эти нечестивцы закололи первосвященников для того, конечно, чтобы не осталось ни следа благочестия, они уничтожили также вконец все, что еще уцелело от общественного порядка, и доставили полное торжество беззаконию» (VII, 8, 1). В своей последовательности они решили внести революцию и в организацию церкви; они отвергли принцип наследственности сана первосвященника. Правда, первосвященники не раз получали свой пост за взятку сирийскому наместнику или рим-

¹ А н а н и я—прославившийся своей алчностью—был первосвященником в 47—59 гг., но он пользовался значительным влиянием и в то время.

прокуратору, а со времени Ирода они, как правило, назначались им. Но все же они назначались из среды нескольких определенных семейств, и принцип наследственности теоретически признавался. «Разбойники» решили установить здесь принцип демократии и избрать первосвященника по жребию. «Случайно жребий выпал на... этого Фанию, сына Самуила, из деревни Афты. Он не только не был достоин носить звание первосвященника, но был настолько неразвит, что не имел даже представления о значении первосвященника» (IV, 3, 7—8). Этот Фания, переехавший в Иерусалим, был вообще последним первосвященником, так как вскоре храм был уничтожен навсегда.

Что сикарии представляли собою самостоятельное политическое движение, имеются и другие свидетельства, помню Иосифа Флавия. В «Дьян. ан.», XXI, 38, тысячаеначальник говорит Павлу: «Не ты ли ты египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?». В греческом оригинале здесь сказано *σικαρίων*, тогда как во всех других случаях в новозаветных текстах «разбойник» передается обычным словом *κλέπτης*.

Особый интерес представляют упоминания сикариев в Мишне, так как здесь можно уловить следы аграрной революции, произведенной сикариями.

Память о сикариях в эпоху редактирования Мишны (начало III в.) сохранилась. За исключением одного мимолетного замечания, что жители Иерусалима прятали смоквы в воде «из-за сикариев» (Machš., I, 6), Мишна применяет вместо «сикарий» своеобразный термин «сикариккон», представляющий собой греческую форму, образованную из лат. *sicarius*. Но замечательно, что *sikarikon*, этимологически означающее определенное понятие (например «объединение сикариев»), в Мишне означает не только «законоположения, связанные с сикариями», но и отдельного человека, сикария.

Сообщения Мишны показывают, что сикария отличали от разбойника. «Возношения, десятины и пожертвования вора, разбойника и взыскания действительны только в том случае, если владельцы этих предметов не заявляют на них претензий. Возношения, десятины и пожертвования сикариккон действительны» (Tos. Terum, I, 6). Сикариккон в Мишне — незаконный или не вполне законный владелец земли вместе с тем — раввинское законодательство о таких владельцах. «По той же причине не приносят первин: фермер, арендатор, сикариккон и захититель, ибо сказано: лучшие первинки т в о е й земли» (Bikk., II, 3). Очевидно, сикариккон с точки зрения талмуда — неполноправный владелец. Это обстоятельство вызвало необходимость в издании особых законоположений «сикариккон». «В Иудее не было сикариккон до военных убийств¹. Со времени военных убийств в ней действует сикариккон. Как это понимать? Если поле куплено сначала у сикариккон, затем у владельца, то купля недействительна, а если куплено сначала у владельца, а затем у сикариккон, то купля действительна. Такова первая мишна; последующий бет-дин установил: купив-

¹ По мнению комментаторов, имеются в виду репрессии при Тите.

ший у сикариков отдаст хозяину четверть. Когда? Если он сам (т. е. владелец) не в состоянии купить; если же он в состоянии сам купить, он имеет преимущество перед всеми людьми. Рабби собрал суд и было решено: если имущество находилось во владении сикариков в 12 месяцев, то первый купивший приобретает на него право, но отдает владельцу четверть» (Gitt., V, 6). «В Иудее не действует сикариков в целях заселения страны. К чему это относится? К убитым в войны и во время войны. . . В Галилее всегда действовал сикариков» (Tos. Gitt., V, 4). Независимо от содержания законодательства «сикариков» в эпоху составления Мишны, из этих довольно туманных текстов можно сделать один вывод: Мишна знает категорию землевладельцев, получивших свою землю от прежнего владельца путем насилья (например в результате конфискации имущества убитого во время восстания). Авторы Мишны полагают, что если такой «сикариков» продает свой участок, покупатель должен частично удовлетворить и прежнего «законного» владельца. Но обозначение такого незаконного владельца искаженным термином «сикариков» и связь закона с положением «сикариков» с «восными убийствами» и «убитыми во время войны» показывает, что здесь сохранилось смутное, искаженное временем воспоминание о сикариях, которые захватывали и раздвигали земли богатых землевладельцев. После подавления восстания оказалось, надо полагать, немало владельцев, получивших землю из рук сикариев, и раввинам приходилось разбирать связанные с этим тяжбы. Так возник термин «сикариков», который сохранился в последующем талмудическом законодательстве, хотя исторические обстоятельства, вызвавшие к жизни законоположения «сикариков», были уже забыты.

Приведенные данные, при правильном их использовании, свидетельствуют, что сикарии отнюдь не были «кинжальщиками». Мы имеем здесь революционное движение крестьян, рабов и городской бедноты, которое противопоставит не только фарисеям, но и зелотам. В то время как зелоты стремились только к свержению римского ига и никакие политические или социальные реформы не выдвигали, сикарии вели на практике борьбу против своих классовых врагов и стремились к политическому и социальному перевороту. Раздоры между зелотами и умеренной партией были вызваны тем, что зелоты вполне основательно не доверяли своим «союзникам», которые взяли на себя руководство восстанием специально для того, чтобы привести его к поражению; сикариев резко отделяла от прочих группировок смутная, неопределенная религиозными и националистическими идеями, но революционная программа. Поэтому окончание «иудейской войны» против Рима в 70 г. не означало еще прекращения борьбы сикариев. Ядро их вплоть до 73 г. упорно продолжало борьбу. А когда пала Иерусалимская крепость сикариев—Масада—пала, остатки их пробрались в Александрию и стали там поднимать угнетенных на восстание. Но александрийское еврейское купечество по своей инициативе приняло меры к подавлению движения, и последние остатки сикариев были преданы пыткам и казни.

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ СПАРТАКА в древнем Риме

Проф. А. В. Мишулин

I

Исследование восстания Спартака началось, правда, еще в XIX в., но работы по Спартаку носили эпизодический характер и посвящались лишь отдельным вопросам истории этого восстания. Так, нам известно, что первый, кто серьезно поставил в науке вопрос об изучении восстания Спартака—Шамбах—не привлекал еще в достаточной полноте дошедших до нас—порою в весьма фрагментарном виде—известий древних писателей и многих из них авторство, вероятно, и не знал. Шамбах (S c h a m b a c h Otf.—Der erste Selavenaufstand 74—71 v. Chr., Progr., Halberstadt, 1872) основное внимание уделил в своей небольшой работе вопросу об отправке в ссылку выступившего Спартака, выдвигая при этом дату 74 г. до н. э. Эта работа, пожалуй, связана и представляет известный интерес данной работе, незаслуженно потом забытая наукой.

Занимавшийся потом Спартаком другой немецкий исследователь Мюнцер основное свое внимание уделял вопросу о первом, с римской стороны, командире, выступившем против Спартака (M ü n z e r—Der erste Gegner des Spartacus. «Philologus», Bd. 55, 1897, S. 387). И в этой работе разбиралась одна, правда, интересная деталь из истории восстания Спартака, но исследование самой истории этого восстания автора не занимало. Даже в сводной позднейшей своей статье—«Spartacus». Realencyclor. Pauly—Wissowa—Kroll, 1929—Мюнцер не дал анализа истории выступления Спартака и его борьбы с Римом. В систематическом плане изложение борьбы рабов под руководством знаменитого фракийца дается в принадлежащей концу XIX в. работе Гартвига (H a r t w i g—Der Selavenkrieg des Spartacus. Progr. Weßlingen, 1894; эта работа была переиздана в 1919 г. в Берлине). Но эта брошюра очень кратка, популярна и чужда объективно-историческому исследованию. Поэтому неудивительно, что более обстоятельному изложению истории Спартака вплоть до последнего времени оставалась почти полтора столетия назад написанная монография Мейс-

снера (Meissner, A. G.—Spartacus, 1793. Berlin, Ed. II—1800), точно так же, как о сицилийских восстаниях до выхода книги К. Бюхера (Karl Bücher—Die Aufstände der unfreien Arbeiter 143—129 v. Chr., Frankfurt a. M. 1874) долгое время общему пособию являлась работа Скрофани (S. Scrofani—Der Sklavenkrieg in Sicilien, «Europäische Annalen», 1867, Bd. III; перевод работы по-французски: «Histoire de la guerre des esclaves en Sicile sous les Romains», traduit par J. Naudet, Paris, 1807). Отдельные работы о Спартаке или касавшиеся истории Спартака в той или иной связи (как, например, Rathke—De romanorum bellis servilibus. Diss. Berlin, 1904) не только не разрешают отдельных спорных вопросов, но даже и не всегда ставят их перед наукой, не проявляют интереса к собиранию источников о Спартаке и, главное, в историческом плане не вскрывают нам социальную значимость факта всеиталийского восстания рабов в общих условиях Римской республики 70—60-х годов до н. э.

Скромная попытка поставить интересующие нас вопросы спартаковского восстания принадлежит автору настоящей заметки в его докладе, отпечатанном в «Известиях ГАИМК» № 76, 1934 г. (А. В. Мишулин—Восстание Спартака в древнем Риме). Однако тогда чувствовалось еще недостаточное ознакомление аудитории с материалами о Спартаке, и потому, к сожалению для докладчика, не удалось организовать обсуждение интересовавших его вопросов.

Следующим шагом в изучении поднятых вопросов явилась публикация более обстоятельной работы, хотя и написанной в популярном плане, но включавшей по возможности все известные нам источники по интересующему вопросу. Эта моя работа (см. «Спартаковский восстание», Соцэкгиз, Москва, 1936) имела своим назначением не только популяризацию истории знаменитого восстания рабов, но и подготовку читателя к обсуждению вопросов, в правильности разрешения которых автор недостаточно был уверен.

В результате предварительного обсуждения данной работы выделялись и принимали остроту преимущественно чисто социологические, отвлеченные вопросы: кого было больше в восстании, рабы или свободных крестьян? Кого следует поставить на первое место в своей революционной целеустремленности, тех или других? И, наконец, почему потерпел поражение Спартак—потому ли, что недостаточно были рабы, желавшие покинуть Италию, или потому, что свободные крестьяне, требовавшие разрешения выдвинутой ими проблемы аграрной революции, не уходили из Италии, оставались в пределах ее и не поддерживали Спартака?

Наиболее интересным вопросом для исследователя должно стать изучение тех конкретных исторических условий, которые определяли в спартаковском восстании как различие планов рабов и свободных пролетариев в борьбе с Римом, так и отсутствие тех форм смысловой совместной революционной борьбы по единому плану, что представляется возможным проследить лишь позднее, именно в конце Римской империи.

II

Придавая известное значение и этим общим вопросам, мы, однако, полагаем, что правильное их решение может быть осуществлено лишь при одновременном детальном научном изучении ряда отдельных, в многом еще не исследованных сторон спартаковского восстания. Поэтому, оставляя в стороне вообще вопросы, постановка которых в достаточной степени дана в вышеназванной работе, мы попытаемся в рамках настоящей статьи остановиться на некоторых специальных вопросах из истории восстания Спартака.

К числу этих вопросов мы намерены отнести следующие для настоящего рассуждения: 1) вопрос о происхождении Спартака, что остается в науке недостаточно выясненным; 2) вопрос о социальном составе армии Спартака в связи с не привлекавшимися до сих пор свидетельствами Аппиана в его «Mithridateios» (109, 15—20) и 3) вопрос о хронологии восстания и о некоторых археологических данных истории Спартака. По каждому из этих вопросов постараемся привести данные, еще не использованные для истории Спартака.

Что касается первого вопроса, то и в источниках, и в последующей историографии нет на этот счет окончательного и категорического ответа. Если в источниках всюду подчеркивается чужеземное, негреческое происхождение Спартака («Σπάρταχος Θράξ ἀνὴρ... App. I, 116, II; Thrace miles...—Flor., VIII, 20, 8; также Plut.—Crass., 8; Oros., VI, 23; Athen., VI, 272), то в новой историографии считали возможным утверждать, что он происходил из царского рода Спартакидов, пользовавшихся во Фракия и Пантикалее царскими почестями» (Мамзев, III, 69, русск. пер., Москва, 1887) или во всяком случае противостоял своей гениальностью «сбродной армии» рабов (Ферро — Величие и падение Рима, т. I, стр. 159, русск. пер. 1925 г.). Впрочем, некоторые, как, например, А. Валлон, находят возможным говорить о нумидийском происхождении Спартака («Spartacus Thrace de nation, Numide de race»), не имея для этого какой-либо опоры в наших источниках (A. Wallon — Histoire de l'esclavage, v. II, p. 311).

Неясно также, как Спартак попал к римлянам. По Флору, Спартак был «солдатом из фракийских наемников», — т. е. вероятно, в римской армии, — но потом дезертировал (Flor., VII, 20, 8—10). По Аппиану же, Спартак, наоборот, «воевал с римлянами, но потом попал к плен» (App.—Hist. Rom., I, 116, 10—15). Это противоречие в источниках не разрешается и другими указаниями источников, отмечавших несправедливость обращения Спартака в гладиаторы (Plut.—Crass. 8, Vargo—Frag. Haris). Очевидно, эти неясности несколько подрывали ту версию в источниках, согласно которой Спартак по происхождению являлся чужеземцем, и если признавалось фракийское его происхождение, то непременно с царской генеалогией рода Спартакидов из Фракии или из Пантикалеи.

У нас нет никакого основания отходить от того положения Плутарха, которое утверждает происхождение Спартака из помадов-фракийцев. Это положение может быть подкреплено некоторыми сооб-

ражениями о происхождении самого имени Спартака. Обычно это имя считалось мифологического происхождения и допускалось, что Спартак мог носить это имя в качестве клички, будучи уже рабом. О мифологичности этого имени действительно имеются некоторые основания судить, поскольку из греческой мифологии нам известно, что одним из сыновей Зевса и нимфы Гималии на Родосе был Спартайос (... ὅτε δὲ καὶ Ζεὺς λέγεται κατὰ πεπολεμηκῶς Τιτᾶνας, ἐραστῆρα μίαν τῶν νυμφῶν Ἰμαλίας ὀνομαζόμενης, καὶ τρεῖς ἐξ αὐτῆς τεκνῶσαι παῖδας, Σπάρταϊον, Κρόνιον, Κύτων. Diod. V, 55,5.—В самом деле, Зевс, говорят, победив титанов, влюбился в одну из нимф, по имени Ималия, и породил от нее трех сыновей—Спартэя, Крония и Кита).

Близость имен Спартайос и Спартак не нуждается в пояснении. Но эта близость имен дает нам очень мало, тем более, что невозможно было бы, с нашей точки зрения, вести происхождение имени Спартака от малопопулярного в Греции мифологического Спартэя из Родоса. Близость в двух именах скорее только семантического порядка, поскольку в основе этих имен лежит глагол σπαίρω (сею), что для имен дает значение «посеянный» или «произросший».

Гораздо ближе мы подойдем к разрешению вопроса о происхождении имени Спартака на основе другой греческой легенды о так наз. спартах, т. е. туземном племени в Беотии и, вероятно, севернее (во Фракии). Согласно этой легенде, Кадму в Беотии пришлось столкнуться с драконом, охранявшим источник воды в честь Арея. Кадм убил дракона и по совету богини Афины зубы этого дракона посеял. Из этих зубов выросли гиганты, хорошо вооруженные исполнены, которые и получили название σπαρτοί, т. е. «посеянные». У Аполлодора даются имена этих спартов (A p o l., III, 431), указывающие на значение последних, как сынов земли. Сила этих спартов, по греческой мифологии, была столь велика, что Кадму пришлось выдержать упорную борьбу с ними. Несмотря на то, что род Кадма породнился со спартами («посеянными»), в конце концов спарты изгоняют Кадма и весь его род. В Беотии опять начинают господствовать туземные племена спартов (A p o l., III, 5, 8). В этой греческой легенде стараются видеть неудачную попытку колонизации со стороны финикийцев областей Фракии и Беотии, где местные племена дадут отпор этой попытке. Как бы там ни было, для нас представляет большой интерес это сказание о народе «спартов», поскольку под этим мифом можно вскрыть и некоторые исторические корни. Мы можем вполне допустить, что какие-то первобытные племена под именем спартов действительно обитали на севере Греции. За это говорит не только основанный, согласно мифологии, выходцами с севера Греции город Спарта, но и некоторые данные самого севера Греции. Дело в том, что из сообщений Фукидида и Ксенофонта нам известен город Спартол (Σπάρτολος, Th u k., II, 70; X e n o p h.—Hell., V, 3,6) в Македонии, на полуострове Халкидики. Происхождение этого названия македонского города, несомненно, может быть связано с поселениями здесь в древнейшее время племена спартов. Но любопытнее всего то, что нам известно такое же название одного из поселений во Фракии, на родине Спартака. С т е ф а н

Византийский под именем Σπάρτακος указывает на город этого названия во Фракии. Причем трудно заподозрить сведения Стефана Византийского как позднего автора, потому что он при этом ссылается на соответствующие данные Эратосфена (Gal. II), под которым Обергуммер рекомендует подразумевать не знаменитого географа, а историка (Realencycl. Pauly—Wissowa, V. VI, Sp. 388). Весьма возможно, что в глубокой древности на малоизвестном севере Греции, во Фракии, действительно существовал такой город или поселение с названием Σπάρτακος. Но не только в глубокой древности такие названия, как Спартол или Спартакос, могли связываться с обитавшими там племенами спартов. Нам известно, что в исторические, не вызывавшие сомнений времена народы Беотии продолжали еще вести свою родословную от племен спартов. Любопытен с этой точки зрения тот факт, что после гибели Эпаминонда на могиле его была установлена мраморная доска с изображением дракона, указывавшего, по свидетельству Павсания, на происхождение Эпаминонда от дракона, от так наз. «спартов» (Paus., VIII, 11, 8).

Таким образом, не остается никакого сомнения в том, что происхождение имени вождя всеиталийского восстания рабов связано не с мифологией, а с этническим именем спартов. Версия Плутарха о том, что Спартак был выходцем из фракийских номадов, вполне реальна. Обитая на севере Греции, эти «спарты» или «рассеянные» номады делали набеги и на Северное Причерноморье; возможно даже, что династия Спартакидов в Пантикапее была связана с каким-нибудь захватом царского престола племенами этих спартов. Во всяком случае у нас есть данные для такого предположения.

С 80 г. и до самой середины 60-х гг. до н. э. с Римом вел упорную и долгую войну Митридат Понтийский. В сущности это была не только и не столько война, сколько широкое восстание различных племен, поднятых Митридатом против Рима. Известно, что до 70-х гг. до н. э. Митридат был господином положения на Балканском полуострове и поднял на свою сторону различные племена Греции, в том числе и фракийцев. Тогда возможно, что Спартак во главе фракийских племен был на стороне Митридата, был наемником в его войсках и воевал против Рима. При таком допущении ликвидируется вышеотмеченное противоречие в свидетельствах Аппиана и Флора. При нашей поправке к сообщению Флора версия Аппиана получает подтверждение: «Спартак воевал с римлянами, но потом попал в плен» (Арр., I, 116, 10—15).

Так разрешается первый вопрос о происхождении Спартака и о некоторых противоречиях в наших источниках. Перейдем к следующему вопросу.

III

В исторической литературе установился обычай считать, что восстание Спартака являлось чисто рабским по составу принимавших в нем участие. В своей работе нам уже приходилось опровергать эту точку зрения, незаслуженно распространившуюся среди широкого круга специалистов и читателей. Известные места из Аппиана, рассказывающего нам о присоединении к Спартаку ἐλευθέρους ἐκ τῶν ἀγρῶν

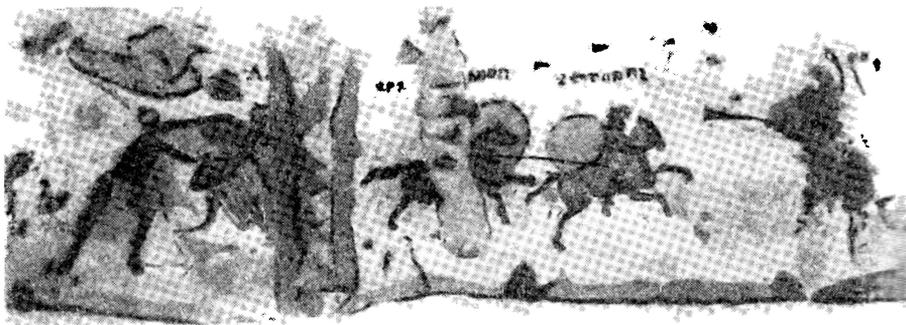

Рис. 1

«свободных крестьян с полей» (А р р., I, 116, 10), а также *συγγύδες* — «всех присоединившихся попутно» (А р р. I, 116) и *αὐτόμολοι* — «перевалочников» (А р р. I, 116), которыми могли быть только свободные и притом, главным образом, из римских крестьян; наконец, свидетельство позднего автора Фемистия (VII, 8 с, d) о присоединении к Спартаку толпы свободного народа из италийцев, желавших перемен существующего строя, — все это должно говорить о наличии в армии рабов и свободных мелких производителей, италийского крестьянства.

Установление этого факта имеет для нас двойное значение. Во-первых, это позволяет нам взять под сомнение античную традицию о том, что раскол в армии Спартака произошел на этнической основе на почве «национального» антагонизма между эллинами, с одной стороны, и германцами с кельтами — с другой. Во-вторых, установление вышеотмеченного факта позволяет нам поставить вопрос, не произошел ли раскол на почве различия планов борьбы: рабов, отстаивавших план выхода из Италии, и свободных италийцев, отстаивавших план борьбы с Римом в пределах Италии?

Что касается античной традиции, выраженной, главным образом, в свидетельствах Т. Ливия и Саллюстия, то она подрывается уже некоторыми неясностями в самих источниках. Интересно, что такой, например, автор, как Аппиан, вообще не говорит о разногласиях у Спартака; он ограничивается только указанием, что группа спартаковцев в 10 000 человек почему-то стояла отдельно от своих (А р р. I, 118, 25). А Плутарх, хотя и говорит кратко об отделении группы спартаковцев вследствие «своеволия и гордости», имея в виду здесь германцев и кельтов, тем не менее в другом месте ясно указывает на следование галлов (следовательно, и германцев, ибо и те и другие у римлян считались, как родственные народы) за Спартаком на север, с целью возврата на родину (Plut.—Crass., 9). Вряд ли в последнем случае мы имеем у Плутарха какую-то опisku или неточность, ибо о желании этих народов выйти из Италии вместе с греками говорит почти в тех же выражениях и Аппиан (А р р., I, 117, 15).

Следовательно, галлы и германцы, как свидетельствуют эти два наших основных источника, были у Спартака вместе с эллинами, и трудно говорить тут о какой-то «этнической расовой розни», которую со времен Моммзена утверждала буржуазная наука.

И если некоторая часть германцев и галлов действительно отделилась от Спартака и не пошла с остальными своими сородичами на родину, то это могло быть не потому, что у них были какие-то «национальные» или расовые соображения, а просто потому, что они хотели бороться с Римом совместно с теми, которые мыслили эту борьбу на италийской земле, ибо на ней они жили и за нее боролись.

Спрашивается, кто это могли быть такие? Несомненно, что это могли быть только италийцы, мелкие крестьяне, вольноотпущенники, рабы из италийцев, а также здесь могли быть и те галлы с германцами, у которых на родине ничего не оставалось и которые успели обжиться в Италии. Для этих последних родиной могла стать всякая страна, где только удавалось получить землю и жизненные условия существования. За эту землю они с правом могли выступить плечом к плечу с италийским крестьянином и римским рабом.

Любопытнее всего то, что известные нам имена вождей, отделившихся от Спартака, также не могут подтверждать античную традицию о расколе спартаковской армии. Как выяснено в моей работе, только Гаиник—имя галльского происхождения. Что касается Крикса, то это осекское имя. А имя Каста, как это позволяет нам судить справка из Thesaurus Linguae Latinae (Supplem. Nomina propria, II, p. 251—252), является типичным италийским именем; оно было также в ходу в среде местного провинциального населения италийцев. Что под этим негерманским именем непременно скрывался германец и галл, следует еще доказать.

Для подтверждения того, что причина раскола в армии Спартака была не этнически-расовая, а социальная, мы приведем еще одно свидетельство Аппиана, которое обычно не привлекалось и которое не включено в состав опубликованных мною документов о Спартаке. Мы имеем в виду известное место в «Mithridateios», где говорится, что Митридат хотел поступить, как Гаинибал в свое время, т. е. заключить союз с галлами против Рима и заручиться поддержкой «многих» в Италии, отделившихся от римлян вследствие ненависти к ним. Далее даже говорится буквально, что Митридат знал «об отделении почти всей Италии от Рима во главе со Спартаком»: ἤδει δὲ καὶ ἑταῖρος τῆν Ἰταλίαν ἐυεθὲν ἀπασαν ἀπὸ Ῥωμαίων ἀποστάσαν ὑπὸ ἑρθεύς καὶ ἐπὶ πλείστον αὐτοῖς πεπολεμηκυῖαν Σπαρτάκῳ τε μονομάχῳ συντάξαν ἑπ' αὐτούς. ἀνδρὶ ἑπ' οὐδέμιᾳς ἀλιώστῳς ὄντι (A p p. —Mithr. 100, 15—20). (И он знал, что вот недавно почти вся Италия отделилась (отпала) от римлян вследствие ненависти к ним и была долгое время в войне с ними, восставши против них во главе с гладиатором Спартаком, человеком по положению без всякого значения).

Это место Аппиана достаточно убедительно говорит о том, что у Спартака были не одни рабы. Из контекста мы видим, что Митридат, по сообщению Аппиана, представлял себе восстание Спартака, как

отделение почти всей Италии от римлян (τὴν Ἰταλίαν σ/εδόν ἀπασαν ἀπὸ Ῥωμαίων ἀποστᾶσαν...). Причем, это не одно только представление Митридата. Аппиан, передавая здесь Митридата без оговорок, очевидно, вполне согласен с этим выводом. Несколькими строками выше Аппиан даже сравнивает такое отделение «почти всей Италии» с тем, что было во времена Ганнибала. Ведь тогда «многие в самой Италии из ненависти к римлянам присоединились к нему», т. е. Ганнибалу (Арр.—Mithr., 109, 13). Как известно, на сторону Ганнибала переходили вовсе не рабы, а подчиненные Риму народы; именно зная о ненависти италийцев к Риму, Митридат решился пойти на поддержку Спартака, что в свое время отметил еще Валлон («Hist. de l'esclavage», v. II, прим. 7 к гл. VIII, 5). Это находится в полном соответствии с теми местами из «Гражд. войн» Аппиана, где говорится о переходе на сторону Спартака перебежчиков—солдат римской армии, свободных с полей и о всяких присоединявшихся.

Таким образом, документ, до сего времени еще не использованный, подтверждает нашу точку зрения, развитую в «Спартаковском восстании». Это позволяет теперь более категорически ставить вопрос о социальной базе разногласий в армии Спартака в противоположность трактовке этнически-расового антагонизма в среде восставших. Перейдем к следующему вопросу.

IV

Одним из специальных вопросов истории Спартака является хронология восстания. В исторической науке бездоказательно фигурирует 73 г. до н. э., как отправная дата восстания. Между тем Евтропий дает нам 74 г. в противоположность Орозию, дающему 73 г.: в своей работе мы предпочли 74 г., как это еще доказывал Шамбэк («Der italische Slavenaufstand 74—71 v. Chr.», 1872). Дело в том, что дата 73 г. противоречит данным Аппиана о посылке Красса против Спартака «на третий год войны» и свидетельству Евтропия, что «в исходе третьего года войне был положен конец».

Несколько помогает разобраться в этом вопросе показание Акрона в схолиях к Горацию. Поскольку этот источник по данному вопросу еще не привлекался, позволим себе привести его полностью: *Gladiator fuit Spartacus; hic cum septuaginta quattuor sociis similis conditione ludo fugiens dux factus per quattuor annos adversum Romanos bella plura instauravit. Idem nullam (se?) repositionem [eum] evadere potuisse commemoravit. Hunc postea Pompeius oppressit...* (Acronis et Porphyrii commentarii in Q. Horatium Flaccum. Vol. I. In camp. III, 14). (Спартак был гладиатором; вместе с 74 товарищами того же состояния он бежал из гладиаторской школы; он был их вождем и в течение четырех лет, сражаясь против римлян, произвел много опустошений. Поэтому (Гораций и) упоминает, что ничто (от него) нельзя было укрыть. Впоследствии его (Спартака) подавил Помпей...)

В этом свидетельстве интересно указание Акрона о четырех годах борьбы рабов против римлян. Откуда он мог взять эти данные? К...

Эми источниками мог вообще Акрон пользоваться? Как автор конца I в. н. э. Акрон, конечно, мог иметь и Т. Ливия, и Саллюстия. Одно обстоятельство заставляет нас полагать, что Т. Ливием и Саллюстием безусловно Акрон пользовался. Дело в том, что он говорит о 74 гладиаторах, поднявшихся вместе со Спартаксом. Эту цифру называют только Саллюстий и Т. Ливий, если не считать Орозия, который писал намного позднее Акрона (Орозий, впрочем, в основном использовал Ливия). Все другие авторы говорят или о 70 (Аппиан, Августин) или о 78 (Плутарх) или 64 (Веллей Патеркул) или даже о 30 (Флор) гладиаторах. Таким образом, сведения для комментирования Горация Акрон, по видимому, почерпнул из Саллюстия и Т. Ливия, т. е. из довольно надежных источников.

Но тогда спрашивается, о каких четырех годах войны сообщает нам этот автор? Этот вопрос возможно разрешить только при условии, если принять за начало восстания 74 г. до н. э., а за конец войны принять 70 г., когда по совету Цицерона (in Verr. II, 28—99) и Орозия (V, 23—24), несмотря на гибель Спартака, остатки его армии еще давали себя знать на юге Италии в последних больших столкновениях с римскими командирами.

Только в этом плане сообщение Акрона приобретает свой смысл и может быть приведено в соответствие с событиями из истории восстания Спартака.

V

Последний вопрос связан с исследованием археологических памятников о Спартаксе. Несомненно, что восстания рабов в древнем Риме не могли не оставить своего следа на памятниках материальной культуры. Различные надписи, монеты вождей восстания, следы их организаторской и военной работы, несомненно, не могли не остаться. Известно, что вождь первого сицилийского восстания рабов Эви, принявший титул царя Антиоха, выпускал свои монеты (см. «The Cambridge Ancient History», vol. IX, p. 13).

Во время восстания Савмака на Боспоре чеканились монеты с надписью *basí [leus] Sau [maku]*, о чем говорят три дошедшие до нас монеты (см. акад. С. А. Жебелев—Первое революционное восстание на территории СССР в «Сообщ. ГАИМК» № 9—10, 1932, а также его «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», «Известия ГАИМК», вып. 70, 1933).

В отношении Спартака мы имеем пока очень ограниченный материал в памятниках материальной культуры. В 1927 г. в «Notizie degli

Рис. 2

scavi» было опубликовано сообщение о находке в Помпеях фрески с изображением сцен битвы Спартака с римским командиром. Ответствующую интерпретацию этой картины дал Лемаин-Гардлебен («Ein historisches Gemälde in Pompei», «Forschungen und Fortschritte», № 3, 1928). Иная интерпретация этой картины дана в моей статье «Последний поход Спартака и его гибель» («Проблемы истории докапиталистического общества», № 7—8, 1935, изд. ГАИМК) и в работе «Спартаковское восстание» (Соцэкгиз, 1936). Не возвращаясь к интерпретации этого археологического памятника о Спартаке, следует подчеркнуть особый его интерес. Плохая сохранность этого памятника (стерты надписи к изображенным сценам) оставляет открытым вопрос об исчерпывающей интерпретации этого памятника.

О Спартаке мы имеем еще один недостаточно выясненный памятник — монету, отчеканенную А. Лицинием, с изображением якобы М. Красса, поражающего поверженного на колени Спартака. Эта монета для широкого пользования была опубликована Вейссером, причем последний дал к ней надпись «Tod des Spartacus» (см. «Bilder-Atlas zur Weltgeschichte» von prof. L. Weisser, Stuttgart, Taf. 11). Лицевую сторону этой монеты мы приводим здесь так, как она дана у Вейссера. Отсутствие под руками соответствующих пунтикатических собраний Морелли не позволило нам детально ознакомиться с интересующей нас монетой и проверить Вейссера.

Что касается комментариев, то Вейссер говорит следующее об изображении на этой монете. Она отчеканена, как было выше указано А. Лицинием в память отважных подвигов его родственника Лициния Красса Divēs. Монета изображает знаменитую битву при Силаре (am Silarus, 71 v. Chr.). Спартак сражался, как лев. Покрытый ранами, он пал на колени и продолжал сражаться, пока не был умерщвлен ударами копий. Красс схватывает Спартака за его разлетающиеся волосы (Weisser, S. 14).

На этом изображении, несомненно, многое остается непонятным, и комментарии Вейссера нас удовлетворить не могут. Например, неизвестно, какая связь между А. Лицинием, имя которого отчеканено на монете, и М. Лицинием Крассом. Неизвестно точно, что представляет собой надпись III vir. Вряд ли можно это считать за «триумвира Красса, как думает Вейссер; скорее это титул А. Лициния (III vir aaff). Мог ли А. Лициний спустя много лет после события изобразить на монете сцену битвы со Спартаком?

При всем этом монета уже сейчас, когда еще окончательно на нее неясны вопросы ответить мы не можем, представляет для нас большой интерес.

При сопоставлении изображения Спартака на монете с тем, что дает в весьма смутных очертаниях помпейская живопись, можно уловить некоторое сходство в контурах головы. Большая голова Спартака на картине дает изображение разбросанных волос так, как это примерно выглядит и на монете в честь Красса. Дальнейшее изучение поможет более четко восстановить изображения как на картине так и на монете, и изучить в деталях эти два единственных археологических памятника древности, имеющих прямое отношение к истории Спартака.

К ВОПРОСУ О ПОДАТНОЙ РЕФОРМЕ Хосроя Анушервана

Н. В. Пигулевская

В конце V и начале VI вв. разорение эксплуатируемых классов и даже средних землевладельцев достигло в Междуречье и Иране крайней степени. Обострение социальных противоречий и классовой борьбы выразилось не только в случайных вспышках недовольства, но и в длительном и мощном движении. В византийских провинциях Междуречья можно отметить глухой ропот, волнения и даже мятежи, как мятеж в Эдессе в 505—503 гг.¹ В Иране движение эксплуатируемого населения и средних землевладельцев было возглавлено Маздаком.

Маздакистское движение было той непосредственной причиной, которая вызвала ряд изменений в государственном строе Сасанидов, в том числе военную и податную реформу при Хосрое I.

Несмотря на то, что в конечном счете восторжествовали враждебные маздакизму силы, необходимо отметить, что некоторые реформы в государственном устройстве, несомненно, были вызваны движением. В значительной степени оно подорвало положение жречества — «магов». В иранской «табели о рангах» до VI в. *mobedhan* — *mobedh* занимает первое место. После реформ Кавада и Хосроя он его теряет и его звание следует после целого ряда светских чиновников².

Положение жречества, его исключительно большое политическое влияние в государстве Сасанидов было в значительной степени поколеблено. В таком же положении оказалась и знать, те старые, мощные роды, в руках которых была фактически и государственная власть, и шах. Движение ударило по крупным родам знати, по их имущественному положению, по их традициям. В известной степени это отвечало интересам шаха, так как знатные пользовались исключи-

¹ Wright — Chronicle of Joshua the Stylite, § 93.

² Stein — Ein Capitel vom Persischen und vom Byzantinischen Staate, § 54, 55. Byzantinisch-neugriech. Jahrbücher, 1920.

тельным, тягостным для него, влиянием. Но консервативная политика Хосроя была направлена на восстановление ослабевших и обедневших знатных родов. Он стремится материально вознаградить их за их потери, оказывает поддержку обедневшим и разоренным и вновь укрепляет род.

Предпринятые меры восстанавливают, однако, не столько старую, в малой степени зависимую от шаха знать, сколько поддерживают новый опорный слой, который находится в прямой зависимости от царя Ирана. Хосрой обеспечивает материальное благосостояние этих новых людей, но требует, чтобы они «оставались при дворе», а затем дает им должности, делает их своими чиновниками. Этим путем он поддерживает новый придворный и служилый землевладельческий строй¹. Конечно, не по личному почину Хосрой стал поддерживать средних землевладельцев. Это был тот класс, который вышел фактически победителем в маздакистском движении, слой, который стал главной опорой государственной системы Сасанидов VI и начала VII вв. В конце V в. упоминаются источниками «деревенские господда». Они представляли собой средних землевладельцев, через которых непосредственно осуществлялась эксплуатация деревенского населения².

Хормизд—сын Хосроя Анушервана—стремится защитить от тех же средних землевладельцев, «декхан»³ от разорения, причинаемого армией⁴. Его политика носит более прогрессивный характер, чем политика Хосроя; она была, очевидно, вызвана все возрастающей силой среднего землевладельческого класса. Он был враждебен знати, был с ней суров и стремился завоевать симпатию «народа»⁵.

Маздакистское движение находилось в тесной связи с перегруппировкой социальных сил государства, которые ослабили жречество и знать. Правда, часть знатных родов продолжала пользоваться привилегированным положением, жречество сохранило большое политическое влияние, и обе эти группы имели в государстве исключительное значение. Но также очевидно, что осуществилась социальная перегруппировка, что движение, связанное с нею, обнажило новые слои, которые властно требовали к себе внимания. Государство стояло перед новыми задачами, которые до известной степени были поняты уже Кавадом.

В первую очередь реформа коснулась армии—«ведомства», ограблению чужого народа», по выражению Маркса⁶.

Войска Ирана преимущественно формировались из отрядов, принадлежавших знатым, благодаря чему они слабо были связаны с шахом. Хосрой стремился создать войско, непосредственно ему

¹ Tabari—Nöldeske, S. 164.

² Tabari—Nöldeske, S. 164.

³ В настоящее время термин этот имеет иное значение—крестьянина вообще.

⁴ Tabari—Nöldeske, S. 262.

⁵ Tabari—Nöldeske, S. 265, 268.

⁶ Маркс—Британские владения в Индии. Собрание сочинений, т. III, стр. 347.

личинное¹, для чего он вооружает средних землевладельцев, снабжая их оружием и конями².

Реформа управления провинциями была предпринята уже Кавадом, который увеличил число *radhghozran*'ов до четырех, с тем, чтобы гражданские дела были в их ведении, тогда как до этого они объединялись с военными делами в руках *марзбанов*³. Окончательное завершение реформа получила с введением четырех *srahbedh*'ов, которые несли военные функции. Новая система Ирана послужила примером для феминого устройства в Византии, ориентированного на федератов и военнообязанных крестьян.

Проведение военной реформы было возможно лишь в связи с податной реформой. Последняя была направлена на получение необходимых средств для пополнения казны в случаях войны. Она также служила опорой и для создания независимых от крупной родовой знати рядов, содержание которых требовало запасов хлеба и фуража.

«Ведомство по ограблению своего собственного народа», по выражению Маркса⁴, решительно требовало реформ, так как старая система не могла более удовлетворять государственным нуждам. Перестройка системы податного обложения была задумана Кавадом, но подготовительные кадастральные работы не были закончены при его жизни и были завершены в эпоху Хосроя.

Сведения относительно реформы сохранились у нескольких историков, но наиболее подробно она изложена у Табари. Необходимо, однако, иметь в виду, что и его сообщение не представляет собою первоначальной версии, а сообщаемые им сведения не являются исчерпывающими. В отдельных частях рассказа нет полной четкости, не сохранилось деталей, которые могли бы представить большой интерес.

В арабской литературе в нескольких вариантах сохранился рассказ о том, как женщина не позволила ребенку сорвать с дерева спелый плод. Кавад, который был свидетелем этого отказа, огорчился, и стал ее спрашивать о причине такой суровости в отношении плачущего ребенка. Женщина объяснила, что пока урожай не подсчитан правительственным сборщиком податей, она не имеет права срывать плоды⁵. Этот случай послужил будто бы непосредственной причиной, побудившей Кавада пересмотреть вопрос о способе взимания податей.

Анекдот характерен тем, что он возводит реформу податной системы к Каваду и дает представление о способе взимания поземельной подати в Иране. Еще Балашу (около 484 г.) пришлось обратить внимание на то, что крестьяне под тяжестью налогов, податей и повин-

¹ Stein—Ein Capitel vom Persischen und vom Byzantinischen Staate, S. 67, 69.

² Christensen—L'empire des Sasanides, p. 57.

³ Stein—Ein Capitel..., S. 66—69.

⁴ Маркс—Британские владения в Индии. Собрание сочинений, т. IX, стр. 347.

⁵ Al-Tha'alibi—Histoires des rois Persans. Ed. Zotenberg, S. 595. Tabari—Nöldecke, S. 241, Anm. 2.

ностей, разоренные и голодные, покинули насиженные места. Шах приказал наказывать тех из «деревенских господ», которые дали тем разориться крестьянам, не оказали им поддержки и вынудили оставить дом и землю¹. После грозы маздакистского движения государственная власть вынуждена была уделить внимание этим вопросам. Инициатором податной реформы источники делают Кавада. По его приказу начали производить измерение земель, качественную их оценку, с тем, чтобы составить кадастр.

До реформы подать в Иране взималась самым примитивным образом; поземельная подать выплачивалась, как часть урожая, в размере $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{6}$ ² в зависимости от плодородности данного округа. Что касается подушной подати, то она составляла некую денежную сумму. У Динавари размеры подати составляют от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{10}$ урожая, причем принималась в расчет близость участка к городу. Из этих сообщений, как и из приведенного выше легендарного рассказа, очевидно, что поземельная подать до реформы взималась натурой, как часть урожая. Замечательно, что этот способ взимания подати пережил эпоху Сасанидов и сохранился в халифате. В конце VIII в. Абу-Юсуф-Якуб в книге о хараджке «Китаб ал-харадж» подробно говорит о взимании подати, как определенной доле урожая. Такая форма у арабов была известна, как харадж мукасама³.

Реформа Кавада в первую очередь опиралась на кадастр, который дал возможность изменить систему. Относительно ее введения источники сообщают следующее.

В конце царствования Кавада приказал произвести измерение земли гор и долин с тем, чтобы определить размеры поземельной подати. До его смерти дело это не было закончено. Сын его Хосрой приказал довести эти измерения до конца, а также произвести подсчет оливковых и финиковых деревьев. Он велел также пересчитать «головы», т. е. людей, которые подлежали податному учету. Эти данные устанавливались в зависимости от этих показателей. Эта сумма была постоянной, а вносить ее требовалось трижды в год. Затем Хосрой приказал созвать людей, а писцам, исчислявшим сумму подати, огласить ее. Кто именно был приглашен Хосроем, какие слои населения были представлены в этом собрании, — не сообщается, но едва ли можно предполагать участие кого-либо, кроме крупных и знатных землевладельцев, представителей среднего землевладения и государственных чиновников. В своем обращении к присутствующим Хосрой говорит, что исчисленная сумма взимается с обработанной земли, которая растет в «гарбах», а также были учтены финиковые, масличные деревья и «головы». Подать должна выплачиваться трижды в год. Этим путем государственной казне будут даны средства, в которых она нуждается, и в случае войны не будет необходимости

¹ Табарі — Nöldecke, S. 134.

² Там же, стр. 241.

³ Кремер — Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. I. S. 276—277. Якубовский. — Иран на грани VIII—IX вв. «Труды I сессии арабов», стр. 41, Ленинград 1937.

отягощать население новым обложением. Со стороны одного из присутствующих, которых Хосрой настойчиво вызывал говорить, было высказано опасение, что естественные условия меняются, и, следовательно, сумма подати не может оставаться постоянной, так как канал может пересохнуть, источник иссякнуть, а виноградник—перестать давать плоды. Однако указание на необходимость пересматривать кадастр было встречено неодобрительно; писца, высказавшего его, постигло жестокое наказание. Некоторые персидские рукописи Табары приводят слова шаха, что кадастр будет возобновляться и пересматриваться ежегодно, и поэтому выступление писца было излишним. Однако, несомненно, что писец указал на наиболее слабую сторону новой системы. После того Хосрой избрал людей, которые должны были распределить сумму в зависимости от тех же показателей. В данном случае, очевидно, требовалось окончательно установить и распределить подать на данных округах и участках.

Поземельная подать взималась со всякого рода насаждений—пшеницы, ячменя, риса, люцерны, фиников, оливок, винограда. В зависимости от того, чем был засеян участок, производилась и расценка; с гариба земли, засеянной злаками, взимался 1 дирхем, с гариба виноградника—8 дирхемов, с гариба люцерны—7 дирхемов и т. д. Те деревья, которые не составляли группы, а росли в одиночку, и огородные овощи вовсе не облагались податью.

Население выплачивало также подушную подать, в зависимости от имущественного состояния, в размере 12, 8, 6 или 4 дирхемов. Большинство выплачивало ее по последней, низшей расценке. Знатные, жрецы, государственные чиновники, писцы и войско подушной податью не облагались.

Таковы данные, которыми можно располагать на основании источников, из которых важнейшим является Табары. Их нельзя, однако, считать особенно точными и исчерпывающими, так как многих звеньев в этом изложении нехватает, и детали отсутствуют. Так, не вполне видно, что поземельная подать взималась не только деньгами, но и натурой; между тем, из арабских же источников, которые считают, что система халифата была скопирована с сасанидской податной системы, совершенно очевидно, что поземельная подать вносилась и натурой, и деньгами. В самом рассказе Табары на это имеются косвенные указания. Так, повторно перечисляются растения, подлежащие обложению, причем их разнообразие заставляет думать, что государство было заинтересовано в получении натурой каждого из тех видов, которыми были засеяны поля. Источники единогласно утверждают, что податная система арабов была скопирована с порядков, господствовавших в Иране, и едва ли верно, что она отличалась будто бы дополнительным взиманием пшеницы натурой специально для войска¹. Другие арабские источники отчетливо говорят о том, что поземельная подать взималась при Сасанидах в смешанном виде—натурой и деньгами. Для примера можно указать провинцию Savadh. С области вносилась определенная

¹ Tabari—Nöldecke, S. 246—247.

сумма и некое количество продуктов, как об этом сообщает Ibn Khordadbe¹. Для этой цели в двенадцати различных пунктах провинции находились государственные амбары или магазины (bajad) в которые свозилась и сдавалась натуральная повинность. В данном случае это харадж в форме мисаха, который взимался с округов измеренных и занесенных в кадастровые книги. Это была система, которая была введена при Каваде и Хосрое и надолго пережила господство и самого Ирана. В связи с тем, что кадастр, очевидно, не пересматривался или если и пересматривался, то весьма редко, вопреки возражениям, сделанным Хосрою писцом, в этой форме подать была тягостна населению. Возвращение к хараджу мисасама, т. е. к взиманию подати в зависимости от урожая, представляло в некотором отношении облегчение (при Мансуре, втором из Аббасидов)². Таким образом, можно считать вероятным, что поземельная подать в Иране после реформы Хосроя взималась с измеренных земель и натурой, и деньгами. Возможно, что не все области Ирана были переведены на такую форму податного режима, и в отдельных округах могла сохраниться старая система (харадж мукасам) к которой вновь вернулся в части своей халифат.

Государственное устройство Ирана было таково, что существовать без натуральных поступлений оно не могло. Что касается Хосроя, то главной задачей его времени было создание независимой от мощной родовой знати армии. Войско, которое находилось в непосредственной зависимости от таханшаха и было бы боеспособно, в первую очередь нуждалось в обеспечении продуктами и фуражем. Подать натурой для этой цели была необходима.

О податной системе Ирана имеется также свидетельство Вавилонского талмуда. Последний указывает на два вида подати — *taska* и *karaga*. *Taska* определяется, как поземельная подать, что касается *karaga*, то это подушная подать; поскольку она взимается с человека с души, она «лежит на муже» как говорит талмуд³. *Taska*, или *taska*, представляет собою испорченное греческое τάξις⁴. Греческий термин в применении к поземельной подати у евреев говорит о связи ее с методами, применявшимися в Византии. Возможно и другое. Если на иранской почве способ взимания подати создан под влиянием византийских традиций и этим путем уже проник в среду еврейских живших в Иране. Таким путем термин *taska* делается вполне понятным, и так как заимствование Ираном византийских форм податного обложения, несомненно, имело место, то применение его к поземельной подати объясняется легко. Слово *karaga* обозначает подушную подать, которая взималась со всего населения за немалыми исключениями, как это было указано выше. Впоследствии

¹ Ibn Khordadbe—писатель IX в. Encyclopedie des Islam. 24 Lief. S. 422.

² K r e m e r—Kulturgeschichte des Orients unter den Chalifen. I, S. 27—277, Wien, 1875.

³ Baba Bathra, III, 3. Der Babylonische Talmud, herausgegeben von L. Goldschmidt, S. 1086, Leipzig.

⁴ K r e m e r—Kulturgeschichte..., I, S. 276.

в арабском языке этот термин получил иное значение, но в V и VI вв. он, несомненно, имел то значение, которое ему дано в талмуде. В этом источнике терминология, имевшая применение в Иране, еще не затмевлена последующим арабским влиянием.

Даже те неполные данные о податной реформе Хосроя, которыми можно располагать, роднят ее с системой обложения, действовавшей в Византии. Сравнительным изучением систем Ирана и Византии это подтверждается полностью. В Иране был произведен обмер обработанных земель и подсчет деревьев для составления кадастра. Для Византии можно указать на статью сирийского Законника, трагующую вопрос об обложении. Законник представляет собою законодательный памятник римско-византийского права, составленный в последней четверти V в. на сирийском языке. Он был широко распространен на всем Ближнем Востоке, на что указывают его многочисленные рукописи и переводы на арабский и армянский языки. Статья Законника, которая приводится ниже, не сохранилась ни в одном из греческих законодательных сводов. Ввиду отсутствия русского перевода этого важного источника с сирийского даем его здесь полностью.

Эта статья сохранилась, совпадая почти дословно, в двух списках Законника—в Лондонском § 121¹ и списке R II, § 151²; привожу ее в переводе с сирийского. В основном следую тексту R II, который несколько лучше сохранился, из Лондонского списка делаю необходимые дополнения:

«Также измерили императоры ромейские в своих законах земли по мере тростника. 100 тростников равны одному плетру (πλέθρο), югон (ισβύρον, iugum) же переводится тягло. В дни Диоклетяна императора были измерены земли. Установлено: 5 югеров, которые составляют 10 плетров виноградника, считаются как один югон. 20 югеров посевной земли, которые составляют 40 плетров, дают аннону одного тягла. 225 первосортных олив³ дают аннону одного тягла. 450 стволов второго сорта дают аннону одного тягла. Такие и относительно земли. Земля, которая плоха и отнесена ко второму сорту, то 40 югеров, которые составляют 80 плетров, дают одно тягло, если же она записана, как третий сорт, то 60 югеров, которые составляют 120 плетров, дают аннону одного тягла. Горы же записываются так: во время записи (кадастра) люди, которые имели власть от государства, признали горных мужей, крестьян другой области, и по их усмотрению записали, сколько модиев пшеницы или ячменя дает (земля) в горах⁴. Также записали они землю, которая не засеивается, пастбища для овец⁵, которые дают подать—ευντέλεια—для

¹ Syrisch-Römisches Rechtsbuch. Ed. Bruns u. Sachau, S. 33.

² Syrische Rechtsbücher. Ed. Sachau, S. 136.

³ По Лондонскому списку, в R II это место испорчено.

⁴ По Лондонскому списку: «Горы записаны следующим образом: во время записи люди, которым дана власть от государства, призывают других людей, горных крестьян из других мест, и по их усмотрению записывают, какое пространство на горе охватывает (= дает) модий пшеницы или ячменя».

⁵ По Лондонскому списку «пастбища скоту».

казны. И есть селения, которые дают за пастбища в казнохранилище за весь год один динарий, другие—два, третьи—три и больше. Эту подать с пастбищ берут ромен в месяце нисане (апрель) для своих лошадей и покупают пищу своему скоту».

Законник говорит, что «земли были измерены в дни императора Диоклетиана» и, следовательно, утвержден кадастр. Латинский термин *iugum*, имеющий смысл податной единицы, транскрибирован в Законнике с греческого, как *ἰβύσιν*. В списке R II дан перевод на сирийский язык слова югоц, как *иго*, тягло. Смысл постановления заключается в том, что земля разделяется по своим качествам на 1-й, 2-й и 3-й разряд, соответственно чему определяется размер податного тягла, с которого должна поступать аннона.

Iugum есть тягло, с которого подать составляет определенную и постоянную сумму (в деньгах или продукции), но тягло само по себе может охватывать большее или меньшее количество земли в зависимости от ее качества.

Таким образом:

посевная земля 1-го сорта	в 20 югеров	= 40 плетр.	= 50 400 кв. м
»	» 2-го	» в 40	» = 80 » = 100 800 »
»	» 3-го	» в 60	» = 120 » = 151 200 »

дают каждая аннону одного тягла¹. Следовательно, самая подать, включающая денежные и натуральные отчисления, неизменна, но взимается она в этом размере с большего или меньшего количества земли, в зависимости от ее качества. Такие же подразделения существуют и для оливковых деревьев; 225 стволов старых оливок дают аннону одного тягла, тогда как растущие на горе оливок эту же аннону отчисляют с 450 стволов. Занятая под виноградниками земля в размере 12 600 кв. м = 5 югерам = 10 плетрам составляет одну податную единицу, с которой взимается аннона одного тягла. Принципы обложения, принятые в византийской системе, изложенной в сирийском Законнике, и положенные в основу реформы Кавада—Хосроя, — одни и те же. Обмер земель и кадастровая запись имеют место в обоих случаях, причем источник Табари, как и приведенная статья Законника, говорит, что обмер был произведен в долинах и горных частях; обложению подлежали как посевная площадь, так и оливковые деревья и виноградники. Как и в Законнике, обложению подлежали лишь те деревья, которые росли грушами, составляя рощи. Одним из принципов римско-византийской системы, зафиксированной в приведенной статье, является оценка по качеству земли, в зависимости от чего большее или меньшее ее пространство должно было давать аннону одного тягла. В этом смысле надо понимать упоминаемые о различных сортах или классах в определении поземельной подати при Хосрое². Арабский источник имеет в виду качество земли

¹ P a u l y — W i s s o w a — Realencyclopedie IX, 2, col. 2507 и сл. M o n t s e n — Syrisches Provinzialrecht und Römisches Reichskataster, S. 429—430. Hermes, V. III.

² T a b a r i — N ö l d e c k e, p. 243. Дополненное в скобках переводчиком (von Feldfrüchten) следует опустить, как затемняющее смысл.

ее плодородность или урожайность данного участка, которую надо учесть, чтобы подать была правильно таксирована; иначе говоря, и здесь устанавливалась та качественная расценка, которая известна в византийском законодательстве.

Внесение поземельной подати сирийский Законник представляет, как отчисление анноны, под которой разумеется внесение подати натурой. Для ее хранения в азиатских провинциях Византии сирийские хроники упоминают специальные амбары, хранилища, которые они называют *'απὸθετον*, транскрибируя греческий термин¹. В Иране поземельная подать частью также взималась натурой, причем продукты свозились в соответствующие магазины или амбары (позднейшее арабское *bajadir*).

Одновременно с подсчетом земель для составления кадастра при Хосрое производили и учет населения—«голов», как выражается источник². Целью этого учета было взимание подушной подати, на которую указывают как арабские писатели, так и талмуд, который называет ее *kaḡaga*³. Тот же сирийский Законник упоминает подушную подать, которую взимали в Византии, как *kesef ḡisa* (буквально серебро головы)⁴. Не вдаваясь здесь в анализ чрезвычайно сложного вопроса об особенностях подушной системы Византии в V и VI вв., которому уделено место в моем исследовании о византийских провинциях Междуречья⁵, укажу на то, что подушная подать там не переставала существовать. В некоторых областях она взималась в форме комбинированной тягло-подушной, которая получила в греческом и специальный термин, объединявший оба понятия, *iudokefalon*. В других провинциях подушная подать осталась особой податью⁶. Таким образом, и в этом случае следует отметить общее в системе податного обложения Византии и Ирана, в которых как поземельная, так и подушная подать существовали одновременно.

В качестве одного из пунктов реформы Хосроя фигурирует требование о внесении подати трижды в год; очевидно, это было нововведением. Нет сомнения, что это было заимствовано из порядков, господствовавших в Византии. Там подать и все поступления фиска отчислялись трижды в год, как это было установлено еще в римскую эпоху. Ко второй половине IV в. относится закон, предписывающий владельцам отчислять натуральную повинность трижды в год—a *possessoribus per tres vices petatur annona*⁷. К концу V в., к 496 г., относится закон Анастасия, гласящий: «Трижды вносятся все поступления фиска... в календы января, в календы мая и в конце года»⁸.

¹ W r i g h t — Chronicle of Joshua the Stylite, § 81.

² T a b a r i — N ö l d e c k e, S. 242, 243.

³ B a b a B a t h r a, III, 3, Ed. Goldschmidt. S. 1086.

⁴ S y r i s c h - R ö m i s c h e s R e c h t s b u c h. Ed. Bruns u. Sachau.

⁵ Хроника Ишо Стилита, как источник изучения византийских провинций Месопотамии.

⁶ L o t F. — L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-empire et à l'époque franque, p. 40—50, Paris 1928.

⁷ Codex Theodosianus, XII, 6, 15, 18.

⁸ Codex Justinianus, X, 16, 13.

Поскольку в этом случае за Византией остается приоритет, ясно, что это нововведение Хосроя было заимствовано отсюда.

Можно указать на общее в способах измерения, которые применялись в пределах этих держав. Как в Византии, так и в Иране исчислялись в измерениях от меры локтя. В Иране локоть равнялся 444 мм, каким он был принят и в римском, а затем в византийском государстве. Гариб, который был принят в качестве единицы измерения при Каваде и Хосрое, составлял 3600 кв. локтей. Трость (*ḫatva*), которая упомянута, как мера, в статье сирийского Законника, содержит 8 локтей. Таким образом, и в этом отношении данные Законника могли быть без особых затруднений перенесены на иранскую почву, хотя локоть, как единица длины, не был заимствован из Византии. Замечательно, что гариб претерпел некую эволюцию, прежде чем стал пространственной мерой. Первоначально гариб представлял себе меру сыпучих тел, которой можно было осеменить известное пространство земли; впоследствии и сама площадь, которая могла быть осемена одним гарибом, получила то же название и стала мерой для измерения земли¹. Совершенно такой же путь претерпела и византийская мера модий (= 40 литрам), которая равнялась 345 бу, ситококам жита, а впоследствии стала в такой же связи, как гариб в Иране, пространственной единицей². В этом случае мы имеем одну и ту же эволюцию меры сыпучих тел в меру площади.

Таким образом, можно указать на ряд черт, которые роднят действовавшее в Византии в V и VI вв. законодательство с реформами Хосроя. Задуманная еще Кавадом новая система податного обложения была в основе своей заимствованной. Да и где мог почерпнуть Кавад материал для реформы, которая была вызвана маздакистским движением и перегруппировкой классовых сил в государстве? Он, несомненно, позаимствовал многое из византийского права, с которым он мог ознакомиться не только во время своего пребывания в пределах Византии, но и иным путем. Если римско-византийское законодательство на латинском и греческом языках было в слабой степени доступно Ирану, то этого отнюдь нельзя сказать о сирийском. Как при Каваде, так и при Хосрое общение с сирийцами было самым тесным. Закрытая императором Зеноном в 489 г. в Эдессе «школа персов» расцвела, как сирийская академия, в Низбии с исключительным блеском. Об этом говорит и такой замечательный памятник, как Статуты Низбийской академии и трактат Бархадбешабы об основании школ, и широкая литературная деятельность членов академии.

Роль отдельных сирийских деятелей не ограничивалась одной литературой; они, несомненно, играли и политическую роль. Значение сирийского языка, как культурного, дипломатического было велико, и сирийские книги на территории Ирана не были ред-

¹ Tabari—Nöldeske, S. 242, Anm. 2.

² Ф. И. Успенский—Византийские землемеры, стр. 289, 293. «Труды VI Археологического съезда в Одессе», Одесса 1888.

³ Крымский—История Сасанидов и завоевание Ирана арабами, стр. 77. Москва, 1905.

крестью; поэтому и знакомство с сирийским Законником в среде, близкой двору Сасанидов, не удивительно. Статья сирийского Законника о подушном обложении, несомненно, была известна иранским законодателям, вводившим новую систему. Несомненно, ими были использованы и устные сообщения, и сведения о византийской практике.

Наконец *taxis—taska* Вавилонского талмуда указывает на греческие традиции, которые были усвоены в Иране. Новая податная система в целом, в сочетании ее видов—подушной и поземельной подати, кадастр и качественная оценка земли, как основы поземельной подати, взносы ее трижды в год—все носит след заимствования из действующей византийской системы.

Изменение податной системы в Иране связано с другой, проведенной при Хосрое реформой, которая изменяла административное и военное устройство государства. Реорганизация должностей, новые функции *srahbedh'ā* и *marzban'ā* в основе своей были связаны со стремлением создать войско, сердцевинной которого были бы средние землевладельцы и независимое крестьянство. Через три четверти столетия Византия, стремясь к той же цели—иметь опору в войске из военнообязанных крестьян, варваров-федератов и средних землевладельцев, нашла образец административной формы в Иране и по этому образцу создала свое феодное устройство¹.

Таким образом, взаимоотношения между Ираном и Византией выразились не только в военных походах, войнах, случайном обмене посольствами; они шли глубже, касались знакомства и усвоения форм государственного управления, заимствований и влияний. Если образец податного обложения сасанидский Иран напел в системе Византии, то Византия, в свою очередь, позаимствовала у Ирана свое феодное устройство. Ни в том, ни в другом случае нельзя говорить о слепом подражании, а лишь о применении норм или форм, которые были уже известны.

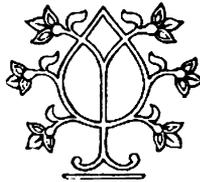
Сама по себе реформа податного обложения в Иране была вызвана необходимостью, давлением новых сил в государстве, проявивших себя в маздакнстском движении. Родовые связи, которыми держались мощные группы знати, ослабели, значение жречества было поколеблено, попытки выправить жизнь надломленного государства удалось слабо. Правда, податная система Сасанидов была сохранена халифатом и военно-административное устройство было заимствовано с успехом Византией, но сам Иран склонился под ураганом, налетевшим из аравийских пустынь.

¹ Stein—Ein Capitel vom Persischen und vom Byzant. Staate, S. 82.

R É S U M É

Le mouvement mazdakite avait détruit la richesse et brisé la prédominance de certaines familles puissantes. Le pouvoir du clergé et de la noblesse n'avait pas été supprimé quand le mazdakisme fut écrasé, mais il fut ébranlé et les propriétaires fonciers moyens en profitèrent. C'est sur cette dernière couche sociale que s'orienta la réforme administrative et militaire. Entreprise par Kawadh, la réforme du système des impôts fut achevée par Khosroc. Pour introduire l'impôt de capitation on avait ordonné de compter les têtes; en même temps on procédait au recensement des terres, on définissait leur valeur, on recensait les arbres fruitiers et les vignes pour asséoir l'impôt foncier. Le cadastre établi l'impôt devait être versé par trimestre. Ce nouveau système ressemblait au système depuis longtemps adopté par Byzance. La réforme était inspirée non seulement par la pratique de l'état voisin, mais par une source littéraire, par un chapitre du «Livre des lois» syriaque, fort répandu. Ce chapitre sur l'impôt foncier du code syriaque avait dû servir de modèle au nouveau système iranien. Cette forme d'impôt empruntée à la législation byzanto-syriaque par l'intermédiaire des iraniens fut adoptée ultérieurement par les arabes et survécut de beaucoup de siècles à l'empire des Sasanides.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. И. Мещанинов—Язык ванской клинописи

Халдоведение — наука сравнительно новая. Основана эта наука не на нашей территории и не нашими учеными, тем не менее имеется много оснований для того, чтобы превратить ее в «отечественную» науку.

I. Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что халдский язык не принадлежит ни к семитической, ни к индоевропейской группе языков. Теперь едва ли кто-либо сомневается в правильности взгляда, высказанного еще основателями этой науки С е й с о м и Л е н о р м а н о м о родстве этого языка с каппадокийскими языками и, в частности, с грузинским языком.

II. Наши ученые—П и к о л ь с к и й, М а р р, М е щ а н и н о в, О р б е й и—принимали живое и деятельное участие в развитии этой науки не только в форме искания и собирания халдских эпиграфических материалов, но и в раскопке и изучении этих материалов. Особенно крупные заслуги принадлежат изучению этих материалов академику И. И. Мещанинову.

III. Советское Закавказье в очень значительной степени является районом распространения халдских надписей. Нужно полагать, что Закавказские и их исследователи, всегда чутко относящиеся к указаниям правительства, помнят призыв товарищей Сталина, Кирова, Жданова об изучении истории народов и, в конце концов, возьмут в свои руки судьбы этой молодой и многообещающей науки.

IV. Европейские ученые, в руках которых до сих пор находились судьбы этой науки, допускали и допускают две роковые ошибки:

а) они изучали и изучают халдский язык вне всякой связи с родственными италийскими языками;

б) они обычно изучают эпиграфический материал, вне всякой связи с другими материалами археологического, исторического и этнографического характера.

Без устранения этих роковых ошибок едва ли можно поставить новую науку на солидную основу.

Халдоведение до сегодняшнего дня занято, главным образом, изучением надземных и преимущественно эпиграфических материалов. Но мы спрашиваем: разве блестящие успехи ассириологии, египтологии, хеттологии основаны на изучении надземных материалов? Разве наши познания о крито-микенской культуре имеют в какой-либо степени основаны на изучении эпиграфических материалов?

Халдоведение до сих пор ни в какой степени на археологический материал не опирается, так как, за исключением весьма поверхностных раскопок в Топракале, никто никаких халдоведческих раскопок не производил.

Акад. Мещанинов—крупный советский халдовед—не только свободен от вышеуказанных ошибок, но сам является неустанным глашатаям необхо-

димости их устранения. Акад. Мещанинов вновь и вновь ставит вопрос: «Можно ли продолжать изучение халдского языка в старой изоляции и не следует ли решительно перейти на рассмотрение его в непосредственной связи со структурой языков того же стадиального окружения?» На этот вопрос он отвечает так: «Если язык Вана относится к числу кавказских яфетических, то без учета структурных норм последних халдский язык никогда не будет понят. С другой стороны, именно в яфетических языках Кавказа мы находимся перед поразительными аналогиями, обойтись без которых халдоведение не может. Его основной своей целью оно ставит всестороннее освещение речи письменных памятников народа—предшественника государственных образований Закавказья». Наиболее поразительной аналогией между халдским и, скажем, мергельским языком (а также и другими кавказскими языками) является так наз. пассивная конструкция речи. Ф р. Г о м м е л ь как-то говорил, что душа языка пужно не в его этимологии, а в синтаксисе, т. е. не в словообразовании, а в структуре речи. Если это так, а это без сомнения так, то душа халдского языка очень и очень напоминает душу кавказских языков и, в частности, лазо-мергельского языка.

Книга акад. Мещанинова является блестящей иллюстрацией преимуществ рекомендуемого им сравнительного метода. Воздавая должное заслугам крупнейших халдоведов, как С е й с, М е м а н - Г а у н т, Г е т ц е и особенно И. Ф р и д р и х, он в то же самое время показывает, что эти ученые, несмотря на свою обширную подготовку, прекрасное знание предмета и остроумно спотыкаются на самых простых вещах вследствие того, что не могут или не хотят пользоваться сравнительным методом. Так, например, Фридрих не понял необходимости «разграничения пассивно построенных фраз с переходным глаголом от активного строя фраз с непереходным» (глаголом).

Далее, Фридрих полагает, что пассивная конструкция проникает весь языковой строй халдского. «Он не уловил вследствие этого наличия в языке халдов противоречия пассивности с активностью».

Следующий крупный корректив, предлагаемый акад. Мещаниновым, касается существования резко различающихся оформлений одного и того же глагола в совершенно аналогичных контекстах. Объясняется это обстоятельство наличием двух халдских языков; одного—кульгово-официального языка царства и вешаний стереотипного содержания, и другого—живого народного языка.

Акад. Мещанинов—один из крупнейших халдоведов современности, пожалуй крупнейший, конечно, в СССР. В отличие от многих других халдоведов он изучает не только языковой, но исторический и археологический материал. Мы уже указывали, что без такого изучения нельзя поставить халдоведение на солидную ногу. Нам кажется, что наступило время подвести под новую науку более прочную базу. Это возможно только путем производства раскопок. Мы твердо убеждены, что на советской территории под руководством таких ученых, как акад. Мещанинов, они дадут такие же разительные результаты, какие дали раскопки в других Переднеазиатских странах.

А. С. Сванидзе

Theodore Cressy Skeat—The Dorians in Archæology

London. De la More Press. 1934. 68 p.

Вопрос о дорийском переселении является одним из наиболее сложных и трудных вопросов в области изучения ранней истории Греции. За последнее время на Западе, особенно в Англии, наблюдается оживление интереса к этому вопросу. Этот интерес вызван ближайшим образом новыми археологическими исследованиями в Северной Греции, в Македонии и Фессалии, проводимыми в течение ряда лет преимущественно Британской школой в Афинах. В связи с этими археологическими работами появились, например, следующие исследования:

St. Casson—The Dorian invasion reviwed in the light of one new evidence. «The Antiquaries Journal», 1921, № 3, p. 199.

W. A. Hurlley—A prehistoric site in Western Macedonia and the Dorian invasion. «Annual of British school at Athens», № XXVIII, Session 1926—1927, p. 158.

N. G. L. Hammond—Prehistoric Epirus and the Dorian invasion. «Annual of the British School at Athens», № XXXII, Session 1931—1932, p. 131.

В этих работах авторы пытаются увязать данные археологические с данными античной традиции, найти подтверждение античной традиции в археологическом материале. Но так как предание о дорийском переселении охватывает в большинстве случаев по-разному, то и использование археологических материалов проводится в различных направлениях. Расхождения особенно сильно сказываются в установлении исходного пункта дорийского переселения. Одни выводят дорийцев из Северной Греции, из Эпира, другие— из Дунайских областей, из Гальсатта, а некоторые даже из Германии. Последние идеи особенно сильно выступают в фашистских работах, развивающих расовые теории и устанавливающих происхождение греков из Германии. Так, например, Гюнтер в своей книге— «Vasengeschichte des hellenischen und des römischen Volkes», München, 1929, считает дорийцев наиболее чистой северной расой, принесшей новую культуру.

Вторым моментом, вызвавшим интерес к проблеме дорийского переселения, является новое отношение к античной традиции, к античному преданию, которое замечается в последнее время на Западе.

Как известно, в конце XIX и в начале XX в. чрезвычайно сильно было критическое отношение к античной традиции, переходившее в необоснованный гиперкритицизм. Наиболее ярким представителем гиперкритического отношения к античной традиции о дорийском переселении является Белох, который считал традицию вымышленной, не имеющей никакого отношения к исторической действительности, созданной лишь для того, чтобы объяснить отсутствие дорийцев в гомеровском эпосе и наличие их в исторической Греции. Ошибкой Белоха было то, что он не отделил генеалогического мифа о возвращении Гераклидов, устанавливающего божественное происхождение родов басилеев, от предания о дорийском походе и рассматривал предание отвлеченно, не учитывая того, что «минувшая действительность,—как говорил Маркс,—оказывается отраженной в фантастических творениях мифологии».

После работ Белоха долгое время не появилось специальных исследований, посвященных проблеме дорийского переселения.

Но за последние годы в научной литературе наблюдается большее внимание к античному преданию, в нем начинают искать отражения некоторых исторических моментов. Помимо вышеназванных работ, в которых предание рассматривается, как отражающее историческую действительность, можно еще назвать, например, работу: G. Vitális—Die Entwicklung der Sage von der Rückkehr d. Herakliden. Inaugural-Dissertation. Greißwald 1930, где автор, придавая большое значение политическим моментам в создании легенды, все же считает ряд элементов легенды отражением исторических событий. Еще в большей степени в историческом плане рассматривает предание о дорийском походе F. Milt-

и ег в статье «Die dorische Wanderung», «Klio» 1934, конструируя, правда, маршрут следования дорийцев своеобразно и вопреки традиции—из Эпира на Крит и оттуда уже в Пелопоннес.

Интерес к вопросу о дорийском переселении возникает также в связи с постановкой общих вопросов о том, кто были греки, когда сформировался греческий народ или нация, как их часто неправильно называют, каково было взаимодействие местного населения к пришлым племенам, народам, «нациям» и даже «этносам». К исследованиям этого направления относятся, например, работа J a r d — La formation du peuple grec, Paris, 1923, и весьма объемистая работа L. M u r e s—Who were the Greeks? California, 1930.

В этих работах выдвигаются проблемы формирования греческого народа, образование его из первоначального множества племен и народов в противуположность о появлении греческого народа из далекой прародинцы в виде сформировавшегося уже, как цельный народ, массива.

Рецензируемая мною работа Skeat'a как раз выдвигает выше отмеченные моменты в области изучения раннего периода истории Греции.

Skeat сам участвовал в раскопках в Македонии и в Фессалии, которые вел он под руководством H e r t l e y, он пытается найти подтверждение археологическим данным в античной традиции, он признает историчность античной традиции и, наконец он ставит вопрос: кто были греки?

Работа Skeat'a делится на две части: 1) археологические свидетельства, 2) традиции.

В первой части основным вопросом, который ставит себе автор, является вопрос о том, какую керамику принесли с собой дорийцы.

Этот вопрос был поставлен еще в 70-х годах прошлого столетия С o n t o n, который развивал то положение, что геометрический стиль был принесен в Грецию дорийцами. Многими учеными это положение было принято и развито, и сравнительно немногие отвергли его; среди последних следует назвать Э. Д. Мейера, который считал геометрический стиль только новым художественным стилем, но не новым импортным изобретением.

Так как в настоящее время, благодаря новейшим исследованиям в области истории керамики, внесены большие уточнения в периодизацию стилей керамики и введены такие новые подразделения, как суб-микенский период, прото-геометрический, предшествующие собственно геометрическому периоду, начиная с IX в., Skeat пытается приписать дорийцам не геометрический стиль, который развивается позже обычной даты переселения дорийцев, а прото-геометрический, датированный XI—X вв.

С этим основным положением Skeat'a не соглашается W. K r a i k e r, написавший обстоятельную рецензию на его работу в «Gnomon» 11 Bd., Heft 1, 1935, S. 644.

В первой части Skeat дает обзор керамики конца бронзового века и начала железного века в различных областях Греции. Он начинает с Македонии, устанавливает наличие микенского периода, который представлен импортом микенской керамикой, датированной, начиная с XIV в., и местной, которая отличается микенской. Препращение микенского стиля Skeat объясняет вторжением варваров с севера, которые уничтожили микенскую культуру.

После микенского периода Skeat констатирует следующие типы керамики: 1) черная, сделанная от руки, дунайского происхождения, 2) местная, нераскрашенная 3) раскрашенная—с орнаментом, состоящим из концентрических кругов; последние, по его мнению является родоначальницей прото-геометрического стиля. О ее происхождении имеются разные теории. Теорию дунайского происхождения Skeat отвергает, так как он считает, что в Македонии не встречается в большом количестве типично дунайской керамики, так наз. Buckelkeramik. Отвергает Skeat и теорию южного, микенского происхождения этой керамики, так как стоит на точке зрения полного уничтожения микенского стиля в Македонии.

Skeat считает, что эта керамика—местного македонского происхождения. Эта точка зрения интересна уже потому, что она не выводит прото-геометрический стиль из далеких северных областей, а ограничивается Македонией.

В следующих главах Skeat пытается показать, что керамика с концентрическими кругами, которая и является прото-геометрической керамикой, распространи-

ветает из Македонии на юг вместе с различными переселенческими волнами, среди которых главное место он уделяет дорийцам. В Фессалии Skeat устанавливает новую серию, как он неправильно называет, расовых движений (правильнее называть их племенными движениями), которые достигли кульминационной точки в дорийском переселении.

В Фессалии происходило, по мнению Skeat'a, взаимодействие различных влияний—как северных, так и южных. Южные влияния, по его мнению, постепенно исчезают, причем одновременно происходит опустошение поселений бронзового века. Северные же македонские влияния остаются в Фессалии весьма сильными, даже керамика железного века сходна с македонской. Македонские влияния Skeat прослеживает и в области бронзовых изделий, например бронзовые подвески, очковые фибулы дают, по его мнению, аналогии с македонскими изделиями.

В Центральной Греции, например в Орхоменидах, северные элементы, по мнению Skeat'a, оказываются слабее, южные же—сильнее. Здесь намечается слияние северных и южных элементов, вследствие чего стиль концентрических кругов несколько модифицируется. Движение народов в Беотию из Фессалии автор рассматривает не как движение разрушителей, но как движение народов, воспринявших элементы культуры от прежнего местного населения. В Атике Skeat констатирует внезапное преобразование позднеминойского стиля керамики в то время же внезапное появление прото-геометрического стиля.

На юге, в Микенах, по мнению Skeat'a, конец суб-микенского поселения связан с полным опустошением микенских поселений. В Спарте первым керамическим стилем является прото-геометрический стиль. Микенские поселения в Лаконике несут явные следы разрушения и пожаров, например поселение в Менайоне, в самой Спарте отсутствие микенских находок (находки в 1927 г. мелких фрагментов керамики, сходной с микенской, Skeat не считает микенскими) и основание поселения на новом месте Skeat рассматривает, как доказательство появления новых племен—дорийцев, принесших новую керамику. Но Kraiker в своей вышеназванной рецензии отмечает, что керамика, найденная на месте храма Артемиды Орфии, не является типично прото-геометрической, но по форме относится к суб-микенской керамике, по орнаменту же является прото-геометрической. Это замечание весьма существенно, так как показывает нам, что Skeat, уделяя главное внимание орнаменту, забывает все другие существенные моменты, важные при решении вопроса о появлении нового стиля, например форму сосудов и особенно материал.

Таким образом, Skeat устанавливает северное македонское происхождение прото-геометрического стиля.

Касается несколько Skeat и вопроса о железе, появлении которого Греция, по мнению многих ученых, обязана дорийцам. Skeat считает, что появление железа совпадает с появлением прото-геометрического стиля, но сам же он указывает на исключения, на появление железа в более раннее время, например в Фессалии. Эти исключения можно было бы дополнить находками железных изделий в Мулиана на Крите, на острове Кефалении, в Беотии, в Амиклах и др.¹

Между прочим, на Крите, Кефалении и в других местах прослеживается также, вопреки построениям Skeat'a, непрерывное развитие керамики от суб-микенского стиля к геометрическому.

Во второй части Skeat переходит к рассмотрению аитичной традиции и прежде всего ставит вопрос о связи Македонии с Грецией, обнаруживая эту связь на археологическом материале.

Смутное воспоминание о внезапном вторжении народов в Македонию, произошедшем конце микенскому господству, он видит в свидетельстве Геродота (VII, 29) о вторжении мисян и тевкров. Геродот говорит, что еще до Троянской войны эти племена переправились через Босфор, следовательно из Малой Азии, поплыли Фракию спустились до Ионийского моря и дошли до реки Пенея. Ставя вопрос о происхождении мисян и тевкров, Skeat, вопреки традиции, хочет их вывести из Дунайских областей, намечая их путь по двум направлениям: 1) в Македонию и Северный Эпир, 2) через Фракию и Босфор в Азию.

¹ В. И. Богасевский—Эгиделья проблема металлургии в Восточном Средиземном море во II тысячелетии до н. э. «История техники», вып. V, Москва 1936, стр. 198.

Это не совпадает с Геродотом; и вот, Skeat, в интересах своей теории, утверждает, что у Геродота мы имеем перевернутую легенду. Тевкров Skeat также пытается вывести из Дунайских областей, вопреки свидетельству Геродота (V, 4), который указывает на тронисское их происхождение.

Таким образом, хотя Skeat старается в традиции найти историческое зерно, но он слишком свободно обращается с нею и даже искажает ее в угоду своим построениям. Skeat, отдавая дань теориям о дунайских связях с Грецией, отодвигает их на второй план, оставляя за дунайскими племенами роль толкачей; он утверждает, что вторжение дунайских племен мало отразилось на Македонии, потому что в Македонии сильны были местные элементы, которые в свою очередь оказали сильное влияние на Южную Грецию.

В Северо-восточной Фессалии внезапно появляется македонская керамика, свидетельствующая о приходе новых пришельцев, бежавших из союзных поселений долины Аксия; часть дунайских завоевателей, по мнению Skeat'a, сопровождала их, как об этом свидетельствуют очковые фибулы и небольшое количество черепков дунайского типа, найденные в Фессалии, но в основном новая культура была македонской.

Пришедшие македонцы вошли в контакт с местным населением, о чем свидетельствуют, по мнению Skeat'a, создание эолийского диалекта, местные топонимические названия и особый тип керамики с матовым рисунком. Но в античной традиции об этом проникновении македонцев в Фессалию не сохранилось определенных данных.

Предание говорит только о вторжении в Фессалию феспротов из Северного Эпира. Это движение феспротов, по мнению Skeat'a, было вызвано движением мисий и тевкров, которое толкнуло в свою очередь македонские племена в Восточную Фессалию, а фессалийцев — в Западную, отчего произошло несоборное передвижение фессалийского населения, например в Беотию, о чем говорит Фукидид (I, 12).

Приход же эолийцев в Беотию, говорит Skeat, отразился в неожиданном появлении нового типа керамики, непосредственное происхождение которой может быть выведено из Фессалии, куда она в свою очередь проникла из Македонии.

Движение дорийцев Skeat непосредственно выводит из горной области в районе Пинда (ю. з. Фессалии), отсюда, как он говорит, появилось маленькое племя горных людей, удел которых был получить гегемонию над Грецией. Здесь следует свидетельству Геродота (I, 56) и др.¹, которые говорят, что Гестиотиды прежде назывались Доридами.

Подробно останавливается Skeat на вопросе о переходе дорийцев в Среднюю Грецию, в Дориду, и высказывает предположение, что дорийцы изгнали из Дориды племя дрионов, хотя, как он сам говорит, об этом непосредственно не упоминает ни один источник. В конце книги Skeat приводит основные источники, иллюстрирующие конфликт между дорийцами и дрионами в Центральной Греции.

Таким образом, Дорида, по мнению Skeat'a, — место стоянки дорийцев, которые раньше, в конце XII в., были в Фессалии, откуда их движение было вызвано теми же событиями, что и движение эолийцев из Фессалии, а именно — вторжением фессалийцев в Эпир.

В дальнейшем дорийцы, по мнению Skeat'a, проникают в Пелопоннес и уничтожают микенскую культуру, но об этом он говорит только вскользь.

Весь Балканский полуостров приходит в движение, причем период максимального движения племен относится к концу XII в.

Первый удар нанесли мисяе и тевкры, они привели в движение племена в Македонии и в Северном Эпире, македонцы же вместе с эпиротами потеснили фессалийцев, из Фессалии двинулись эолийцы в Среднюю Грецию и из Юго-западной Фессалии с Пинды — дорийцы, которые сначала заняли Дориду, а затем уже оттуда двинулись в Пелопоннес.

Таким образом, Skeat конструирует не единое переселение одного народа из далеких северных областей, но целую цепь прерывистых племенных движений.

¹ Andron (Strab. X, стр. 475) и др.

или которых одно племя вытесняет другое, которое в свою очередь вытесняет свое племя. Такое построение можно было бы считать более приемлемым, так как при этом происходит передвижение племен на сравнительно небольших расстояниях, в пределах Балканского полуострова. Но большим недочетом в построении Skeat'a является то, что он ограничивается только одними внешними контактами племен друг на друга, не поднимая вопроса: каковы же были внутренние причины этих передвижений?

В заключение Skeat останавливается и на наиболее сложных и спорных вопросах, которые, в сущности говоря, опровергают его теорию о том, что прото-геометрический стиль был принесен в Грецию дорийцами. Это — вопрос о его развитии в Аттике, которую традиция никак не связывает с дорийцами, и вопрос о развитии прото-геометрического стиля в Амиклах, которые, согласно преданию, были завоеваны спартанскими дорийцами только в VIII в.

Высказываясь по первому вопросу, Skeat снова прибегает к своему методу свободного обращения с традицией и, примыкая к Бузольту, высказывает предположение, что Аттика не осталась нетронутой переселенцами и что в ней развивались либо дорийцы, либо эолийцы, которые быстро ассимилировались с местным населением. Но на самом деле никаких данных для таких построений у нас не имеется.

По второму вопросу, об Амиклах, Skeat предлагает гипотезу о том, что Амиклы были подчинены дорийцам непосредственно при их вторжении в Лаконию, но вместе с тем сохранили самостоятельность, вследствие чего город принадлежал снова завоевывавшим спартанцам. Здесь, по видимому, Skeat следует за свидетельством Эфора (Strab. VIII, стр. 365), по это свидетельство возбуждает большие сомнения, многие считают его построением самого Эфора. Положения, развиваемые Skeat'ом, встретили уже возражения среди западных ученых; так, Kraiker обстоятельно, указанной выше, рецензии, признавая что прото-геометрический стиль для нечто новое эгейскому миру, отмечает, что этот стиль не всегда является одновременно с дорийцами и не только в тех местах, где действительно обосновались дорийцы.

Kraiker ставит весьма важный вопрос о возможности определить дорийцев по археологическим находкам и сам склоняется к отрицательному ответу; он приходит к тому заключению, что в Аттике, где геометрический и прото-геометрический стили получили свое наибольшее развитие, и тот и другой стили — местного происхождения и что они развивались после упадка микенской культуры, как новый художественный стиль. В заключение Kraiker пишет: «Welchen Anteil an der Dorier an der Gründung der griechischen Welt haben, in der allein ein solcher Stil entstehen konnte — diese Frage und ihre Beantwortung liegt nunmehr ausserhalb der rein archäologischen Forschung».

Близкие положения развивает и Hammond, который считает, что дорийцы пришли из Эпира, что они были варварами, имели простую керамику и что этими нельзя связывать появление геометрического стили.

Положительной стороной работы Skeat'a является привлечение большого конкретного материала, как археологического, так и литературного, попытка, хотя и неудачная, по моему мнению, связать археологический материал с филологическим, признание за традицией известного исторического значения.

Но с целым рядом его положений нельзя согласиться.

Так, Skeat, ограничивая археологический материал почти исключительно керамикой, принимает во внимание преимущественно орнамент в отрыве от формы и от материала. Он не допускает возможности развития и изменения стили в связи с изменением общественного строя; для него единственной возможной причиной изменения стили является появление новых народов — носителей новой керамики, новой культуры.

Skeat неправильно конструирует проразрыв между микенским и греческим периодом, а между тем, многие моменты говорят о связи микенского периода с греческим.

Эти связи прослеживаются и в области культа и мифов, о чем красноречиво говорят работы M. Nilsson'a, а также в области языка. Так, например, в одной из последних работ A. W. Gomme, хотя и признает дорийское переселение, как движение племен из Фессалии, но ставит под сомнение то положение, что

дорийцы принесли с собой дорийский диалект, так как он придает большое значение местным языковым элементам¹.

В настоящее время перед исследователями стоит настоятельная необходимость поставить вопрос на конкретном материале о преемственности микенской культуры и греческой.

Недочетом работы Skeat'a является также то, что он слишком свободно отождествляется с традицией, отстраняя ее или преворачивая в угоду своим построениям, наконец, передвижение племен рассматривается им только с внешней стороны как внешние толчки одного племени на другое, но не как результат внутренних отношений, развивающихся на стадии разложения родового строя, не как результат процесса расселения племен, сегментации их и вместе с тем объединения их в союзы племен и слиянии в народы.

В связи с работой Skeat'a возникает вопрос, который требует еще дальнейшего разрешения. Если признать исторически возможным передвижение племен на территории Греции в XII—X вв., о чем настойчиво свидетельствуют многочисленные варианты античной традиции, начиная с VII в., которые мы встречаем у Тиргея, Пиндара, Геродота, Фукидида и др., если признать дорийское передвижение, как одно из расселений племен, происходивших в процессе развития родоплеменных отношений, то необходимо ли во что бы то ни стало приписывать дорийцам импорт новой материальной культуры, новой керамики, в частности плетено-геометрического или геометрического стиля?

Ряд данных убедительно говорит о развитии этого стиля также вне области распространения дорийцев и вне зависимости от их прихода.

Р. В. Шмидт

Обзор содержания журнала «Клио» за 1936 г.

Klio. Beiträge zur alten Geschichte. In Verbindung mit Fachgenossen. In- und Ausland, hrsg. von C. F. Lehmann-Haupt. Neunundzwanzigster Band (Neue Folge Band XI). Heft 1, 2/3. Leipzig. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung. 1936.

Журнал «Клио», выходящий первоначально в виде сборника под заголовком «Beiträge zur alten Geschichte», был основан в 1901 г. и издавался вплоть до настоящего 1937 г. под неизменным редакторством и руководством крупного европейского ученого К. Ф. Леманн-Гаута (C. F. Lehmann-Haupt), сумевшего придать журналу характер солидного европейского научного органа. Редакционным центром был Иннсбрук—местопребывание редактора, а местом издания—Лейпциг, фирма Дитриха. Физиономия журнала быстро определилась, и он присвоил себе в виде лозунга имя музы истории—Клио, обратив при этом свое название в подзаголовок: Klio. Beiträge zur alten Geschichte.

В этом лозунге, который четко расшифрован на обложке журнала², была заложена твердая воля бороться с двумя крайностями буржуазной исторической науки:

¹ A. W. Gomme—The Greeks. European Civilization its origin and development. V. I, Oxford, 1935, p. 534.

² Имя которого читатель встретит в списке сотрудников настоящего выпуска.—Ред.

³ Die Zeitschrift «Klio. Beiträge zur alten Geschichte» will die innere Entwicklung der Zeit des Gesamtgebietes der alten Geschichte—vom Alten Orient bis in spätrömische und die früh-byzantinische Zeit möglichst betonen und politische wie Kultur- und Wirtschaftsgeschichte gleichmässig berücksichtigen.

науки с дроблением, как у немцев, на бесконечные, узко-специальные, между собой не связанные частичные исследования—*Einzelforschungen*, и скороспелыми, поверхностными, иногда, как у французов, привлекательными по изысканности изложения, обобщениями (*synthèse historique*). Наряду с выходящими по четвертям года выпусками (*Heft*) самого журнала, выходили, также регулярно каждый год, начиная с 1903 г., отдельные ценные монографии в виде приюлений—*Beihefte*—разных размеров, с перерывом лишь в связи с мировой войной на период от 1915 по 1922 г. включительно. Тогда же, сохранив, с одной стороны, прежнюю нумерацию, журнал в то же время начал новый счет своим выпускам, в виде как бы новой серии—«*Neue Folge*». Монографические приложения брали обычно какой-нибудь специальный вопрос, который позволял раскрывать исторический процесс в его различных разрезах и вскрывать особенно интересные его стороны.

Журнал, как видно из объявления, гостеприимно открывал свои страницы для исследователей всех национальностей, принимая статьи не только на немецком языке, но и на английском, французском, итальянском, испанском и латинском языках. Если взять хотя бы первый выпуск (*Heft I*) журнала за 1936 г., то оказывается, что первая его статья принадлежит венгерскому ученому из Будапешта, вторая—датскому ученому из Копенгагена, третья—австрийцу из Вены, четвертая—немцу из Гиссена, пятая—на английском языке из *Shirring Norton*, шестая—немцу из Кобленца, седьмая—ученому из Граца (Австрия), только что переместившемуся в Эрланген.

Если мы обратимся к отделу библиографических обзоров, рецензий и заметок, то и там огромное большинство их, охватывающее всю сколько-нибудь значительную, с точки зрения принципов журнала, продукцию, принадлежит или самому редактору Лемани-Гаунту, или его ближайшим сотрудникам—Ф р а н ц у М и л ь н е р у и К а р л у И к с у (*Karl Jax*) или венскому ученому К о н с т а н т у Г л а з е р у, причем некоторые рецензии носят явно или скрыто антифашистский характер. Отметим наиболее характерные отзывы самого редактора.

Прежде всего (стр. 303—309) о книге Р и х а р д а Г е н н и г а (*Richard Hennig*) под заглавием «*Terrae incognitae. Eine Zusammenstellung und kritische Bewertung der wichtigsten vorkolumbischen Entdeckungsreisen an Hand der darüber vorliegenden Originalberichte. I. Altertum bis Ptolemäus. Leiden 1936 г.* Автор — успешном выпускал свои работы в Германии в период увлечения лозунгом: «*Die Technik, voran!*» Теперь он вынужден интереснейшую работу печатать в Голландии. Лемани-Гаунт отмечает оригинальность замысла и плана исследователя и его в общем прекрасное выполнение, которым, как указывает рецензент, в значительной мере автор обязан советам и помощи такого знатока трактуемых вопросов, как ныне отрешенный от должности фашистами А д о л ь ф Ш у л ь т е н. Отмечая, в частности, некоторые промахи и лягусы автора, рецензент указывает, что всех их легко можно было бы избежать при знакомстве с работами, которые под узко-специальными, казалось бы, заглавиями носит в себе самые многосторонние указания; взять хотя бы такую книгу, как *B r e t z l—Botanische Vorschunden des Alexanderzuges*, «значение которой далеко выходит за пределы ботаники». Рецензент подчеркивает, что для продуктивной научной работы необходимо, наряду со всесторонним охватом собственной темы, уметь находить плодотворные точки соприкосновения с многосторонним трактованием других, казалось бы, отдаленных вопросов. Именно в этом—залог дружной, направленной к одной общей цели, коллективной научной работы, которой настойчиво добивался под энергичным организующим воздействием своего редактора журнал «Клио».

На первый взгляд странно поражают запоздалые, как будто, рецензии самого редактора и его ближайшего сотрудника Мильтнера на вышедшие еще в 1931 г. I и II томы «Всемирной истории» в берлинском издательстве «Проппелеи». Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что выдвигение этого издания входит в общий план всего оформления журнала «Клио» на прощальный для редактора 1936 г. Анализируя I том, Лемани-Гаунт сочувственно цитирует предисловие известного историка *G ö t z e*, отмечает у других авторов рецензируемого труда точки соприкосновения с его собственными взглядами и следование некоторым идеям, инициатором которых он считает себя (различение, например, между абсолютной и относительной предисторией; включение истории Восточной Азии

в рамках древнейшей истории и т. п.). Отмечая некоторые искривления исторической перспективы, рецензент определенно указывает на историков, первоначально тому виновников (Белых и др.), и вводит свои коррективы. Особенно останавливается он на недостаточном внимании автора раздела «Народы Переднего Востока» К и т т е л я к царству халдов (урартийцев), о культуре и языке которых Лемани-Гаупт читал в истекшем академическом году специальный курс в университете Тбилиси.

Второй том¹ «Греческая и Рим» рецензирует Фр. Мильтнер (стр. 300—301). И он начинает выражением сочувствия вступительной статье того же Гётце (die geistvollen Ausführungen von W. Götzke), на тему о всемирно-историческом значении античности («Die weltgeschichtliche Bedeutung der Antike»). Мильтнер прямо высказывает то, на что Лемани-Гаупт только намекает. Мильтнер заявляет, что можно только безоговорочно вторить высказываниям Götzke и нельзя надеяться, чтобы они, как говорит рецензент, «были хорошенько выслушаны, прочтены и прочувствованы» в «наше», в общем глухое к гуманизму, а тем самым и к античности, время, вопреки показной возне вокруг них.

Обращает на себя внимание отрицательная оценка тем же Мильтнером монографии некоего фашистского невежественного автора об Александре Македонском². Эта обширная монография, пущенная, повидимому, в продажу в целях для широкого сбыта по крайне низкой цене, отличается не только крайней безграмотностью по части исторических источников но представляет собой и самый факт, в высшей степени прискорбный, по выражению рецензента (höchst bedauerlich!), симптом небывалого падения культурного уровня немецкой научной книги в виде последовательного перевертывания общеизвестных исторических названий («die größte Unsicherheit in der Rechtschreibung der Eigennamen»), как выражается сдержанно, соблюдая академический тон, выдержанно возмущенный до глубины рецензент.

Заключительной частью первого выпуска журнала «Клио» за 1936 г. служит вслед за окончанием рецензий помещенный список новых книжных поступлений, среди которых значатся и рецензированные уже в том же первом выпуске, как, например, «Bilderatlas» Kirchner'a. В книгу вкрадены там и сям краткие характерные аннотации и реплики редактора, между прочим, реплика (стр. 144) на подписании по его адресу в фашистском журнале «Die Welt und Geschichte» и т. п. За списком книг следует персональная хроника (Personalliste) с мартирологом видных заслуженных германских историков и филологов, получивших преждевременную отставку. Тут же сообщается о приглашении самого редактора в СССР, в Тбилиси, наряду с приглашением ряда других (Д. Лейбница, из Марбурга) в Анкару (Турция). В свете этих сообщений становится понятным смысл помещенного в начале первого выпуска прощального предупреждения Лемани-Гаупта о том, что с 1937 г. он слагает с себя редакторство. Фашисты добрались и до него: травля редактора, давление через германскую лейпцигскую фирму, издававшую журнал, вынужденный бойкот его официальными германскими учеными, фашистская агитация среди австрийцев и т. п. в конце концов, сломали сопротивление и привели к капитуляции под видом компромисса, к добровольному якобы отказу Лемани-Гаупта за преклонностию возраста от редакторства.

«Пресмык и друг» бывшего редактора Ф. Мильтнер, так энергично выступавший, как правая рука редактора, в предыдущем году, теперь совершенно замолк, не поместил ни одной заметки. Его роль, повидимому, свелась к приручению от австрийских коллег, проходивших затем через цензуру второй фашистского редактора. Авторы список из фашистской Германии. Пособно сколоченный первый номер украшают из иностранных ученых своими именами только знатный иностранец из New Haven'a белоэмигрант Michael Rostovtzeff и онемеченный поляк прусской службы из Берлина Ганс Ульрих Инстетиский. Каков персональный состав, такова и тематика, которая почти сплошь посвящена вопросам культа богов и царей.

¹ Zweiter Band. Hellas und Rom. Die Entstehung des Christentums. Berlin XXVIII, 630 S.

² E. G. Frisch Lorenz—Alexander der Grosse. Bildnis eines Führers und Menschen. Verlag Reimar Hobbing, Berlin 1935, 263 S. M. 5. 80.

При таком персональном составе и при такой тематике, разумеется, не могло быть места для обещанного в последнем номере «Клио» за 1936 г. продолжения весьма важной принципиальной статьи бывшего редактора: «Изыскания в области античной и восточноазиатской системы веса» («Клио», 1936, вып. 2/3, стр. 250—286). Статья касается спорных вопросов метрологии. Автор пытается изложить сущность спора и главные моменты. До недавнего времени нерушимым принципом метрологии было признание решающего значения веса монет, наряду с сохранившимися образцами норм веса (так, М о м м з е н, при определении нормального веса римского фунта, установил его, на основании взвешивания монет, в 327,45 грамма). Сохранившиеся античные образцы нормального веса, естественно, представляют большую редкость, а ходовые меры веса, не говоря уже о степени их сохранности, вообще в древности, все равно, как и позже, при отсутствии установленного строгого пробирного контроля, далеко не всегда отличались желательной точностью в смысле соответствия норме. Таким образом, для точного контроля необходимо какое-то средство, и это средство само дается в руки в виде определенного веса монет из благородного металла: золота, серебра, электрона, представляющих точную долю весовой нормы, узаконенной в месте чеканки. Таким образом, чеканная монета, несомненно, является приемницей находившегося в обращении печеканенного металла в виде разнородных его кусков, а следовательно, монеты дают нам возможность заключать о времени изобретения чеканки, т. е. перехода от обрубков к монетам. Новейшая метрологическая школа отказывается от этого важнейшего средства определения мер и их контроля, склоняется к утверждению, что, мол, «монеты часто следуют своим собственным, независимым путем» и т. п.; иногда, правда, монеты не игнорируются, но все же для определения фунта применяются весьма рискованные приемы; в таком случае метрологические изыскания лишаются своей пернейшей и надежнейшей основы, и открывается полный простор путаному произволу, который в античной области дает себе всего ярче чувствовать в недопустимом, заводящем в тупик, нормировании римского фунта, не говоря уже о том, что становится совершенно невозможным проследить нити, ведущие к древнему Востоку, как вполне осизательному исходному пункту многих основных явлений античной жизни в области права, норм меры и веса и т. п. Тут уж, действительно, завлечет Лемали-Гаупт, раскрывается незаполнимая пропасть между новейшей школой и теми установками, какие развивали и постоянно углубляли в области системы античного веса Бек, Моммзен, Брандис, Хульш, Писсен, Лемали-Гаупт. Выработанная ими система, в силу теоретической связи различных метрологических категорий (мер длины, вместимости, веса и т. д.), получила возможность охватить всю античную метрологию в ее целом и в ее пережитках.

Журнал «Клио» фактически перестал существовать, как научный журнал. Его старая редакция не сумела отстоять свои позиции перед лицом воиствующего фашизма. Буржуазный реализм «Клио», как бы выгодно он ни отличался от других буржуазных течений, все-таки оказался слишком плохо вооруженным. Компромисс, на который пошла редакция «Клио», по существу, свелся к камуфляции, как это обычно бывает с политической компромиссой в буржуазной практике.

Г. П. Поляков

ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

КАРЕЛЬСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ

В низовьях реки Выг около села Выгостров и на восточном берегу Онежского озера, недалеко от селения Бесов-Нос, на вдающихся в воду гранитных мысах выбиты многочисленные изображения, которые привлекли к себе внимание многих исследователей. Археологический материал, добытый при раскопках открытых здесь стоянок, несомненно, связанных с этими петроглифами, позволяет датировать петроглифы около Выгострова концом третьего, а петроглифы около Бесова-Носа половиной второго тысячелетия до нашей эры.

О петроглифах существуют многочисленные гипотезы, и толкования их разноречивы.

Наиболее подробно исследованы петроглифы Скандинавии, хронологически охватывающие огромный период с неолита до начала железной эпохи. Им приписывалось и чисто эстетическое значение (Андре, С. Мюллер и др.), и мемориальное (Оберг, Монтепус, Экгоф и др.), и религиозное (Ворсо, Хольмбое, Норден, Альмгрен, Бинг, Петерсен, Шниттгер, В. Шульц и др.). Последнее мнение является преобладающим и единственным, основанным на серьезных доказательствах. Но и в этой теории имеются свои варианты: толкование петроглифов, как «культы мертвых» (Хольмбое, Экгольм, Норден и др.), как изображения мифологических сцен (Бинг, Коссина, В. Шульц и др.) и пр.

Подобные же разногласия наблюдаются в толковании карельских петроглифов: им приписывали и мемориальное значение (Г. Спасский), и чисто магическое (А. Линевский), и, наконец, их толкуют, как изображение культовых сцен (В. Равдоникасом¹).

Необходимо подчеркнуть, однако, что прямое сопоставление карельских петроглифов со скандинавскими невозможно, особенно теми, которые подали повод к гипотезе об изображении культовых церемоний. Рассмотрение тех и других показывает, что сходство заключается по преимуществу в технике и стиле, различие же наблюдается и в формах изображений, и во взаимном расположении рисунков, и в тематике, и, повидимому, в смысловом их содержании. И в этом отношении небезынтересно коснуться некоторых положений, выставленных В. Равдоникасом¹.

¹ В. Равдоникас: 1) «Наскальные изображения Онежского озера», Труды Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР» 1936; 2) «Из истории мышления родовой эпохи (опыт интерпретации наскаль-

Повидимому, под сильным влиянием статей Альмгрена и других западноевропейских археологов, считающих скандинавские петроглифы изображениями культовых сцен, В. Равдоникас пытается перенести эту гипотезу на карельские петроглифы. Под влиянием Альмгрена, он находит на карельских петроглифах и ладьи мертвецов и ладьи небесных божеств, и символы солнца, и исполнителей религиозных обрядов, несущих в руках эти солярные символы. Под влиянием Бингу, выставлявшему в 1924 г. гипотезу, что в стилизованных скандинавских петроглифах следует видеть переход от магии к культу богов, В. Равдоникас заявляет, что различие между петроглифами в низовьях реки Выг и на восточном берегу Онежского озера означает смену тотемического мышления космическим.

Но материал, которым пользовался Альмгрен и Бинг, сильно отличается от материала, использованного В. Равдоникасом. Приводимые Альмгреном и Бингом изображения человеческих фигур в лодках с солярными знаками или лодок с возлежащими на них фигурами (оплакиваемых) мертвецов (рис. 1) действительно возможно было толковать, как «солнечные ладьи», «ладьи мертвецов», «исполнителей обряда с символом солнца в руках».

Совсем не то мы видим на карельских петроглифах, и изображения, которым В. Равдоникас приписывает то же значение, отличаются от соответственных скандинавских петроглифов и с равным правом допускают другое их истолкование. Так, если исследователи скандинавских петроглифов считают символами солнца круги (простые, концентрические, с перекрестьями внутри) и спирали, то В. Равдоникас считает солярными и «лунарными» символами чуть ли не все фигуры, хотя бы частью включающие в себя круги и «полулунки». Отсюда он приходит к мысли, что получеловеческие-полузвериные фигуры на карельских петроглифах с прижатыми к их рукам перед грудью предметами в форме полулуний с отходящими от последних чертами надо считать также исполнителями обрядов (замаскированными под животных) с символами солнца в руках.

Немаловажным является также отсутствие у В. Равдоникаса одного вида доказательств, имевшегося в распоряжении авторов, у которых он заимствовал свою гипотезу. Возникшая у Бинга и Альмгрена и развитая В. Шульцом¹ гипотеза о том, что некоторые фигуры на скандинавских петроглифах изображают не самих божеств, а их заместителей в религиозных обрядах, подтверждается теми ссылкой на фольклорные свидетельства. Так, в песнях «Эдды» сохранилось указание на обряд благословения жениха и невесты молотом Тора:

них изображений Онежского озера и Белого моря», резюме доклада на XIII съезде ГАИМК 20/XII 1935 г.; 3) тезисы доклада «Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря» на отчетной археологической сессии Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в феврале 1936 г.; 4) «К изучению наскальных изображений Онежского озера и Белого моря», «Советская археология», т. I, 1936.

¹ W. Schulz — Die Felsritzung von Hvitlicke und das Edda-Lied von Thrym. MANNUS, XXI, № 1—2.

Вымолвил Туре, исполинов властитель:
 Пусть Мйольнир¹ скорей принесут для обряда.
 Положим его на колени невесте—
 Во имя Вар осветить наш союз².

Можно допустить сопоставление с этой строфой изображения на петроглифах Хвитлике (и некоторых других) брачной пары, мужчины и женщины, в акте совокупления и стоящей около них мужской фигуры (жреца) с молотом в руке. Аналогичным образом сопоставлялись некоторые изображения с мифом о погребении Бальдра и т. д. Но делавшие эти сопоставления, несмотря на сходство, понимали, что этого еще мало, и надо сверх того доказать, что петроглифы типа Хвитлике изображают сцены, описанные в «Эдде»; что религиозные представления и обряды, как они даны в «Эдде», синхроничны или близки по времени к этим петроглифам, и что действия божеств, описываемые в «Эдде», имеют в виду не самих божеств, а их заместителей в обрядовых действиях. Ни одно из этих положений твердо не доказано; существуют только некоторые намеки (например в *Nóvatöl* в «Эдде», особенно со строфы 138) на описания какого-то обряда, но все они неизменно связаны с относительно поздними божествами—Одним, Бальдром, т. е. с теми божествами, которые в эддическом эпосе предстают, как творчество прочно сложившихся в этнический комплекс северногерманских племен.

Нельзя не отметить также, что одним из побудительных поводов к созданию гипотезы об изображении на скандинавских петроглифах не самих божеств, а культовых церемоний, и сопоставления этих изображений с песнями «Эдды» было желание доказать принадлежность петроглифов «германской расе». И это определению подчеркивает В. Шульц, заявляя в своей статье, что его сопоставление петроглифов Хвитлике с песней о Тримре «подразумевает заранее молчаливое признание, что творцы петроглифов были, по меньшей мере, германцами в позднем значении этого слова».

Как я надеюсь доказать ниже, фактический материал не дает никаких оснований для переноса этого фашистского положения на карельские петроглифы. Несомненно, что в северном эпосе мы найдем отголоски очень древних верований и сказаний. В *Völuspá* есть место, о котором Ф. Энгельс писал, цитируя его:

«Broedhr muni berjask
 Muni systrungar
 Ok at bönum verdask
 Siljum spilla»

«Братья будут враждовать и становиться убийцами друг друга. дети сестер будут нарушать родство. «Systrungar» значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они не признают взаимного кровного родства, представляется поэтому еще большим усугублением престу-

¹ Название молота бога Тора.

² Песнь о Тримре, 30, в переводе С. С в и р и д е н к о («Эдда», Москва, 1917).

пленения братоубийства. Это усугубление связано с словом «*systlingar*», которое подчеркивает родство с материнской стороны.

Таким образом, даже во времена викингов, когда возникла *Völuspá*, в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве¹.

Признаки древности мы находим и в другом северном эпосе — в «Калевале».

Характерным для установления древности некоторых частей «Калевалы» является смещение повятий лошади и лося², вооружения из меди божества Турсаса³. Исключительно значительное положение занимают в «Калевале» женщины-матери. Это они руководят домом и хозяйством. «Хозяйка севера» Лоухи описывается, как руководительница всего населения Похьелы, и только в одном случае на сцену выступает «хозяйин» Похьелы⁴.

Это не означает, конечно, что подобные места в «Эдде» и «Калевале» являются точной или даже очень близкой копией текстов древних сказаний. Но, несомненно, что в основе их лежат значительно более старые песни и предания, восходящие ко времени материнского рода и, возможно, ко времени карельских петроглифов.

Замечательным при этом является большое число аналогий в обоих этих эпосах.

Нельзя отрицать черт сходства между старухой Лоухи в «Калевале» и богом Локи в «Эдде». Тем более, что Локи в «Эдде», по видимому, заменил собою более древнее женское божество, отголоски чего сохранились в *Lokasenna* в словах Одина о том, как Локи восемь лет пробыл под землей в виде молочной коровы и матери⁵. В разных местах «Эдды» говорится о том, как Локи был беременным и родил потомство⁶. И Локи и Лоухи в той редакции эпоса, которая дошла до нас, изображаются, по преимуществу, как божества зла (обычное превращение более древних божеств), но в ряде мест еще сохраняются о том и о другой характеристике, по меньшей мере, нейтрального характера. Слова Ильмаринена о том, что он кует крепкий ошейник для того, чтобы приковать Лоухи к утесу⁷, нельзя не сопоставить со сказанием о том, как азы после гибели Бальдра привязали Локи («железными») кипками его сына, Наря, к скале⁸.

Волк Мангарм в «Эдде», конечно, тождественен с волком Мане в «Калевале»⁹. Турсас и Ику Турсо в «Калевале», несомненно, имеют связь с великанами-турсами «Эдды»¹⁰ и т. д.

¹ Ф. Энгельс — Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, 1932, стр. 138—139.

² Руна XIV—273/6 и 368/9.

³ Руна II—117/124.

⁴ Руна XXVII.

⁵ Строфа 28.

⁶ Например см. *Gylfaginning*, 42 о рождении от Локи (в образе кобылицы) коня Слейнира, или *Hundlojod*, 43, о том, как Локи был беременным и родил чудовище.

⁷ «Калевала», руна 49—341/346.

⁸ «Эдда», *Gylfaginning*, 50.

⁹ «Эдда», *Gylfaginning*, 12; «Калевала», руна 49—100/108.

¹⁰ «Калевала», руна 2—67 и руна 42—405/459.

Отрывочные сведения о божествах у карел, дошедшие до нас¹, показывают близость древних финской и карельской мифологий, и, во всяком случае, одноименность многих из божеств (Укко, Хиси, Ташио, Нирка, Ахтес и др.).

И у лопарей мы найдем Тперлеса с молотом в руке, повидимому имеющего общий прототип со скандинавским Тором, а К а с т р е н не без основания имена Акку, Хидде, Лемпо, Туона сопоставляет финскими Акка, Хисп, Лемпо, Туони².

Даже не умножая этих примеров, можно полагать, что в основе некоторых частей мифологических сказаний народов Прибалтики и Карелии лежат какие-то очень древние мифы, существовавшие на северо-западе Европы во времена, предшествовавшие сложению скандинавского, финского, карельского и лопарского фольклора. Более поздние божества и герои фольклора слагающихся в классовое общество этнических единиц уже не повторяются в эпосе соседних народов. И «Калевала» и «Эдда», как финский и германский эпос, уже вводят свои божества, своих героев: Вейнемейнсена, Одина, Лемминкейнена, Фригг и т. д.

Напрасно было бы объяснять параллели, вроде приведенных выше, заимствованиями одного современного народа у другого современного народа или выяснять, в какой этнической среде—«финской», «германской» или иной,—надо искать «исторические корни» древнейших частей «Калевалы» или «Эдды». Бесполезно это делать по той простой причине, что во время сложения этих «корней» такой среды не существовало, и племена, населявшие в это время как Скандинавию и Финляндию, так и Карелию, не были ни финнами, ни германцами, ни карелами. Относительное единство ступени развития этих племен и окружавшей их обстановки способствовало при наличии некоторых сношений между ними³ распространению в такой «среде» северных охотников имен божеств, общей тематики некоторых сказаний об их похождениях, одним словом, тех общих черт в фольклоре, которые в небольшом количестве сохранились в более позднем эпосе, сложившемся уже в среде определенных этнических групп: лопарей, карелов, финнов, северных германцев.

Вполне естественно, что такое положение заставляет нас привлечь этот эпос при попытке истолкования карельских петроглифов. К сожалению, и «Эдда» и «Калевала» в известной нам редакции являются относительно поздними произведениями, и поэтому нельзя ожидать, что их сопоставление с изображениями на петроглифах Карелии может обнаружить отчетливые и ясные совпадения. Вряд ли есть также необходимость подробно обосновывать предположение, что гораздо большего количества совпадений мы можем ожидать найти

¹ В передаче Форсиуса и М. Агриколы.

² M. A. K a s t r e n — Reisesrinnerungen aus den Jahren 1838—1844 im Auftrage der K. Akademie der Wissenschaften, herausgegeben von A. Schiefner. S. Petersburg, 1853.

³ Об этом свидетельствуют такие факты, как встречающиеся далеко на западе фигурные молоты из карельских каменных пород, характерные северно-скандинавские формы шиферных орудий на Беломорском побережье и т. д.

в «Калевале», чем в «Эдде». Ибо, несмотря на отмеченные выше признаки некоторых общих черт в религиозных верованиях и сказаниях первобытных охотничьих племен на северо-западе Европы, тем не менее на этом огромном пространстве верования и сказания племен далеко находившихся друг от друга, несомненно, должны были иметь больше различия, чем у племен более близких. И было бы тщетно искать на карельских петроглифах таких же параллелей к текстам «Эдды», которые, возможно, существуют на петроглифах Скандинавии.

Но прежде чем приступить к рассмотрению карельских петроглифов, надо дать общую характеристику их и окружающей их обстановки.

* * *

Древнейшие карельские петроглифы находятся в низовьях реки Выг в 7 км от Белого моря. В настоящее время известны три группы их, две из которых открыты в 1936 г. В. Равдоникасом и еще не опубликованы. Третья группа, открытая ранее А. Линевским и опубликованная им в ряде статей, находится на южной стороне острова Шойтрукшина. Эти изображения представляют собою непрерывную цепь рисунков, объединенных цепочкой изображений человеческого следа попеременно то правой, то левой ноги, оканчивающихся большой фаллической фигурой человека с преувеличенно большой ступней. Большинство рисунков изображает раненых животных и рыб и сцены морской охоты.

Несмотря на естественную, отчасти в силу технических условий, схематизацию фигур, типичной для этой серии петроглифов является импрессия изображений, своеобразная подчеркнутость некоторых черт движения и фигуры. Лодки с сидящими в них людьми, изображенные на петроглифах Бесовы Следки—типичные морские карбасы: короткие и довольно широкие, с высоким бортом; люди на этих лодках—живые люди, занятые морской охотой на белух и тюленей. Кормщик, гребец и гарпунщик, развернувшийся ремнем гарпунное раненое животное,—вся композиция изображения ясна и не носит на себе ни малейших следов какой-либо попытки к сложной символической отчетливо выделены головы, руки, показаны изгиб тела и движение рук. Соответственно этому переданы формы морских животных, определить виды которых не представляет поэтому большого труда. Было бы большой натяжкой видеть в этих изображениях охотящихся людей попытку показать какие-либо божества или покойников охотящихся в загробном мире.

Напротив, изображение центральной фаллической фигуры с поднятой правой рукой, с непомерно увеличенными ногами, с целым рядом окружающих эту фигуру трудно дешифрируемых символов, по видимому, должно было представлять существо сверхъестественное.

Мне кажется, что объяснение А. Линевского, данное им в первом его работе об этих петроглифах¹, в общем наиболее правдоподобно.

¹ «К вопросу о петроглифах Карелии». Сборник ЛОИКФУН. I.

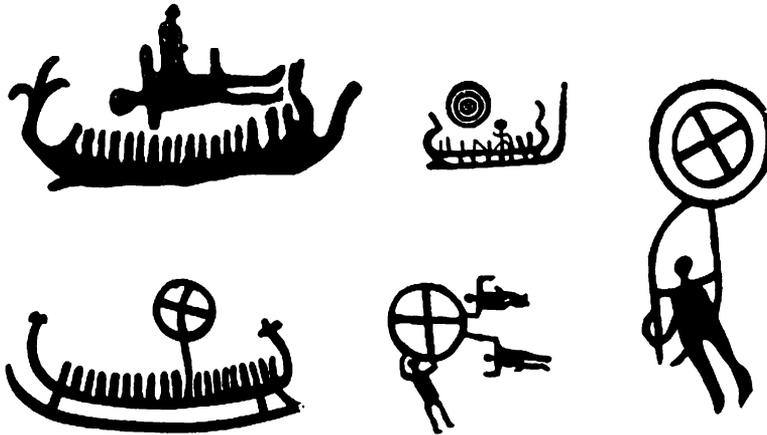

Рис. 1. Изображения лодки с покойником, солнечных лодей и человеческие фигуры с солнечными символами на скандинавских петроглифах

Весьма вероятно, что центральная, объединяющая всю композицию петроглифов Бесовы Следки большая фаллическая фигура должна была изображать главное божество тех мест, одного из «хозяев», представление о которых в примитивной религии живо описал покойный Л. Штернберг¹. Позволю себе привести часть этого описания:

«Человек переносит на мир животных те же взгляды, которые он выносит из своего социального строя, в частности... понятие, которое по-русски надо передать словом «хозяин»...

Не только каждая большая область природы, как море, лес, река и т. п., имеет своего хозяина, но имеет своего хозяина каждый отдельный участок территории... С этимп-то хозяевами человек устанавливает регулярные отношения. Раз хозяин дает дичь, нужно его вознаградить так или иначе. И вот ему устраивают периодические жертвоприношения, обыкновенно перед сезоном охоты или перед сезоном рыбной ловли...»

Многократно возвращаясь в своих статьях к этим «хозяевам», Л. Штернберг иллюстрирует свою мысль многочисленными этнографическими примерами. И в «Калевале» мы находим еще отголосок этого верования, например:

Леса дочь, душа девица,
Дочка Тапшо, Туликки,
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянкам;
Коль она бежать не хочет,
Коль сюда пойдет лениво,
От куста возьми ты хлыстик,
Хлыст березовый в долине,

¹ Л. Я. Штернберг—Лекции по эволюции религиозных верований. Сборник статей Л. Штернберга «Первобытная религия в свете этнографии». Ленинград, 1936, стр. 398 и след.

И ты бей ее по бедрам,
Ударяй ее по боку
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу,
К ожидающему мужу,
По охотничьему следу ¹.

.....
Уж веселый Лемминкейнен
Пробежал далеко лесом,
На опушке пел он песни,
Пел внутри тех роц зеленых.
Он склонил хозяйку леса
И хозяина лесного;
Добры дочери лесные,
Благосклонны девы леса,
Испугали, выгоняют
Из лесов заросших лося,
С горки Тапио сгоняют,
По краям жилища Хиси
К ожидающему мужу,
Чтоб он мог поймать добычу ².

М. Агрикола, перечисляя божества карел, называет Хиси, который «доставлял добычу из леса», Веден-Эма, который «приводил рыбу в сеть», Нирккес, который «давал белок из леса», Хиттава-нин, который «приносил зайцев из кустарника».

Именно «хозяин» изображен, повидимому, на петроглифах Бесовы Следки, преувеличенно большого роста, сравнительно с другими фигурами, и, конечно, с огромным половым органом, символом плодородия ³.

Рассматривая композицию Бесовы Следки в целом, ее можно представить себе следующим образом. На петроглифах изображен «хозяин» тех мест и подвластные ему животные: медведи, олени, птицы, рыбы и т. д. Подчеркнуты желаемые результаты этих магических рисунков: в одной группе мы видим изображение антропоморфной фигуры, гонящей оленей (сравни выше текст «Калевалы» о том, что Туликки гонит подвластную богу лесов, Тапио, дичь из леса) ⁴; на другой группе мы видим стаю рыб, повернутых головою от воды, за исключением одной рыбы, повернувшейся к реке, но придавленной следом «хозяина». А. Линевский правильно, по-моему, трактует это изображение в том смысле, что человек тем самым хотел привлечь

¹ Руна 14—173/186. «Калевала». Перевод Л. Бельского. Изд. «Academia», 1933.

² Руна 14—231/244. Изд. 1933 г.

³ Напоминаю в связи с этим о фаллических привесках в археологическом материале Карелии, свидетельствующих о фаллическом культе.

⁴ Это объяснение и считаю гораздо более вероятным, чем сомнительное толкование этого изображения, как группы прирученных оленей и их погонщиков.

в устье реки как можно больше добычи и как можно меньше выпускать ее обратно в море. Изображение раненых животных и сцен удачной охоты за морскими животными окончательно завершает всю композицию¹.

Перед нами один из созданных первобытными охотниками Карелии объектов магическо-религиозного обряда, целью которого было побудить «хозяина» этих мест создать благоприятные (изображенные на петроглифах) условия охоты.

Эти древнейшие рисунки Карелии доказывают, что религиозные верования населения уже в это время стояли на ступени антропоморфизации божеств. Нельзя согласиться с В. Равдоникасом, который считает, что здесь «запечатлелся тотемизм со всеми вытекающими из него представлениями и с культом тотема, тотемическая охотничья магия, почитание материнского начала в обществе и, вероятно, пассивный строй речи»². Описанные выше изображения на петроглифах Бесовы Следки доказывают, что о тотемизме здесь говорить не приходится. Тотемизм, вероятно, сохранялся еще в виде значительных пережитков, но нет никаких указаний на его расцвет в среде первобытных охотников Карелии даже в начальную пору заселения этой области.

К середине второго тысячелетия до нашей эры, к которому относятся петроглифы на восточном берегу Онежского озера близ селения Бесов-Нос, в религиозных мифах можно уже найти некоторые элементы, которые, в свою очередь, пережив тысячелетия, сохранились, несомненно, в сильно видоизмененных образах (вероятно, с видоизмененными именами божеств) в древнейших частях дошедшего до нас северного эпоса.

* * *

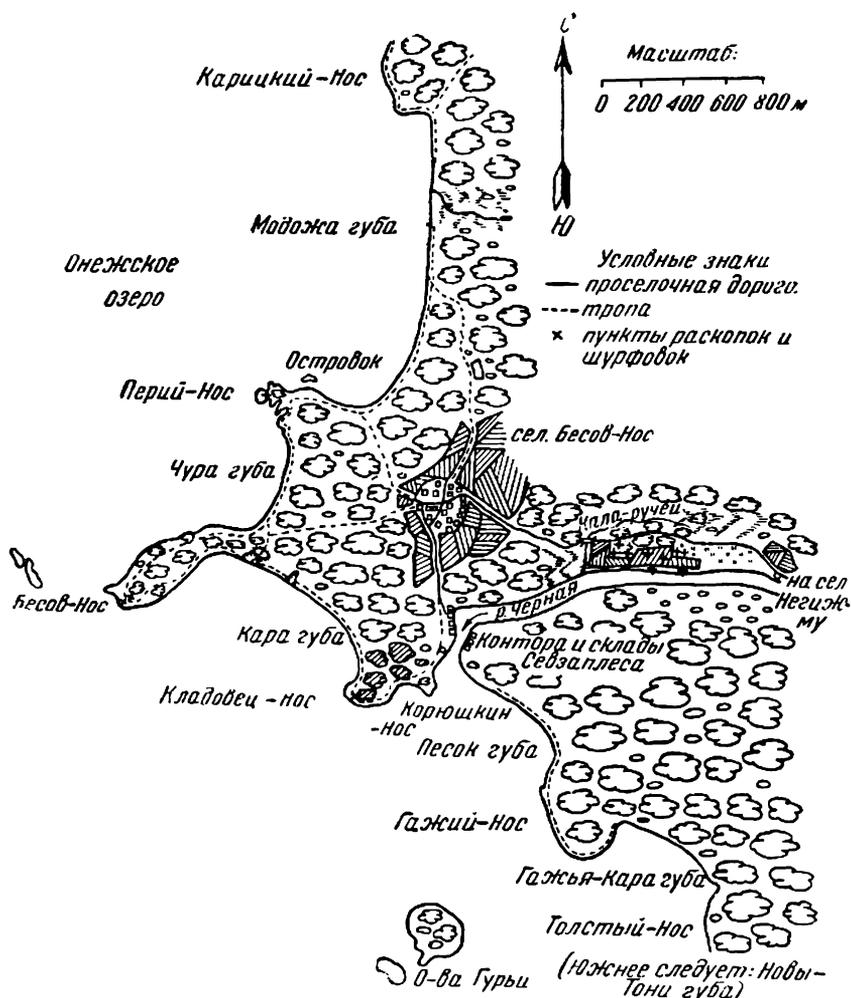
Петроглифы на Онежском озере также выбиты по большей части на отложениях (изредка, впрочем, на крутых) гранитных плоскостях. Расположены они группами по нескольку, часто даже по нескольку десятков фигур; отдельные фигуры встречаются редко и во многих случаях являются только кусочком некогда существовавшей здесь целой группы, уничтоженной смывами части берега, которыми было разрушено очень много изображений.

Берег, где находятся эти изображения, представляет собой извилистую линию выступающих в озеро скалистых мысов с небольшими песчаными бухточками между ними: Карицкий, Перий, Бесов, Кладовец и Гажий-Носы (мысы). На некоторых из этих мысов были обнаружены остатки первобытных стоянок, вместе с центральной стоянкой того же времени на р. Черной, впадающей в озеро между Кладовцем и Гажьим-Носом.

В противоположность петроглифам Бесовы Следки ни на одной из групп рисунков нет какого-либо центрального, объединяющего

¹ Естественно, что в этом описании я опускаю ряд малопонятных фигур, так как истолковать все их является делом невыполнимым. Но это не имеет большого значения для всей композиции в целом.

² Резюме доклада на XIII пленуме ГАИМК.

План окрестностей сел. Бесов-Нос (Инджеский район, Автономной Карельской ССР)

всю композицию рисунка. И хотя некоторые исследователи этих петроглифов считают такой центральной фигурой огромное изображение «беса» посредине композиции на Бесовом-Носу, я считаю, как и В. Равдоникас, что это фигура относится к более позднему времени, чем остальные.

Другим отличием онежских петроглифов от петроглифов Бесовы Следки является обилие символических изображений, иногда весьма сложной формы, повторение сочетаний отдельных фигур и ряд других моментов, на которых я остановлюсь ниже. В общем онежские петроглифы с первого же взгляда создают впечатление гораздо более сложного содержания, чем петроглифы Бесовы Следки. Но, по-

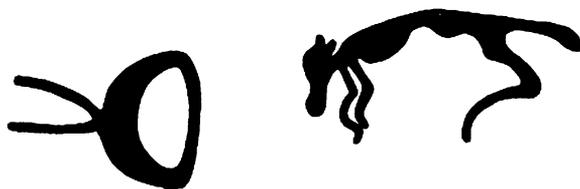

Рис. 2. Изображение волка и капкана (?) на Кариском-Носу

мимо этого, истолкование онежских петроглифов осложняется другими обстоятельствами.

Далеко не все изображения на онежских петроглифах видны отчетливо. Контуры их расплывчаты. Время сильно сгладило следы работы первобытных художников. Некоторые рисунки можно различить только в определенное время дня при благоприятном, очень косом свете восходящего или заходящего солнца. Поэтому нередко встречается затруднение в возможности отличить искусственно выбитую линию от естественного углубления. Никакой документ, ни фотоснимок, ни эстампаж, ни, тем более, зарисовка не могут служить здесь решающим доказательством. Не может при этом, конечно, послужить доказательством и количество мнений, высказанных за ту или другую линию.

Вместе с тем бессистемность в расположении рисунков, часто ориентированных в различные стороны, не дает возможности определить «верх» и «низ» некоторых фигур.

Оба эти обстоятельства приводят к тому, что истолкование части изображений неизбежно будет носить субъективный характер, если заранее не учесть этих указаний. В качестве примера я могу привести одно из изображений на Кариском-Носу, снятое мною в 1933 г. (рис. 2).

Как видно на прорисовке с фотографии¹, эта часть петроглифов Кариского-Носа изображает (голодного с подведенным животом) волка, направляющегося к предмету в виде полумесяца с ободком, соединяющим оба рога, и двумя чертами, отходящими от середины выпуклой части полумесяца (капкан?). Изображение не очень четко; можно спорить о некоторых деталях; но в общем композиция, при данной ориентировке рисунка, именно такова.

Однако у В. Равдоникаса эта композиция фигурирует в ином виде: задняя нога (ноги) волка отсутствует; в конце хвоста изображена человеческая ступня; отчетливо показан фалл; все изображение ориентировано так, как если бы был нарисован замаскированный под волка человек, стоящий вертикально с вытянутыми руками, а над головой этой фигуры помещен описанный предмет в виде полумесяца².

Очевидно, обе копии были сняты при различных условиях освещения.

¹ Как здесь, так и в дальнейшем я пользуюсь только своими фотоснимками, сделанными без какой-либо подрисовки и без ретуши.

² В. Р а в д о н и к а с — Наскальные изображения Онежского озера, табл. 4.

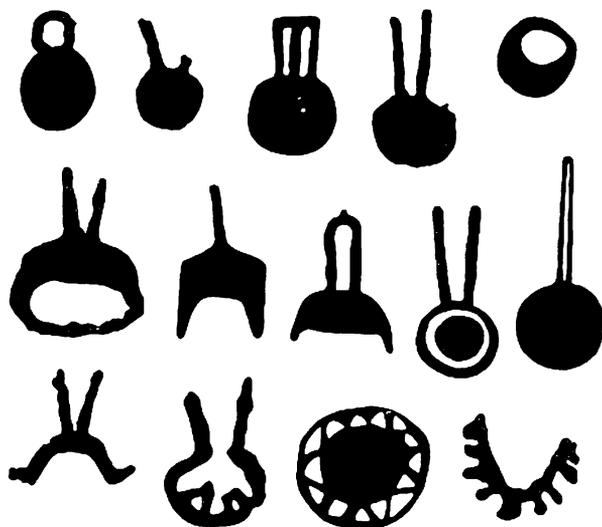

Рис. 3. Различные изображения «кругов» и «полумесяцев» на Перьем и Карицком-Носах

Естественно, что при таком расхождении в определении внешнего вида рисунка может явиться и совершенно различное толкование его смыслового значения. В данном случае изображение в том виде, как оно получилось у меня на фотоснимке и как я его мог наблюдать на месте, не позволяет мне рассматривать его, как один из примеров изображения на петроглифах Карелии замаскированных исполнителей обряда с солярными (лунарными) символами. Напротив, этот вариант этой композиции как будто подтверждает возможность определения фигуры в виде полумесяца, как какой-то ловушки.

Так как целью этой статьи не является детальный разбор карельских петроглифов со всех точек зрения, то я не вижу необходимости касаться здесь целого ряда часто недоказуемых выводов В. Раппеникаса о том, что карельские петроглифы относятся «к переходной от матриархата к патриархату эпохе», что «тотемическое мышление в эпоху наскальных изображений (Карелия. — А. Б.) вытеснялось космическим мышлением», и т. п.¹

Но я припужден остановиться на его трактовке всех «кругов» и «полумесяцев» на петроглифах Онежского озера, как солярных (или лунарных) символов, так как, несмотря на, казалось бы, формальный характер этого вопроса, от его решения зависят многие выводы.

Я не буду утверждать, что на карельских петроглифах отсутствует солярная или лунарная символика или что все «круги» и «полумесяцы» на этих петроглифах изображают ловушки или кель-

¹ Резюме доклада на XIII пленуме ГАИМБ.

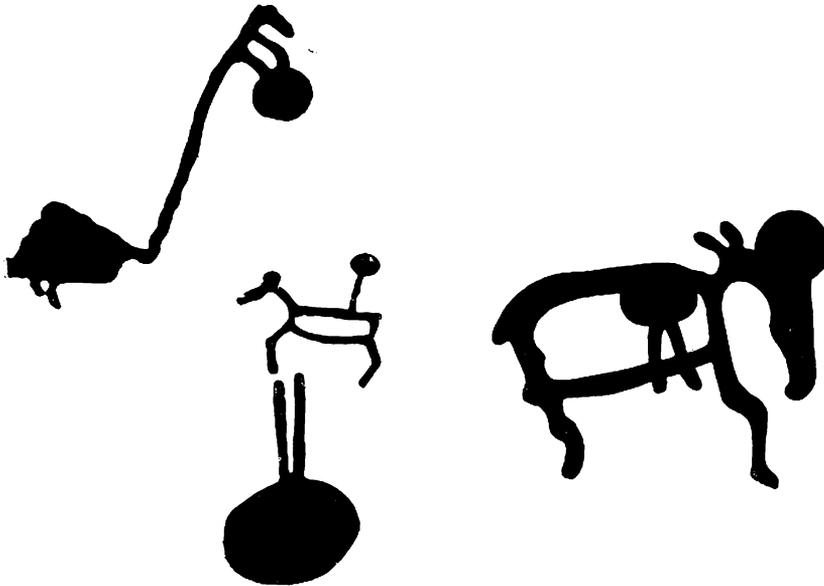

Рис. 4. Изображения лебедя и лосей с «соллярными» знаками на Бесовом, Перлем и Карицком-Носах

каны. Более того, некоторые композиции, повидимому, действительно имеют отношение к лунному или солнечному культу, но, мне кажется, не те, где присутствуют эти «круги» и «полумесяцы». Как ни просто, или скорее—упрощенно, трактовать всякий круг, как солнце, а полумесяц—как луну, вряд ли такая простота близка к истине. Впрочем, в большинстве случаев эти символические фигуры на карельских петроглифах и не представляют собой просто круга или полумесяца, а осложнены различными добавочными элементами (рис. 3). Еще более показательными являются комбинации этих изображений с фигурами животных, где подчеркнутое положение этих «символов» относительно той или иной части тела еще более затрудняет признание их соллярными и лунарными знаками (рис. 4).

Как и относительно приведенного выше изображения на Карицком-Носу, приходится считать, по более вероятной гипотезе А. Линевского, часть таких «символов» различными ловушками для зверей (или божеств в зверином образе)¹. Однако непризнание за большинством из описанных выше фигур значения соллярных и лунарных символов не исключает наличия таких символов на онежских петроглифах.

¹ Укажу, например, на миф о поимке азами в сети Локи, обратившегося в лосося, или бой Вейнемейнена со старухой Лоухи, превратившейся в орда. Вообще любая мифология изобилует подобными рассказами о неудачных похождениях божеств, которых зачастую могут обмануть и поймать. Следовательно, для интересующего нас вопроса безразлично, изображены ли при этом на петроглифах звери или боги в зверином образе.

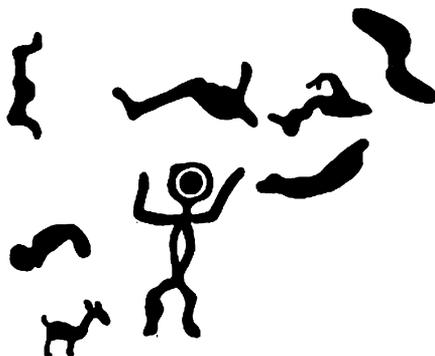

Рис. 5. Лунное божество и лунные символы на одной из композиций Перьего-Носу

Небезынтересна в этом отношении недавно вышедшая большая сводная работа К. Генце¹. Генце собрал огромный фольклорный и иллюстративный материал по лунному культу от палеолита до наших дней. И вот—замечательное дело! Среди массы древнейших, хронологически и стадияльно, лунных символов, фигурирующих в работе Генце, мы не найдем ни одного изображения полумесяца с какими-либо дополнительными аксессуарами типа карельских изображений на петроглифах. На многочисленных примерах и сопоставлениях Генце доказывает,—и вполне можно согласиться со многими из его положений,—что символические изображения луны хотя и разнообразны, но тем не менее ограничиваются повсеместно некоторым сочетанием представлений, возникающих в разных комбинациях у различных народов на одной и той же ступени общественного развития. И на петроглифах Онежского озера мы находим в высшей степени интересные комбинации именно тех же символических изображений, которые в большом числе нашел Генце в фольклоре и религиозной семантике различных народов.

Так, на Перьем-Носу мы находим группу из человеческой фигуры с поднятыми руками и головой, показанной в виде двух концентрических кругов; рядом изображена собака (частая эмблема луны=лунное животное=луна); тут же фигуры водолавающих птиц (=вода), обычно связываемые с луной; и, наконец, извилистая линия левее и выше головы человеческой фигуры, которую необходимо признать за змею или символ грома (=гроза=вода=луна) (рис. 5)².

На другом мысу Перьего-Носу мы находим снова подобную же человеческую фигуру со стоящей рядом собакой, причем руки человеческой фигуры оканчиваются двумя кругами (рис. 6).

Не менее интересно изображение на Перьем-Носу отдельно расположенных двух рисунков: человеческого бюста с поднятыми трехпальными руками и двух поднятых двупальных рук³. Возможно, что эти изображения связаны с представлением о лунных фазах, поскольку ущербление лунного диска часто вызывает в фольклоре и примитивной символике описание (изображение) поглощения кем-либо части лунного божества или отсечение самим таким божеством части

¹ C. H e n t z e—Mythes et symboles lunaires. Anvers, 1932.

² В издании В. Равдоникаса эта композиция отсутствует.

³ В издании В. Равдоникаса эти изображения значительно отличаются от моих копий.

своего тела¹, сообразно этому символически изображается фигура человека без какой-нибудь части тела или с неполным количеством пальцев на руке (рис. 7).

На Бесовом-Носу мы видим более сложную комбинацию символов подобного рода в виде изображенных (слева направо) человеческой

Рис. 6. Лунное божество на одной из композиций Перьего-Носа

фигуры с отсеченными руками, серии водоплавающих птиц, извилистой линии (змея? молния?), дерева жизни и плодородия (растущего ветвями вниз; тоже обычный символ, связанный с солнцем или луной) (рис. 8).

Я ограничиваюсь этими примерами, чтобы показать возможность найти среди петроглифов Онежского озера композиции, связанные непосредственно или генетически с лунным культом. Подобные толкования, однако, будут, с одной стороны, носить, конечно, несколько спорный и во всяком случае общий характер, с другой стороны—несомненно, окажутся более сложными, чем упрощенное объявление полумесяца солярным или лунарным символом. Кроме того, подобные толкования, как я уже говорил, будут скорее касаться генетики самих изображений, а не тех конкретных представлений, которые с ними связывали авторы петроглифов.

Подобным же образом можно согласиться, что некоторые символические фигуры онежских петроглифов, как, например, изображенные колеса со «спицами» (см. рис. 3), по аналогии с многочисленными подобными изображениями первобытной символики, действительно связывались с представлением о солнечном или лунном диске.

Гораздо существеннее для поставленной нами цели рассмотреть некоторые другие особенности онежских петроглифов, особенности, которые, как мне кажется, могут характеризовать, несмотря на их немногочисленность, хотя бы в некоторой мере, не генетику изображений, а связывавшиеся с ними конкретные религиозные верования. Соглашаясь частично с Генце, что традиция в характере изображений, особенно религиозно-символических, отличается в первобытном обществе особенной козностью, надо, однако, относиться к этим изображениям с особой осторожностью, чтобы не смешать внешние пережиточные признаки с содержанием, вкладывавшимся в рисунки, и тем самым не приписать идеологии данного общества элементов давно пройденного прошлого.

¹ На копиях В. Равдоникаса, сделанных на этом месте с очисткой скалы от лишая, что позволило открыть новые фигуры, мы видим правее и выше целую человеческую фигуру. Эта последовательность (целая фигура—голова, плечи и руки—одни руки) еще более подкрепляет мысль о связи этих изображений с представлением о лунных фазах.

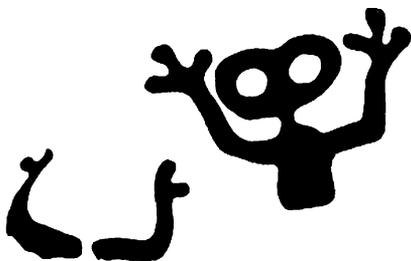

Рис. 7. Символы ущербленной луны на Перьем-Носу

При просмотре всех композиций на мысах Онежского озера около селения Бесов-Нос невольно привлекает внимание то обстоятельство, что различные композиции резко отличаются друг от друга своеобразием своего характера. На одной композиции преобладают изображения водоплавающих птиц, как, например, на Карицком-Носу. На другой мы встречаем преимущественно те изображения, кото-

рые В. Равдоникас считает солярными и лунными символами, например на одном из южных мысов Перьега-Носа, так наз. «Охотничьей Скале». Только на композиции Бесова-Носа имеются изображения рыб и т. д. Несомненно, что это было вызвано различием содержания, вкладывавшегося в эти композиции.

Наряду с таким различием во многих из этих композиций повторяются одни и те же или очень сходные частичные комбинации, или отдельные фигуры. Таковы, например, уже приводившиеся выше изображения человека с собакой, поднятые руки или часто встречающиеся изображения двух птиц, опрокинутых головами друг к другу и т. д. В этих повторяющихся комбинациях и фигурах приходится видеть установившуюся символику отдельных образов, вроде подобных же повторений в любом фольклорном произведении описаний божеств, героев, людей, обстановки, предметов, действий. Так общее рассмотрение онежских петроглифов приводит к выводу, что мы имеем здесь дело с изображением разнообразных религиозно-мифологических сцен, в которых, как обычно в таких случаях, повторяются в разных местах изобразительные эпитеты и традиционные описания (возможно, в приложении к разным персонажам и действиям в принятой символике).

Это уже далеко не то, что было на петроглифах Бесовы Следки, где, по видимому, содержанием служит общее представление о «хозяевах» леса, моря, реки и подвластных им животных, которых они по просьбе охотников, закрепленной магическим обрядом, посылают в виде охотничьей добычи. Представление о фантастических родственных связях охотников с этими «хозяевами» (отражение родовых отношений, царящих в обществе), представление, которое, как пережиток тотемических верований, мы можем вывести на основании этой композиции для стадии, хронологически соответствующей времени петроглифов Бесовы Следки, оказывается уже затемненным, видоизмененным в сложных композициях рисунков на Онежском озере.

Конечно, дело обстояло бы очень просто, если бы мы могли отыскать на онежских петроглифах такие серии изображений, которые имели бы убедительные параллели в древнейших частях дошедшего до нас северного эпоса. Долгое время такая мысль была у меня, но все мои попытки в этом отношении привели только к нескольким спорным аналогиям.

Однако существуют некоторые типы, связывающие онежские петроглифы с «Калевалой».

Несомненно, что представление о божестве воды, о «хозяине» и п населяющих воды рыб делало очень широкое распространение и может быть обнаружено во всех, вероятно, первоисточниках мифологиях. Однако несколько иначе обстоит дело, если мы обратим внимание на атрибуты, которыми такое божество наделяется. В «Калевале» таким божеством является Ахто, который изображается в одной из рун следующим образом¹:

Ахто, ты глубин хозяин,
Сотни омутов владыка.
Ты возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семисаженный,
По всему пройдися морю,
В тростниках жезлом поройся,
К нам гони ты рыбы стаи.

Рис. 8. Лунные символы на Бесовом-Носу

Мне кажется, что можно с полным правом сопоставить этот образ «хозяина» вод с одной характерной фигурой, изображенной на центральной композиции Перьега-Носа: с человеком (божеством), держащим в каждой руке по длинной палке (рис. 9).

Недалеко от этой находится вторая фигура (рис. 10), которая таким же образом невольно заставляет вспомнить о Тапшо, «хозяине» леса, который в рунках Калевалы описывается в виде старика с темной бородою, в высокой шапке из сосновых игл². Вся композиция, в которой помещены эти фигуры, пожалуй, более отчетливо, чем другие, дает почувствовать связанность изображенных на ней сцен. Здесь в известной мере можно даже наметить своеобразную ориентировку фигур. В центре помещены три основных, повидимому, изображения: 1) мужская и женская фигуры в позах акта «дефлорации», как предполагает А. Линевский, 2) человеческая фигура, стоящая на какой-то птице или рыбе, 3) фигура ящерицы или выдры или же шкуры животного; возможно, что сюда же надо отнести большой круг с отходящими от него двумя чертами, концы которых соединяются. Остальные фигуры размещены почти на спирали, заканчиваю-

¹ Руна 48, ст. 35 и сл., изд. 1933 г.

² Руна 14, ст. 153 и след. и другие места в «Калевале».

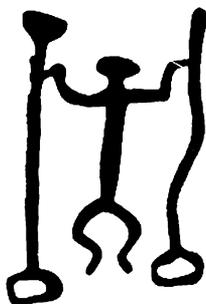

Рис. 9

Рис. 10

Изображения Ахто и Тапио на Перьм-Носу

щейся в центре этими изображениями. При этом почти друг против друга мы видим две однородные сцены: по три оленя (лося) с лодкой около них и короткой вилкообразной фигурой над головой передней животного. Между этими двумя сценами с одной стороны находятся две пары водоплавающих птиц, лодка, две описанные выше фигуры (Ахто, Тапио), две отдельные водоплавающих птицы, из которых одна связана с каким-то сложным предметом; с другой стороны — лодка, окруженная несколькими символическими знаками, круг с отходящими от него двумя чертами и фигура человека, убивающего лося или оленя. Деление на такие части, быть может, подтверждает также тем, что в каждой из них изображено по лодке (с гребцами) (рис. 11, где длинными стрелками помечено мною направление чтения) ¹.

Эта композиция, как мне кажется, достаточно убедительно показывает, что мы имеем здесь дело с графическим изображением более или менее последовательного рассказа, в котором, чтобы сказать, дважды повторяется какой-то эпизод, связанный с тремя лосями ². А в стоящих в начале двух фигурах можно видеть прототипы Ахто и Тапио позднейшей северной мифологии.

Связаны ли эти сцены с солярными культами? Возможно, они генетически и связаны, как многие мифы, утерявшие частью или полностью такое свое значение. Но я не думаю, что наличие в этой композиции двух кругов с отходящими от них концами или кругов над головой одного из лосей могло служить указанием, что содержание этой композиции целиком или в значительной части связывалось авторами его с каким-либо солярным или лунарным мифом, воспринимаемым, как таковой.

В «Калевале» можно проследить значительные пережитки культа водоплавающих птиц и лося. Лебедь называется святым ³, утка-

¹ В издании В. Равдоникаса этой композиции нет.

² Сравни с этим описанием в 13-й и 14-й рунах «Калевальи» двух последовательных попыток Лемминкейнена поймать лося Хиси.

³ «Калевала», руна 15, ст. 108.

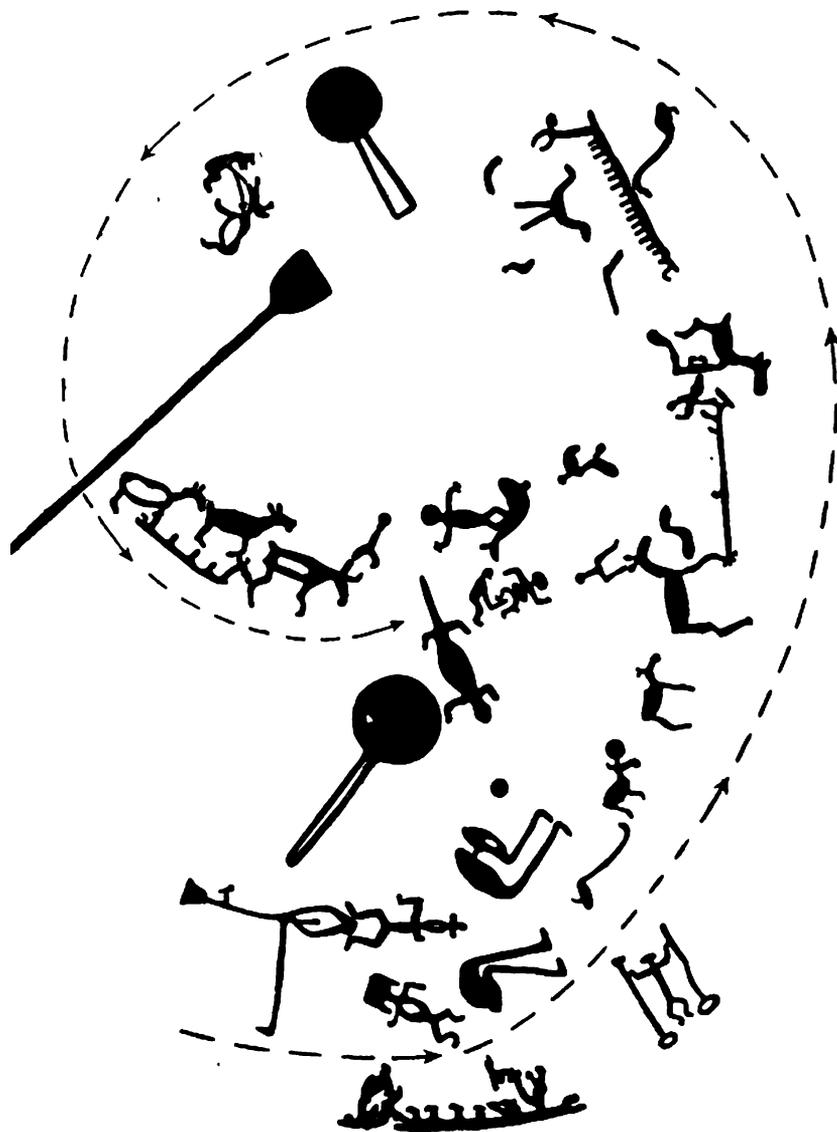

Рис. 11. Часть так называемой «крыши» на Перьем-Носу

мудрой¹, утка участвует в создании мира². За попытку убить по приказанию Лоухи дебеда Лемминкейнен был поражен стрелой в виде змеи (молния)³; чудесный лось (олень) Хиси⁴, несомненно, в основе

¹ «Калевала», руна 22, ст. 327.

² «Калевала», руна 1.

³ «Калевала», руна 14, ст. 373 и след.

⁴ «Калевала», руны 13, 14.

Рис. 12. Изображение лебедя на северном берегу Бесова-Носа

своей является прототипом этого божества лесных животных. И если мы сравним это с позднейшими пережитками так называемого «хватничества»¹ в Карелии, где в связанных с ним легендах главную роль играет олень, или с тем обстоятельством, что на Севере, в частности в Карелии, мясо лебедя и утки в пищу не употребляется; или с показаньем П у р е и п у с а о том, что лопари большинству своих каменных сейд (изображения божеств) придают вид птиц; или с сообщением Х е г с т р е м а, что среди таких лопарских изображений он находил изображения северного оленя; если мы сравним это, с другой стороны, с археологическим материалом, свидетельствующим о культе леса (фигурные молоты) и птицы (глиняные фигурки птиц) во втором тысячелетии нашей эры, нам не покажется странным, что это нашло свое отражение и на онежских петроглифах. Помимо того, что огромное число фигур на этих петроглифах изображает преимущественно оленей и лосей или водоплавающих птиц, мы можем видеть еще такую деталь, как совершенно одинаковое изображение лап водоплавающих птиц и рук человекообразных фигур, которые изображаются трехпальными (если, конечно, не стилизованы до сведения к простой черте). Точно таким же образом лопарское божество леса Парне представляется имеющим по три пальца на руке. А в «Калевале» говорится о старике в Манале с тремя пальцами на руках². Очевидно, что в этих случаях мы имеем дело с пережиточной традицией переноса в графике на антропоморфизированные божества частных признаков предшествовавших им тотемических божеств. в данном случае водоплавающей птицы³. Поэтому ряд изображений водоплавающих птиц на онежских петроглифах (особенно повторяющиеся в разных местах изображения птиц с явно имеющей символическое значение деталью—рядом параллельных углов или дуг внутри тела) можно считать не простыми птицами, объектами охоты, а изображениями сверхъестественных существ, частью, быть может, травестированными божествами, примеров чему мы много находим в северном эпосе⁴ (рис. 12).

¹ Долго сохранявшийся обычай приносить около часовни в жертву оленя (позднее быка), причем присутствующие «расхватывали» кости убитого животного.

² «Калевала», руна 16.

³ Этому не противоречит сказанное выше о символике изображения лунных божеств в виде людей с недостающими частями тела, в частности с неполным количеством пальцев на руках. Водоплавающие птицы, символизирующие воду, постоянно связываются в мифологии с луной, в символике которой чрезвычайно распространены изображения воды и водоплавающих птиц.

⁴ Например, в «Калевале», руна 43 о превращении Лоухи в орла; руна 5—о превращении сестры Эухайнена в рыбу; руна 16—о превращении Вейнемейнена и т. д. Еще чаще такие эпизоды встречаются в «Эдде».

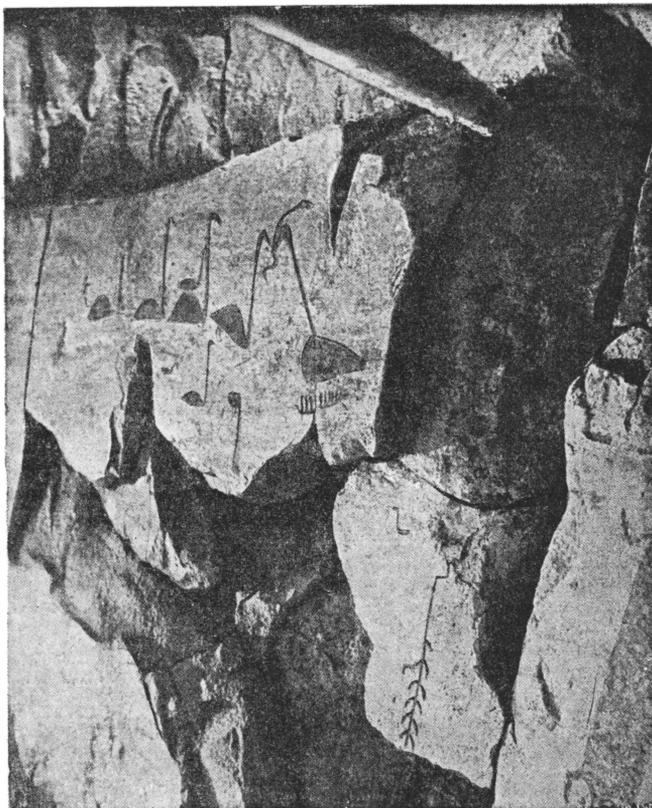

Рис. 13. Лунные символы на Бесовом-Носу

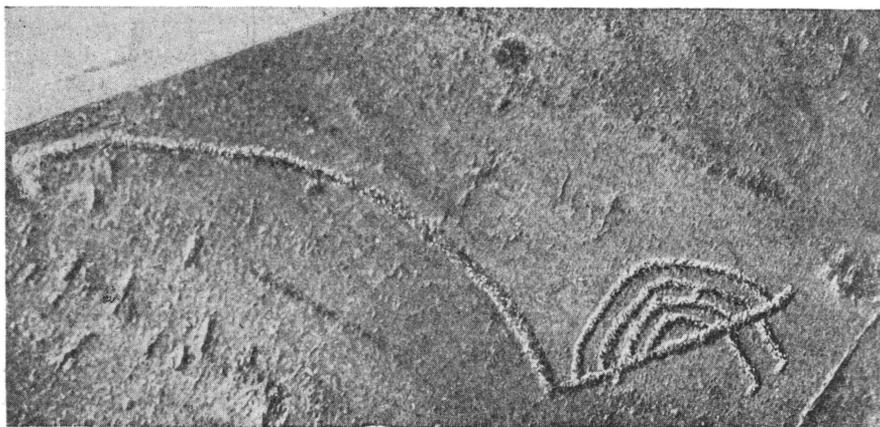

Рис. 14. Изображение лебедя на сев. берегу Бесова-Носа

О том же, быть может, свидетельствуют также изображения подчеловеческих, полуживотных фигур на онежских петроглифах. А может быть, они связаны были со сказаниями о происхождении некоторых мифических персонажей от животных или о рождении их в виде животных, вроде эддического мифа о волчице Фенрир. Повторяю, что я очень скептически отношусь к выдвинутой в последние годы гипотезе о значении этих фигур, как исполнителей магического действия, наряженных животными. О причинах этого я говорил выше; и к этому могу только добавить, что при такой гипотезе становится трудным объяснить, почему только немногие антропоморфные фигуры изображены в получеловеческом, полуживотном виде, тогда как большинство человеческих фигур передано в обычной их стилизации без всяких звериных признаков.

Несомненно, что подобные терио-антропоморфные фигуры в религиозной символике ведут начало от чисто звериных форм палеолита, тотемных изображений божеств в животных образах. Безспорно, что с точки зрения генетики и эволюции подобных фигур их можно сопоставлять и с палеолитическими изображениями людей, замаскированных под животных, и с многочисленными этнографическими примерами обрядовых действий таких же замаскированных под животное исполнителей обрядов. Но к тем же истокам сводятся и мифы о превращении людей в животных и даже рассказы об оборотничестве. И для нас вопрос в отношении карельских петроглифов стоит так: представляли ли себе авторы петроглифических терио-антропоморфных фигур эти изображения, как замаскированных обладающих звериным обликом божеств, под богов-зверей, в конечном счете под божество-тотем, или же в этом рисунке они видели антропоморфное божество, сохраняющее по традиции, может быть, даже не всегда им понятной, звериные черты: или—но интербергговской терминологии—представляют ли эти изображения «хозяйна той или другой группы животных или «старшего брата» этих животных?

При такой постановке вопроса ответ, конечно, остается спорным. Но уже тот факт, что на более древних петроглифах Бесовы Следки мы встречаем совершенно антропоморфизированные фигуры божеств, что большинство человеческих изображений (изображений божеств) на онежских петроглифах не имеет никаких звериных признаков.—заставляет нас более склоняться к той мысли, что мы имеем здесь дело скорее с мифологией, в которой, как обычно, повторяются мотивы оборотничества, чем что-либо иное.

Подводя итоги, можно сказать, что, повидимому, мы имеем здесь дело с изображениями, связанными с такими религиозными верованиями, пережиточные отголоски которых докатились до нас в относительно позднем северном фольклоре. Но они сохранились в нем только в некоторых наиболее древних местах текста. Самые характерные для этого эпоса черты, а также мифы, божества и герои, сказания о которых хотя и возникли на этой древней основе, но уже после сложения прочих этнических групп, и которые связаны с этими

Рис. 15. Часть «крыши» Перьего-Носа с изображением Ахто

Рис. 16. Изображения птиц на Кладовце-Носу

группами, уже не прослеживаются на карельских петроглифах. Только наиболее, повидимому, древние в основе своей божества общесверной и местной мифологии, которых мы знаем под их быть может, позднейшими именами Локи-Лоухи, Тапио, Ахти-Лемминкейнен, возможно, могут быть связаны с некоторыми изображениями на онежских петроглифах. Нашло свое отражение в общесверном эпосе и развитое ранее почитание лося и водоплавающих птиц.

Установление связи между петроглифами Карелии и северным эпосом, в частности «Калевалой», помимо прочего, позволяет подчеркнуть еще раз характер общественного строя первобытных охотников Карелии. Действительно, если исключить из «Калевалы» некоторые явно позднейшие вставки (вроде строк «уплатить, поехал, подать поземельные налоги») ¹, мы, собственно говоря, увидим классическое произведение народного творчества, возникшее в обществе, еще не знающем классов, принудительной власти, государства. Но «Калевалу» отделяют от карельских петроглифов более двух тысячелетий, а потому можно с совершенной уверенностью говорить, что те достаточно яркие пережитки материнского права, которые мы находим в «Калевале» и которые отмечены были Ф. Энгельсом в «Эдде» и о которых я говорил выше, в эпоху создания петроглифов должны были быть в полном развитии. Трудно даже представить себе, какие основания могут быть для утверждения последовавшего эти петроглифы В. Равдоникаса, относившего эти памятники к «переломной, переходной от матриархата к патриархату» эпохе ².

По содержанию изображений в той небольшой мере, в которой поддается раскрытию понимание этих изображений их авторами, мы можем заключить, что даже на древнейших из них мы имеем дело с уже антропоморфизированными божествами; правда, онежские петроглифы показывают, что в традиции изображения божеств, а следовательно, и в существовавшей тогда мифологии, божествам этим все время приписывалось много звериных черт, но это факт обычный и общезвестный.

При этом древнейшие петроглифы, поскольку можно судить на основании доселе нам известных, повидимому, не дают оснований для предположения о какой-либо сложной и разветвленной мифологии. Мы видим на них как бы выражение одной комплексной идеи, без развития повествовательного рассказа. Напротив, онежские петроглифы подводят нас к истокам именно подобных сказаний с повторяющимися персонажами, с повторениями отдельных эпизодических описаний. Нет сомнений, что в этой мифологии играют роль и сверхъестественные животные (божества-животные, превращение в животных и пр.). Можно не колеблясь допустить, что и солнечные и лунные божества и мифы в том или ином виде изображены на онежских композициях; примеры таких изображений были приведены

¹ Руна 35, ст. 73—74.

² Резюме доклада на пленуме ГАИМК 20 декабря 1935 г.

Рис. 17. Наивысшая точка расположения петроглифов на Карицком-Носу

выше¹, но вряд ли можно сомневаться, что первобытные охотники Карелии в половине второго тысячелетия не сводили существовавшей у них мифологии целиком только к солнечному или лунному культу, и что в этих мифологических сказаниях лунные и солнечные божества существовали наряду с божествами леса, воды и гор.

В заключение надо выразить сожаление, что огромный этнографический материал, собранный за многие годы некоторыми этнографами Севера, и в частности Карелии, остается до сих пор неопубликованным. Можно думать, что он помог бы выяснить содержание и назначение карельских петроглифов, все еще остающихся малоразгаданными и в высшей степени важными археологическими памятниками истории первобытной Карелии.

R É S U M É

En Carélie on a trouvé des pétroglyphes à deux endroits: à l'embouchure du fleuve Vyg, près de la Mer Blanche qui sont attribués au III-ème millénaire avant notre ère d'après les campements qui s'y rattachent, et sur la côte orientale du lac d'Onéga près du village Biessov-Noss, qu'on attribue au milieu du II-ème millénaire avant notre ère.

L'auteur de l'article se propose d'établir le sens des pétroglyphes de Biessov-Noss.

L'auteur formule des objections contre V. Ravdonikas qui essaye d'appliquer aux pétroglyphes de Carélie l'hypothèse d'Almgren concernant une partie des pétroglyphes scandinaves qui représenteraient soi-disant des cérémonies des cultes solaires. La comparaison des images

¹ Сравни с лопарским мифом о том, как дочери солнца и луны поймали и приручили оленей; 11-я руна «Калевалы» о сватовстве солнца, луны и Полярной звезды к Кюликки; и солнце, и луна, и Большая Медведица в «Калевале» — не только божества, но и имеют божественных детей. То же и в «Эдде».

scandinaves (fig. 1) avec les images caréles (fig. 2) qui représentent scandinaves des symboles solaires et lunaires (fig. 2, 3, 4) démontre qu'ils n'ont aucune ressemblance. Il est possible qu'une partie de ces dessins représente des pièges pour prendre des bêtes.

L'auteur estime que les pétroglyphes de Biessovs-Noss témoignent d'une mythologie avancée et représentent des mythes qui en partie nous ont été transmis par la mythologie nordique, en particulier dans le Kalevala. D'après leurs origines différentes compositions (fig. 5, 6, 7, 8) se rapportent au culte lunaire, mais il est peu probable que les auteurs de ces dessins primitifs leur aient donné seulement ce sens. Dans certaines figures on peut discerner les dieux mentionnés dans le Kalevala (le dieu des eaux—Akhto avec deux perches (fig. 9), le dieu des forêts—Tapio avec un bonnet en aiguilles de pin (fig. 10). Plusieurs compositions qui permettent de discerner la disposition des figures (par exemple en spirale, fig. 11) prouvent que nous nous trouvons devant tout un récit. Il existe certaines analogies entre le texte du Kalevala et les dessins sur les pétroglyphes de Carélie: les figures d'hommes à trois doigts (cf. le vieillard à trois doigts dans Manala, le Parne des lapons etc.), le grand nombre des images d'oiseaux et des élans (cf. le culte du canard, du cygne, de l'élan, du cerf dans le Kalevala), la répétition de certaines combinaisons de figures (cf. les répétitions de texte dans les poèmes épiques) etc. Il y a aussi des analogies avec différents objets archéologiques de la même époque (avec des élans et oiseaux sacrés taillés en pierre ou en terre glaise, des pendeloques phaliques). Toutes ces analogies ainsi que des données ethnographiques de notre temps conduisent l'auteur à la conclusion que les pétroglyphes de Carélie se trouvent liés aux poèmes épiques nordiques les plus anciens qui se sont formés avant que le procès ethnogonique de la formation des peuples nordiques (finnois, germaniques, lapons et carels) se soit encore terminé, à l'époque du plein développement de la famille matrimoniale.

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ Кавказа

Мегалитические памятники встречаются на Кавказе во многих районах и носят чрезвычайно разнообразный характер. Северокавказские долмены привлекли к себе внимание западноевропейских ученых уже в начале XIX столетия. О них говорят в своих работах *Bell—Journal of three years in Circassia* и *Dubois de Montpérix—Voyage autour du Caucase*, причем как тот, так и другой автор дают не только описание долменов, встречавшихся на территориях, заселенных черкесскими племенами, но и зарисовки этих весьма замечательных памятников. Северокавказским долменам повезло—им посвящено множество работ *Фелицына*, в частности обстоятельная монография, напечатанная в X томе «Материалов по археологии Кавказа»; о них неоднократно говорит *Е. Шаутге* в «*Recherches archéologiques dans le Caucase*». Особенное внимание привлекали к себе долмены черноморские, детально описанные и пронумерованные *Г. Сорхтиным* в № 1 «Записок Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа» (Новороссийск, 1916). Однако кубанскими и черноморскими долменами далеко не исчерпываются кавказские долмены, встречающиеся не только на Северном Кавказе и Черноморье, но и в ряде областей Закавказья. Из долменов Закавказья наиболее подробно описаны и зарисованы долмены Тальша, на западном побережье Каспийского моря. Им посвящена специальная глава тома IV «*Délégation en Perse*» *Ж. де Моргана*. Но, кроме тальшских долменов, в Закавказье долмены обнаружены в Гокчипском и Ахалкалакском районах. К тому же нельзя не согласиться с мнением *Байерна*, раскопавшего в семидесятих годах прошлого столетия могильники Самтавро (около Мцхета) и утверждавшего, что некоторые типы гробниц Самтавро по существу являются подземными долменами. Таким образом, уже в настоящее время можно утверждать, что на Кавказе долмены обнаружены: 1) на Черноморском побережье, 2) на Кубани, 3) в Тальше, 4) в Гокчипском районе, 5) в районе Ахалкалак, 6) в Мцхетском районе, 7) в Цалкинском районе (см. «Отчет по археологической поездке в Цинкаре» *А. Грена*, «Известия Кавк. отд. Московского арх. о-ва», выпуск 2, стр. 44).

Кавказские долмены чрезвычайно разнообразны по своему типу. Так, черноморские и кубанские долмены представляют собой правильно сложенные сооружения из огромных тесаных каменных плит,

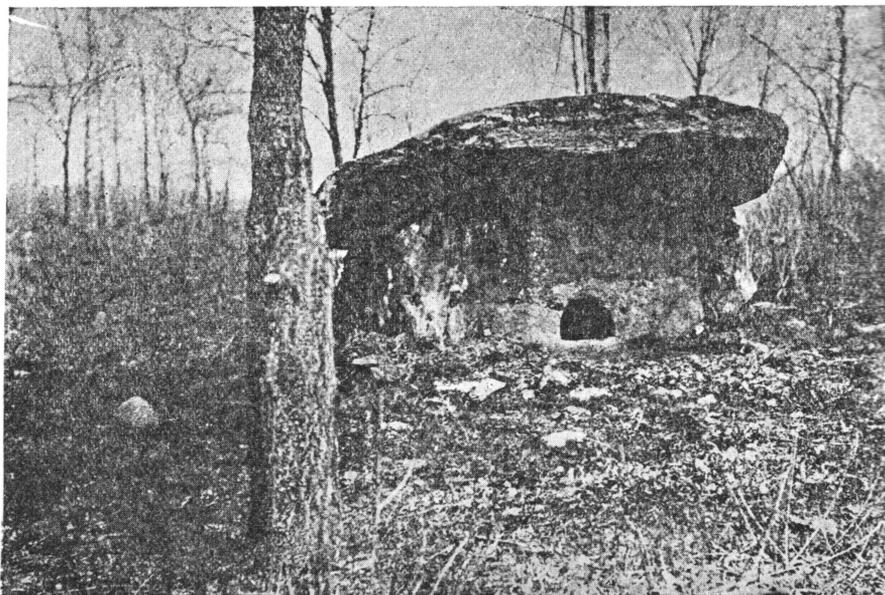

Рис. 1. Долмен № 2 находится близ станции Каменоломной, расположенной в пяти километрах от станции Даховской у впадения в р. Белую речки Кожжух Глубокий. Кожжухский район, так же, как и Дегуайский, изобилует долменами. Долмены № 1 и 2 достаточно примитивны, однако в своей эволюции они далеко ушли от первобытных долменов, сложенных из глыб дикого камня и встречающихся как на Кавказе, так и на Западе

достигающих иногда 4—4½ м длины, 2—3 м ширины и 40—45 см толщины. По сравнению с долменами, сложенными из огромных необтесанных каменных глыб, черноморские и кубанские долмены представляются сооружениями весьма совершенными, явившимися результатом весьма длительной эволюции.

Долмены Закавказья несравненно более примитивны. Наиболее примитивными, повидимому, являются долмены Ахалкалакского района, изученные, заснятые и описанные тбилисским археологом Л. М. М е л и к с е т - Б е к о в ы м (работа еще не опубликована). Во многих случаях долмены, заснятые Меликсет-Бековым, фактически являются искусственным продолжением пещерных жилищ, их vestibule. К сожалению, впрямь до опубликования работы Меликсет-Бекова, мы не имеем возможности подробно остановиться на ахалкалакских долменах. Однако не исключена возможность, что детальное изучение ахалкалакских долменов вскроет некоторые темные стороны вопроса о происхождении долменов вообще. Достаточно примитивными также являются долмены Талышского района, описанные Ж. де Морганом, и Гокчинского района. Один из этих долменов заснят и воспроизведен в работе акад. И. И. Мещанинова, посвященной циклопическим сооружениям Закавказья (Ленинград,

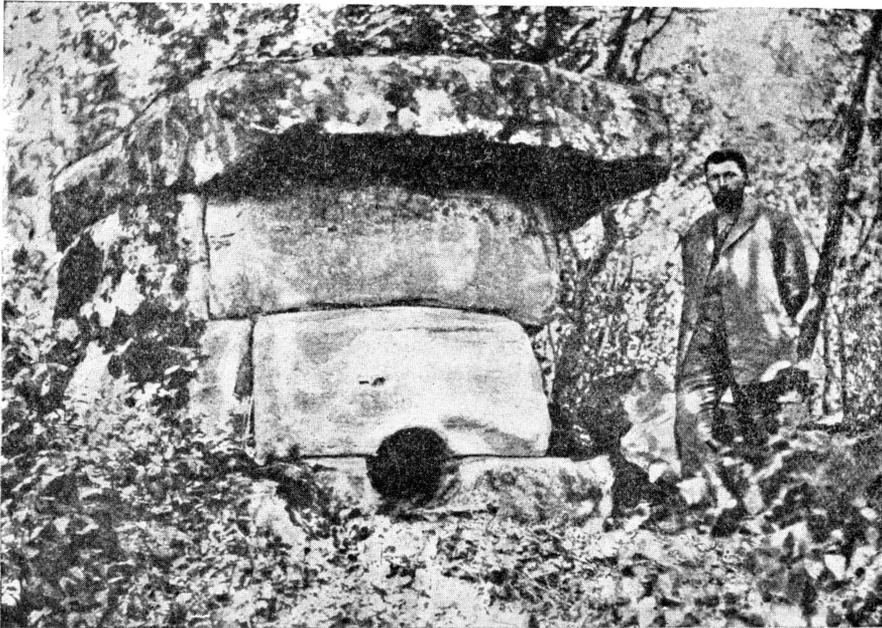

Рис. 2. Долмен № 2 может служить характерным образцом эволюции долмена, когда постепенно от цельных каменных плит стали переходить к нескольким плитам меньших размеров. Долмен № 4 на реке Жане, близ шоссе, идущего из Геленджика в село Пшады. Аналогичные долмены, сложенные из нескольких плит, сравнительно небольших размеров, встречаются также на притоке Верхней Кубани—Индьше. К сожалению, зарисовки, произведенные учителем Ханчковым (см. выпуск 13 «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа») далеко не точны

1932. издание Государственной Академии истории материальной культуры).

Черноморские и кубанские долмены интересны не только своими достаточно правильными очертаниями, но и тем, что они являются результатом длительной эволюции сооружений, первоначально складывавшихся из громадных камней и не подвергавшихся никакой обработке. На Черноморье и на Кубани мы можем проследить дальнейшую эволюцию этих сооружений и зафиксировать, как постепенно огромные плиты уступали место плитам все меньших и меньших размеров, что вовсе не отражалось на размерах самого долмена. Увеличивалось лишь число плит, размеры которых все уменьшались и уменьшались. В данном случае чрезвычайно характерны два долмена, расположенные в 7 км от Геленджика, за первым железным мостом, на шоссе, идущем через Михайловский перевал в Пшады (где имеется ряд долменов), Архип-Осиповку и Туапсе. Долмены эти расположены, примерно, в 200 м друг от друга. Первый долмен сложен из 4 цельных боковых плит в 3—4 м длиной и перекрыт плитой в 3,6 м длины, 3,4 м ширины, 0,4 м толщины. Стены же долмена, стоящего рядом,

сложены уже из отдельных обтесанных камней. Точно так же из отдельных обтесанных камней сложен долмен, стоящий на площадке небольшого горного кряжа на правом берегу р. Жанэ. Длина отдельных плит колеблется от 0,40 до 1,25 м, высота достигает 0,40 м. т. е. в несколько раз меньше размеров плит долменов обычного типа. Однако эволюция долменов не остановилась на замене цельных плит несколькими плитами крупных размеров. Она пошла дальше, чему наглядным примером служат склеповые сооружения, встречающиеся в верхнем бассейне Кубани, в Баталпашинском районе. Эти склеповые сооружения находятся в непосредственном соседстве с районами, в которых распространены долмены, и являются прямым их продолжением. Впрочем, изменился не только материал, из которого сложены эти долмены, изменилась также и форма отверстия, находящегося на лицевой стороне сооружения: из круглого отверстие сделалось четырехугольным. Связь и преемственность между различными типами долменов, находящихся на Черноморском побережье и в Кубанском районе, неоспоримы, так как все эти памятники расположены в одних и тех же районах и часто в непосредственной близости друг от друга. Поэтому мы можем смело утверждать, что в начальной стадии своего развития долмены Черноморья и Кубани воздвигались из больших цельных плит, которые, в конце концов, уступили место плитам значительно меньших размеров (долмен Жанэ и долмен, находящийся в 7 км от Геленджика). В свою очередь долмены, сложенные из цельных тесаных плит, явились результатом длительной эволюции первоначальных долменов, сложенных из необтесанных глыб дикого камня. Эволюция эта, конечно, должна была потребовать много тысячелетий, что необходимо учитывать при определении возраста кавказских долменов.

Однако эволюция северокавказских долменов не остановилась на замене цельных плит плитами небольших размеров. Она пошла дальше и продолжалась вплоть до нашего времени, так что можно смело утверждать, что многие из склеповых сооружений Северной Чечни и Хевсуретии являются непосредственным продолжением склеповых сооружений, находящихся на хребте, окаймляющем ущелье р. Кефар, и в ущелье р. Индыш. К таковым относятся: 1) склеповые сооружения покинутого городища Упейди, на р. Аргун, лежащего несколько к югу от чеченского аула Джарега у самой границы Пирикительской Хевсуретии; 2) склеповые сооружения местечка Анатори, лежащего в 4 км к северу от хевсурского селения Шатиль, на слиянии Аргуна, носящего в пределах Хевсуретии название Шатилис-Цкали (Шатильская вода), с потоком Андакис-Цкали (он же Ардотис-Цкали); 3) некоторые из склеповых сооружений покинутого замка Муцо (Пирикительская Хевсуретия); 4) некоторые склепы хевсурского селения Ардоти. Все эти склеповые сооружения сложены из тонких сланцевых плит, но формы их идентичны формам долменов, сложенных из небольших каменных плит района ущелий р. Кефар и р. Индыш.

Таким образом, мы вправе утверждать, что обычай воздвигать долмены и склеповые сооружения охватывает на Кавказе огромный

Рис. 3 и 4. Склеповые сооружения, расположенные на вершине горного хребта, окаймляющего слева приток Бол. Зеленчука Кефар, служат образцами дальнейшей эволюции долменов, когда цельные каменные плиты уступили место нецельным плитам, причем последние становились все более и более мелкими, что привело к изменению формы отверстия, проделанного в передней плите долмена—из круглого оно становится четырехугольным

период времени. Судя по последним изысканиям, долмены Черноморья относятся к 2500—1200 гг. до нашей эры. Эволюция, которую проделали склеповые сооружения долменообразного типа, с момента замены цельных плит плитами все меньших и меньших размеров, вплоть до сланцевых плит, охватывает период времени, не меньший, чем 3 000 лет (с XII столетия до нашей эры вплоть до конца XVIII и начала XIX столетий). Не меньший период времени, наверно, потребовала эволюция, имевшая место с момента сооружения долменов из необтесанных глыб дикого камня до их сооружения из больших тесаных плит. Таким образом, без большой натяжки можно предположить, что появление первых долменов на Кавказе должно быть отнесено минимум к пятому или шестому тысячелетию до нашей эры, т. е. к периоду неолитическому или к концу неолитического периода. Однако пока не будет произведено тщательное обследование мегалитических памятников Кавказа в целом, подобные исчисления являются вполне гипотетическими.

Закавказский мегалит может быть косвенным образом датирован находками, сделанными в курганах Сузианы. В этих курганах, относящихся к пятому тысячелетию до нашей эры, были обнаружены орудия из алагезского обсидиана (см. J. de Morgan: 1) статью «Les stations préhistoriques de l'Alagheuz» в «Revue d'anthropologie de Paris», июнь 1909, 2) главу из «L'Humanité préhistorique», посвященную международному обмену).

Менгиры, каменные аллеи, кромлехи чрезвычайно распространены в Закавказье. Они встречаются в Зангезуре, в районе реки Базарчай, в Даралагезе, в районе Алагеза, Караклиса. Менгиры весьма многочисленны в бассейне р. Храм, в Ахалкалакском районе и т. д. Христианизация менгиров получила широкое распространение как в Грузии, так и в Армении. Можно смело утверждать, что огромное большинство так называемых крестовых камней (по-грузински квисджвари, по-армянски хачкары) являются не чем иным, как христианизированными менгирами. Весьма любопытны менгиры, находящиеся в верхнем бассейне р. Кубани, описанные В. С. Соевым, заснятые и зарисованные Е. Д. Фелицыным и Г. И. Куликовским (см. «Материалы по археологии Кавказа», т. VII, статью «Поездка на реки: Кубань, Зеленчуки, Теберду летом 1895 г.»). Здесь, в ущельях Верхней Кубани, Б. Зеленчука и Теберды, находятся ряд менгиров, достигающих часто 5—6 м высоты. Большая часть их христианизирована, притом, повидимому, не позже X—XI вв., так как на многих из христианизированных менгиров встречаются греческие надписи, которые могли быть начертаны лишь только тогда, когда в этих районах еще было сильно влияние Византии. Менгиры вплоть до наших дней служат и служили на Кавказе объектами культа. Так, еще в девяностых годах прошлого столетия в 1 км к западу от селения Белый Ключ (Ак Булах), служившего тогда штаб-квартирой Грузинского гренадерского полка, стоял менгир, имевший форму цилиндра. К менгиру стекались богомольцы со всех сторон Закавказья. В день Ивана Купала справлялось особое празднество. Понадобилось специальное распоряжение местного ду-

ховенства, чтобы положить конец подобным паломничествам. Другой весьма любопытный менгир, но только христианизированный в XI в., находится в 6 км от Белого Ключа около крепости и городища Самшвильдэ. Менгир этот стоит в особой часовне и, повидимому, связан с фаллическим культом. Ему еще до недавнего времени приносили в жертву петухов и баранов, а женщины на коленях обходили часовню, целуя каждый из ее углов. В праздник Успения в часовне у менгира, на котором выгравированы символическое изображение Голгофы и распятого креста, а также армянская надпись князя князей Сумбата, датируемая 1065 г., справлялось особое богослужение. День этот является как бы храмовым праздником часовни и менгира. Самшвильдский христианизированный менгир имеет 2,25 м высоты и 0,7—0,9 м ширины. В этом же районе, по соседству с самой крепостью, находится другой, нехристианизированный менгир несколько меньших размеров.

Весьма интересный христианизированный менгир находится в верхнем бассейне р. Храм, около селения Санта, Цалкинского района. Менгир этот—овальной формы. В верхней его части высечен крест. По мнению местных жителей, менгир этот обладает целебными свойствами—на него возлагают слабых детей.

Верования и культы, связанные с менгирами, в недалеком прошлом сохранились кое-где на Кавказе. В Ингушетии они носили ярко выраженный фаллический характер. Фаллический же культ воздавался ряду менгиров в Ахалкалакском районе и в Зангезуре, причем в некоторых районах последнего донны сохранилась особая ритуальная одежда, в которую облачались женщины, справлявшие этот культ. К сожалению, не существует систематического описания культов камней на Кавказе. Однако даже по тем немногочисленным записям, которые имеются в настоящее время, можно смело утверждать, что эти культы в общем вполне аналогичны культам, существующим ныне или существовавшим еще недавно во Франции

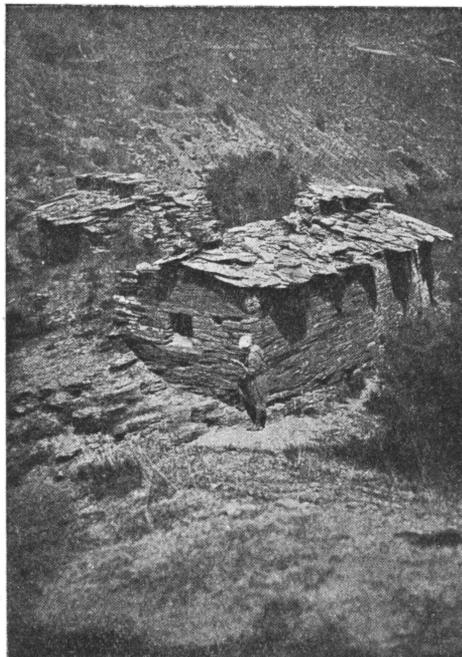

Рис. 5. Долменообразные склепы местечка Анатори, находящегося в Пирикительской Хевсуретии на слиянии потоков Шотилис Цкали с Андакис Цкали. По существу склеповые сооружения Анатори вполне аналогичны склеповым сооружениям хребта, окаймляющего приток Бол. Зеленчука Кефар

Рис. 6. Долменообразный склеп селения Ардоти (Пирикительская Хевсуретия, ущелье р. Андакис или Ардотис Цкали)

(см. статью P. Sebillot—Le culte des pierres en France, «Revue de l'école d'anthropologie de Paris», V, VI, 1902).

Весьма любопытно отметить, что сплошь да рядом приношения, оставляемые у менгира верующими, бывают вполне аналогичными как во Франции, так и на Кавказе. Так, например, девушки, справлявшие у менгиров, находящихся в местечках Монто и Меле (департамент Иль э Вилань), весьма характерный обряд скольжения (glissade), помогающий им выйти замуж в течение года, возлагают на камень кусочки материи и ленты (обычай возлагать на крестовые камни кусочки материи существует также во многих местах Закавказья). В департаменте Нижней Луары в первой половине XIX столетия девушки, желавшие выйти замуж, клали в трещинки менгира Лон Бое клочки шерсти и амулеты; люди обоего пола, стремившиеся жениться или выйти замуж, еще в 1902 г. втыкали или возлагали гвозди и булавки в трещины и впадины менгира, находящегося в департаменте Сены и Марны, в долине Люнэна. В конце XVIII в. ежегодно на заре 15 августа женщины Круассика (Бретань) уходили из своих домов и с громкими криками, держа друг друга за руки, направлялись к менгиру Лонг Пьер, вокруг которого танцевали все утро, водя хороводы. Аналогичные же верования и приношения можно было наблюдать еще в недавнее время во многих местах Кавказа и Закавказья.

Рис. 7. Группа склепов покинутого селения—замка Муцо (Пирикительская Хевсуретия, ущелье реки Андакис Цкали)

Вот что, между прочим, сообщал о менгире, находившемся около Белого Ключа, и о христианизированном менгире Самшвильдской часовни В. Т е п ц о в, записавший в 1890 г. местные легенды:

«В версте от Белого Ключа, к западу, стоит священный камень. Внизу у основания камень имеет форму цилиндра... Он как бы врыт в землю и, если это правда,—повидимому, на немалую глубину. Часть его над поверхностью более сажени высоты. Говорят, что и в глубину он врыт на столько же; диаметр— $1\frac{1}{2}$ аршина. Камень окружен оградой из булыжника, ничем не сцементированного. Несколько лет тому назад к камню стекались богомольцы из разных мест Закавказья. Сюда привозили больных для поклонения истукану. Летом, в день Ивана Купала, здесь собирался громадный табор богомольцев. Овцы и телята десятками приносились в жертву бгу и камню... Камни подобно описанному, не редкость в здешнем крае: их можно встретить почти в каждой древней церкви (преимущественно в армянских), где они служили престолом. На некоторых из них сохраняются еще древние надписи и рисунки. В развалинах крепости «Самшвильды» (sic) в трех верстах от Белого Ключа к югу есть древняя армянская церковь, в которой раз в год, 15 августа (разрядка моя—В. Х.), совершается торжественное богослужение. В этой церкви около северной стены стоит тоже огромный камень, украшенный надписями и рисунками (армянские надписи XI и

XVI вв.—В. X). Говорят что эти надписи нельзя прочитать; они будто бы, составлены из многих языков. Камень этот, по преданию, в том виде, как он есть, вышел сам из недр земли во времена глубокой древности. На поклонение этому камню стекаются сотни народов разных наций, и особенно армян. Камень украшается дорогими материями, разноцветными лентами, цепочками, кисеей. Десятки восковых свечей теплятся перед ним, как перед образом.

Таким образом, можно смело утверждать, что мегалитические памятники и верования, связанные с ними, на Кавказе и Западе представляют множество аналогий и, по всей вероятности, соответствовали одинаковым стадиям общественного развития. Только на Кавказе культы, связанные с мегалитами, оказались в силу ряда местных условий более живучими и более устойчивыми. К тому же на Кавказе наблюдается характерная эволюция в развитии самих мегалитических памятников, эволюция, отсутствующая, по видимому, на Западе, что придает особенный интерес кавказскому мегалиту. Выше указывалось на эволюцию долменов Северного Кавказа. По видимому, аналогичную эволюцию можно в некоторых случаях проследить и для кавказских менгиров. Ведь, на самом деле, чем является по существу знаменитый качающийся столб Татевского монастыря (Зангезур, Армения), как не весьма своеобразной эволюцией менгира?

Любопытно отметить, что легенды, связанные с менгирами, часто бывают совершенно одинаковыми в самых различных областях Закавказья. Так, по соседству с селением Татев (Зангезур), несколько к северо-востоку от него, стоит весьма характерный христианизированный менгир с высеченным в верхней части крестом. Менгир этот носит название Крест-ворона, и с ним связана известная легенда о вороне, свалившейся в котел, в котором варили пищу и в котором оказалась огромная змея. В Грузии, между селениями Ахалсопели и Шавшеби, расположенными около города Гори, имеется церковь Каввис-сакдари (Воронья церковь); в ней стоит аналогичный татевскому менгир, с которым связана аналогичная же легенда. Подобных примеров можно привести множество. Они, конечно, указывают не только на широкое распространение в Закавказье воздвигнутых камней, но и на аналогичные верования, связанные с ними.

Каменные аллеи и кромлехи также получили широкое распространение в Закавказье, в частности в Армении, где они обычно носят характерное название «гошун-даш»—камни-войско. Гошун-даши встречаются в Зангезуре, в бассейне Базар-чая, в Аштаракском районе, около Кировакана (Караклиса). Караклиссские гошун-даши заслуживают особого внимания. Они находятся в 2—2½ км от Караклиса, в урочище Гошун-Даш, буквально усеянном камнями различной величины и формы. Наибольшие из них достигают 2½—3 м высоты. Воздвигнутые камни образуют ряд кругов, имеющих

¹ В. Т е п ц о в—Ак-булахские легенды. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 9, стр. 137—138, Тифлис, 1890.

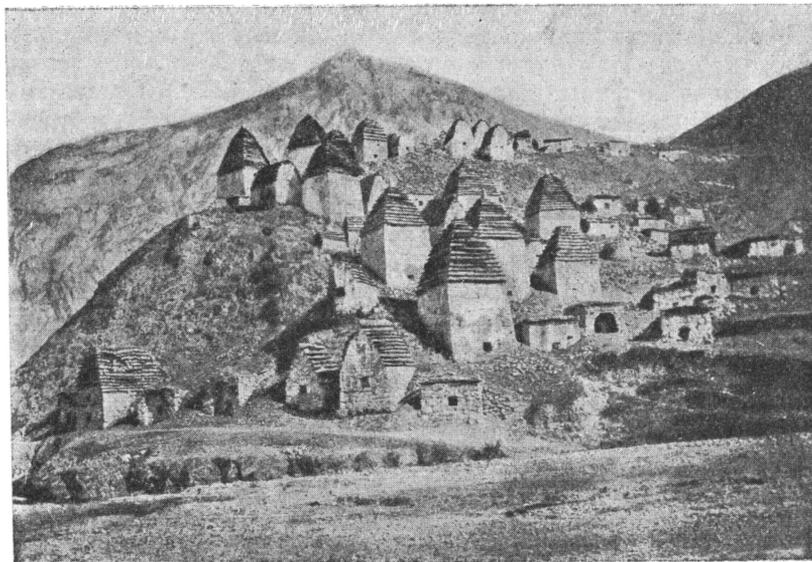

Рис. 8. Некрополь сел. Даргавс (Сев. Осетия)

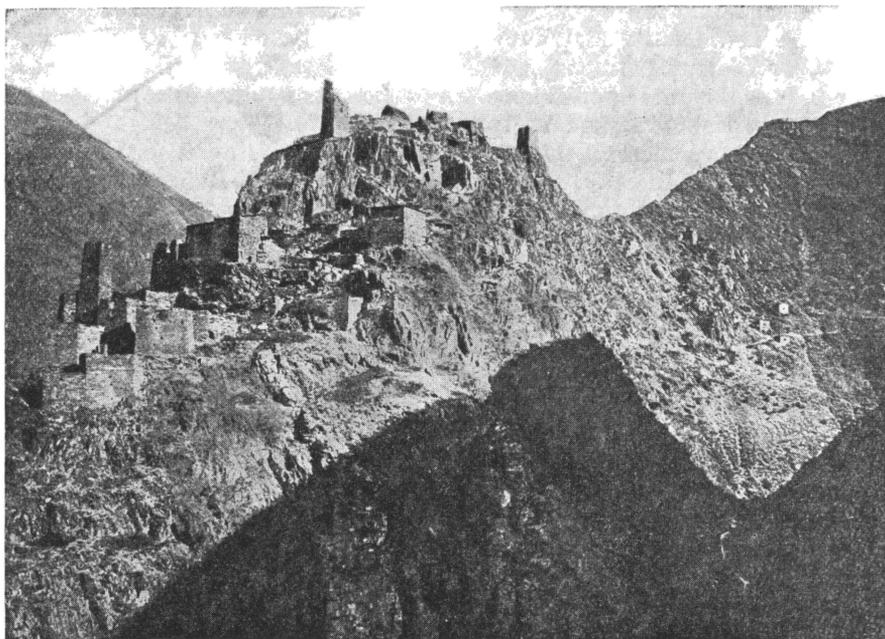

Рис. 9. Покинутое селение—замок Муцо. В глубине склепы, носящие в Хевсуретии название экалдамы, а в остальной Грузии—акалдами

в диаметре от 10 до 25 м, посреди которых находятся небольшие курганы, сложенные из мелких камней. В воздвигнутых камнях сплошь да рядом просверлены одно или несколько отверстий.

Долмены и менгиры, каменные аллеи, кромлехи Кавказа и Закавказья в общем идентичны мегалитическим памятникам, встречающимся на Западе. Однако среди мегалитических памятников Кавказа имеется характерный вид, не встречающийся на Западе. Я говорю об огромных изваяниях каменных рыб—вишапах. Из современных ученых на вишапах впервые, в 1911 г., остановил свое внимание покойный академик Н. Я. Марр (вишапы, по-грузински гвелашапы, известны грузинскому географу XVIII в. царевичу Вахушти). В речи, произнесенной в 1911 г. и опубликованной в виде отдельной брошюры «Кавказ и памятники его духовной культуры», Москва, 1919, акад. Н. Я. Марр привлек внимание к вишапам, обнаруженным на возвышенности Гехама, расположенной к юго-западу от озера Гокча. Гехамские вишапы—огромных размеров и часто превышают 4 м длины. Как совершенно правильно определил Н. Я. Марр, вишапы восходят к глубокой древности и предшествуют проникновению халдской культуры в Закавказье (X в. до нашей эры). Предположения Н. Я. Марра нашли новое подтверждение в дальнейших работах, в частности в работе акад. И. И. Мещанинова—«Каменные статуи рыб—вишапы на Кавказе и в Северной Монголии» напечатанной в «Записках коллегии востоковедов», т. I, Ленинград, 1925. Как доказал акад. И. И. Мещанинов, с вишапами связан культ халдского бога Теишбы, культ, существовавший в Центральном Закавказье до халдских проникновения и колонизации областей, лежащих между озером Гокча и Араксом.

Вишапы встречаются не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе, в бассейне р. Кубани, в станицах Усть-Лабинская и Зубовская, а также в Монголии (см. цитированную работу И. И. Мещанинова). Культ, воздаваемый изваяниям рыб, наблюдается также у эскимосов и в Океании (см. Georges Hervé—Des pierres-figures au point de vue ethnographique, «La Revue de l'école d'anthropologie de Paris» за март 1909 г.).

Культ вишапов сохранился в некоторых местах вплоть до недавнего времени, как это показал в своей весьма любопытной статье покойный профессор В. А. Гурко-Кряжин—«Циклопические сооружения Закавказья», напечатанной в № 15 «Нового Востока». Вишاپ описанного Гурко-Кряжиным городища христианизирован, и ему придан вид креста, носящего занятное название «Каменная невеста» и лежащего на гребне хребта Бедени. При внимательном рассмотрении этого весьма замечательного памятника ясно прослеживаются формы изваяния в виде огромной рыбы.

Как справедливо указывал В. А. Гурко-Кряжин, вишапы должны быть отнесены к мегалитическим памятникам. По своим размерам, характеру, времени они вполне сливаются с кавказским мегалитом. Вишапы отчасти позволяют датировать закавказский мегалит.

Рис. 10. Менгиры ущелья Бол. Зеленчука близ развалин древних церквей. Менгир слева является христианизированным

Как уже указывалось, академики Марр и Мещанинов установили, что культ вишапов, а стало быть, и их изваяния относятся до халдского проникновения в Закавказье, т. е. до X в. до нашей эры. Таким образом, мегалитическая культура, получившая столь широкое распространение и так богато представленная на Кавказе, должна быть отнесена к раннему металлическому, энеолитическому и, возможно, неолитическому периоду. Культура эта носит самобытный характер и указывает на высокую степень развития. Чем объясняется последняя? Повидимому, прежде всего, тем, что, в частности, Закавказье в неолитический, энеолитический и ранний металлический периоды обладало необходимым материалом, спрос на который был весьма велик как во всей Передней Азии, так и в Египте, а именно: обсидианом, медью и оловом (месторождения последнего обнаружены за последние годы в Западной Грузии, в бассейне р. Дзирула). Закавказский обсидиан, в частности, получил распространение не только в Месопотамии, но и в Сузиане, на что указывал в ряде своих работ еще в начале девятисотых годов Ж. де Морган, изучивший алагезские месторождения обсидиана. Добычей обсидиана объясняется также значение Цалкинского района и отчасти

направление древних путей Закавказья, проходивших через этот район в сторону Малой Азии¹.

К мегалитическим памятникам должно быть бесспорно отнесено большинство так называемых циклопических сооружений и крепостей Закавказья, где их встречается чрезвычайно большое количество. Большая часть циклопических сооружений Закавказья еще не описана и даже не зарегистрирована. Циклопические крепости встречаются в ряде районов Грузии, Армении и Азербайджана. Более или менее подробно описаны крепости Гокчинского, Ахалкалакского, Цалкинского, Манглисского и Юго-осетинского районов. Циклопическим крепостям и сооружениям этих районов посвящено несколько статей и монографий И. И. Мещанинова, Л. М. Меликсет-Бекова, В. А. Гурко-Кряжина, А. И. Ростомова (последняя — в начале девятисотых годов). Что заставляет отнести циклопические сооружения к мегалитической эпохе? Прежде всего — их кладка. Кладка крепостных сооружений Закавказья достаточно хорошо известна, и она позволяет датировать различные памятники. Так, в период, непосредственно предшествовавший русскому завоеванию, крепости и замки Грузии обычно сооружались из булыжника на цементе или же из смешанного материала — булыжник и кирпич. Кирпич в качестве главного строительного материала преобладает в персидских сооружениях XVII и XVIII вв. Крепостные сооружения XIV—XVII вв. воздвигались преимущественно из дикого камня на цементе, IX—XIV вв., в эпоху расцвета армяно-грузинского феодализма, — из хорошо обтесанного и пригнанного камня. В более раннюю эпоху встречается кладка византийского типа, которой предшествует сухая кладка из довольно крупных необтесанных камней; эта последняя в свою очередь была конечным этапом длительной эволюции циклопической кладки. Как совершенно правильно указывает в своей монографии «Циклопические сооружения Закавказья» акад. И. И. Мещанинов, крепости сухой кладки из огромных каменных глыб должны были предшествовать в Закавказье проникновению халдов в области, расположенные к северу от р. Аракса, и их колонизации (X—VII вв. до нашей эры). Именно таковыми должны были быть крепости и замки, о покорениях которых сообщают нам халдские надписи.

Эти крепости относятся к эпохе родового строя. Территории, занятые отдельными племенами, должны были быть тогда крайне ограниченными, причем весьма вероятно, что в каждом городе-крепости, городе-акрополе сидел царек. Только при такой организации возможно объяснить наличие огромного количества «царств», о завоевании которых говорят халдские надписи. Очень часто циклопические крепости служили, повидимому, не местом обитания, а убежищем, куда уходили на время вражеского нашествия. Так как при родовом строе эти нашествия не могли быть длительными и носили скорее всего характер набегов, подобные крепости-убежища нахо-

¹ О направлениях древних путей Закавказья через Цалкинский район см. уже цитированную работу В. А. Гурко-Кряжина.

дились часто на высоких горах, совершенно недоступных для обитания в зимнее время. К таким крепостям-убежищам должно быть отнесено циклопическое сооружение, находящееся почти на вершине горы Малый Абул (Ахалкалакский район) на высоте более, чем 2 500 м над уровнем моря. Ахалкалакский район суров и многоснежен. Зимы чрезвычайно суровы уже на высоте 1 500 м. Какова же должна была быть зимой жизнь на высоте 2 500 м? С уверенностью можно сказать, что она была невозможной как для осаждающих, так и для осаждаемых. Поэтому надо заключить, что ряд циклопических крепостей носил, так сказать, сезонный характер: в них укрывались на короткое время, чтобы переждать нашествие врага, обычно также бывшее кратковременным. К тому же, конечно, циклопические сооружения, не скрепленные цементом, вряд ли могли бы выдержать длительное действие стенобитных орудий. Брешь же, раз пробитую в циклопических сооружениях, было бы чрезвычайно трудно заделать в короткий срок.

Однако, наряду с крепостями-убежищами, существовали и крепости-города, вернее городские акрополи, куда уходило на случай осады население, постоянно жившее вокруг них. Именно в таких крепостях-городах должны были находиться царьки, которых в бесчисленных количествах покоряли халдские завоеватели.

Циклопические сооружения Закавказья проделали весьма сложную эволюцию двойного характера. С одной стороны, огромные необтесанные глыбы уступили место огромным обтесанным плитам, хорошо пригнанным и даже скрепленным друг с другом. Стены, воздвигнутые подобным образом, могли с успехом выдержать даже действие стенобитных орудий (эволюция от необтесанных глыб к обтесанным плитам большого размера напоминает, между прочим, эволюцию, которую проделали на Кавказе долмены). Образцом по-

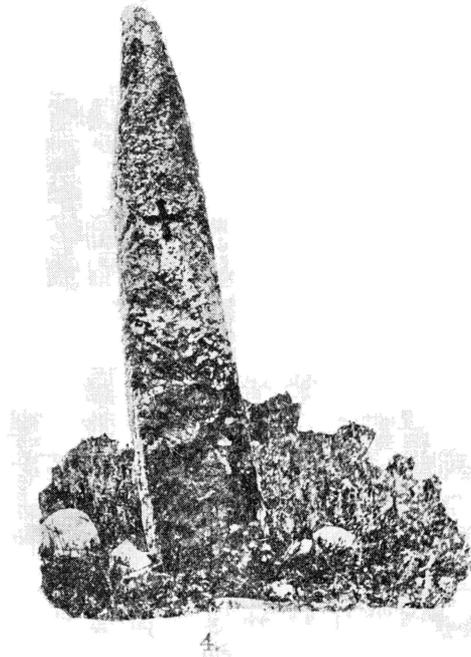

Рис. 11. Христианизированный менгир со сложным орнаментом, изображающим Голгофу и расцветший крест с армянской надписью XI в., находящийся в часовне, посвященной божьей матери в четверти километра от замка Самуишвиляда

добных сооружений может служить Артанучская крепость, находящаяся в Шавшети (Турецкая Грузия). Как известно, Артануч играл крупную роль в истории Грузии почти вплоть до конца арабского владычества, т. е. примерно до X в. нашей эры.

Таким образом, циклопическая кладка продержалась в Закавказье вплоть до феодального строя (возможность существования подобной кладки в эпоху раннего феодализма допускает И. И. Мещанинов, см. его «Циклопические сооружения»). Однако она требовала слишком большой затраты дешевого труда и могла существовать лишь при труде рабском, а потому вместе с развитием феодализма она повсеместно вытесняется более легкой кладкой византийского типа из небольших, хорошо обтесанных каменных брусков, скрепленных цементом. В Закавказье замена эта должна была произойти в широком масштабе уже в первые века нашей эры.

Другой путь эволюции циклопической кладки в Закавказье привел к постепенному уменьшению каменных глыб, из которых воздвигались крепости сухой кладки. Характерным образчиком подобной замены могут служить остатки стены сухой кладки, находящейся в районе Топлисской крепости, сооруженной на Сололакском кряже в XVII в. персами. Подобная сухая кладка из сравнительно небольших глыб необтесанного камня крайне несовершенна и неспособна выдерживать действие стенобитных орудий. Она должна была исчезнуть в Закавказье в тот момент, когда на его территории стали производиться персами и византийцами длительные военные операции, т. е. в IV и V вв. нашей эры.

Примерами циклопических сооружений Закавказья могут служить крепость на Эйнал-Тахтинском перевале (Азербайджан), крепость в Кызыл-Тамуре, Нор-Баязете, Колагране, описанные и заснятые И. И. Мещаниновым (см. его «Циклопические сооружения Закавказья»), циклопические городище и крепость, описанные В. А. Гурко-Кряжичным («Новый Восток», № 15), крепость на горе М. Абул (2780 м), описанная И. Г. Ростомовым в статье «Ахалкалакский уезд в археологическом отношении» («Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» выпуск 25), сооружения в Галат-Коу в Юго-Осетии (см. статью Л. М. Меликсет-Бекова в сборнике «Юго-Осетия», «Труды Закавказской ассоциации востоковедения», Тифлис, 1925), остатки крепости Самеба и городище Самшвильдэ, Белоключинского района (для Самшвильдэ необходимо указать, что оно, как крепость и город, просуществовало вплоть до XVIII в. Однако наличие характерных мегалитических памятников смело позволяет отнести возникновение Самшвильдэ, как места обитания, к эпохе расцвета мегалитических сооружений, о чем подробнее будет сказано ниже).

Остатки мегалитической крепости на горе Самеба весьма характерны. Они хорошо известны грузинскому географу начала XVIII столетия, царевичу Вахушти, у которого носят характерное название Гмирт-Наквети—строения великанов. С ними, а также с часовней, сооруженной посреди них, связан ряд легенд, из которых одна, легенда о борьбе троицы (Самебы) с дэвом, передана грузинским архео-

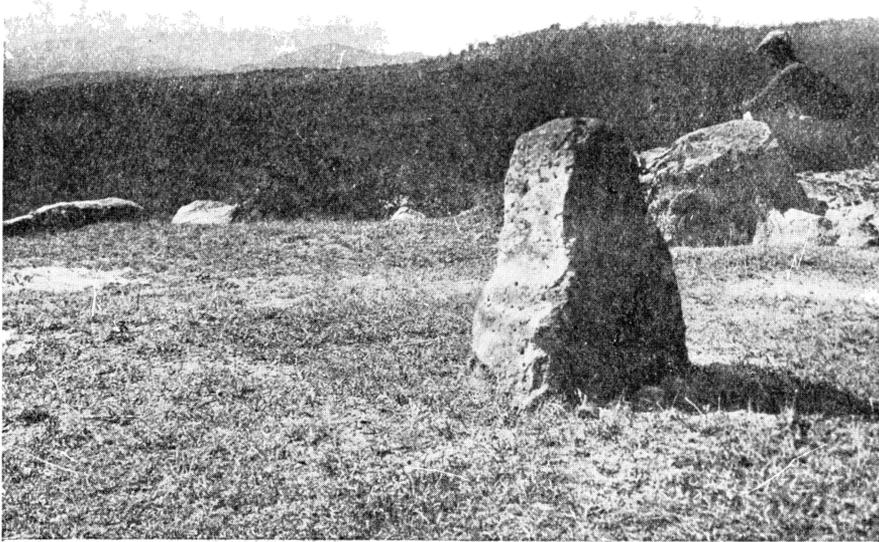

Рис. 12. Небольшой менгир, находящийся на горе, возвышающейся к северо-западу от современного селения Самивильда, расположенного на правом берегу Чинчи

Рис. 13. Гошун-даши—«камни-войско», находящиеся в районе Герюос на р. Базар-чай (Армения, Зангезур)

Рис. 14. Христианизированный менгир с армянской надписью XI в.

логом Е. Такайшвили в «Известиях Кавказского отделения Московского археологического общества», выпуск 1, Тифлис, 1904. В данном случае для определения эпохи существования циклопических сооружений в Закавказье, особый интерес представляют заключительные строки статьи Е. Такайшвили—«Грузинские памятники Белого Ключа «Самеба»: «Вершина Самебы была до распространения христианства местом религиозных обрядов зороастровской религии. Посреди площади на Самебе выступает длинный, плоский природный камень, на котором, вероятно, приносились жертвы служителями Ормузда. Приведенная легенда носит явный характер дуализма: в ней перемешаны черты религии Зороастра с христианскими понятиями. Роль Агура-Мазды перенесена на св. тронцу. Петух—священная пти-

ца религии Зороастра. Он—творение и служитель Агура-Мазды, он сторожит людей ночью и своим пением прогоняет привидения и злых духов, дэвов, служителей Аримана».

Таким образом, крепость в Самебе существовала еще до распространения в Закавказье зороастризма, что имело место в IV и V вв. нашей эры. Легенда, переданная Такайшвили, является далеким отголоском борьбы, которая происходила в эпоху проникновения зороастризма в Грузию. К сожалению, Такайшвили, принадлежавший к старой школе археологов, занимавшейся преимущественно церковной археологией и средневековой эпиграфикой, не обратил достаточного внимания на циклопические сооружения вершины Самебы и фактически прошел мимо них. Во всяком случае, из приведенной Такайшвили легенды можно смело утверждать, что в Закавказье циклопические сооружения продержались вплоть до глубокого проникновения в Грузию и Армению персов и византийцев, а в некоторых районах, в Артануче, вплоть до арабского завоевания (VIII в.).

Таким образом, закавказские циклопические сооружения обнимают огромный промежуток времени, исчисляемый в несколько тысячелетий; их существование зафиксировано халдскими надписями, притом в достаточно дифференцированном виде, а именно, как крепости-города, замки и как крепости-убежища. Подобная диффе-

ренциация могла быть результатом лишь длительной эволюции. Поэтому без особой натяжки возникновение циклопических крепостей и сооружений можно смело отнести не только ко II, но, возможно, даже к III тысячелетию до нашей эры.

В Закавказье имеется ряд городищ, которые своими корнями восходят к мегалитической эпохе, предшествовавшей эпохе проникновения халдов в пределы Центрального Закавказья (X—VI вв. до нашей эры). К числу подобных городищ необходимо в первую очередь отнести Самшвильдэ. Городище Самшвильдэ расположено в 65—70 км к юго-западу от Тбилиси и в 6—7 км от Ак-Булаха (Белого Ключа), район которого изобилует остатками старины, в частности циклопическими сооружениями и мегалитическими

памятниками. Кроме двух менгиров, из которых один христианизирован и связан с культом божьей матери, в Самшвильдэ находится весьма любопытный тетралит, сложенный из четырех каменных глыб крупных размеров и достигающий $3\frac{1}{2}$ м высоты. Тетралит находится на обрыве, служащем северным склоном глубокого каньона, прорытого р. Храм, в метрах 200 от великолепного замка, замыкающего длинный полуостров, образованный каньонами р. Храм и его притока—Чинчива. Крепостная кладка стен замка—различного типа и относится к различным же эпохам. Внизу, служа как бы основанием, постоянно встречается великолепная кладка из огромных каменных глыб. Кладка эта может служить образцом для кладки циклопических сооружений. Лет тридцать назад стена, шедшая параллельно каньону р. Храм, замыкалась воротами, состоявшими из огромных каменных плит. Ворота эти и угловая башня крепости были засняты в 1892 г. и воспроизведены в работе А. С. Х а х а н о в а, посвященной Самшвильдэ (см. «Материалы по археологии Кавказа», вып. 7, Москва, 1898). В настоящее время ворота эти разобраны. О циклопической кладке самшвильдэской крепости говорил уже Вахушти.

Самшвильдэ—одно из древнейших поселений Грузии. В тех частях грузинских хроник, которые были написаны в X и XI вв. (Теон-

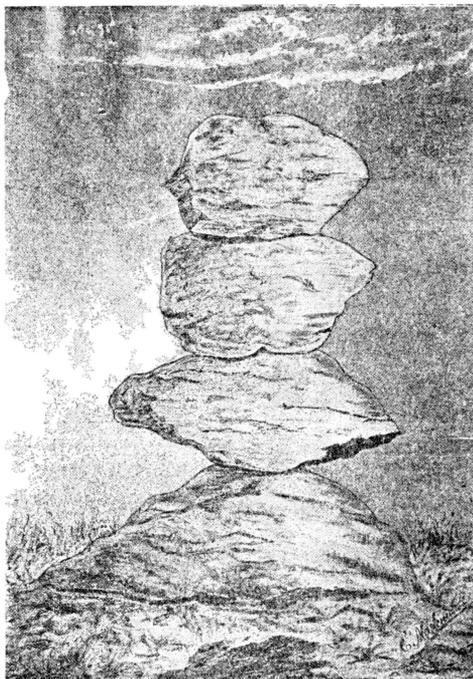

Рис. 15. Тетралит, стоящий над каньоном р. Храм в полуторах метрах от замка Самшвильдэ

тий Мровели), основание Самшвильдэ относится к легендарному родоначальнику Грузии Картлосу. В числе основных подразделений Грузии—эриставств, созданных легендарным царем Фарнаозом (IV в. до нашей эры), хроники называют эриставство Самшвильдэ, первоначально носившее название Орбети. Местоположение Самшвильдэ чрезвычайно характерно: городище занимает длинный и узкий мысок, образованный слиянием двух рек—Храма (Кци) и Чинчивы. Подобное местоположение в Закавказье было излюбленным для создания укреплений или убежищ уже в очень отдаленные времена. Так, во время отступления Десяти Тысяч таохи, жившие к северу от Аракса (верхнее течение которого носило название Фазис, а долина, расположенная в нем, всегда именовалась у грузин Баспани, у армян Базеан, или Базен, у византийцев—Фазнана, у турок—Пассин), укрылись во время прохождения греков через их области в местности, не окруженной водой лишь с одной стороны (см. «Анабазис» К с е н о ф о н т а, кн. IV, гл. VII, § 2). Аналогичное местоположение занимают знаменитые развалины города Ани (на слиянии рек Арпачая и Аладжи, древнее городище Дманиси, раскопанное в прошлом году проф. И. А. Джавახишвили и В. Мусхелишивили; город Дманиси был, повидимому, известен Птоломею) и, наконец, ряд замков и крепостей, носящих название Хертвиси, расположенных на мысках, образованных слиянием двух рек.

Развалины и памятники древности, находящиеся в Самшвильдэ, представляют огромный интерес. Помимо уже вышеупомянутых мегалитических памятников, там находятся развалины церквей VII и X вв. и остатки удивительной крепости, отразившей в своей кладке ряд эпох. Наконец, в Самшвильдэ имеется ряд еще совершенно никем не обследованных пещер, расположенных, главным образом, на чрезвычайно крутом склоне каньона р. Храм, обращенном к югу.

Систематические исследования Самшвильдэ и раскопки, произведенные в нем, дадут, вне всякого сомнения, богатый материал, могущий осветить не только далекое прошлое Грузии, но и всего Центрального Закавказья.

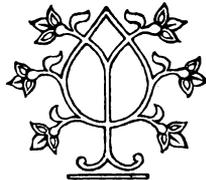
* * *

Иллюстрации и фотографии 1—4 заимствованы из монографии Е. В. Фелицына «Западнокавказские долмены», «Материалы по археологии Кавказа», том IX; 5—7 и 9 засняты в 1926 г. студентом этнологического факультета 1-го МГУ Н. В. Басилашвили, участником экспедиции, возглавлявшейся В. Н. Худаловым; 8 взята из труда Уваровой, «Кобанские древности», «Материалы по археологии Кавказа», том X; 10 и 11—из монографии Сысоева с рисунками Е. Д. Фелицына и Г. Е. Куликовского—«Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду», «Материалы по археологии Кавказа», том VII; 12 и 13 засняты по указаниям В. Н. Худалова тбилисским фотографом И. И. Панфиловым летом 1936 г.; 14 заснята фотографом т. Пароньяном в городе Герюсы; 15 заснята по указаниям В. Н. Худалова тбилисским фотографом И. И. Панфиловым летом 1936 г.

R É S U M É

Les monuments mégalithiques sont très répandus au Caucase. On trouve des dolmens sur la côte de la Mer Noire de Novorossijsk jusqu'à Soukhoun, dans le bassin du fleuve Kouban, au Talych (sur la Mer

Caspienne), dans les régions d'Akhalkalak, de Tzalka (sur la Ktzia supérieure), de Mzkheta (Georgie), du lac Sevan (Arménie) etc. Les menhirs sont très nombreux dans la partie occidentale du Caucase du Nord et dans les régions du Zanguezour, d'Akhalkalak, de Tzalka, d'Akh-Boulak, de l'Alagheuz etc. Les forteresses cyclopiques sont très répandues dans la Transcaucasie. Quelques-unes de ces forteresses sont bâties sur les grandes hauteurs atteignant parfois 2 750 mètres au-dessus du niveau de la mer, par exemple les forteresses du Petit Aboul et de Ker-Ogly (région d'Akhalkalak). Les forteresses cyclopiques de la Transcaucasie remontent aux époques khaldiennes (IX—VI s.s. avant-notre ère) et prékhaldienne. Les dolmens de la côte de la Mer Noire remontent aux XII—XIV s.s. avant notre ère. Ils ont des formes très évoluées et régulières et sont construits ordinairement ainsi que les dolmens de la Crimée, en dalles plates de grandes dimensions. Au contraire les dolmens du Talych, des régions d'Akhalkalak, de Tzalka etc., sont formés des blocs bruts et ont l'air très primitifs. En général on peut affirmer que les mégalithes caucasiens correspondent à l'âge du bronze et à l'époque énéolithique. Le mégalithe caucasien a une particularité—les vichapes, des statues de poissons de 4 à 5 mètres de hauteur. Le culte des pierres au Caucase présente des analogies frappantes avec le culte rendu aux pierres dans l'Europe occidentale, notamment en France. La christianisation des menhirs est plus répandue au Caucase qu'ailleurs.

БОСПОРСКИЕ ГОРОДА

Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове¹

(По раскопкам 1932—1936 гг.)

В течение последних лет на Керченском полуострове экспедициями Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра совместно с Керченским археологическим музеем им. А. С. Пушкина регулярно ведутся раскопки двух городов Боспорского царства. В 1932 г. начаты были исследования на месте древнего города, находившегося в районе теперешнего Камыш-Буруна, в 11 км к югу от Керчи, у побережья пролива². Этот город античные писатели упоминают под именем Тиритаки³ (возможно, что у Плиния тот же населенный пункт значится под названием *Dia*)⁴. С 1934 г. одновременно с исследованиями Тиритаки ведутся систематические раскопки другого боспорского поселения—в 4 км к северо-востоку от Керчи, на побережье Керченской бухты. Развалины этого поселения, еще хорошо заметные в начале прошлого столетия, были уже тогда правильно отождествлены исследователями с боспорским поселением Мирмекием (*Μιρμηκίον*), отмеченным у многих античных писателей⁵.

Все сведения о Тиритаке и Мирмекии до раскопок фактически исчерпывались тем, что о них говорят древние писатели, т. е. названиями этих поселений и их местоположением. Какое реальное значение имели поселения в жизни Боспорского царства, на этот вопрос не могло быть дано никакого ответа, так как остатки указанных поселений почти никогда не подвергались научным исследованиям, поскольку предполагалось, что усилия и затраты, требующиеся на это, не оправдаются научными результатами. Теперь, после того как в Мирмекии и Тиритаке раскопками вскрыты уже довольно значительные участки древних городищ, имеется возможность выска-

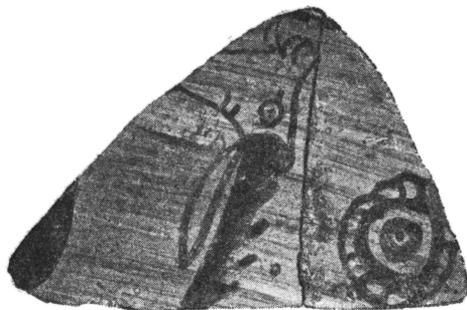
¹ В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный автором на XVIII пленуме Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 22 марта 1937 г.

² Раскопки были начаты по инициативе Керченского музея в лице его директора Ю. Ю. Марра.

³ Anon. peripl. Ponti Eux. § 76; Ptol., III, 6; Steph. Byz., s. v. Τηριτάκη.

⁴ Plin. N. H., IV, 86. Вопрос о локализации Тиритаки и о Диэ мною подробно рассмотрен в специальной статье, которая выйдет при отчете о раскопках.

⁵ [Scyl.] Peripl. § 68; Strab. VII, 309; XI, 494; Anon. peripl. Ponti Eux. § 76; Plin. N. H., IV, 87; Mela, II, 3; Ptol., III, 6; Jordanis, Getica, V, § 32; Steph. Byz., s. v. Μιρμηκίον.

1

2

Рис. 1. Фрагменты родосско-ионийских ваз, найденные в Мирмекии (1) и в Тиритаке (2)

зять некоторые соображения о том, что представляли собой в античную эпоху Тиритака и Мирмекий.

Само собою разумеется, что в кратком обзоре мы сможем весьма суммарно изложить результаты, полученные раскопками Тиритаки и Мирмекия, отмечая, главным образом, только те факты, которые представляют наибольший интерес с точки зрения общих исторических выводов¹.

Археологический материал нижних культурных слоев позволяет говорить о возникновении Тиритаки и Мирмекия приблизительно в половине VI в. до н. э. Дата эта устанавливается находками архаической, преимущественно родосско-ионийской керамики (рис. 1). Наличие ионийского импорта в ранних культурных отложениях вполне понятно, поскольку основным колонизационным центром для Боспора являлся Милет. Установление даты возникновения Тиритаки и Мирмекия показывает, что процесс колонизации районов, прилегающих к Боспору Киммерийскому, происходил сразу в виде

¹ Подробности будут изложены в готовых к печати отчетах.

Рис. 2. Глиняное блюдо V века н. э., найденное в Тиритаке

довольно широкого территориального охвата и не ограничивался основанием только больших колониальных центров (Пантикапей и др.). И это вполне понятно, так как, поскольку одной из основных экономических предпосылок первоначального внедрения греков в колонизируемую ими местность являлись торгово-меновые связи с местным населением, естественно, что уже на первых порах возникала потребность организации не только одного-двух крупных центров, но и целого ряда более мелких населенных пунктов, через которые мог быть налажен коммерческий контакт с туземцами. Рост поселений шел довольно быстро, и уже в V в. до н. э., как показывает, в частности, распространение вещественных находок этого времени на территории исследуемых городищ, в основном определились границы Тиритаки и Мирмекия, остававшиеся в дальнейшем более или менее неизменными. Мирмекий просуществовал непрерывно до III—IV вв. н. э., затем жизнь города надолго оборвалась. В Тиритаке обнаружены данные (рис. 2), свидетельствующие о более длительном существовании города, до VII—VIII вв. включительно, но и здесь, очевидно, в позднееримский период, жизнь города, если и не замерла полностью, то сильно сократилась. Город, повидимому, подвергся разорению; об этом говорят следы пожарниц в развалинах позднееримских жилищ, следы в это же время произведенного разрушения укреплений города и т. д.

Пепелища античных городов Боспора часто избирались потом местом более поздних поселений. Так и над развалинами римских зданий (III—IV вв.) в Тиритаке на верхней террасе городища обнаружены остатки жилых домов VI—VIII вв. н. э., где найдено много жерновов от ручных мельниц, круглодонных раннесредневековых амфор и пр. Все это заставляет вспомнить сообщение Прокопия о вос-

становлении императором Юстинианом укреплений Боспора (т. е. Пантикапея), захваченного и разрушенного перед тем варварами. Повидимому, в это время, т. е. в VI в., ожила на некоторое время и Тиритака. В Мирмекии также открыты остатки средневекового поселения, но более позднего периода. На мощных культурных напластованиях античного Мирмекия в XIV—XV вв. возникло снова поселение. В северной части городища обнаружены стены жилых построек, в развалинах которых большое количество поливной (глазированной) посуды, джугидские монеты XIV в. и т. д. Характерно, что почти в каждом жилище находятся массивные ступки, служившие для размола зерна—черта, сближающая эти остатки средневековых жилых комплексов с позднесредневековыми жилыми домами, открытыми недавними раскопками в Херсонесе. Таковы основные хронологические вехи жизни Тиритаки и Мирмекия. Раскопки, вместе с тем, дали также ряд памятников, говорящих об обитаемости восточной части Крымского полуострова до появления здесь эллинов.

Характерно, что архаическая импортная греческая керамика обнаружена в Мирмекии в совместном залегании с туземной (скифской) посудой в виде лепных, т. е. сделанных без применения гончарного круга, горшков с простейшей орнаментацией. Впрочем, некоторые находки принадлежат еще более древнему населению; так, например, при раскопках ранних культурных отложений Мирмекия встречено несколько кремневых орудий.

В высокой степени интересной является находка в Тиритаке двух превосходно сохранившихся, высеченных из известняка антропоморфных стел (рис. 3) (третья, аналогичная стела, оказалась сильно фрагментированной). Стелы были в свое время использованы в качестве строительного материала: они обнаружены в кладке фундаментов монументальной стены одного из городских сооружений, относящегося, повидимому, к V в. до н. э. Очевидно, где-то в районе Тиритаки находились восходящие к глубокой древности туземные погребения, с которыми и были связаны эти стелы. Обе стелы в схематизированной форме воспроизводят человеческие изображения, причем скульптурное оформление этих изваяний до такой степени примитивно, что они по существу чрезвычайно близки к памятникам типа менгиров. Плиты, суживаясь книзу, в верхней части имеют прямоугольные очертания с небольшим округлым выступом посредине, изображающим голову. Все изобразительные элементы, выполненные в виде плоского рельефа, сосредоточены на передней стороне стел, тыльная сторона их имеет гладкую поверхность. Одна из стел (высота 1,28 м, наиб. ширина—0,63 м, толщина—0,13 м) изображает женщину, как это явствует из наличия схематически обозначенных груди. Вторая стела (высота 1,40 м, наиб. ширина—0,55 м, толщина—0,17 м), не имеющая этих признаков, является, очевидно, изображением мужчины. Глаза и рот выполнены в виде небольших углублений. По обеим сторонам от головы изображены руки—вдоль верхнего края плиты высечены плоские горизонтальные полосы, долженствующие обозначать плечи, которые затем переходят под острым углом в предплечья и заканчиваются громадными кистями

Рис. 3. Антропоморфные стелы, найденные в Тиритаке

рук со старательно, но очень грубо показанными пальцами. Найденные в Тиритаке стелы по характеру трактовки человеческого образа довольно близки некоторым западноевропейским так наз. «статуям-менгирам» эпохи бронзы¹. Для датировки тиритакских менгиров решающее значение имеет найденная сравнительно недавно в Румынии, близ Гамангии (Добруджа), «статуя-менгир», изображающая женское божество, чрезвычайно сходное в основных чертах со стелами Тиритаки, хотя по сравнению с последними менгир из Гамангии более усложнен изображением целого ряда дополнительных элементов². Менгир из Гамангии найден в кургане, датируемом по находкам временем позднего энеолита или даже скорее эпохой развитой бронзы (в районе Нижнего Дуная), т. е. приблизительно серединой второго тысячелетия до н. э. Исходя из этой аналогии, мы

¹ Déchelette—Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, II, p. 489, Paris, 1910.

² V. Pârva n—La «statue-menhir» de Hamangia. Dacia II. 1925. Bucarest, стр. 422 и сл.

под защитой двух башен, отстоящих одна от другой на расстоянии 3,60 м. От одной из этих башен (III) оборонительная стена, повидимому, шла в северо-восточном направлении, образуя защиту восточной границы города. От другой башни (I) стена, имея в толщину 3,30 м, проходит на северо-запад (рис. 4) и заканчивается на расстоянии 21 м другой башней (II). Оборонительная стена здесь резко изменяет свое направление и под прямым углом поворачивает на северо-восток, поднимаясь по довольно крутому косогору. Эта куртина, имеющая в длину приблизительно 10 м и в ширину около 1,80 м, под углом, примерно, 110° , смыкается с оборонительной стеной средней террасы. Стена эта, толщиной 2,40 м, сохранившаяся местами до 3 м, тянется на северо-запад и заканчивается прямоугольной башней.

Одним из наиболее уязвимых в боевом отношении был, несомненно, тот участок стен, который расположен в самой низменной части, т. е. куртина, ограниченная по обоим своим концам башнями I и II. Поэтому обороноспособности этого участка уделялось особое внимание, что подтверждается, в частности, открытием здесь остатков фундаментов более ранней стены, построенной, вероятно, еще в V в. до н. э. и имевшей толщину 1,80 м. Остатки этой стены обнаружены около башен I и II, причем башни частично перекрывают уцелевшие части фундаментов древнейшей стены. В эллинистический период в целях усиления обороны южного района города, что, может быть, было связано вообще с широко проведенной перестройкой городских боевых стен, первоначальную стену нижней террасы сломали и вместо нее рядом возвели новую, более мощную стену, толщиной 2,40 м, причем ее лицевая сторона была затем облицована рустованными плитами с доведением тем самым мощности стены до 3,20—3,30 м. Интересно отметить, что для устройства облицовки фасада стены вдоль ее основания был пристроен особый бутовый фундамент, шириной 1,20 м.

В нескольких местах под оборонительной стеной сделаны каменные водосточные каналы, служившие для вывода из города дождевых вод (рис. 4). В раскопанной южной части города за оборонительной стеной открыты вымощенные плитами мостовые, спланированные с таким расчетом, чтобы сток дождевых вод направлялся к выводному каналу, устроенному под оборонительной стеной около башни I. Один из таких водостоков соединен с круглым бассейном, построенным из каменных плит (внутренний диаметр бассейна 2,20 м), около внешней стороны оборонительной стены на средней террасе. Очевидно, здесь дождевые воды утилизировались для каких-то целей.

В позднеримское время оборонительные стены были, повидимому, разрушены в связи с общим разорением, постигшим город. Но на развалинах фундаментов боевых стен сохранились позднейшие следы жизни людей, когда стены уже были почти сравнены с землей. Так, например, в одном месте на стене средней террасы обнаружены остатки глинобитного пола, покрытого золой, кусками зеленоватого шлака и т. д. На этом же уровне около стены открыты примитивные очаги и печь.

В задачу последующих исследований входят разыскания всей системы фортификационных сооружений, но уже и сейчас ясно, что остатки укреплений Тиритаки отразили на себе и времена подъема и роста благосостояния, и времена упадка, завершившегося в конечном счете гибелью Боспорского царства.

С самых первых моментов своего существования Тиритака и Мирмекий были связаны с торговым обменом, на что указывают многочисленные находки привозной греческой керамики, начиная с древнейших культурных слоев. Основные этапы развития внешне-торговых сношений, рисующиеся по материалам изучаемых городищ, главным образом, по керамическим находкам, в общих чертах совпадают с тем, что уже известно на основании изучения боспорских некрополей (наиболее ранний ионийский импорт сменяется затем преобладанием афинской продукции, в эллинистический и римский период доминирующим является малоазийский ввоз). Найденные при раскопках Тиритаки и Мирмекия в количестве нескольких сот керамические клейма (на ручках и горлах амфор) показывают торговые связи Боспора. Наибольшее количество составляют клейма с именами астиномов, которые с достаточной уверенностью теперь можно считать продукцией Синопы. Затем, по количеству следуют клейма Родоса, Фасоса, Книда, Гераклеи и Херсонеса. Но характерно, что в общей массе вещественных находок сравнительно немногочисленны находки особенно дорогих высокохудожественных изделий импортного происхождения, что объясняется, несомненно, соответствующим экономическим положением преобладающего большинства населения, обитавшего в Тиритаке и Мирмекии, и специфическими производственно-хозяйственными функциями этих поселений. Боспорская знать предпочитала, очевидно, селиться в Пантикапее, в центре культурно-политической жизни, но весьма вероятно, что в периферийных поселениях находились принадеждавшие ей экономии.

В этом отношении не менее показателен и общий облик поселений, насколько его сейчас можно представлять по незавершенным еще раскопкам. Бросается в глаза обилие хозяйственных остатков, о чем подробнее речь будет ниже. В общем, поселения отличались наличием определенного благоустройства. Улицы имели чаще всего так наз. черепяные мостовые (покров таких мостовых состоит из втрамбованных в слой глины черепков битой посуды и мелкого щебня) или—реже—мостовые из плит. Система водостоков служила для отвода ливневых вод. Изобилие на Керченском полуострове превосходного строительного камня позволяло и в древности в качестве основного строительного материала применять местный известняк.

Обычно рядовые жилые дома возводились из бута или из довольно грубо обработанного полубутового камня на глине, иногда из плит, не отличающихся, однако, тщательностью тески и шедших часто в кладку стен при самых разнообразных размерах отдельных штук. В помещениях устраивались открытые очаги и кухонные печи из камней или сырцовых кирпичей. Кровли покрывались черепицами,

причем в развалинах эллинистических построек обыкновенно встречается изрядное количество боспорских черепиц с клеймами, в том числе дарскими (черепицы сипонокские с клеймами астиномов единичны).

Полы в жилых помещениях, повидимому, чаще всего были земляные или глинобитные, во дворах и хозяйственных помещениях делались настлы из каменных плит (рис. 5). Показателен тот факт, что в Тиритаке и Мирмекии почти не встречаются остатки расписных штукатурок в жилых домах, столь обычные, например, при раскопках пантикапейского городища.

В Тиритаке в 1936 г. раскопки впервые натолкнулись на остатки здания, повидимому, римского времени, в котором оказалось большое количество обломков мраморных плит (вероятно, от облицовки стен). Раскопки этого здания только начаты, и в дальнейшем предстоит выявить его полностью и установить назначение этого сооружения, выходящего за рамки рядовых частных строений. Одновременно в Мирмекии были также обнаружены интересные плиты от антаблемента (архитрав, фриз с триглифами и гладкими метопами и карниз) раннеэллинистического здания дорического ордера, возможно, культового или общественного характера. Находка нескольких других архитектурных деталей, также использованных в последующие времена, как строительный материал, показывает, что некоторые постройки безусловно выделялись из общего, достаточно скромного по своему архитектурному оформлению, ансамбля жилых и хозяйственных сооружений.

В соответствии с общим характером таких поселений, как Тиритака и Мирмекии, раскопки дают количественно очень большой обиходный вещественный инвентарь, прежде всего, в виде хозяйственной утвари, преимущественно глиняной посуды, тары для хранения продуктов (пифосы, амфоры), орудий производства и т. д. Этот вещественный материал дает возможность не только представить реальную обстановку быта широких слоев населения, но он, вместе с тем, служит ценным источником для выяснения местного производства со стороны технического уровня и т. д., что до сих пор оставалось совершенно неизученным. Наблюдения, произведенные при раскопках, дают право заключить, что особенно интенсивно стало развиваться местное боспорское производство в эллинистический период, когда ввиду сократившейся внешней торговли Боспора многое из того, что ввозилось извне, стало в силу необходимости производиться на месте в городах Боспора. Именно в это время, например, особенно стало развиваться массовое изготовление местных керамических изделий, в первую очередь, конечно, простейшей обиходной посуды, в выделке которой местные гончары эллинистического времени зачастую своеобразно имитировали привозные керамические изделия. Вообще по части продукции боспорского художественного ремесла раскопки дали немало интересных находок, например многочисленные образцы раннеэллинистических терракот, выделявавшихся непосредственно в Тиритаке (открыты остатки мастерской коропласта), украшения из кости (рис. 6) и т. д.

Рис. 5. Дворик эллинистическо-римского времени в Мирмекии

При обрисовке хозяйственного значения Тиритаки и Мирмекии необходимо учесть, что эти поселения были связаны с основной отраслью боспорской экономики, т. е. с земледельческим хозяйством, на котором, как известно, базировался обширный экспорт хлеба—основа благосостояния Боспора. В Тиритаке и в Мирмекии в культурных отложениях VI—V вв. до н. э. были обнаружены скопления хлебных зерен. Анализ показал, что это зерна пшеницы и ячменя. Интересно, что на дне одной ямы-зернохранилища поздне римского времени в Тиритаке также найдены остатки пшеницы и ячменя. Очевидно, это были основные хлебные злаки, которые возделывались на Боспоре во все периоды. Попутно отметим, что в культурном слое классического времени в Тиритаке совместно с зернами пшеницы и ячменя оказались зерна *Ergum ergilia* (вика чечевицеобразная), разводившейся, вероятно, для употребления в пищу. При раскопках обоих городищ встречено немало искусственно вырытых больших ям, служивших для хранения припасов и в первую очередь—зерна. Вообще при жилищах и в особых хозяйственных помещениях встречаются ямы двоякого рода: одни выполняли вышеуказанные функции складочных вместилищ, другие, повидимому, специально предназначались и для ссыпки кухонного мусора и, прежде всего, золы, выгребавшейся из домашних печей и кухонных очагов. Некоторые ямы были заполнены почти исключительно золой и пищевыми остатками.

Видное место в экономике населения занимало и скотоводство, что подтверждается большим количеством костей домашних живот-

ных¹. Количественно на первом месте во все периоды (это в равной мере относится и к Тиритакке, и к Мирмекию) стоит мелкий рогатый скот (домашняя овца и домашняя коза), а также крупный рогатый скот. Далее, должны быть отмечены лошадь и домашняя свинья, кости которых встречаются во всех культурных слоях, но больше всего в эллинистическом и римском. Судя по многочисленности находок костей, обычным домашним животным являлась собака.

Что касается разведения овец, то этому, вероятно, придавалось большое значение и с точки зрения получения шерсти, необходимой, как сырье, для ткацкого производства. Что выделка тканей входила составной частью во многие домашние хозяйства, это находит подтверждение в частых находках среди остатков домашней утвари глиняных и костяных пряслиц от веретен, а также встречающихся в большом количестве глиняных гирь в виде усеченных пирамидок (так наз. «грузила»), применявшихся для натягивания нитей основы в ткацких станках.

Особенно ценным является то, что раскопки Тиритаки и Мирмекии дали возможность установить, что являлось основным в хозяйственных функциях обоих этих поселений. В этой связи должно быть отмечено открытие в Мирмекии и Тиритакке целой серии памятников боспорского виноделия. Памятники эти представляют весьма значительный интерес и требуют специального исследования. Здесь мы ограничимся лишь краткой их описательной характеристикой. В Мирмекии открыты остатки нескольких виноделен, т. е. специальных зданий, предназначенных для производства виноградного вина и для этих целей специально оборудованных. Кроме того, найден ряд отдельных орудий виноделия вне определенных хозяйственных комплексов. Наибольшей по своим производственным масштабам должна быть признана мирмекийская винодельня, открытая в 1934 г. в северной части городища, где теперь уже раскопана обширная часть одного из кварталов древнего города (рис. 7). Винодельня эта, построенная в конце III—начале II в. до н. э., представляет обширное здание, разделенное внутри коридорообразным промежутком на две половины. С южной стороны находилось помещение, вымощенное каменными плитами. Тут, вероятно, складывался виноград, доставлявшийся для переработки с виноградников, хранился хозяйственный инвентарь и т. д. По другую сторону, т. е. к северу, расположено помещение давальни (длина 12,40 м, ширина 5,30 м) со всем необходимым для переработки винограда в вино (рис. 8).

В восточной половине и в средней части помещения давальни размещены основные технические приспособления (давальная площадка, прессы, два резервуара). В юго-восточной части давальни устроена гладкая цементированная площадка (длина 3,60 м), на которой производилось раздавливание винограда ногами. По каменному желобу выжатый сок с площадки стекал в четырехугольный резервуар. Указанная давальная площадка и другие смежные отде-

¹ Определения костей выполнены В. И. Громовой в Зоологическом институте Академии наук СССР.

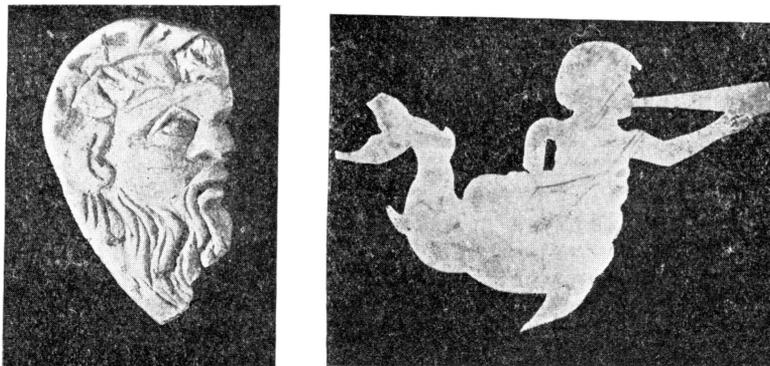

Рис. 6. Костяные украшения: 1—голова силена эллинистического времени, найдена в Мирмекии; 2—скульптурное изображение тритона, найдено в здании раннеримского времени в Тиритаке

ления разделялись друг от друга деревянными, повидимому, невысокими, перегородками, от которых в цементном полу сохранились узкие пазы, куда вставлялись доски.

В северо-восточном угловом отделении давилни находится основание пресса в виде прямоугольной каменной плиты (длина 1,40 м, ширина 1,20 м) с высеченной по краям с четырех сторон полосой на 1,5 см ниже средней части плиты. После того, как виноград был раздавлен ногами и получен первый сок, виноградную мязгу подвсгали затем более сильному сжатию при помощи пресса. Для этого на указанную каменную плиту накладывали предназначенную к прессованию массу и нажимали на нее рычагом. Не входя в детальную реконструкцию устройства пресса, что будет уместно сделать в специальном исследовании, я лишь укажу, что по всей вероятности мы здесь имеем остатки рычажного пресса, в котором прессуемая виноградная масса помещалась в особый четырехугольный деревянный ящик (так наз. *galeagra*), а точка опоры для рычага устраивалась в соседней стене, т. е. такая конструкция пресса, описание которой дано у Герона Александрийского.

Примыкающее к площадке с вышеуказанным основанием пресса большое отверстие в цементированном полу является результатом частичного разрушения винодельни в сравнительно недавнее время, при рытье ямы.

Далее, мы видим основание второго пресса в виде массивной каменной плиты с отливом, выступающим над резервуаром (наиб. длина плиты—2,40 м, ширина—1,50 м, толщина—0,25 м). Действие этого второго пресса было аналогично первому, с той только разницей, что на среднюю часть плиты нагружалась виноградная мязга в мягкой таре (в мешке или корзине) и затем с помощью рычага подвсгалась сдавливанию, чтобы выделился по возможности весь сок. Но зачем нужно было иметь в винодельне два пресса? Дело в том, что винодельня, построенная в III—II вв. до н. э., после некоторого

времени ее эксплуатации оставалась затем без использования и только после перерыва снова была восстановлена (приблизительно в I в. до н. э.—I в. н. э.), но с внесением в ее устройство довольно существенных изменений. В связи с этим можно предполагать, что существование пресса, находящееся в северо-восточном углу, устроено при возобновлении винодельни, большая же плита в центральной части помещения является основанием первоначального пресса, действовавшего только в первый период. Впоследствии же при переделке винодельни эта плита была использована под устройство второй оцементированной давилльной площадки, на которой виноград давили ногами. Таким образом, эта винодельня не только позволяет восстановить картину производства, но и дает ряд данных относительно изменений в технике.

Давильные площадки для растаптывания винограда и резервуары, в которых собиралось выжатое сусло, были покрыты несколькими слоями цемента, состоявшего из раствора извести с добавкой песка и мелко истолченных черепков глиняной посуды или черепиц. Последняя примесь придавала раствору гидравлические свойства, т. е. способность не разрушаться от действия воды, влаги. И, действительно, оцементированные части винодельни (в особенности пол давилльной площадки) в момент открытия их раскопками оказались в очень хорошей сохранности, хотя со времени их сооружения прошло около двух тысяч лет. Интересно, что резервуар, в который поступал сок, был разделен внутри на два отделения поперечной стенкой (хорошо видно на рис. 8) для того, чтобы сок, выжимавшийся прессом, не смешивался с соком, получавшимся при первичном раздавливании винограда ногами и дававшим лучшее вино. Масштаб всего производственного комплекса, в частности большие размеры давилльных площадок, где давилщики топтали виноград, большая емкость резервуаров, из которых каждый мог вместить почти десять тысяч литров, показывают, что данное винодельческое хозяйство не может быть отнесено к мелким хозяйствам в условиях античного времени. При расследовании непосредственно прилегающего к винодельне квартала было обнаружено несколько каменных прессов («тарапанов»), применявшихся в виноделии. С восточной стороны открыта часть соседнего здания с оцементированной стеной, по видимому, также имевшего отношение к виноделию. То значение, которое имела для Мирмекия данная отрасль производства, в особенности отчетливо выяснилось в результате открытия в 1935 г. еще двух виноделен, примерно, в 100 м к юго-западу от вышеописанной винодельни.

Эти винодельни римского времени (I—II в. н. э.) оказались более разрушенными, но и при сохранившихся остатках принцип их устройства вполне поддается выяснению. Обе винодельни расположены рядом, их разделял только узкий (около 1,50 м), мощный плитами проход. Устройство обеих виноделен в конструктивном отношении было одинаковое. Поэтому рассмотрим только одну из них—южную, представленную на рисунке 9. В восточной ее части сохранились (неполностью) три смежные оцементированные давилльные площадки,

Рис. 7. Общий вид раскопок в северной части Мирмекии

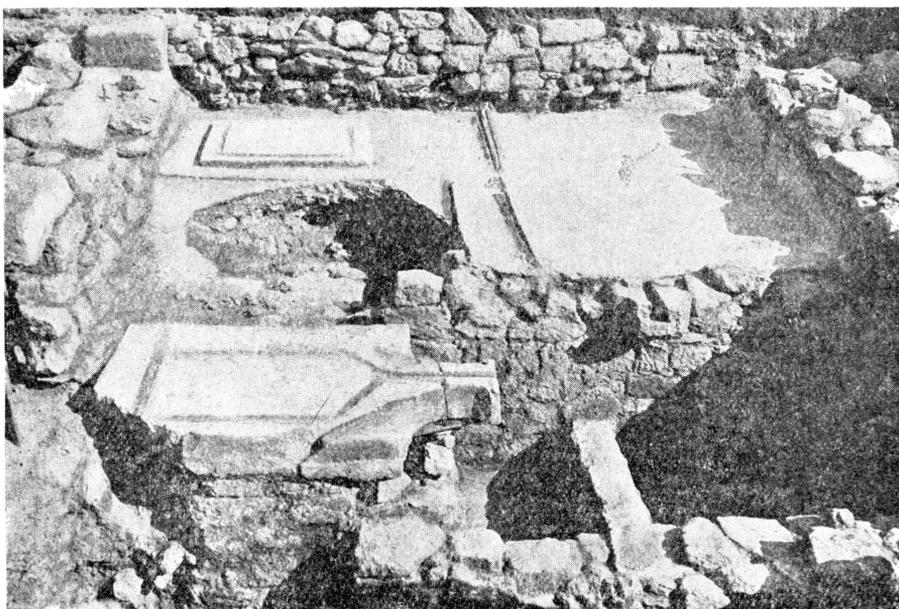

Рис. 8. Вид восточной половины помещения выподельни, открытой в северной части Мирмекии

гладкие, с небольшой покатостью в западном направлении. Средняя площадка (ширина 1,76 м) отделена от боковых (ширина каждой 1,86 м) жолобами, устроенными в цементном полу. Судя по отпечаткам древесины, имеющимся внутри этих жолобов, в них вставлялись дощатые перегородки. Средняя площадка отличается от боковых тем, что центральная ее часть занята вделанной в пол каменной плитой (1,13 м × 1,17 м). Против каждой площадки устроены резервуары прямоугольной формы в плане с оцементированными внутри стенками и днищами (размеры одного резервуара: длина—1,93 м, ширина—0,83 м, глубина—1,40—1,80 м). Следовательно, с каждой площадки виноградный сок стекал в особый резервуар. Наличие каменной плиты на средней площадке ясно показывает, что здесь был устроен пресс. Стало быть, первоначальная обработка винограда происходила на боковых площадках, где сок выжимали ногами, а затем, для окончательного извлечения сока мятый виноград переключивали на среднюю площадку и подвергали на каменной плите давлению рычага. Наличие трех резервуаров позволяло соки первой и последней выжимки не смешивать. Вблизи от резервуаров обнаружен каменный колодец, снабжавший винодельню водой. От винодельни, открытой в 1934 г., только что описанная винодельня отличается более четкой распланировкой. Все части винодельни, соприкасавшиеся с виноградным соком, были покрыты цементом уже известного нам состава (известь, песок, толченая керамика). В некоторых местах, например на поверхности цементной штукатурки в резервуарах, было установлено наличие красной краски, тонким слоем которой, очевидно, были покрыты все оцементированные части винодельни. Анализ ¹ показал, что краска эта по своему химическому составу является окисью железа, и что красочный слой отличается большой сопротивляемостью в отношении к воде и другим химическим веществам. Очевидно, в целях лучшей сохранности оштукатуренные поверхности покрывались особым веществом, придававшим цементным покрытиям большую прочность и устойчивость к воздействию виноградного сусла.

Данные, полученные благодаря раскопкам Мирмекия, показали, что значительные площади к северо-востоку от Керчи в эллинистическо-римский период были использованы под виноградники, причем виноградарство было тесно связано с виноделием. Последующие раскопки, однако, показали, что эта отрасль хозяйства на Керченском полуострове была распространена еще шире, чем это представлялось первоначально. В 1936 г. под развалинами раннесредневековых домов на верхней террасе городища Тиритаки были также открыты остатки большой винодельни, построенной, повидимому, в III в. н. э. От нее сохранилась (рис. 10) часть цементного пола, на котором давили виноград, и три оцементированных внутри резервуара (размеры каждого: длина—2,30 м, ширина—0,90 м, наиб. глубина—2,20 м). Любопытно, что днища в них устроены с большим наклоном,

¹ Исследование краски производил В. П. Конон в ИАТ ГАИМК.

Рис. 9. Остатки винодельни с тремя резервуарами римского времени в Мирмекии

заканчивающимся округлым углублением (диам. 0,70 м, глубина около 0,55 м), вследствие чего разница уровней дна в противоположных концах резервуаров достигала почти метра (рис. 11). Такое устройство дна было практически вполне целесообразно, так как оно облегчало вычерпывание жидкости из резервуаров. Одновременные раскопки в 1936 г. на средней террасе городища Тиритаки привели к открытию второй винодельни, особо выделяющейся замечательной своей сохранностью (рис. 12). С улицы ступенчатый вход ведет в помещение винодельни (наиб. длина—8,80 м, наиб. ширина—5,30 м). В южной половине этого здания находятся две оцементированные, отделенные одна от другой низкой перегородкой, давяльные площадки, не одинаковые по своим размерам. В соответствии с этим перед каждой площадкой устроено по резервуару, различной вместительности [1] длина—2,00 м, ширина—1,35 м, глубина—1,55 м, 2) длина—1,35 м, ширина—1,20 м, глубина—0,70 м]. Сусло стекало по каменным жолобам, выступающим над резервуарами. Посредине юго-восточной давяльной площадки имеется настил из каменных плит (1,00 м×1,15 м), служивший платформой, на которой производили окончательную выжимку сока посредством рычага. Но что особенно интересно, в противоположной части винодельни оказался *in situ* каменный блок (длина—1,20 м, ширина—0,50 м, высота—0,61 м), весом более полутонны, с вырубленными в нем пазами (рис. 13). Камень этот, несомненно, служил гирей, увеличивавшей силу давления рычага. Эта деталь технического устройства боспорских вино-

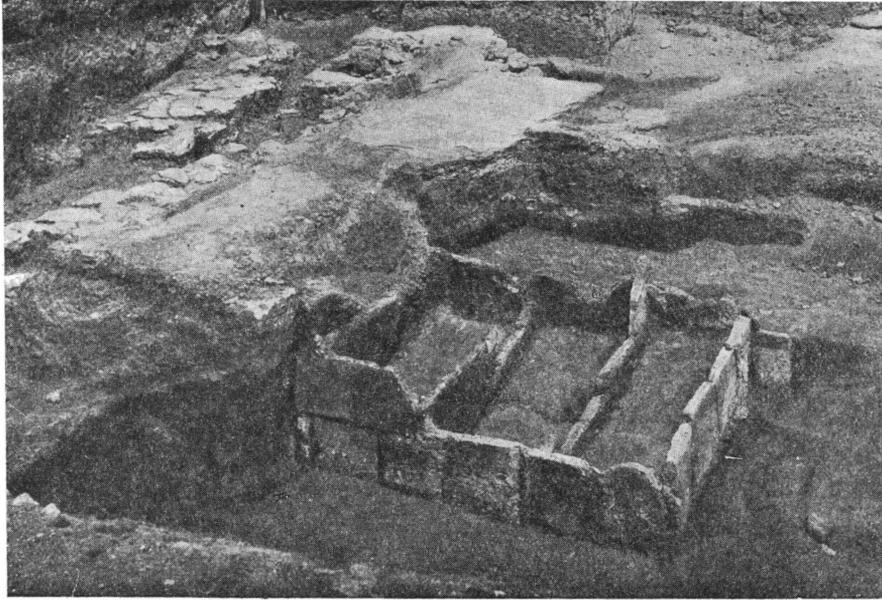

Рис. 10. Остатки винодельни римского времени, открытые на верхней террасе Тиритаки

делен здесь встречена впервые, она позволит в дальнейшем восстановить конструкцию пресса и его действие.

Если ко всему сказанному относительно открытых в Тиритаке виноделен мы добавим, что к юго-востоку от вышеописанной винодельни найдено восемь оцементированных днищ от резервуаров, несомненно, имевших, как это показывает их устройство, прямое отношение к виноделию (покатые днища с круглыми углублениями); если еще учесть, что в разное время при раскопках встречались отдельные орудия виноделия и виноградарства (железный нож для срезания винограда, каменная давилка и т. д.), то станет ясным, что и в хозяйственном укладе Тиритаки разведение винограда и производство вина имело существенное значение.

Вся серия открытых памятников, связанных с боспорским виноделием, охватывает период, начиная с позднеэллинистического вплоть до позднеримского времени. Повидимому, стимулирующей причиной создания на Боспоре обширного собственного виноделия в какой-то степени является общее сокращение импортной торговли и связанное с этим уменьшение подвоза вин из Греции и островов в позднеэллинистический период. К тому же нужно иметь в виду, что вино являлось не только предметом широкого потребления населения причерноморских греческих городов; вино безусловно являлось одним из главнейших товаров в греческой торговле с туземцами¹. Естественно, что это создавало очень выгодные условия для

¹ Strab., XI, 493.

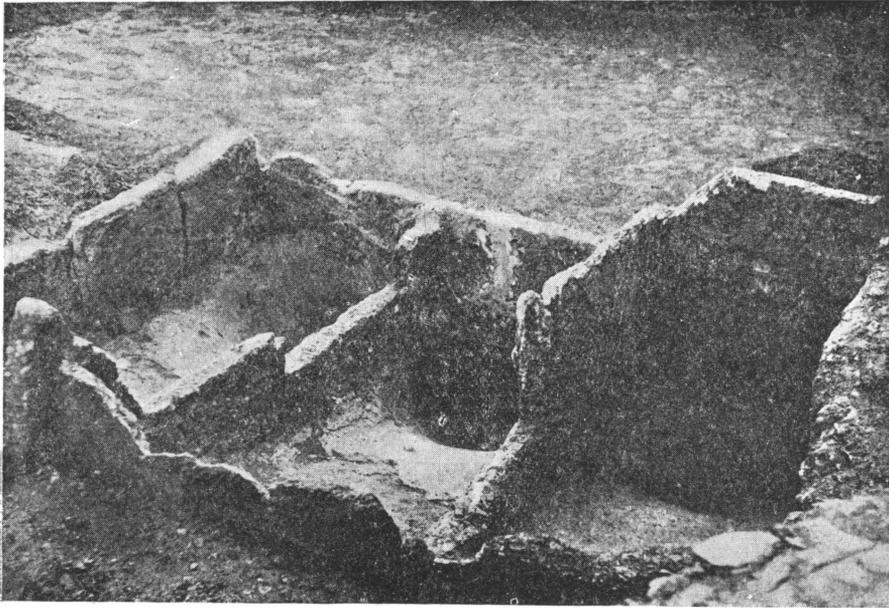

Рис. 11. Резервуары для стока виноградного сусла

развития данной отрасли производства, обеспеченной столь надежными возможностями сбыта. И если наиболее высокосортные вина, вероятно, всегда в той или иной мере импортировались извне, то производство более простых вин Боспор сумел, видимо, наладить неплохо и у себя, как это наглядно показали раскопки Тиритаки и Мирмекия. Во всяком случае, нет никаких оснований относить города Северного Причерноморья к районам, не имевшим своего виноделия, как это иногда делалось раньше¹, хотя уже ранее очевидным исключением являлся Херсонес.

Виноградарство и виноделие играли в эллинистическо-римский период безусловно преобладающую роль в экономике Мирмекия. Что касается Тиритаки, то там эта отрасль хозяйства, хотя и имела весьма существенное значение, однако не была основной.

Поскольку у Тиритака и Мирмекий являлись поселениями прибрежными, вполне понятно, что одним из видов хозяйственной деятельности жителей было рыболовство, использование пищевых ресурсов моря. Находки бронзовых рыболовных крючков, грузил от сетей в виде каменных плиток с просверленными сквозными отверстиями, бронзовых и костяных игл для плетения сетей—все эти орудия рыболовства являются характерными для Мирмекия, равно как и Тиритаки. Попутно заслуживает быть отмеченным обилие античных культурных отложений всех периодов створок съедобных морских

¹ Ср. статью J a r d é s. v. «Vinum» в Dictionnaire Daranberg-Saglio, стр. 929.

Рис. 12. Общий вид винодельни эллинистическо-римского времени, открытой на средней террасе Тиритаки

моллюсков, главным образом мидий (*Mytilus galloprovincialis* L.), меньше—устриц (*Ostrea taurica* Куп), служивших, видимо, излюбленным и широко использовавшимся пищевым продуктом.

Но рыболовство на Боспоре, как известно, не только удовлетворяло рыбными продуктами широкие слои местного населения; соленая рыба (*τάριχος*) была наряду с хлебом и рабами одним из главнейших товаров экспортной торговли, на что имеются достаточно определенные указания древних писателей¹.

Из Страбона нам известно, что на восточном побережье Азовского моря были расположены многочисленные рыбацкие становища (*ἀλιεύματα*), заготавлившие соленую рыбу², шедшую на вывоз. Менее ясны были размеры рыбопромышленной эксплуатации Керченского

¹ Strab., VII, 403; Polyb., *Histor.*, IV, 38; Demosth. *adv. Lacr.* § 31. Сводка литературных данных у Köhler—*Τάριχος* ou recherches sur l'histoire et les antiquités des pêcheries de la Russie méridionale, 1828.

² Strab., XI, 375.

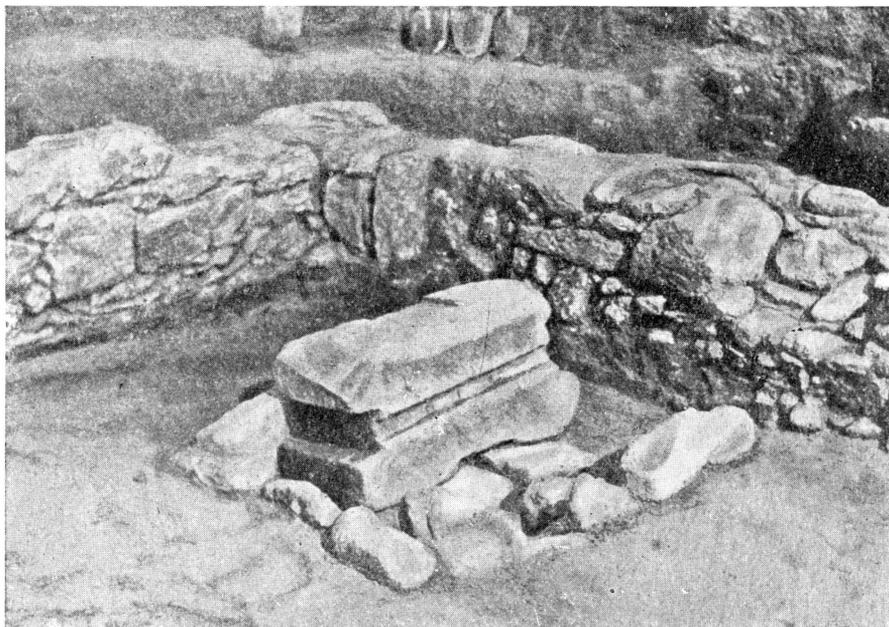

Рис. 13. Каменная гиря от рычажного пресса

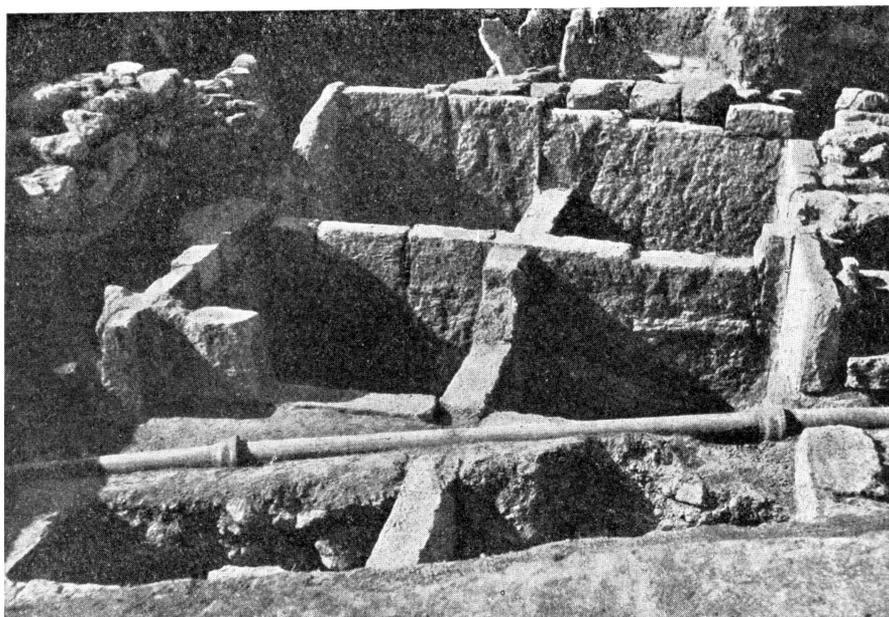

Рис. 14. Рыбозасолочные ванны (на переднем плане труба современного водопровода)

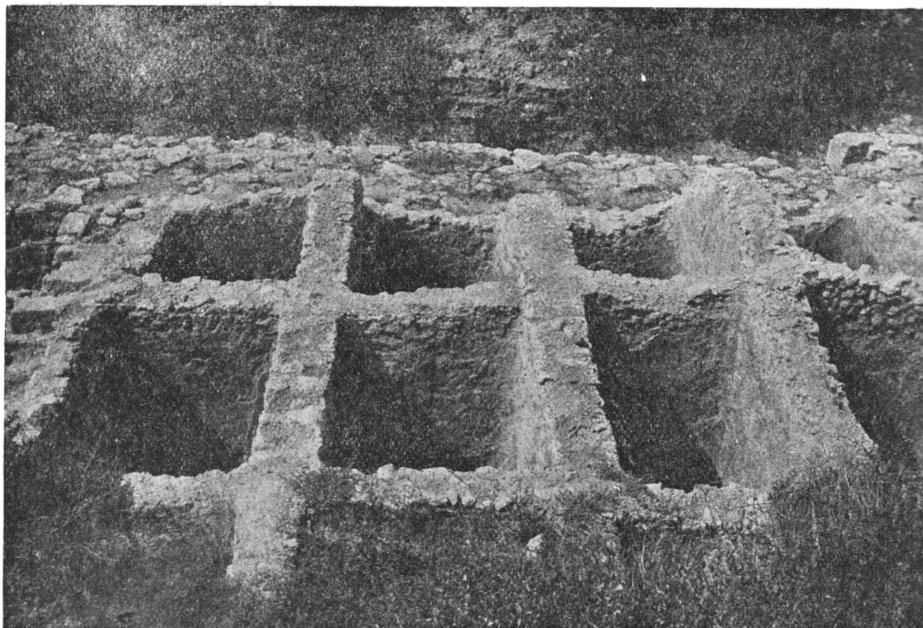

Рис. 15. Рыбозасолочные ванны, примыкающие к оборонительной стене

пролива. Археологические исследования в Тиритаке проливают свет и на этот вопрос. Выяснилось, что в Боспорском царстве были отлично учтены и использованы богатейшие возможности широкого развития рыболовства в Керченском проливе. Об этом говорят открытые в Тиритаке многочисленные остатки рыбозасолочных сооружений. Интересно, что и в настоящее время этот же район (Камыш-Бурунская коса) является одним из главных пунктов рыбного (преимущественно сельдяного) промысла в Керченском проливе.

Раскопками открыто в Тиритаке около тридцати древних рыбозасолочных цистерн, которые, следуя современной практике, лучше называть рыбозасолочными ларями, или ваннами. Они представляют собою обычно сооружения, состоящие, как правило, из нескольких прямоугольных в плане, тщательно оцементированных внутри местами, чрезвычайно сходных с бетонными ларями, применяющимися в современных рыбных промыслах для той же цели, т. е. для засолки рыбы.

Цементировка стен и дниц в ваннах преследовала цель сделать их непроницаемыми, чтобы хорошо удерживался рассол. Рыбозасолочные ванны строились так, что корпус их находился в земле, над поверхностью земли они возвышались немного. Над ваннами, если они не находились внутри закрытых помещений, устраивались особые навесы с черепичной кровлей, как об этом можно судить по многочисленным обломкам черепиц, находимым на дне ванн.

Преобладающее большинство открытых до сих пор в Тиритаке рыбопромышленных сооружений относится к римскому периоду, наиболее ранние—к I в. до н. э.

По приемам строительной техники ванны не однородны.

В наиболее ранних рыбозасолочных ваннах стены построены из крупных и более мелких плит, сложенных насухо правильными горизонтальными рядами. Мы имеем в виду открытый в 1934 г. комплекс, состоящий из трех ванн, вместимостью около 13 куб. м каждая, при глубине до 3,30 м.

В римское время ванны строились обычно из бутового камня на цементном растворе (римский «бетон»). Только в одном римском рыбозасолочном комплексе, раскопанном в 1935 г. на верхнем плато городища Тиритаки, шесть ванн (рис. 14) общей вместимостью около 33 куб. м построены из крупных плит, поставленных вертикально, т. е. на ребро (размеры каждой ванны 1,70 м × 1,80 м, глубина—1,80 м).

Как уже отмечалось, все ванны внутри покрывались цементом, состоявшим из известкового раствора с примесью толченой керамики, т. е. такого же состава, какой мы видели в винодельнях. Обмазки внутри ванн многократно обновлялись.

Особый интерес представляет громадное рыбозасолочное предприятие, открытое около оборонительной стены в южной части Тиритаки (рис. 15) (план на рис. 4). Вплотную к стене пристроены рыбозасолочные ванны. Из них полной расчистке подвергнуто восемь ванн, а частичной—пять ванн (исчерпывающему выявлению всех ванн мешает возведенная в этом месте железнодорожная насыпь). Вполне очевидно, что в данный комплекс входило не менее шестнадцати ванн, расположенных по четыре в каждом поперечном ряду. В среднем размеры каждой ванны: длина—3,10 м, ширина—1,70 м, глубина—2,50 м; стало быть, вместимость всех ванн составляла не менее 210 куб. м. Стены ванн построены из бутовых камней на растворе розового (от примеси керамической крошки) цвета, поверхность внутренней штукатурки была еще особо окрашена в красный цвет; совершенно такой же прием мы видели выше в одной из мирмекийских виноделен. Около ванн открыты два колодца (рис. 16) и помещения для обработки рыбы. На дне нескольких ванн оказались остатки рыбьих костей и чешуи, принадлежащих преимущественно керченской сельди. Специалисты высчитали, что указанная общая емкость ванн позволяла сразу произвести засол около 200 т сельди, а это говорит о принадлежности этих ванн весьма крупному рыбопромышленному хозяйству¹.

Если учесть не только громадную вместимость, но и особое местоположение ванн, примыкающих к наиболее укрепленному участку

¹ В Херсонесе, являвшемся также значительным рыбопромышленным центром в Северном Причерноморье, открыт целый ряд рыбозасолочных цистерн, иногда очень больших (М. Т и х и й—Анчоус Херсонеса Таврического, Петроград, 1917, стр. 12 и сл.), но они все-таки не могут идти в сравнение с данным рыбопромышленным комплексом Тиритаки.

Рис. 16. Колодец с юго-восточной стороны рыбозасоленных ванн

оборонительных стен, то естественно напрашивается вывод, что здесь перед нами остатки не рядового частного хозяйства, а предприятия, принадлежавшего, вероятнее всего, боспорскому царю.

Большой размах рыбопромышленного хозяйства говорит за то, что рыба, заготовлявшаяся в таком количестве, вряд ли рассчитывалась на местный сбыт; вероятнее, что она предназначалась для экспорта. Как известно, в римский период экспорт Боспора был тесно связан с поставками провианта для римской армии, главным образом в Малой Азии ¹.

В этом же направлении мог идти и вывоз соленой рыбы, тем более, что соленая рыба и по своей сравнительной дешевизне и ввиду легкости транспортировки являлась одним из основных продуктов питания солдат во время военных походов ².

Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что в производственных сооружениях Тиритаки и Мирмекия отчетливо заметны влияния римского инженерно-строительного искусства. Достижения римской техники были, несомненно, использованы и на Боспоре. Применяя соответствующие римские строительные приемы, в частности цементные

¹ Tacit.—Annal. XIII, 39.

² Köhler, ук. соч., стр. 387, ср. O. Keller—Die antike Tierwelt, Leipzig, 1913, стр. 336.

растворы (с примесью битого кирпича или черепиц)¹, возможно было строить такие рыбозасолочные сооружения, которые позволяли боспорским рыбопромышленникам заготавливать консервированную рыбу в огромном количестве. Любопытно отметить, что одни и те же технические средства в римский период находили применение в отдаленнейших друг от друга пунктах Римской империи. Наиболее сходные по величине и устройству группы рыбозасолочных ванн открыты на западном и особенно на южном побережье Португалии (в Альгарве), а также на юго-западном побережье Испании².

Из представленного краткого обзора важнейших результатов, достигнутых раскопками Тиритаки и Мирмекии, ясно следует, какое важное научное значение имело бы планомерное археологическое исследование остатков поселений, находившихся в пределах Боспорского государства. Эти исследования дадут богатый и поучительный материал, который позволит воссоздать былую жизнь городов Боспорского царства, их хозяйственный быт и материальную культуру.

И остается только пожелать, чтобы в дальнейшем исследования Боспорских поселений велись еще более интенсивно и в еще более широких масштабах.

¹ Этот строительный раствор (*opus signinum*) был издавна известен в римской строительной практике и литературе, сводка в статье «*Signinum opus*» в R. E. Pauly—Wissowa.

² Mesquita de Figueiredo—Ruines d'antiques etablissements à salaisons sur le littoral sud du Portugal, «Bulletin hispanique», VIII, 1906, стр. 111 и сл.; Е го ж е—Monuments romains du Portugal, «Revue archéologique» 1913, стр. 360 и сл.

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ГЕОГРАФИИ древнего Северного Причерноморья

Среди известных нам памятников древней географии совсем нет карт, начертанных в древности, или хотя бы позднейших копий, но таких, о которых можно было бы с уверенностью говорить, что они вполне отвечают принципам и технике античной картографии.

Современная наука принуждена довольствоваться дошедшей до нас в редакции XIII в. большой картой мира—картой Кастория, или иначе *Tabula Peutingeriana*, представляющей собой копию (со следами позднейшей переработки) карты значительной древности, дата которой до сих пор не установлена с точностью. В дополнение к этому важнейшему источнику географии Римской империи, значение которого все возрастает по мере его изучения, новейшая критика указывает на «Космографию» Равеннского анонима, как на труд, составленный главным образом по картографическим данным¹.

При всем значении *Tabula Peutingeriana*, по содержанию частично восходящей к II в. н. э., всегда останутся сомнения относительно адекватности картографических приемов оригинала и имеющейся в нашем распоряжении копии, потому что приемы эти могли быть очень сильно изменены и искажены в соответствии с техникой средневековой картографии.

Тем ценнее для нас первое подлинное свидетельство римского, хотя бы и довольно позднего, времени—небольшой отрывок древней карты, начертанной на куске кожи и добытой при раскопках одного из кастелей парфянского *limes Romanus* Римской империи на Евфрате.

В 1923 г., во время археологических работ в Дуре Эвропос — крепости, на протяжении более двухсот лет охранявшейся римским гарнизоном, где в 244 г. во время восстания гарнизонных солдат был убит император Гордиан III, и которая была окончательно эвакуирована римлянами лишь при императоре Юлиане, в одной из башен крепостной стены был обнаружен фрагмент овального щита, принадлежавшего скорее всего одному из солдат когорты пальмирских лучников, занимавших крепость в последний период ее оккупации римскими войсками². Щит был деревянный, из тонких, вме-

¹ Кубичек—Pauly—Wissowa, *Realencyclopädie*, s. v. «Karten».

² Fr. C u m o n t—Un extrait d'une carte romaine d'état major. См. в журнале «La géographie», 1925, № 9.

сте соединенных планок, на которые был наклеен кусок толстой и плотной кожи. От этой кожи, служившей защитой от парфянских стрел, уцелел лишь небольшой обрывок, драгоценный, однако, тем, что он-то и сохранил на себе часть древней карты, исполненной в красной, голубой и белой красках. Уцелевший на щите фрагмент содержит изображение побережья Черного моря от реки Галема Калчис или Правадия Дерве (Πλευδός) до Трапезунта.

Как об этом можно судить по сохранившейся части, центр карты был занят изображением моря, окрашенного в голубой цвет, на котором коричневато-красным изображены плывущие суда. Изображения эти очень нечетки; для их воспроизведения издателю пришлось прибегнуть к красочной репродукции, которая, будучи исполнена довольно грубо, не может быть повторена с помощью фотографии. Во всяком случае, там могут быть угаданы три весельных корабля разных размеров с сидящими на них гребцами.

С правой лишь стороны уцелело изображение суши, широким бордюром шедшее вокруг моря. Материк исполнен красной краской. По нему голубой краской изображены впадающие в море реки, Белыми буквами, по-гречески, обозначены названия рек и населенных пунктов, символизируемые домиками с двускатной крышей, каменной кладки, напоминающими некоторые изображения кастелей дунайского *limes*'а на колонне Марка-Аврелия ¹.

Мы здесь ограничиваемся воспроизведением сохранившейся части бордюра с изображением суши по рисунку, приложенному к названной публикации К ю м о н а. Рассматривая этот весьма любопытный и в своем роде единственный документ, обстоятельствами находки приурочиваемый к первой половине III в. нашей эры ², мы находим в нем кое-какие географические сведения о большом отрезке Черноморского побережья как раз для того времени, к которому не может быть отнесен ни один из известных источников исторической географии Черноморья.

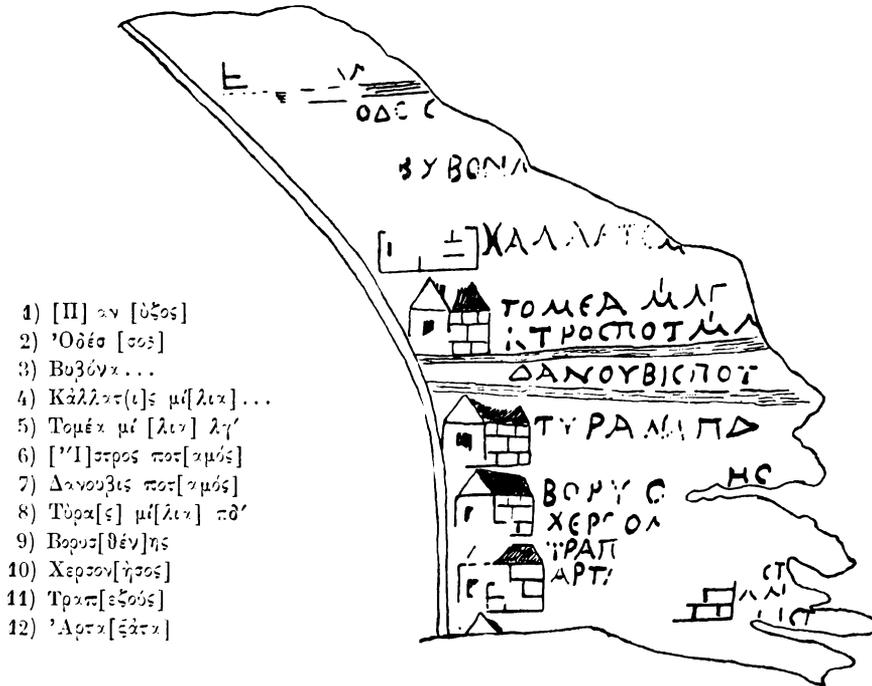
При первом взгляде на карту не может не обратить на себя внимание то обстоятельство, что при довольно значительной величине карты мы обладаем, повидимому, судя по криватуре береговой линии, не более, как шестой ее частью; на небольшом пространстве заключено начертание большей половины общего протяжения Черноморского берега.

Это заставляет предположить, что при чрезвычайной суммарности данных, сообщаемых для северного и восточного побережья—южное и западное побережья, как о том позволяет судить сохранившаяся северная часть, разработаны были с наивозможной полнотой.

С другой стороны, ни форма щита, ни его размеры не дают, как будто, повода думать, что целый экземпляр имел бордюр, содержащий изображение материка с реками и населенными пунктами значительно большей ширины, чем мы имеем на нашем отрывке. О том же, что он все-таки был раза в полтора шире, свидетельствует сохранив-

¹ См. Fr. К ö р р—Römer in Deutschland, Ab. 139, левое здание.

² С и т о н т, цит. статья, стр. 3.

шийся у внешнего края его наиболее широкой части условный знак населенного пункта—домик с неподдающимся восстановлению обрывком надписи при нем.

Сохранившаяся часть бордюра содержит текст, состоящий из наименований поселений, рек и цифровых указаний о разделяющих их расстояниях.

Небольшой столбец названий обнимает весьма значительное пространство—все побережье Черного моря от Фракии до Понта, плюс пункт, отстоящий на несколько сотен километров от моря—Артаксата на Араксе—древняя столица Великой Армении.

Читатель, конечно, уже обратил внимание на тот факт, что в перечне отсутствуют вовсе города Кавказского побережья и города побережья Крыма, за исключением Херсонеса.

Все поименованные в перечне пункты без изъятия содержатся в двух близких нашей карте по времени источниках древней географии Черноморского побережья и прилегающих стран, относящихся ко времени поздней империи—на *Tabula Peutingeriana* и в перечнях населенных пунктов, упоминаемых в «Космографии» Равеннского анонима.

Tabula Peutingeriana называет для той же территории в несколько раз больше населенных пунктов. Еще более разительна неполнота нашей карты при сравнении с перечнем Равеннского анонима.

Однако, пожалуй, было бы рискованно сравнивать данные карты из Дура Эвропос с данными равеннского географа. Хотя новейшая

критика и признает, что основа его текста восходит к карте-дорожнику конца II—начала III в. н. э., тем не менее совершенно ясно, что это далеко не простой список с древней карты. Некоторая часть сведений Равеннского анонима почерпнута, очевидно, из землеописаний, периплов и периэгов позднего времени, греческого, а для восточных территорий, может быть, также и местного происхождения, тогда как наша карта, несомненно, представляет собой перевод (вероятнее всего, сокращенный) какой-то карты, составленной на латинском языке, о чем непреложно свидетельствуют, помимо греческой транскрипции латинского названия реки Дуная—*Δουβῆς ποταμός*, обозначения расстояний в милях, а не в стадиях.

Поэтому естественнее всего при изучении нашего отрывка обращаться за аналогиями к Пейтингеровой карте, значительно, правда, от него отличающейся по принципам составления. *Tabula Peutingeriana*, по общему признанию, восходит к утраченной для нас в подлиннике карте Випсания Агриппы (*orbis pictus*), возникшей в результате огромного, многолетнего труда императорской канцелярии, предпринявшей по поручению Августа и под руководством Агриппы сбор сведений о направлении и протяжении дорог империи и других стран, с которыми римляне поддерживали торгово-политические отношения и о географии которых имели достоверные сведения. Карте Агриппы очень многим обязана географическая часть «*Historia naturalis*» Плиния, через чье посредство мы знаем о ее существовании и можем судить о ее составе.

Но если *Tabula Peutingeriana* имела своим основанием карту Агриппы, она, несомненно, претерпела ряд существенных изменений и дополнений за время своего более чем тысячелетнего употребления и практического служения географии. Мы находим на ней следы средневековых переработок, заставляющих отнести ее последнюю, до нас дошедшую, редакцию к XII в.

Как известно, *Tabula Peutingeriana* в отличие от того, что мы видим на нашем отрывке, указывает направление дорог, соединяющих населенные пункты. В частности, для причерноморских стран она указывает дороги по Фракийскому побережью и по побережью Нижней Мезии до устья Дуная. Она отмечает ряд населенных пунктов, названий гор, рек, озер и племенных обозначений для Крыма и Кавказа. Указаны дороги, связывающие Трапезунт с Диоскуриадой (Себастополисом) на берегу моря и с Артаксатой через Саталу по Евфрату и Араксу и через Фазис-Каспий по побережью, Рпону, Верхней Куре и Араксу. По северному берегу от устья Дуная (*ad stoma*) и до Диоскуриады (*Sebastopolis*) на Кавказском побережье *Tabula Peutingeriana* не указывает дорог¹.

То обстоятельство, что города Фракийского и Мезийского побережий представлены на нашем отрывке сравнительно весьма полно, между тем как на весь северо-восточный берег Черного моря при-

¹ См. K. Müller—Die Weltkarte des Castorius, genannt die Peutingerische Tafel (издание в красках). Можно пользоваться также старым изданием M а м е р т а—*Tabula itineraria Peutingeriana etc.* Leipzig, 1824.

ходятся только лишь три пункта, позволяет предположить, что во всяком случае в ее приморской части наша карта была составлена применительно к нуждам путешествующего вдоль южных или западных берегов Черного моря, например по дороге, ведущей из Византия к устью Дуная сухим путем или по морю, вдоль берега. Последнее, пожалуй, вероятнее и вот по каким соображениям: если мы обратимся к периплу Арриана—путеводителю для пловцов по Черному морю, составленному в самом начале II в. н. э., и проследим по нему пункты, поименованные в нашем отрывке, то увидим, что карта из Дура Эвропос содержит лишь указания на те пункты, упоминание которых у Арриана сопровождается ремаркой «ὄρμος ναυτί», т. е. стоянка судов. При этом, так как вообще все упоминаемые в перипле Арриана пункты расположены на море и каждый из них непременно обладал какой-либо гаванью, остается представить себе, что или Арриан сопровождал подобной ремаркой лишь пункты, обладавшие особенно хорошо защищенными гаванями, или что это примечание относится лишь к тем пунктам, где стояли римские сторожевые военные суда. В последнем случае для нас был бы, пожалуй, совершенно понятен и оправдан подбор пунктов на обрывке карты. Во время ее составления на северном побережье кораблей римского военного флота, вероятно, не было нигде, за исключением Ольвии и Херсонеса, на Кавказе же—нигде, за исключением Трапезунта, во II в. бывшего главной стоянкой черноморской эскадры.

Первая из сохранившихся в отрывке надписей настолько испорчена, что остались заметны лишь части букв *αυ*. Но так как она принадлежит слову, подписанному под изображением впадающей в море реки, то восстановление его, предложенное Кьюном, не может, по видимому, встретить каких-либо возражений. Из рек Фракийского побережья южнее Дуная древняя традиция сохранила название лишь одной реки—*Παλύτος*, современная Галема Калчис или Праведия Дерве, впадающие в Черное море близ Варны.

Однако следует все же заметить, что этой реки нет у большинства позднейших авторов. Ее нет на *Tabula Peutingeriana*; о ней не упоминают ни Арриан, ни автор безыменного перипла Эвксинского Понта. Все это никак не свидетельствует в пользу предложенной конъектуры.

Следующий пункт, название которого подписано непосредственно под изображением реки *Παλύτος*, это Одес—один из древних и больших городов побережья. Далее (с пропуском важного берегового пункта—Дионисополя) упомянута Бибона—*Βιβώνα* Арриана и некоторых других, более древних авторов. Кстати сказать, Арриан отмечает это место, как пустынное (*ἔρημος*), лишенное населения. Однако мы находим упоминание о нем в более поздних источниках, например на *Tabula Peutingeriana*, где оно читается *Bibone*—весьма близко к греческой транскрипции нашего отрывка.

Затем мы находим на нем город Каллатию у условного знака несколько большего размера, чем при остальных пунктах. На расстоянии 33 миль от Каллатии показан город Томы, причем в его написании удержана греческая форма *Τομέα*, приведенное же расстояние

от Том до Каллатии близко к указанному Аррианом (300 стадий) и незначительно расходитя с данными Tabula Peutingeriana (34 мили).

Вслед за городом Тома мы находим изображение реки Дуная с надписью под ней: 'Ιστρος ποταμός μίλια (Tabula Peutingeriana указывает от Том до Истрополя 40 миль и от Истрополя до ad stoma 60 миль, т. е. всего 100 миль от Том до устья реки).

Трудно сказать, что именно могло ввести в заблуждение копииста, исполнившего нашу карту—может быть, он вместо 'Ιστροπόλις прочел 'Ιστρος ποταμός и, написав так, счел нужным и последовательным изобразить у этой надписи реку; может быть, он, наоборот, изобразив реки Дунай и Днестр, перепутал затем необходимые обозначения,—во всяком случае на фрагменте мы находим расположенными одно возле другого два изображения рек, под которыми написано: у одной 'Ιστρος ποταμός, а у другой Δαυούβις ποταμός.

Помещенный вслед затем на левом берегу последней реки город Тира (в действительности он стоял на правом берегу Днестровского лимана) в написании своем, может быть, сохраняет латинское окончание (у Плиния—Тура, IV, 82; у греческих авторов Τύρας). То обстоятельство, что за ним не следует изображения одноименной реки, может служить в пользу последнего из высказанных только что предположений о причинах появления на карте одновременно и латинского и греческого названий реки Дуная.

Тира показана отстоящей от Дуная на расстоянии 84 миль. Следующий за Тирой пункт лежит уже на северном побережье Черного моря. Это—Ольвия, синоним которой Βορυσθένης, приведенный в нашем отрывке, указывается также авторами, между тем, как первое наименование известно, главным образом, из эпиграфики и нумизматики. Содержит его и Tabula Peutingeriana. В перипле безыменного автора (гл. 86) мы находим, между прочим, одно замечание, проливающее некоторый свет на то, как осмысливалось во время империи двойное наименование города. «Город Ольвия,—говорится в перипле,—в древности называвшийся Борисфеном, ныне опять получил свое древнее наименование». Имя города Ольвия, пришедшее на смену старого, одноименного с рекой, названия древней милетской колонии, возникшее, может быть, под влиянием культа Зевса Ольвия в эпоху процветания города, постепенно стало входить в употребление и у чужестранцев. Затем, когда город пришел в упадок, имя реки вновь поглотило имя города.

Упомянутый вслед за Ольвией Херсонес был, как известно, военно-административным центром римских военных сил на берегах Северного Причерноморья, сохраняя это положение в III в., когда в нем стоял гарнизон солдат I италийского легиона. Часть этого гарнизона была сосредоточена на Ай-Тодорском мысу (Χάραξ)—пункте, не упоминаемом, однако, в нашем отрывке.

Не упоминая далее ни одного пункта на всем северо-восточном побережье, отрывок приводит нас к Трапезунту, в центр римских оккупационных сил восточного побережья Черного моря, Кавказа и Армении, главную стоянку черноморского флота. Отсюда, как

показывает и XI сегмент Tabula Peutingeriana, шли две дороги к Каспийскому морю (одна из них—с ответвлением по восточному побережью к Севастополю—Диоскуриаде), встречавшиеся в Артаксате—последнем пункте, начертание которого удастся восстановить на фрагменте карты из Дура Эвропос. Этот город—столица Великой Армении, играл важную роль в событиях, связанных с оккупацией Римом этой страны. Он дважды подвергся разрушению римским оружием, но, очевидно, не утратил окончательного своего значения ни в конце II в. (когда столица была перенесена в расположенный неподалеку от него *κλινη πόλις*), ни в первой половине III в., так как Tabula Peutingeriana, показывая Артаксату, как узловым пунктом дорог, соединяющих берега Каспийского и Черного морей, снабжает ее значком укрепленного пункта.

Южнее и восточнее Артаксаты отрывок помещает еще некоторые пункты, обозначения которых, к сожалению, едва различимы и не поддаются восстановлению.

Итак, главное значение этой находки не в ее содержании. Отрывок не дает нам ни одного неизвестного до сего времени пункта, не прибавляя ничего нового к нашим знаниям в области древней географии Черноморского бассейна. Однако его значение бесспорно велико, ибо он позволяет прежде всего с очевидностью судить о том, как выглядела древняя карта, какова была техника этих *itineraria picta*, о которых мы до сих пор могли судить только по отрывочным замечаниям древних авторов да по облику Tabula Peutingeriana, к которому не было абсолютного доверия. Теперь находка нашего отрывка должна еще больше повысить кредит этого замечательного произведения древности, внимательное изучение которого сулит еще немало открытий, в особенности—в исторической географии нашего Кавказа.

Кроме того, находка в Дура Эвропос позволяет думать, что распространение подобных карт в древности было весьма широко. Несомненно,—и об этом наш отрывок свидетельствует в первую очередь,—что подобными картами широко пользовалось римское военное командование.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ Саяно-алтайской экспедиции 1936 г.

Широко известны памятники поздней бронзы Минусинского края. Всех исследователей поражали в них совершенство выделки и изысканность орнаментации—прекрасный звериный стиль, самобытный и одновременно столь близкий скифскому искусству.

Недавние исследования советских экспедиций в Северную Монголию и на горный Алтай обнаружили там в погребениях степных аристократов III—I вв. новые шедевры древнего тератологического стиля, иной его стадии, современной сарматам Причерноморских степей. Бесчисленные резные бляхи, изображающие оленей, баранов, грифонов, прекрасные аппликации из кожи и войлока, изображающие традиционные сцены борьбы травоядного с хищником, яркие краски, золото и блеск новой культуры обеспечили этим находкам мировой успех. Названия местонахождений Ноин-Ула, Шибе, Каракол, Пазырык стали известны археологам далеко за пределами нашей великой родины.

Несомненная принадлежность ноин-улинских находок Козлова к культуре хунну и близость территории северного союза хунну к Алтаю только способствовали повышению внимания к этим находкам. Наличие в этих памятниках высококачественных изделий художественного ремесла Ханьского Китая и греко-бактрийских городов Средней Азии наглядно демонстрировало узловое положение их культуры в древней Центральной Азии.

Слабая изученность памятников так наз. «таштыкской» эпохи минусинской истории не позволяла детально и ясно представить себе историческое содержание той эпохи, судя по отрывочным свидетельствам китайцев являвшейся во многом переломным этапом, развившим все предпосылки к сложению в I тысячелетии варварских государств — древнетурецких Элей, тех же кыргызов Среднего Енисея.

Поэтому в 1936 г. Саяно-алтайская археологическая экспедиция МОГАИМК и ГИМ главной своей задачей поставила исследование в Хакасии памятников, могущих пролить свет именно на этот круг вопросов.

Для работ предварительными разведками 1935 г. был намечен очень сложный могильник, так наз. Чаа-тас около ст. Уйбат Ачинско—Минусинской ж.-д. ветки, содержащий по преимуществу «таштыкские» и древне-«кыргызские» памятники.

Остановимся пока на первых. Нам удалось исследовать три группы «таштыкских» погребений.

Первую из них составили уже известные по Оглахтинскому могильнику небольшие могилки, в прекрасно сделанных срубасклепах которых мы находим скромные сожжения или положения людей, снабженных керамикой и иногда небольшим количеством накладного золота на одежде и погребальной маской.

Совершенно другую картину представили погребения под невысокими, но обширными подквадратными насыпями. Насыпи скрывали почти равные им по площади могильные ямы, в которых стояли гигантские до 9 м × 9 м погребальные камеры. Их устройство было очень своеобразно. Прежде всего на каменных подкладках устанавливалась, повидимому, клетка из толстых лиственничных бревен, не зарубавшихся по концам. В западной стенке только два нижних бревна и одно верхнее были сплошными, среднее же посередине было вырублено, и куски его упирались в «ксеяки», вертикальные обрубки, зажатые между вторым снизу и самым верхним бревном. Так образовывалась «дверь», к которой примыкал наклонно идущий вверх на поле коридор-дромос, также обложенный деревом.

Все сооружение с внешней стороны было обставлено плотно прижатыми друг к другу вертикальными столбиками, образовывавшими сплошную стенку. Внизу настилался бревенчатый пол. Кровлю образовывал накат из бревен, посередине опиравшихся на толстую балку. Сверху и с боков камера, представляющая собой настоящее воспроизведение дома, плотно была закрыта несколькими рядами бересты, делавшей ее непроницаемой для влаги. Посередине камеры на полу устраивался алтарь-очаг на квадратном каменном блоке. Наконец, все засыпалось землей, и только заложенный крупными плитами камня вход в дромос позволял при желании проникать внутрь склепа. Это было необходимо потому, что он служил усыпальницей значительное время.

В него приносили остатки сожжений. Небольшие кучки пережженных костей вкладывались в гнезда, свитые из болотной травы, и располагались, главным образом, в западной и северной половине. Южная часть, особенно юго-восточный угол, оставлялся свободным для жертвенного мяса. В одной из могил мы нашли до 400 астрагалов коровы и другие кости, а также кости лошадей и баранов.

Большое количество горшков самых разнообразных форм, из которых выделяются глиняные подражания так наз. «скифским» бронзовым котлам (рис. 1), было рассеяно по всему полу, но большинство из них первоначально стояло, как на полках, на бревнах основного каркаса камеры.

Почти на каждом гнездышке с костями мы находили в кусках погребальные маски—механическое воспроизведение в гипсовидной массе лиц умерших—драгоценные портреты людей Минусинского края за 2000 лет до наших дней (рис. 2). Здесь же при гнездах лежали и некоторые вещи, причем уцелело много деревянных, что является вообще редким случаем в археологической практике.

Мы нашли миниатюрные железные удила и крючки, фигурки коньков из бронзы, обрывки шерстяных тканей, нашивные бляшки на одежды, резанные из коры и обложенные золотом в виде конусов, округ-

Рис. 1. Глиняный котелок «скифской» формы

Рис. 2. Погребальная маска-портрет

лых выпуклостей и квадратиков с пятью выпуклостями по углам и одной в центре. Последние найдены раньше в позднетагарских курганах и подчеркивают преемственность от них подквадратных насыпей (так же, как и глиняные скифские котлы и вазы). В могильнике № 5, кроме этих украшений, найдены резные, из коры же, фигурки коньков, подобные известным до сих пор в бронзе, статуэтка барана (в мог. № 1 она сильно обгорела) и интереснейшая плакетка из коры, обложенная золотом, с изображением грифона и барса (рис. 3). Это изображение по стилю может быть сопоставлено с алтайскими, относящимися к эпохе упадка натуралистического направления (К а т а н д а, Б е р е л ь). Оно служит первым доказательством распространения деревянной скифско-сибирской резьбы и на Енисее наряду с богатейшей бронзовой скульптурой. Из других резных вещей отметим еще плакетку в виде рыбы, всю усаженную коническими шипами, как бы воспроизводящими инкрустации камнями, столь характерные для скифско-сибирской орнаментации заключительной стадии (мог. № 3). Однако наряду со стилизацией искусство знало в эпоху наших памятников и весьма сильный натурализм—им веет от бронзовых коньков и особенно утверждает его изящнейшая бронзовая пряжка (мог. № 3) с язычком в виде головки животного. Нельзя не отметить также большое количество древков стрел, даже обложенных золотом, но никогда не сохранивших наконечников, повидимому, намеренно снимавшихся. Интересна берестяная обкладка седла, шаманская погремушка и бронзовый пояс из волютовых блях. Несколько миниатюрных бронзовых изображений посуды оказались исключительно интересными. Особенно скифский котелок в 2 см и ковшичек, совершенно аналогич-

Рис. 3. Плакетка с изображением грифона и барса

ный найденному большому деревянному в таштыкском Оглахтинском могильнике.

Эти находки типа керамики (в том числе с геометрическим, карасукообразным орнаментом), а также маски заставляют считать наши камеры одновременными одиночным таштыкским могилам типа Оглахты и в том числе тем 7 могилам, которые мы раскопали на Чаа-тасе в непосредственной близости от подквадратных насыпей.

Третья группа таштыкских погребений была исследована не на территории Чаа-таса, но на мысу в 1,5 км к востоку от него за курганом с триангуляционным знаком.

Здесь мы заметили большое количество могил, отмеченных на поверхности квадратом из полос плиток. Стороны квадратов ориентированы по странам света. Размеры от 1 м×1 м до 3,5 м. Было раскопано шесть таких могил. Все они обнаружили одинаковую конструкцию и отличались лишь размерами. Под плитчатым квадратом открылись небольшие квадратные ямы той же ориентировки.

Стены ямы внизу были укреплены срубом в 2 венца лиственничных плах, рубленных в лапу. Сверху срубы были закрыты тонкими жердями и берестой. Береста выстилала и земляной пол ямы.

В малых ямах в центре стоял баночный сосуд и около него по несколько ребер коровы и овцы и сожженные кости человека. В больших ямах костей коровы, лошади и овцы было больше, а в углах стояло по несколько сосудов—баночных и кувшинообразных, аналогичных находимым в камерах подквадратных насыпей.

Самый обряд погребения уже весьма близок к обнаруживаемому в малых каменных курганах VI—VII вв., содержащих киргизские вазы.

Это обстоятельство, аналогии в керамике и погребальных сооружениях (здесь ведь также квадратные камеры, только без входа) с более ранним таштыкским заставляют предполагать, что обнаруженные нами погребения, являясь позднеаташтыкскими, повидимому, относятся ко времени до V в., и в них мы находим, наконец, связь между классическим «таштыком» и эпохой каменных курганов, культурой тюркских племен, объединенных в орхонских памятниках именем кыргыз.

АНТИЧНЫЕ ПЕЧАТИ Северного Причерноморья

Вопрос о назначении печатей в общественной и частной жизни античного общества довольно полно освещен в целом ряде западно-европейских работ, посвященных описанию, типологической классификации и истории греческих и римских резных камней и перстней с точки зрения развития их художественного стиля¹. Не ставя своей прямой целью изучение этих памятников со стороны их социальной значимости, указанные работы лишь попутно—иногда более, иногда менее подробно—говорят и о том значении, которое имели печати в общем укладе жизни греков и римлян и на основании ряда как археологических, так и литературных памятников приходят к выводу, что в древнем мире печати имели иное назначение, чем позднее, в эпоху средних веков и нового времени. Если в настоящее время, как и в течение столетий, отделяющих нас от античного мира, печати служат почти исключительно для скрепления документов, частных и официальных, то в древнем мире, помимо этого назначения², они служили также и для охраны и закрепления имущества за его собственником. Так, уходя из дому, хозяин накладывал печать на двери своего дома, хозяйка скрепляла печатью кладовые, в которых хранились запасы; опечатывались ларцы со всяким имуществом—платьем, утварью, драгоценностями, сосуды с вином или маслом; и нередко печати накладывались и на самые предметы обихода—вазы, стригилы и т. п.,—а также на орудия производства (например на грузила). Запечатывались личными печатями фабрикантов или торговцев и те товары, которые пересылались из места их производства в центры потребления³, и если первоначально печать служила, вероятно, лишь меткой ее владельца, то впослед-

¹ Особенно богатый литературный материал по данному вопросу собран Маршалом в его введении к каталогу античных перстней Британского музея: *Marshall—Catalogue of finger rings of the British Museum*. См. также статью «Signum» в словаре *Daremberg et Saglio* и приведенную там литературу, а также статью *Wenger'a* «Signum» в словаре *Pauly—Wissowa*.

² О способах наложения печати на документы см. особенно *Rubenson—Elephantine Papyri*, стр. 5, табл. 1; «*Journal of Hellenic Studies*», 1916, стр. 87; указанную выше статью в словаре *Daremberg et Saglio* и статью *Walters—Loco Sigilli, Mélanges Perrot*, стр. 333 и сл.

³ См. статью *Milne—Clay sealings from the Fayum, JHS, 1906*, стр. 32 и сл.

ствии всякое имущество с наложенной на него печатью не только отмечалось, как личная собственность владельца, но ставилось тем самым под охрану закона, что нередко находило свое внешнее выражение в изображенном на печати божестве.

Таким образом, не подлежит сомнению, что обычай наложения печатей в древнем мире находился в связи не только с развитием письма, но и с институтом частной собственности и предполагал существование последней, как предпосылку для своего возникновения. На какой ступени социально-экономического развития общества впервые появилась потребность в печатях, случилось ли это еще при родовом строе, в процессе расслоения родовой общины и начала накопления богатств, или же печати вошли в употребление лишь тогда, когда «было обретоено государство»—учреждение, «которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только освятило бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, следовательно, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства»¹ и, наконец, в каком соотношении находилось развитие печати к развитию письма—все эти проблемы, насколько нам известно, еще не ставились в науке в данной связи.

Настоящая работа ставит себе целью проследить судьбы печати лишь в определенном отрезке времени и пространства, а именно: в конкретных условиях, создавшихся в античную эпоху на юго-востоке Европы, в греческих городах Северного Причерноморья и в Скифии. Существование здесь рядом двух различных общественных формаций—классового античного рабовладельческого общества и скифского родового общества, находящегося в процессе разложения родового строя, позволит нам произвести некоторые наблюдения, характеризующие соотношение развития печати с определенной ступенью развития человеческого общества.

Употребление печатей, широко применявшихся на Крите и в материковой Греции еще в крито-микенскую эпоху, знакомо было греческим городам уже в раннюю эпоху их существования. Общеизвестно, что греки, выселявшиеся из метрополии в новые места, привозили с собой и свой старый общественный уклад, свои учреждения, законы, культы и обычаи. Поэтому можно заранее предполагать, что и употребление печатей появилось в греческих колониях Северного Причерноморья, так сказать, уже в готовом виде, вместе с самими колонистами.

И, действительно, во всех крупных колониальных центрах Северного Причерноморья, подвергавшихся археологическому исследованию, обнаружено было значительное количество печатей разных

¹ Ф. Энгельс—Происхождение семьи..., 1934, т. XVI, ч. 1-я, стр. 98.

типов и, кроме того, ряд предметов, сохранивших на себе оттиски печатей их владельцев¹.

Изучение этих памятников, большинство которых хранится в Государственном Эрмитаже, позволяет нам дать следующий краткий топографический и хронологический обзор данного материала.

Из раскопок Ольвии в Эрмитаже имеется налицо серия из 60 печатей, вырезанных на камне и на металле и относящихся к периоду от второй половины VI в. до н. э. до II века н. э. Количество печатей распределяется по эпохам более или менее равномерно. Такая же серия печатей из Херсонеса обнимает 84 экземпляра, самые ранние из которых относятся к началу IV в. до н. э. и наиболее поздние, представленные в большом числе, — к III в. н. э. Далее в Эрмитаже хранятся отдельные печати из Феодосии и из Анапы. Особенно же обильны печати, происходящие из Пантикапея и его окрестностей. Эта серия насчитывает около 350 печатей, датируемых разными эпохами — от начала V в. до н. э. и до III в. н. э. Численно здесь доминирует группа печатей I в. н. э.

Если принять во внимание, что некоторое количество аналогичного материала хранится в других музеях СССР, в Историческом музее и в Музее изящных искусств в Москве и в краевых музеях Керчи, Феодосии, Одессы и т. д.², то можно с полным правом констатировать сравнительно большую насыщенность греческих городов Северного Причерноморья каменными и металлическими печатями. При этом следует также отметить, что печати находят далеко не в одних лишь богатых погребениях. Среди керченского материала наблюдается, например, помимо дорогостоящих как по материалу, так и по работе печатей, найденных в большом числе в некрополе греческой торговой аристократии на Юз-Обе³ и в некоторых других богатых греческих погребениях Пантикапея, также и значительное количество простеньких дешевых печатей различных эпох, происходящих из некрополей на склонах Митридата, в Глинице и др., из средних по достатку или даже бедных могил граждан Пантикапея. Обычай пользоваться печатями распространялся здесь, следовательно, не исключительно лишь на верхушку общества, но

¹ Например, два стригила: один — из раскопок Карещи в Аджимушкае (танцовщица с калафом на голове — тип известных бляшек из Большой Близицы), другой — из Ольвии (ИАК, 42), где он ошибочно описан, как ручка бронзового сосуда, кувшин из Пантикапея IV в. до н. э. с вытисненным изображением так называемого Пана, как на пантикапейских монетах той же эпохи, большое количество грузил, а также амфор и амфорных ручек, часть из которых, вероятно, местного производства.

² В Музее изящных искусств в Москве хранится около 10 печатей с юга СССР, в том числе ранние золотые перстни. В Керченском музее — несколько десятков печатей, преимущественно римской эпохи.

В музее Феодосии — 1 печать V в. до н. э. и 25 отпечатков резных камней, найденных в Феодосии в разное время.

³ Определение некрополя Юз-Обы, как некрополя греческой торговой аристократии, принадлежит Т. Н. Книпович. См. К. Колосова — К вопросу о судоправлении в древней Греции, ГАИМК, 61, стр. 54.

принят был всеми слоями свободного населения, как это имело место и в самой Греции, а также и в Италии.

Совершенно иная картина наблюдается в Скифии. Прежде всего следует отметить тот факт, что на всей территории Скифии от Северного Кавказа до Фракии не обнаружено было, насколько нам известно, ни одной печати скифского производства¹. Принимая во внимание большое количество раскопанных скифских погребений, инвентарь которых, несмотря на несистематический характер большинства производившихся здесь археологических изысканий, все же дает довольно полный подбор предметов обихода у скифов, приходится признать, что скифы не имели собственного производства печатей. Причиной тому было, конечно, не неумение наладить у себя эту отрасль производства. Скифы сами производили все необходимое им для жизни, и технические навыки в обработке металла, кости и камня—материала, из которых обычно изготовляются печати, у них были налицо, и если бы скифы ощущали потребность в печатях, то, конечно, сумели бы удовлетворить ее собственными силами. Но на достигнутой скифами ступени социально-экономического развития процесс накопления богатств, видимо, не дошел еще до того уровня, на котором отдельные члены общества начинают испытывать потребность в закреплении за собой имущества посредством наложения на него печати. С другой стороны, и письменность находилась у скифов еще на очень ранней стадии своего развития и не могла влиять в положительном смысле на введение печатей во всеобщее употребление².

Впрочем, в некоторой части скифского общества уже в начале разбираемой эпохи имелись налицо некоторые предпосылки для введения в свой обиход обычая пользоваться печатями. В небольшом числе печати греческой работы, следовательно, полученные скифами в порядке товарообмена, дани или даров,—попадают в единичных погребениях скифской знати, относящихся к V в. до н. э. и позже.

Однако в процентном отношении к общему количеству раскопанных в западной части Скифии погребений такое количество найденных в них печатей совершенно ничтожно. К тому же еще остается сомнительным, действительно ли эти перстни употреблялись в качестве печатей. Все они сделаны из золота и имеют формы обыкновенных перстней, которыми богат инвентарь скифских погребений. Весьма возможно, что перстни-печати бытовали у скифов только в качестве особо ценных ручных украшений. Но как бы то ни было, печати были здесь лишь исключительным явлением и, может быть, оставались функционально неосознанными.

На всей территории от Днепра до Кубани нам неизвестно ни одного случая находки печатей в скифских погребениях. На Кубани пе-

¹ Найденная в Сибири и хранящаяся в Гос. Эрмитаже золотая печать (инв. № 988) по своей форме примыкает к малоазиатским, хеттским печатям.

² См. И. Мещанинов—Загадочные знаки Причерноморья. «ИГАИМК», в. 62, стр. 84 и др. Ср. также предметное письмо скифов к Дарию. Геродот, IV, 131 и сл.

чати попадаются, но также чрезвычайно редко. Если оставить в стороне Семибратние курганы, которые как территориально, так и по всему характеру своего инвентаря тесно примыкают к погребениям скифской землевладельческой знати, входившей в состав Боспорского царства, то для Кубани можно указать опять-таки лишь на единичные случаи обнаружения печатей в отдельных курганах данной области. Для этой части Скифии показательно, что в богатом погребении Карагодеуашха, при полном отсутствии в нем каменных печатей и наличии всего одного золотого перстня¹ с резным изображением, встречаются суррогаты печатей, сделанные из стекла². Для практического употребления эти печати не были пригодны и могли лишь служить украшениями.

Единственная настоящая каменная печать классической эпохи найдена была на Кубани в культурном слое кургана в Курджиписе. Это скарабеоид из халцедона с изображением грифона³. В эллинистическую и римскую эпохи на Кубани обычай пользоваться печатями также, повидимому, не получил большого распространения. Мы можем указать лишь на один резной камень поздней эллинистической эпохи из станицы Усть-Лабинской⁴ и перстень с резным гранатом римской эпохи из станицы Казанской⁵.

Итак, Кубань мало чем отличается от Западной Скифии в отношении количества найденных здесь печатей. Можно, пожалуй, отметить только нахождение здесь отдельных печатей, относящихся к поздним эпохам, повидимому, вовсе не встречающихся в западных областях Скифии.

Картина резко меняется при обследовании скифских погребений на территории Боспорского царства или в непосредственной к ней близости. В погребениях местной землевладельческой знати на Тамани, в Эль-Тегене и на Темир-Горе, начиная с V века до н. э., печати встречаются в большом числе, давая в этом отношении полную параллель к упомянутым выше богатым греческим погребениям на Юз-Обе. Здесь мы имеем уже не единичные и, может быть, случайные факты появления печатей в погребальном инвентаре, как мы это наблюдали в Скифии, а систематическое вхождение их в обычный состав предметов обихода, сопровождающий покойника в могилу. Это показывает, что верхушка туземного общества, местная землевладельческая знать, постепенно сливаясь на почве общих экономических интересов с верхними слоями населения Боспорского царства, еще в классическую эпоху восприняла обычай пользоваться печатями и удержала его и в последующее время.

Краткий перечень найденных на территории Боспорского царства печатей дает нам следующую картину. В Семибратних курганах⁶

¹ Мат. Арх. Р. XIII, табл. III, № 10, 11.

² МАР, XIII, табл. IV, № 6—9.

³ ОАК, 1896, стр. 62 и 152, рис. 299. См. также «Гермес» 1916, стр. 313. О датировке культурного слоя курджиписского кургана см. *M i n n s—Scythians and Greeks*, стр. 223 и сл.

⁴ ОАК, 1902, стр. 80, рис. 170. Из кургана 32. Камень вправлен в медальон.

⁵ ОАК, 1901, стр. 72.

⁶ ОАК, 1876, т. III, 33, 34; 1877, т. I, 4.

найденно было три печати второй половины и начала IV в., в Большой Близице¹ — пять печатей конца V и первой половины IV в., в Малой Близице² — одна печать начала IV в., в кургане Васюринской Горы³ — одна печать IV в., в Артюховском кургане⁴ — две печати III в.; на Темир-Горе⁵ — две печати V в. и в Эль-Тегене⁶ — восемь печатей, из которых две относятся к началу V в., одна к IV в., а остальные — к римской эпохе. Кроме того, в Эрмитаже хранится еще около двух десятков печатей, происходящих с Таманского полуострова. Некоторые из них, например печать, найденная в кургане у фермы Пивнева⁷, происходят из скифских погребений, другие — из курганного некрополя близ Сенной, большинство же не имеет точного места происхождения и относится уже к римской эпохе.

Для римской эпохи, когда в процессе все большего и большего втягивания местного населения в экономическую жизнь греческих городов произошло слияние туземного населения с греческим, в результате чего образовалась новая в национальном отношении смешанная социальная среда, вопрос о бытовании в ней печатей стоит несколько иначе, чем в классическую и эллинистическую эпохи. Главное внимание должно быть здесь сосредоточено на том, как отразился вышеупомянутый процесс слияния греческого и туземного населения на обычае греков пользоваться печатями в общественной и частной жизни, т. е. прежде всего — остался ли данный обычай в силе, несмотря на приток свежей и незнакомой с печатями этнической струи, и если да, то в каких формах он был удержан, и не отразилось ли на нем влияние новой общественной среды.

На первый из этих вопросов можно без колебаний ответить в положительном смысле. Обильные находки печатей римской эпохи в Ольвии, Херсонесе и Керчи сами по себе уже свидетельствуют о том, что смешанное греко-туземное население этих городов продолжало широко пользоваться печатями. Кроме того, в нашем распоряжении имеется и ряд эпиграфических памятников, из которых видно, что официальные документы данной эпохи нередко скреплялись печатями магистратов и граждан-свидетелей, а такой способ скрепления документов мог существовать лишь при том условии, что граждане города владели личными печатями⁸.

Одна из таких надписей, найденная в Тире⁹ и заключающая в себе декрет в честь гражданина Тире Кокнея, точно датированный 27 апреля 181 года н. э., особенно интересна тем, что среди девятнадцати имен магистратов и граждан, скрепивших своей личной пе-

¹ ОАК, 1865, т. III, 23, 24, 25, 26; 1870/71, т. VI, 19.

² ОАК, 1882, т. VII, 1.

³ ОАК, 1870/71, т. VI, 21.

⁴ ОАК, 1880, т. III, 10; т. IV, 7.

⁵ ОАК, 1870/71, т. IV, 16, 17.

⁶ ОАК, 1877, т. III, 7, 8; V, 12; 1868, т. I, 4.

⁷ ОАК, 1870/71, т. XV.

⁸ В. Л а т ы ш е в — *Inscr. Gr. Orae. Sept. Ponti Eux.* (IOSPE) 12, 359, 361, 363, 385 и др.

⁹ В. Л а т ы ш е в, ук. соч., № 2.

чатку оригинал этого документа, встречаются четыре имени явно туземных. Это архонты *Καῖσαρ Ζούρη* и *Λαϊσθένης Μόχμ* и свидетели *Πιδάνος Πιτράρ[αχ]ου* и *Διονύσιος Πίζμ*. Эти граждане-туземцы, следовательно, владели личными печатями, наравне с гражданами греческого происхождения.

Итак, мы вправе вывести заключение, что туземное население, по мере скрещивания его с греческим и восприятия первых форм экономической и общественной жизни последнего, целиком переняло и обычай пользоваться печатями, обычай, тесно связанный со всем укладом жизни греческих городов.

Относительно вопроса о местном производстве печатей в греческих колониях Северного Причерноморья в классическую и эллинистическую эпохи, трудно пока прийти к определенным заключениям, вследствие недостаточной характерности памятников. Дело в том, что, помимо печатей этого времени, найденных на юге СССР и, несомненно, привозных из Греции, Малой Азии, Персии и даже Этрурии, имеется и довольно значительное количество памятников, не поддающихся пока точному определению. Форма и стиль их, несомненно, греческие, но отсутствие каких-либо характерных особенностей не позволяет локализовать их более точно.

Исключение составляет лишь небольшая группа перстней-печатей из золота. Среди золотых перстней греческой работы V и IV вв., найденных на нашем юге, выделяется небольшая группа отличной от греческой формы. В то время, как греческие перстни всегда имеют сплошную шинку, здесь шинка состоит из двух неспаянных концов, рассчитанных на обхват пальца любой толщины. Эта форма довольно близка к скифским перстням в виде металлической спирали в несколько, а иногда и в один оборот, тоже обладающим свойством растягиваться, смотря по объему пальца. Греческие перстни с неспаянными концами встречаются, главным образом, в скифских курганах.

Так, десять из них найдено было в камере царицы, два—в камере царя Чертомлыцкого кургана, десять—в Деевском кургане, шесть—в Мордвиновском кургане и только три—в Танаисе, один—в Юз-Обе и один—в окрестностях Керчи без более точного указания места находки. Это делает весьма вероятным предположение, что перстни данной формы изготовлялись для скифов применительно к их вкусам, а так как в других областях античного мира перстни подобной формы не встречаются, то изготовление их в местной ювелирной мастерской, вероятно, Пантикапея, может быть установлено достаточно прочно. Но некоторые из этих перстней, как, например, три перстня из камеры царицы в Чертомлыке, снабжены врезанными внутрь изображениями и, следовательно, являлись перстнями-печатями.

Отсюда можно вывести заключение, что производство печатей действительно существовало в Пантикапее в классическую эпоху, но распространялось ли оно на технически более трудную обработку каменных печатей,—остается пока под сомнением, так как форма и стиль этих печатей, если они и изготовлялись в Пантикапее

Рис. 1-а

Рис. 1-б

и других греческих городах Северного Причерноморья, ничем не отличались от формы и стиля импортированных греческих печатей.

В начале римской эпохи, в I и II вв. н. э., положение остается прежним: материал недостаточно характерен, чтобы позволить выделить из него группу местного производства. Но на грани II и III

вв. совершенно отчетливо выступает новое явление, тесным образом связанное с новым составом населения городов нашего юга, а именно: появляются печати, правда, обычной греко-римской формы, но своеобразного художественного стиля, созданного новой социальной средой местного населения. На этом явлении, ввиду представляемого им интереса, я позволю себе остановиться несколько более подробно.

Изображенные на рисунках 1-а и 1-б два резных камня найдены были в разное время в некрополе Херсонеса¹. Гробницы, из которых происходят эти камни, принадлежат к числу очень распространенных в Херсонесе катакомб с повторными погребениями.

Их смешанный в хронологическом отношении инвентарь не дает точных данных для датировки камней, так как гробница № 2137, судя по найденным в ней монетам и некоторым другим вещам, была в употреблении в течение первых трех веков н. э., а в гробнице № 1662 хоронили как в III, так и в IV вв. н. э. Более точная датировка камня № 1 возможна, однако, благодаря его перстневой оправе. Перстень этот—железный—сильно пострадал от долгого лежания в земле, однако общая его форма, с характерной, чрезвычайно широкой и толстой у плечиков и узкой в середине шинкой и с вытянутой в плоский овал жуковиной, вполне явственно может быть восстановлена. Форма эта хорошо известна по перстням, происходящим из разных местностей Римской империи, между прочим, и из области Рейна². К тому же времени, что и эти перстни, относится, следовательно, и перстень с резным камнем из Херсонеса.

На этом камне вырезано вглубь погрудное изображение мужчины в профиль вправо. При первом же взгляде на это изображение бросается в глаза неэллинский, «варварский» облик этого человека, его узкое длинное лицо с выдающимися скулами, впалыми щеками и крупными губами, его длинные, обрамляющие лицо, волосы и длин-

¹ Камень № 1 (рис. 1-а), Гос. Эрмитаж, инв. № 17533. Красная яшма плоской овальной формы, фон и изображение отполированы. Дл. 0,028, шир. 0,023. Камень вставлен в железный перстень. Найден в 1906 г. в гробнице № 2137 (ОАК, стр. 81, рис. 83; ИАК, вып. 33, стр. 54 и сл., рис. 3). Камень № 2 (рис. 1-б), Гос. Эрмитаж, инв. № 16357. Красная яшма плоской овальной формы. Фон и изображение отполированы. Дл. 0,018, шир. 0,014. Найден в 1905 г. в гробнице № 1662 (ОАК, 1905, стр. 53, рис. 56; ИАК, вып. 25, стр. 75, рис. 5).

² F. H e n k e l—Die römischen Fingerringe des Rheinlandes, Berlin, 1913. Табл. XI, 207 и сл.; табл. XXI, 424; табл. XVIII, 1227 и сл.

Рис. 2-а

Рис. 2-б

Рис. 2-в

ная острая борода. В то же время черты этого лица настолько индивидуальны, что намерение резчика дать здесь портрет, а не общий идеальный тип варвара, вполне очевидно. Одна подробность позволяет еще уточнить наше предположение об оригинале портрета. Голова украшена диадемой—эмблемой царской власти, из чего следует, что портрет, вырезанный на камне, представляет собой изображение царя-варвара, царствовавшего по всей вероятности в конце II или в начале III в. н. э.

Место находки камня—один из крупных городов Северного Причерноморья—делает чрезвычайно вероятной связь портрета с Боспорским царством и царствовавшей там династией. И действительно, богатая серия боспорских монет дает, как нам кажется, ключ к отождествлению портрета на камне с определенным историческим лицом. Портреты боспорского царя Савромата II (174/175—210/211) на его монетах (см. рис. 2-а и 2-в) настолько близки к портрету на камне, что отождествление их вряд ли может быть оспариваемо. Сходны не только общий облик, линия профиля, черты лица, форма бороды и усов, но даже такие частности, как морщины, идущие от носа к углу рта. Только лоб, открытый на монетах и почти совсем скрытый волосами на камне, несколько нарушает впечатление тождества, но эта черта случайная, и она в основном ничего не меняет в сходстве обоих изображений.

На втором камне (рис. 1-б), по своей форме, материалу и технике тождественном с первым, также изображен бюст, на этот раз безбородого юноши, голова которого, подобно голове Савромата, повязана царской диадемой. Этот портрет отличается от портрета на первом камне своим стилем. Своеобразный реализм портрета Савромата уступает здесь место условности и схематизму. Переданы только самые общие формы головы и лица, а отдельные черты лишь намечаются. Технические же приемы резьбы, например передача волос прямыми параллельными линиями, в том и в другом случае чрезвычайно близки, что заставляет предположить тесную связь между обоими камнями—какую-то цепкую ремесленную традицию, продолжавшуюся, несмотря на некоторый, может быть, довольно значительный промежуток времени, отделяющий оба камня друг от друга.

Отмеченная эволюция стиля от реализма первого портрета к схематизму второго характерна также для стиля боспорских монет на

протяжении времени от начала к середине III в. н. э. Следуя этому указанию, мы должны сплечить второй камень с монетами последующих за Савроматом II боспорских царей, и, действительно, на монетах Котиса III (227/228—233/238, см. рис. 3) встречается портрет этого царя, который при всей его условности дает основание для сопоставления с портретом на резном камне. Отметив здесь, как и на портретах Савромата II, разницу в трактовке волос, в остальном можно установить много сходства, особенно в почти прямой линии лба и носа и в форме нижней части лица. Так как портреты других боспорских царей этой эпохи отпадают, как несходные, то отождествление царя, изображенного на втором резном камне, с Котисом III становится весьма вероятным.

Не одни лишь сюжеты изображений на двух только что разобранных камнях из Херсонеса, сюжеты, тесно связанные с местной жизнью, заставляют нас предполагать местное происхождение этих печатей. О том же свидетельствует и стиль портретов, особенно портрета Савромата II. В нем заметен целый ряд черт, чуждых современной греко-римской глиптике¹. Сюда относятся, прежде всего, несообразность форм, почти полное отсутствие плеча, непомерно узкое предплечье и, наоборот, слишком сильно, в виде полушария, развитое темя. Далее, характерна упрощенная передача волос, в виде прямых параллельных линий, идущих группами в разных направлениях, смотря по направлению массы волос, причем в некоторых случаях, например, над лбом и на затылке, обнаруживается стремление явно неумелого резчика внести разнообразие и оживить общую схему. Эта условность в передаче волос, а также складок одежды, особенно бросается в глаза наряду с общим, сильно выраженным реализмом портрета. Резчик этого камня, несомненно, обладал некоторым дарованием, довольно хорошо владел техникой резьбы, но общая художественная подготовка его была слаба, и ему чужд был художественный стиль эпохи. Как положительные, так и отрицательные черты этого портрета, особенно его подчеркнутый реализм, придают данному изображению большую ценность, как одному из ярких образчиков местного художественного стиля начала III в. н. э.

К сожалению, описанные два резных камня с портретами боспорских царей остаются пока более или менее изолированными среди общей массы печатей, происходящих из греческих городов Северного Причерноморья². Но для поставленной нами себе цели достаточно свидетельства этих памятников, чтобы отметить их, как последний этап в развитии печатей в Юго-восточной Европе в античную эпоху.

¹ Ср., например, F u r t w ä n g l e r, ук. соч., табл. XVIII, 2-й и 3-й ряд снизу.

² Мы можем указать еще лишь на один резной камень, несомненно, примыкающий к описанным двум печатям местного стиля,—это красная яшма с изображением Асклепия и Гигиены (Эрмитаж, инв. № 743) (рис. 4). Камень найден был в Херсонесе в могиле № 441 в 1894 г. вместе с серьгами, типичной для II и III вв. н. э. формы, и бусами (ОАК, 1894, стр. 64, рис. 92). Материал, техника и стиль этого камня тождественны с вышеописанными печатями с портретами боспорских царей. Однако данный камень не мог служить печатью, так как он был вставлен в серебряный медальон, распавшийся при чистке.

Рис. 3

Рис. 4

Итак, резюмируя все сделанные нами отдельные наблюдения, мы приходим к следующим выводам.

В Юго-восточной Европе в античную эпоху мы имеем, с одной стороны, греческие города, социально-экономический строй которых покоится на разделении общества на антагонистические классы с развитым правом частной собственности, охраняемой государством. Обычай охранять свое имущество посредством наложения на него печати укоренился здесь среди всех свободных граждан еще со времени основания колоний. С другой стороны, мы имеем Скифию с ее родовым строем, еще не созревшую для появления в ней печатей. Только верхушка скифского общества, в силу начала накопления ею богатств, знакомится еще в V в. до н. э. с печатями, которые попадали к ней из греческих колоний Северного Причерноморья, но широкие скифские круги не восприняли этого обычая ни в классическую эпоху, ни позднее, в течение сарматского периода их истории, когда они находились на высшей ступени варварства.

Скифы, находившиеся под непосредственным влиянием греческого торгового капитала и постепенно вливавшиеся в экономическую жизнь греческих торговых центров и сливавшиеся с греческим населением, вместе со многими другими обычаями восприняли и обычай пользоваться печатями. Процесс этот мы можем наблюдать, начиная с V века до н. э., на примере скифской землевладельческой знати Боспорского царства. Постепенно он распространился и на другие слои туземного населения, и когда в римскую эпоху произошло полное слияние греческого населения с туземным, то новая социальная среда, продолжавшая жить на прежней экономической основе греческих городов, удержала и обычай употребления печатей. Новые потребители печатей вызвали к жизни и новое явление—производство печатей местного стиля.

Из этих наблюдений можно, в свою очередь, вывести некоторые предварительные общие выводы. Родовое общество даже в последней стадии своего развития не имеет еще надобности в печатях. Но в правящей его верхушке, в связи с началом накопления ею богатств, создаются уже предпосылки для появления печатей. Широкое распространение обычая пользоваться печатями связано, повидимому, с образованием классового общества и с основанием государства, как выразителя экономических интересов господствующих классов.

ВОПРОС О МОНЕТАХ «неизвестного народа»

Среди находок боспорских монет, которые, как известно, чеканились из золота, электрона и меди, встречаются одиночные находки монет низкопробного серебра, по всему своему характеру отличающиеся от известных типов монет Боспора. Эти монеты, имеющие в большинстве случаев очень неясный и смутный рисунок на лицевой стороне, на оборотной стороне воспроизводят обычно изображение воина с копьем, превратившееся на ряде монет в некую геометрическую фигуру.

Монеты эти находили, обыкновенно, в одиночных экземплярах, но в 1933 г. близ г. Новороссийска, в 5—6 км от города, к северу от него, в горной ложине был найден клад этих монет в небольшом глиняном горшке. Находчик роздал часть этих монет. Но научному работнику местного музея Г. Ф. Чайковскому и автору этой статьи удалось разыскать находчика и приобрести оставшиеся монеты, в числе 23 штук, для Новороссийского музея. Небольшой же глиняный сосуд, содержавший монеты, не сохранился, так как находчик его уничтожил, но из общего его описания ясно, что он относился к тем темносерым небольшим сосудам, которые нам известны из ряда находок на Северном Кавказе и особенно часто встречаются на берегах Кубани среди фрагментов керамики из остатков поселений и сторожевых пунктов, датированных обычно эпохой позднего римского времени. Найденные монеты, как это видно по рисунку, не однотипны и носят следы разнообразных штемпелей.

Этим своеобразным монетам, встречающимся в находках на территории бывшего Боспорского государства или около его границ, но совершенно не гармонирующим с установленной чеканкой монет Боспора, не было собственно уделено специального внимания. О находках этих монет изредка упоминали наши историки и археологи, давая им краткое толкование. Например, академик Келлер опубликовал сообщение о находке такой монеты, которую он приписал синдам, т. е. одному из племен, живших вблизи Таманского полуострова.

В «Древностях Босфора Киммерийского» фигурирует изображение четырех подобных монет под рубрикой: монеты «варварских народов», находимые в районе Керчи.

Б у р а ч к о в издал изображение трех таких монет в IX т. «Записок Одесского общества». Причем он объяснял рисунок на лицевой стороне, как солнце, напоминающее Сварога, бога языческих славян.

А. В. Орешников в своей работе: «Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья» — опубликовал 23 изображения этих монет.

Свои суждения А. В. Орешников об этих монетах свел к следующим выводам:

1. Часть этих монет скопирована с римских динариев II—III вв.
2. Выпуск этих монет он предположительно относит к IV—V вв.
3. Разнообразие штемпелей говорит, несомненно, о многочисленности народа, среди которого монеты обращались.
4. Употребление на монете, в отдельных случаях, эмблемы креста указывает, как заявляет А. В. Орешников, что народ был христианской религии.
5. Народ, среди которого эти монеты обращались, были готы.

Эти положения, высказанные А. В. Орешниковым, едва ли можно принять полностью, как объясняющие характер и происхождение этих монет.

Первое: считать эти монеты принадлежащими готам нет никакого основания. Самый факт появления готов в районах Боспорского государства еще недостаточен для того, чтобы связать их имя с чеканкой монеты, напоминающей римский динарий.

Второе: употребление на нескольких известных экземплярах эмблемы креста весьма мало доказывает связь этой монеты с христианством.

На лицевой стороне монеты встречаются обычно самые разнообразные линейные рисунки: то в форме волнистых параллельных линий, то в форме многоконечной звезды, то в виде затейливых штрихов. Поэтому едва ли правильно указанной эмблеме давать какое-либо значение, как это сделал А. В. Орешников.

Большое значение в изображении на лицевой стороне имеет факт попытки воспроизвести изображение человеческого лица, которое в большинстве случаев удается здесь слабо: лицо получает неестественно длинный нос, контуры лица сливаются с массой других линий. Художнику не удается воспроизвести человеческое лицо. Между тем, в этом изображении приходится видеть попытку изобразить бюст, напоминающий на римских монетах бюст римского императора. На некоторых монетах, особенно на монетах Эрмитажа, эта попытка развивается несколько успешнее, и мы действительно видим на лицевой стороне такого рода монеты ясное воспроизведение бюста. Но затем этот бюст в руках неумелых мастеров настолько потерял свой первоначальный характер, что Бурачков принял это изображение даже за солнце. А по существу это только ряд разнообразных волнистых линий.

Третье указание А. В. Орешникова на то, что разнообразие штемпелей свидетельствует о многочисленности того народа, среди которого обращалась эта монета, едва ли основательно; разнообразие штемпелей говорит просто о несовершенстве матриц, очевидно, портившихся при чеканке этой монеты и заменявшихся новыми.

Верным надо признать мнение А. В. Орешникова, что эти монеты являются копиями римских динариев.

Мало того, следует присоединиться к мнению А. Н. Зографа, который, просматривая эти монеты в Государственном Эрмитаже и сравнивая их с римскими динариями, приходит к выводу, что в данном случае имеется не только копия римского динария вообще, но в частности именно динария Септимия Севера, который служил образцом для первичной чеканки этой монеты.

Поэтому здесь не часть этих монет скопирована с римского динария, как говорит А. В. Орешников, а все они являются копиями

римской монеты и, пожалуй, их заменой. Но в то время как первые выпуски этих монет ближе придерживались оригинала, и лицевая сторона имитировала воспроизведение императорского бюста,— последующие выпуски все более и более отходили от своего образца и импровизировали лицевое изображение монеты в форме различных линий.

Указанные монеты имели хождение на территории Боспорского государства в последние века его существования, рядом с монетами

боспорской чеканки. В связи с этим можем отметить следующие моменты:

1) Монета эта, низкого билонного качества, резко отличается по своему металлу от боспорских монет, чеканившихся из золота, электрона и меди. Из меди почти исключительно чеканились все монеты в последние века Боспора; чеканка же серебряной монеты, принятой в Риме, Боспору не была известна.

2) Существование этого сорта монет, рядом с боспорскими монетами, могло быть вызвано какой-то особой потребностью в монетах, соответствующих по своему характеру римскому динарию.

3) Отсутствие надписи и изображения римского императора или боспорского царя на монетах делает эти монеты не регалией определенного правителя, а своего рода монетным знаком, как бы дополнявшим известную признанную чеканную монету, которую они напоминали, т. е. динарий.

Кто же чеканил эту монету, существовавшую рядом с боспорским денежным обращением?

Приписывать это народу, длительно здесь пребывавшему—синдам, или народу, вторгнувшемуся сюда, как, например, готам и вандалам (как это отметил Бурачков), или же просто неизвестному народу, выдвигая здесь механический, только этнический признак,—едва ли правильно. Выпуск такого рода монет диктовался определенными экономическими условиями. Очевидно, эта монета выпускалась определенными органами государственной власти.

Сомнительно, чтобы монеты выпускались временными захватчиками, например аланами, которые, насколько известно, в это время проявляли активность в этом районе. Победители, облагая население реквизицией, данью, едва ли нуждались в выпуске своих денег для платежей населению.

Выпуск монет скорее был сделан властью союзника, заинтересованного в известной поддержке Боспора, экономическое положение которого в это время было близко к катастрофе.

Выпускаящая эту монету организация, так же, как и Боспор, где денежное обращение установилось за 900, приблизительно, лет до рассматриваемого нами момента, была, несомненно, хорошо знакома и с техникой и с экономикой эмиссии, что едва ли можно сказать для этого времени об аланах, готах и других народах-завоевателях, подходивших к границам Боспора.

Отсюда напрашивается предположение: не выпускал ли эту монету сам сюзерен Боспора—Рим, в лице своих представителей?

Вспомним, что римские войска и римские военачальники в это время находились на этой далекой окраине Римской империи. Последнее известно из некоторых надгробных надписей над могилами римских воинов, а также из надписей о реставрации находившихся в устье реки Танаиса, т. е. Дона, укреплений римскими строителями конца II—начала III в. (Inscr. Gr. Orae Sept. Pont. Eux., т. II, 423, 427, 428, 431, 433, 434).

С другой стороны, на укрепление азиатской стороны Боспора было обращено в это время немалое внимание. В № 2 журнала «Советская

археология» за 1937 г. мы опубликовали данные о Краснобатаре́йском Городище, отстоящем в нескольких десятках километров от места находки новороссийского клада. Из этих данных видно, что здесь была крепость, валы которой ясно видны и сейчас и вход в которую был украшен плитой со знаком правителя Боспора—Тиберия Юлия Эвпатора (154—173 г. н. э.); здесь также существовал укрепленный вал, следы которого сохранились до последнего времени.

Обилие находимых в этом районе монет, относящихся к правителям Боспора этого времени, например Савромата I, Рескупорида II, Котиса II, на которых воспроизведены военные мотивы, характеризующие воинские успехи Боспора, говорит за то, что район этот в то время был ареной напряженной военной деятельности Боспора, защищавшего свои границы от натисков со стороны Северокавказских степей, и, возможно даже, что указанное городище было известного рода военным поселением.

Многочисленные, известные по остаткам городищ форпосты по среднему течению р. Кубани являлись стоянками войск или передовыми наблюдательными пунктами в это позднееримское время.

Все это может свидетельствовать о том, что в это время напряженного состояния Боспора, защищавшего свои границы от натиска наступавших на него племен, он мог получать и получал помощь и поддержку от Рима, заинтересованного в задержке натиска на Боспор. Помощь эта оказывалась как техническая, что видно из сооружения укреплений римскими архитекторами, так, очевидно, и материальная, в форме не только присылки сюда оружия и различных предметов¹, но и в виде участия римских военачальников и воинов, что подтверждается указанным фактом находок погребальных стел с соответствующими надписями.

Если мы представим себе, чем было в это время римское войско, и вспомним характеристику его, сделанную Фр. Энгельсом («Бруно Бауэр и раннее христианство», Соч., т. VIII, стр. 50), говорившим, что «оно гораздо более похоже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско», то нам станет ясным, что едва ли дешево было содержание такого рода воинов на далекой боспорской окраине.

Между тем, состояние и римской и боспорской казны было далеко не блестяще. А мы знаем, что в это время господства армии в Риме оплата воинов вообще была высока и все время росла. В первые времена империи она определялась в 225 динариев, при Домициане (81—96 гг.) она составляла 300, а при Септимии Севере (193—211 гг.) поднялась уже до 500 динариев.

Возить эту оплату из Рима на Боспор было далеко, да, возможно, и небезопасно, так как мы знаем, что на Черном море нередко господствовали пираты. Об этом говорит Тацит (Hist., III, 47), об этом свидетельствует надпись на плите (IOSPE, II, № 423), отмечающая успешную борьбу боспорского правителя Савромата II с пира-

¹ В названном Краснобатаре́йном Городище найдены нами гвозди и железный замок античного типа, несомненно, импортного производства.

тами в конце II в. н. э. В силу всего сказанного не могла ли возникнуть мысль чеканить монету, подобную римскому динарию, на месте, поскольку это было возможно, в зависимости от наличия металла и мастеров. Это допускало бы своевременный расчет с воинами, с одной стороны, а с другой стороны—облегчало бы положение, так как боспорское правительство едва ли могло оплачивать содержание римских воинов. К тому же в III в. монета Боспора становилась часто низкопробной, а те, кто получал плату, требовал ее в римском исчислении.

Что касается технической стороны выполнения этих монет, то, очевидно, они сначала чеканились по образцу динария, потом следующие выпуски копировались с предыдущих. Если мы первоначально видим на лицевой стороне нечто похожее на греческое лицо, очевидно, долженствовавшее воспроизвести бюст императора, то затем это заменяется рядом волнистых линий. Это можно объяснить так: с одной стороны, мастер не обладал искусством воспроизвести изображение черт лица императора, с другой стороны—смена императоров и невозможность, пожалуй, получить точные их изображения на отдаленной окраине, куда и не всегда своевременно приходили даже известия об их сменах, происходивших иногда довольно часто, заставляли как-то заполнять лицевую сторону монеты. Это может служить объяснением для изображения на лицевой стороне какой-то нелепой фигуры.

Что касается до оборотной стороны, то прежде всего здесь нет обычного для боспорских монет изображения боспорского правителя, как это имело место в I в. н. э., когда на боспорских монетах воспроизводились изображения и римского императора, и боспорского правителя. Но зато все монеты имеют изображение воина. Это изображение было, прежде всего, легко исполнимо мастером, а с другой стороны—оно прекрасно соответствовало цели выпуска монет для тех, кто был здесь хозяином положения, что и отразилось на соответствующих штампах.

Что касается даты начала выпуска этой монеты, то не приходится согласиться с мнением А. В. Орешникова, видимо подгонявшего эту дату к IV—V вв. в целях оправдания своего взгляда на готское происхождение этой монеты. Из приведенных нами некоторых данных видно, что конец II и начало III в. были как раз моментом, когда сооружались укрепления в устьях Танаиса, когда на азиатской стороне Боспора шли большие оборонительные работы. К этому времени относится и эпоха правления Септимия Севера (ст 193 до 211 г. н. э.), при котором, как известно, снизилось качество чеканившейся в Риме монеты.

Если признать при этом, что именно динарий Септимия Севера послужил копией для чеканки рассматриваемых нами денежных знаков, то явится весьма правдоподобным, что первый выпуск этих знаков на территории Боспорского государства может быть отнесен к этому времени, т. е. к началу III в. н. э.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. С. Сванидзе</i> Наши задачи	5
<i>Проф. Фридрих Грозный (Прага)</i> В пяти советских республиках	14
<i>Проф. Фридрих Грозный</i> О «хеттских» иероглифах на стелах Тель-Амара	24
<i>Акад. В. В. Струве</i> Параграфы 34 и 36 хеттского судебногоника	33
<i>Проф. К. Ф. Леманн-Гаупт (Иннсбрук)</i> Успехи изучения древней истории за последние 50 лет	39
<i>Акад. И. И. Мещанинов</i> Восточное Закавказье времен халдских завоеваний	66
<i>Проф. Ш. Виролло (Париж)</i> Рас-Шамра, или вновь найденная финикийская литература	78
<i>А. С. Сванидзе</i> Названия древневосточных богов в грузинских песнях	87
<i>Проф. Дитлеф Нильсен (Копенгаген)</i> Библейская религия в свете новейших архелогич. раскопок	94
<i>Акад. С. А. Жебелев</i> «Аристотелева» «экономика»	114
<i>А. Б. Ранович</i> Социальная революция в Иудее в 66—73 гг.	126
<i>Проф. А. В. Мишулин</i> К истории восстания Спартака в древнем Риме	133
<i>Н. В. Пигулевская</i> К вопросу о податной реформе Хосроя Анушервана	143

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

<i>А. С. Сванидзе. И. И. Мещанинов—Язык ванской клинописи</i>	155
<i>Р. В. Шмидт. Theodore Cressy Skeat—The Dorians in Archaeology</i>	157
<i>Г. П. Поляков. Обзор содержания журнала «Клио» за 1936 г.</i>	162

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>А. Я. Брюсов. Карельские петроглифы</i>	169
<i>В. Н. Худатов. Мегалитические памятники Кавказа</i>	195
<i>В. Ф. Гайдукевич. Боспорские города Тиритана и Мирмекий на Керченском полуострове</i>	216
<i>Л. А. Ельницкий. Новый источник географии древнего Северного Причерноморья</i>	240
<i>С. В. Киселев. Некоторые результаты Саяно-алгайской экспедиции. 1936 г.</i>	247
<i>М. Максимова. Античные печати Северного Причерноморья</i>	251
<i>Н. А. Захаров. Вопрос о монетах «неизвестного народа»</i>	262

SOMMAIRE

<i>A. S. Svanidzé</i>	5
Nos tâches (Editorial)	5
<i>Prof. Friedrich Hrozny (Prahá)</i>	14
Dans cinq républiques soviétiques	14
<i>Prof. Friedrich Hrozny</i>	24
Les hiéroglyphes «hittites» sur les stèles de Tell-Ahmar	24
<i>V. V. Strouvé, de l'Académie des Sciences de l'URSS</i>	33
Les paragraphes 34 et 36 du code hittite	33
<i>Prof. Lemman-Haupt (Innsbruck)</i>	39
Progrès de l'étude de l'histoire ancienne depuis cinquante ans	39
<i>I. I. Mechtchaninoff, de l'Académie des Sciences de l'URSS</i>	66
La Transcaucasie orientale à l'époque des conquêtes chaldéennes	66
<i>Ch. Virolleaud, de l'Académie d'inscriptions et des belles lettres, Paris</i>	78
Ras-Shamra, ou la littérature phénicienne retrouvée	78
<i>A. S. Svanidzé</i>	87
Les dénominations des dieux de l'ancien Orient dans les chants géorgiens	87
<i>Prof. Ditlef Nielsen (Kopenhagen)</i>	94
La religion biblique à la lumière des nouvelles fouilles archéologiques	94
<i>S. A. Gebeleff, de l'Académie des Sciences de l'URSS</i>	114
«Oeconomica» d'Aristote	114
<i>A. B. Ranovitch</i>	126
Une révolution sociale en Judée en 66—73	126
<i>Prof. A. V. Michoulin</i>	133
Contributions à l'histoire de la révolte de Spartacus dans la Rome ancienne	133
<i>N. V. Pigoulevskaya</i>	143
Le problème de la réforme fiscale du Khosroés Anouchervan	143
<i>CRITIQUE et BIBLIOGRAPHIE</i>	
<i>A. S. Svanidzé. I. I. Mechtchaninoff—La langue d'inscriptions cunéiformes</i>	155
<i>R. V. Schmidt. Theodore Cressy Skeat—The Dorians in Archaeology</i>	157
<i>G. P. Polakoff. Aperçu sur le contenu du journal «Klio» en 1936</i>	162
<i>SUPPLÉMENT</i>	
<i>A. J. Brjusoff. Les pétroglyphes de la Carélie</i>	169
<i>V. N. Khudadoff. Les monuments mégalithiques du Caucase</i>	195
<i>V. F. Gajdoukevitch. Les villes du Bospore, Tiritaque et Mirméque sur la péninsule de Kertch</i>	216
<i>L. E. Elnitzky. Une source nouvelle sous la géographie ancienne du pays du nord de la Mer Noire</i>	240
<i>S. V. Kisseleff. Quelques résultats de l'expédition au Sajan-Altaj en 1936</i>	247
<i>M. Maximova. Les sceaux anciens du pays du nord de la Mer Noire</i>	251
<i>N. A. Zakharoff. La question de la monnaie «d'un peuple inconnu»</i>	262

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. С. С В А Н И Д З Е

Обложка, заставки, концовки
художника
С. А. ПОМАНСКОГО

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Красная площадь, здание
ЦИК СССР, 3-й этаж

Тираж 3 500 экз. 17 п. л. 21,5
уч. ает. ли та. 72×110¹/₈
В 1 п. л. 50592 знака. Сдано
в набор 2/IX 1937 г. Подписано
к печати 26/IX 1937 г. Союзгиз
№ 40. Заказ типографии № 1294

Уполномоч. Главлита № Б-12564.
Отпечатано в 16-й типографии
Огиза РСФСР треста «Полиграф-
книга», Москва, Трехпрудный пер.,
д. 9

Цена 10 руб.

Henker